

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№2 2023 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

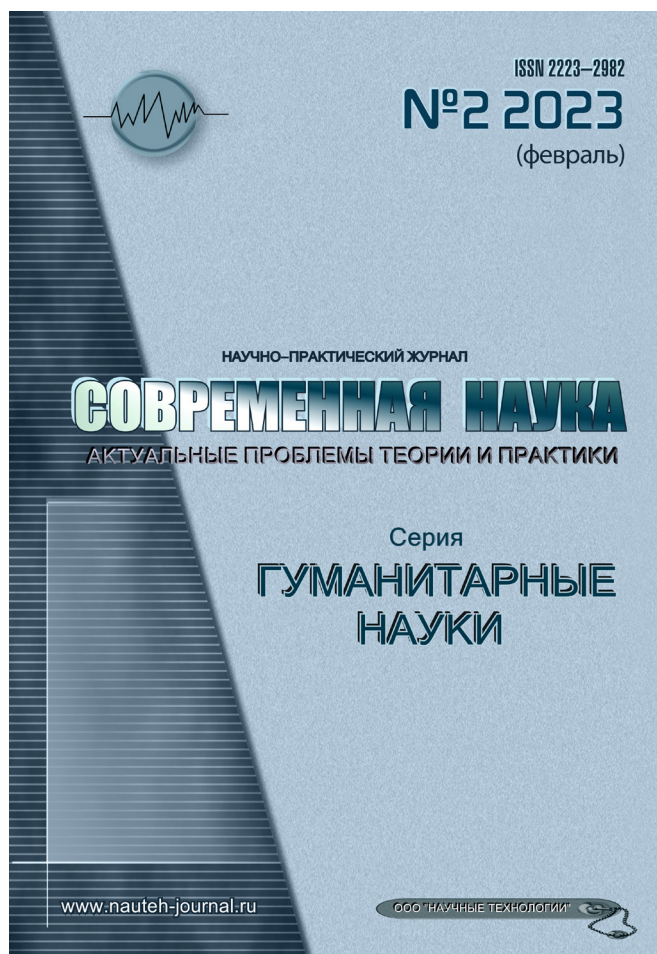
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 2 (февраль) 2023 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 13.02.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрушинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Горкуш С.В. – Историческая обусловленность Первой мировой войны как глобального конфликта новейшей истории человечества
Gorkush S. – The historical conditionality of the First world war as a global conflict in the modern history of humanity 6

Камилянов А.Р. – Охотничье хозяйство Хмао–Югры в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)
Kamilyanov A. – Hunting economy of Khanty-Mansi autonomous okrug - Ugra during the Great Patriotic war (1941-1945) 12

Михаленков В.А. – Внешняя политика Николая I в современных школьных учебниках истории
Mikhalenkov V. – The foreign policy of Nicholas I in modern school history textbooks 16

Фан-Юнг Г.Ю. – «The old and merry England»: краткий обзор путешествия предпринимателя Н.К. Крестовникова в Великобританию в 1850 году
Fan-Yung G. – "The old and merry England": the short revue of the voyage of the entrepreneur N.K. Krestovnikov to the UK in 1850 year 23

Фан-Юнг Г.Ю. – Краткий обзор развития промышленности Казанской губернии в XIX веке
Fan-Yung G. – The short revue of the industrial development in the Kazan province in XIX cent. 28

Педагогика

Акопянц А.М., Федотова И.Б., Казиева А.М. – Теоллингвистика XXI века: дидактические вопросы
Akopyants A., Fedotova I., Kazieva A. – Theolinguistics of the XXI century: didactic questions 34

Гринева О.А. – Специальный иностранный язык в образовании и деловой сфере коммуникации
Grineva O. – Special foreign language in education and business communication 40

Купцова С.А., Елизарова И.С. – Организация профилактической работы и формирование здорового образа жизни в подростковом и юношеском возрастах
Kuptsova S., Elizarova I. – Organisation of prevention work and healthy lifestyle development in adolescence and adolescence 44

Лаврентьева М.А., Гришина О.С., Полосина А.А. – Методическое сопровождение практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций
Lavrentieva M., Grishina O., Polosina A. – Methodological support of practice-oriented activities of future speech therapists on the development of diagnostic competencies 48

Линь Ян – Место пейзажа в программах по изобразительному искусству для дошкольников России и Китая
Lin Yang – The place of landscape in the fine arts programs for preschool children in Russia and China 54

Луцюк В.Е., Гежа Р.В., Першин Ю.Л. – Модернизация концепта преподавания дисциплины «Физическая культура» в высших учебных заведениях
Lutsyuk V., Gezha R., Pershin Yu. – Modernization of the concept of teaching the discipline "Physical culture" in higher educational institutions 60

Лысикова Ю.А., Гулакова И.И. – Перспективы билингвального медицинского образования
Lysikova Yu., Gulakova I. – Perspectives of bilingual medical education 64

Макалютина Ю.В. – Роль физической культуры в ходе подготовки студентов технических специальностей
Makalutina Yu. – The role of physical education in the training of technical students 69

Перцев В.В. – Начальное народное образование в Ельце конца XIX века <i>Pertsev V.</i> – Primary public education in Yelets at the end of the 19th century 73	Бакина А.Д. – Феномен вариантности английской фразеологии библейского происхождения: узуальные лексические и грамматические варианты <i>Bakina A.</i> – The phenomenon of variability in English phraseology of biblical origin: usual lexical and grammatical variants 101
Скоромец Е.К. – Психолого-педагогические основы внедрения здоровые берегающих технологий в воспитательно-образовательный процесс вуза <i>Skoromets E.</i> – Psychological and pedagogical foundations for the introduction of health-saving technologies in the educational process of the university 79	Бекоева И.Д., Баликоева М.И. – Лексико-семантический анализ оронимов Северной и Южной Осетии <i>Bekoeva I., Balikoeva M.</i> – Lexico-semantic analysis of oronyms in North and South Ossetia 107
Смирнов С.В. – Проблемы и направления повышения эффективности школьного экологического образования <i>Smirnov S.</i> – Problems and directions of increasing the efficiency of school environmental education 82	Беседина А.П. – Динамика развития официальных информационных ресурсов ведущих российских университетов в 2022 г. <i>Besedina A.</i> – Dynamics of development of official information resources of leading Russian universities in 2022 114
Харченко Н.Л., Багдасарова И.Ю., Луценко Н.С., Журнова Е.С., Беляева Ю.А. – Цифровая игровая среда как перспективное направление в образовании <i>Kharchenko N., Bagdasarova I., Lutsenko N., Zhirnova E., Beliaeva Ju.</i> – Digital gaming environment as a promising direction in education 86	Горбачевская С.И., Меркиш Т.А. – Моделирование как основа конструктивно-критического анализа художественного перевода (на материале немецких переводов рассказов А.П. Чехова) <i>Gorbachevskaya S., Merkish T.</i> – Modeling as a basis for constructive-critical analysis of literary translation (on the basis of German translations of A.P. Chekhov's stories) 120
Филология	
Абдуллина Л.Р., Лукина М.С., Кузнецова Я.В. – Корреляции лексико-семантического поля «Жизненный путь» во французском рэп-дискурсе <i>Abdullina L., Lukina M., Kuznetsova Ya.</i> – Correlations of the lexico-semantic field "Life way" in the French rap discourse 92	Ерёмин А.Н. – О семантике и прагматике наречия по-девичьи и фиксации его в толковом словаре <i>Eremin A.</i> – On the semantics and pragmatics of the adverb maidenly and its fixation in the explanatory dictionary 128
Бабенко И.А., Шабельский Д.В. – К вопросу о специфике функционирования традиций психологизма Л.Н. Толстого в поэтике романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон» <i>Babenko I., Shabelsky D.</i> – On the question of the specific functioning of traditions of psychologism L.N. Tolstoy in the poetics of M.A. Sholohov "And quiet flows the Don" 95	Ерёмин А.Н., Потанова В.В. – Созидаемый мир в водителском жаргоне (лексико-прагматический анализ) <i>Eremin A., Potanova V.</i> – The creative world in the driver's jargon (lexico-pragmatic analysis) 131
	Зяблова О.А. – Система английских личных имен и способы передачи их на русском языке <i>Ziablova O.</i> – The system of English personal names and methods of their translation in Russian 134

Игнатенко Е.Н., Чернобров А.А. – Стереотипизированные представления о Великобритании на материале социолингвистического опроса <i>Ignatenko E., Chernobrov A.</i> – Stereotyped ideas about Great Britain on the basis of a sociolinguistic survey138	Фан Сюйлун – Сравнительное исследование пространственной метафоры "вверх/вниз" в китайском и русском языках: на примере «Неофициальной истории конфуцианцев» <i>Fang Xulong</i> – A comparative study of "up/down" spatial metaphors in Chinese and Russian: a case study of the scholars173
Курьянова В.В. – Миф о Льве Толстом в творческом сознании И.А. Бунина <i>Kuryanova V.</i> – The myth of Leo Tolstoy in the creative mind of I.A. Bunin143	Хохлова А.А. – Аналитический обзор изучения эргонимии в лингвистической русистике <i>Khokhlova A.</i> – Analytical review of the study of ergonomics in Russian linguistics177
Лукина М.П. – «Исчезающие» юкагирские языки: к проблеме языкового сдвига <i>Lukina M.</i> – "Endangered" Yukaghir languages: to the problem of language shift149	Чжан Цуйцуй – Полевая организация эмотивных единиц в современном русском языке <i>Zhang Cuicui</i> – Field organization of emotional units in the modern Russian language181
Люй Вэньсинь, Ван Ган – Сопоставление мифов о создании мира Древнего Китая и Древней Руси <i>Lv Wenxin, Wang Gang</i> – Comparison of creation myths ancient China and ancient Russia154	Чусуван Критсада – Области пересечения и типологизация начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов в разноструктурных языках (на примере русского, немецкого и тайского языков) <i>Chusuwan Kraitsada</i> – Overlapping and typologation of initial parts of compound/ complex nouns and substantive prefixoids in languages with different language structures (on the example of Russian, German and Thai)186
Пушкина А.В., Кривошлыкова Л.В. – Применение грамматических трансформаций при переводе художественного текста с английского языка на русский (на материале романа Николаса Спаркса «Спеши любить») <i>Pushkina A., Krivoslykova L.</i> – The use of grammatical transformations in the translation of a literary text from English into Russian (based on Nicholas Sparks' novel "A Walk to remember")157	Чэнь Сюецин – Лексикографическое представление предложной единицы — на примере «по адресу» <i>Chen Xueqing</i> – Lexicographic representation of a prepositional unit — by the example of "at the address"198
Семенова С.Н., Аксютенкова Л.Г., Савченко А.А. – Классификационный подход к изучению лексики в тексте новеллы (на примере новеллы О. Генри «Граф и свадебный гость» на английском и русском языках) <i>Semenova S., Aksyutenkova L., Savchenko A.</i> – Classification approach to the study of vocabulary in novella text (on the example of O. Henry's novella "The count and the wedding guest" in English and Russian)163	Шувалова О.Н. – К вопросу о соотношении потенций и реализаций языковой системы <i>Shuvalova O.</i> – To the question of the ratio of the potencies and the implementations of the language system.200
Силаева Е.М., Шипова И.А. – Функционально-семантическое поле эвиденциальности и его прагматические функции в художественном тексте (на материале текста романа Уве Тимма «Жаркое лето») <i>Silaeva E., Shipova I.</i> – Functional-semantic field of evidentiality and its pragmatic functions in a literary text (based on the text of Uwe Timm's novel "Hot Summer")166	Информация
	Наши авторы. Our Authors206
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале208

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Горкуш Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, МИРЭА-Российский
технологический университет, Россия, г. Москва.
gorkushsv@yandex.ru

THE HISTORICAL CONDITIONALITY OF THE FIRST WORLD WAR AS A GLOBAL CONFLICT IN THE MODERN HISTORY OF HUMANITY

S. Gorkush

Summary: The article presents theoretical material of the First World War. The author analyzed a situation on the world arena, which had a place on the eve of this war. The aspect of the possibility of an alternative way of development of events, by passing the universal drama of 1914-1918, is presented for the world in general and for Russia in particular. The historical regularity of the fact that the basis on a military conflict on a global scale was formed by relations between industrial states is revealed. The position is substantiated that, having become a turning point in the history of the XX century, the events of 1914-1918. determined the further course of development of human civilization and marked the beginning of the chronology of a new historical era.

Keywords: arms race, war, totalitarianism, redivision of the world, the collapse of empires.

Аннотация: В статье представлен теоретический материал, посвященный Первой мировой войне. Анализируется обстановка в мире, сложившаяся накануне войны. Представляется аспект возможности альтернативного пути развития событий, минуя вселенскую драму 1914-1918 гг., для мира в целом и для России в особенности. Раскрывается историческая закономерность того, что основу военного конфликта мирового масштаба, составили отношения именно между индустриальными государствами. Обосновывается положение о том, что, став переломным моментом в истории XX века, события 1914 – 1918гг. определили дальнейший ход развития человеческой цивилизации и положили начало летоисчислению новой исторической эпохи.

Ключевые слова: гонка вооружений, война, тоталитаризм, передел мира, распад империй.

Первая мировая война 1914–1918гг., охватившая 38 государств, на территории которых проживало три четверти населения земного шара, по своим масштабам и последствиям является событием, не имевшим себе равных во всей предшествующей истории человечества. Сделав насилие орудием разрешения международных споров, война подстегнула уже начавшуюся эпоху технологического прорыва к началу первой в истории гонке вооружений, став, тем самым, глобальной катастрофой, глубоко потрясшей все сферы человеческих отношений – международную, политическую, экономическую, духовную.

Сегодня 1914 год с его великими потрясениями позволительно назвать годом невероятных результатов человеческого злодейства, а также годом невероятной работы человеческого гения. Ведь инженерная мысль работала как над созданием орудий уничтожения, так и над такими великими изобретениями, не имеющими никакого отношения к оружию, как первый пароход, первые автомобили, первая фотокамера, первое немое черно-белое кино, первая посудомоечная машина, первый светофор и другие.

Став переломным моментом в истории XX века, собы-

тия 1914 – 1918гг. определили дальнейший ход развития человеческой цивилизации и положили начало летоисчислению новой исторической эпохи, сопровождающейся кровавыми войнами, братоубийственными революциями, распадом складывавшихся веками империй.

Известно, что до начала Второй мировой войны в 1939 г. самым распространенным международным названием мировой войны 1914 – 1918гг. было название «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre). В Российской империи наряду с этим названием употреблялись и другие – «Большая война», «Вторая Отечественная», «Великая Отечественная», а также неформально и до революции, и после нее называли «германской». Наиболее привычное для нас название «Первая мировая война» утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны. Как известно, в СССР эту войну чаще называли «империалистической войной», вкладывая в это название определенный смысл.

История Первой мировой войны всегда привлекала внимание государственных и общественных деятелей, гражданских и военных историков, публицистов и писателей, политологов, социологов и экономистов в раз-

личных странах мира.

Ее изучение не утратило своей актуальности и в наши дни. Вот лишь некоторые аргументы, подтверждающие данное положение:

- исследование событий периода Первой мировой войны непосредственно связано с решением одной из самых острых проблем современности – проблемы войны и мира;
- поколение людей, живущее в XXI веке, обращается к прошлому, чтобы лучше понять настоящее;
- небезынтересным остается ответ на вопрос – как правящим кругам ведущих европейских государств более ста лет назад удалось ввергнуть народы в одну из величайших трагедий человеческой истории?

Бесспорным является тот факт, что актуальность проблем, связанных с историей данной войны предопределена ее историографией. Весьма разнообразна ее база источников, в основу которой входят документы из архивов министерств иностранных дел, воевавших государств, материалы других правительственных ведомств, в частности генеральных штабов великих держав, парламентские документы, архивы концернов и фирм, банков и монополий. Особое место среди источников отводится мемуарам, переписке и дневникам ответственных государственных деятелей и дипломатов [1], а также переписке и дневникам рядовых офицеров и солдат, участников и свидетелей событий вековой давности [2].

Наряду с источниками большое значение имеет обширная научная литература. Следует заметить, что в дореволюционной исторической науке не было сколько-нибудь значительной школы историков – международников, вследствие чего не было создано каких – либо монографических исследований по рассматриваемой проблеме.

Становление и утверждение советской исторической науки связано с именем М.Н. Покровского. Под его руководством проходила вся работа по подготовке и изданию публикаций документов по истории Первой мировой войны [3]. Опубликованные им книги были составлены из стенограмм его лекций и отдельных статей, напечатанных ранее в журналах и газетах.

Свою концепцию международных отношений в период Первой мировой войны попытался дать Е.В. Тарле. Его книга «Европа в эпоху империализма» в политическом плане была направлена прежде всего на разоблачение правящих кругов Германии и их роли в развязывании войны [4]. Серьезным вкладом в науку явилась монография советского историка Н.П. Полетики «Возникновение мировой войны» [5].

Во второй половине 30-х годов, когда активизировался германский фашизм, перед историками встала задача вскрыть и разоблачить цели и методы германских правящих кругов в подготовке войн. Большое научно-политическое значение в этом плане имел сборник статей «Против фашистской фальсификации истории», подготовленный Институтом Истории А.Н. СССР [6].

В послевоенные годы появились исторические исследования, открывшие новый этап в разработке внешне - политической проблематики накануне и в период Первой мировой войны [7]. Однако большинство книг, изданных в советское время, страдали чрезмерной идеологизированностью, политической конъюнктурой, которая десятилетиями диктовала свои трактовки всего, что пережила Россия в течение трёх с половиной лет участия в Первой мировой.

Война характеризовалась как империалистическая, несправедливая, бессмысленная для России, позорная, проигранная и достойная всяческого осуждения. Следствием данной установки явилось то, что долгие годы в нашей стране были преданы забвению миллионы сражавшихся на этой войне российских солдат и офицеров, а талантливых полководцев, пожалуй, кроме Брусилова, вовсе не было. Только в декабре 2012 года дата начала Первой мировой войны – 1 августа 1914 г. была внесена в перечень памятных дат России. Только в 2013 году впервые 1 августа был отмечен день памяти воинов, погибших в Первой мировой войне 1914 – 1918гг. Печально, но это факт, данность, не видеть, не признавать которую нельзя.

Это вполне объяснимо – советская историческая наука не могла признать талант Юденича, Колчака, Каледина, Корнилова, возглавивших в последствии борьбу против Советской Республики. Как можно было воспевать подвиги офицеров и солдат, служивших в царской армии.

Безусловно, признавались отдельные исключения на общем мрачном фоне, например такие как справедливая военная борьба Бельгии и Сербии, Брусиловский прорыв и другие. Однако это не могло изменить общей сурово-критической оценки. Нередко Первая мировая война, попав в тень Октябрьской революции, рассматривалась лишь в спектре изучения ее основных причин.

Первой попыткой снять идеологическую окраску при анализе проблем первой мировой войны явились изданная в 1994 году книга «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории» [8] и в 1997 году статья О.Р. Айрапетова «Балканы. Стратегия Антанты в 1916 г.» [9].

Стремление взглянуть на историю Первой мировой без классового предвзятости и дать ей всестороннюю

характеристику отмечается и сегодня. Уже тридцать лет в нашей стране существует Ассоциация российских историков Первой мировой войны. Ее трудами, или с ее участием подготавливаются научные издания [10], проводятся многочисленные встречи и конференции, в том числе международные. Прежний односторонний подход к ней постепенно преодолевается. Первая мировая предстает как явление цивилизационного размаха и порядка, грань между эпохами, пролог XX столетия, начало новейшей истории человечества.

В ходе ведущихся в стране дискуссий, анализа вызревания предпосылок Первой мировой встает и вопрос о возможности альтернативного пути развития событий, минуя вселенскую драму 1914-1918 гг., для мира в целом и для России в особенности. Проблема альтернативного пути развития в 1914 г. – тема серьезного научного исследования и не одного. В данной статье остановимся лишь на основных положениях, раскрывающих суть ситуации, сложившейся в мире в начале XX в. и приведшей народы к всемирной трагедии.

Важно подчеркнуть историческую закономерность того, что основу конфликта, созревшего накануне Первой мировой войны, составили отношения именно между индустриальными государствами. Объяснение данному положению заложено в природе происхождения этих государств. Промышленная революция, технический прогресс позволили Западу резко вырваться вперед, оставив далеко позади себя весь остальной мир. Безусловно, индустриализация, технический прогресс не только влияли на условия жизни и труда, но и меняли общественное сознание в пользу приоритетов техники, естественно – научных знаний. Возникновение на индустриальной стадии развитой прослойки технических специалистов порождало стремление перенести методы управления заводом, корпорацией на все общество. Идеи технократизма, т.е. рационального, технологичного устройства общества, имели массовую базу.

Массовое уничтожение людей тоже становилось технологией. Было налажено производство оружия массового уничтожения: отравляющие газы, бомбы, танки, боевая авиация и т.п. С появлением техники и технологий для массового уничтожения людей родился и тоталитаризм, а армия и оружие – его верные спутники и главные атрибуты власти, которая в индустриальную эпоху получила практически безграничные возможности подчинять общество, подавлять его.

Однако «самое страшное не в орудиях уничтожения людей как таковых, а в том, что общественное сознание восприняло их как реальный факт, как неизбежность. В период Первой мировой войны, когда применялись пулеметы, танки, боевые отравляющие газы, мир ужаснулся: один человек мог уничтожить одновременно сотни

себе подобных. В независимости от этого, большое количество людей продолжало заниматься разработкой и производством средств массового уничтожения человека. Тем самым, нанося страшнейший удар по гуманистическим ценностям» [11]. Политика тоталитаризма, зарождающаяся в индустриальную эпоху, приводит неизбежно к межгосударственным конфликтам, разрешаемым нередко с помощью войн.

На рубеже XIX – XX вв. в обстановке усиления неравномерности развития различных стран все больше нарастали межгосударственные противоречия. Они охватили всю планету, но особенно отчетливо проявились в отношениях между индустриальными государствами, каждое из которых вело борьбу за перераспределение сфер влияния и передел мира в свою пользу. «Неустойчивое мирное равновесие несколько десятилетий поддерживалось невозможностью ни одной из великих держав начать войну против другой один на один. Большая европейская дипломатия опиралась на систему блоков и противовесов, в состав которых входили крупные индустриальные державы» [12].

Общеизвестный исторический факт, что окончательно состав блоков определился в 1907 – 1908 гг., когда Российская и Британская империи разрешили противоречия, сохранявшиеся в важнейших зонах соприкосновения имперских интересов: в Афганистане, Тибете и Персии.

Германо-австро-турецкий блок представлял угасающие остатки средневековой цивилизации, которые в случае победы этого блока в мировой войне способны были возродиться на новой основе. Ставилась задача восстановления имперского контроля над утраченными германскими территориями «от вестготской Испании на западе до норманнской Руси на востоке, включая территории германских духовно-рыцарских орденов в Прибалтике и бывшей Священной Римской империи германской нации» [13].

Антанта, которая первоначально включала Великобританию, Францию и Россию (затем к ней присоединились Япония и США), составляла опорный, несколько подорванный кризисными явлениями блок современной цивилизации в Европе. Важно отметить, что право участвовать в решении судьбы Европы Россия добилась еще в эпоху антинаполеоновских войн и имела собственные геополитические интересы, которые стали особенно актуальны после 1905 г. Поражение в русско-японской войне вновь поставило на повестку дня проблему участия в международной торговле через Черное море и связанную с ним систему проливов — в Средиземное. Как заявляли в Министерстве торговли и промышленности России, комиссия которого обследовала балканский и ближневосточный рынки, Турция и Балканы является

«золотым колодцем» из которого Западная Европа черпает большими ведрами.

Право решать судьбы Европы Россия получила, но насколько она была готова воспользоваться им. В 1908 году, когда вспыхнула первая искра от пламени грядущей войны, когда Австрия в нарушение международных договоров присоединила к своей территории Боснию и Герцеговину, премьер П.А. Столыпин, министр иностранных дел А.П. Извольский и военный министр А.Ф. Редигер нашли мужество признать, что Россия, едва пережившая революционные потрясения, войны не выдержит. Столыпин совершенно ясно заявил: «Пока я у власти, я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы не допустить России до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей внутреннее оздоровление» [14].

На протяжении последующих пяти лет Россия вела на Балканах дипломатическую борьбу. Однако война при всей многовариантности исторического развития, как представляется, была неизбежной. Очень образно объясняет данное положение П.В. Волобуев: «Слишком много горючего материала накопилось в мире, - пишет он, - а европейская цивилизация, вступив в индустриальную фазу, была серьезно больна. Война – показатель этой болезни» [15].

Поводом для нее послужило хорошо продуманное, провокационное убийство членом тайной сербской организации «Млада Босна» наследника австрийского императора эрцгерцога и его жены. Убийство произошло 28 июня 1914 г. в городе Сараево. Это был первый выстрел Великой войны.

Германия, будучи лидером Четвертного союза, в который кроме нее входили Австро-Венгрия, Турция и Болгария, заявила о необходимости справедливого возмездия. В связи с этим Австро-Венгрия предъявила Сербии жесткий ультиматум, который был необоснованно уничижительным и совершенно неприемлемым для независимого государства.

Сербия обратилась за помощью к русскому царю. Россия была поставлена в сложнейшие условия. В сложившейся ситуации, с одной стороны, ставился под удар престиж России. Ведь позволить Австро – Венгрии поступать с Сербией по своему усмотрению Россия не могла. Это означало не только отказаться от своей традиционной миссии защиты христиан на Балканах, но и отказаться от большой политики вообще, согласиться на роль второстепенной державы. С другой стороны, защита Сербии оружием сразу приводила в действие механизм военных блоков, что в свою очередь вело к мировой войне. На это и рассчитывали те, кто стоял за Сараевским убийством.

Решение России было однозначным – помочь сер-

бам. Как писал в своем дневнике Морис Палеолог, посол Франции в России в 1914 -1917 гг.: «Налицо единение всех русских в желании спасти Сербию... Никто в России не согласился бы, чтобы мы позволили раздавить маленький сербский народ» [16]. Справедливо заметить, что при желании защитить Сербию, у России не было желания войны, в отличие от ее союзников и противников, которые были готовы принять войну и не проявляли твердой воли остановить ее.

Свидетельством этого служит запись в дневнике, которую сделал Морис Палеолог 3 января 1915 г. Французский посол отметил тот факт, что 29 июля 1914 г. Николай II отправил телеграмму Вильгельму, в которой предложил передать австро – сербский спор Гаагскому суду. «Рассчитываю на твою мудрость и дружбу», - писал русский царь. Ответа не последовало. Более того, немецкое правительство не сочло нужным опубликовать эту телеграмму. Далее Палеолог с печалью констатировал, что «ни правительство Франции, ни правительство Англии не знали об этой телеграмме... И какую ужасную ответственность взял на себя император Вильгельм, оставляя без единого слова ответа предложение о решении австро – сербского спора. Он не ответил потому, что хотел войны. История ему это зачтет» [17].

Причина, по которой император Вильгельм хотел войны, а император Николай II нет, была одна - Россия по-прежнему была не готова к войне — пока, поскольку принятая большая военная программа была рассчитана на период до 1917 г. «Ясно, - писал Палеолог, - что русским не по плечу бороться с немцами, которые подавляют их превосходством тактической подготовки, искусством командования, обилием боевых запасов, разнообразием способов передвижения» [18].

Германия же завершила свою военную программу в 1913 г и имела временное преимущество. «Спустя несколько лет, по всем компетентным предположениям, - писал германский статс-секретарь фон Ягов, Россия будет готова к войне. Тогда она задавит нас количеством своих солдат, тогда она построит свой военно-морской флот и свои стратегические дороги. Тем временем наша группировка будет становиться все слабее и слабее. Но это спустя несколько лет, а не сегодня...» [19]. Этим обстоятельством Германия и поспешила воспользоваться.

Как известно австрийцы объявили войну Сербии и начали военную мобилизацию, по которой войска разворачивались и против России. Николай II не мог не ответить объявлением мобилизации русской армии. Удивительно, но германский кайзер Вильгельм не противостоял австрийской мобилизации, в то время как русскую он не просто осудил, а объявил враждебной.

В субботу 1 августа германский посол в России граф

Ф. Пурталес передал русскому министру иностранных дел России С. Сазонову заявление об объявлении войны. Получился парадокс: Германия объявила войну России, защищая Австрию, на которую Россия не нападала. Только 6 августа Австрия объявила войну России — согласно договору о военной поддержке Германии. Со вступлением двух крупных держав — Германии и России — в войну она стала превращаться в мировую. В течение десяти дней в войну вступили также Франция, Бельгия, Англия, Черногория — все на стороне Сербии и России.

Этот блок выступил, как известно, в защиту маленькой Сербии, но глубинная цель была совершенно иная: сокрушить военно-политическое могущество Германии, устранить опасность установления ее гегемонии в Европе. Было провозглашено, что это будет последняя в истории Европы и человечества война, в ходе которой «победа над агрессивным германо-австро-турецким объединением, несущим средневековое варварство и угнетение свободным народам, откроет эру всеобщего иного мира. Народы Европы, включая немецкий, получат подлинный суверенитет, на континенте будут царить идеалы свободы, демократии, прогресса» [20].

Начавшаяся 1 августа 1914 г. война длилась 4 года, 3 месяца и 10 дней. В военных действиях участвовали многомиллионные армии, оснащенные новейшими для того времени техническими средствами борьбы. «Общее число мобилизованных достигало 73,5 млн. человек. Поистине неисчислимы бедствия принесла война народным массам. Всего 10 млн убитых (столько, сколько погибло во всех европейских войнах за прошедшую 1000 лет) и 20 млн раненых — таков ее итог» [21].

Однако никакая статистика не способна отразить и тем более измерить всю глубину личного горя и размеры страданий людей, переживших все тяготы войны. Миллионы ее жертв складывались из миллионов конкретных людских судеб. Невозможно до конца определить, оценить характер социально-психологических последствий Первой мировой войны. Как любая война, она оказала разрушительное воздействие на человеческую

психику, моральные установки, общественные идеалы.

Разрушительная сила войны оказалась столь велика, что повлияла на весь ход мировой истории, на все человечество. В истории нашего Отечества Первая мировая война сыграла самую драматичную роль. Начавшись под патриотическими лозунгами Второй Отечественной, в дальнейшем она привела к сильнейшей поляризации сил, предопределила революции, братоубийственную войну, раскол страны, привела к появлению в рамках Русского мира другой, эмигрантской России.

Главная истина, которую Россия должна была усвоить, анализируя ход войны и ее результаты, заключалась в том, что никогда государство не может победить в войне, если его военная стратегия расходится с внутривнутриполитической. Наше поражение в Первой мировой войне и победа во Второй убедительно этот постулат подтверждают.

Окончание Первой мировой войны стало определяющим рубежом во всемирно-историческом процессе. Непосредственным результатом войны и одним из самых ее далеко идущих последствий был полный распад двух многонациональных империй — Османской и Австро-Венгерской, серьезное ослабление Российской с отпадением от последней Финляндии, Польши, Прибалтики. Очевидна глубокая связь процессов распада государственных образований с двумя российскими революциями, свершившимися в 1917 г.

Собравшаяся в январе 1919 г. в Версальском дворце конференция союзных стран по выработке условий послевоенного мирного урегулирования, положила начало созданию Версальско — Вашингтонской системы. Эта система оказалась чрезвычайно неустойчивой и непрочной, ибо она не только не разрешила основных противоречий, вызвавших первую мировую войну, но и породила новые, не менее острые противоречия. Недостатки и просчеты мирного урегулирования после Первой мировой во многом подготовили почву для Второй мировой войны. Трагедия, которая постигла человечество в середине XX в., бросила тень забвения на Первую мировую войну.

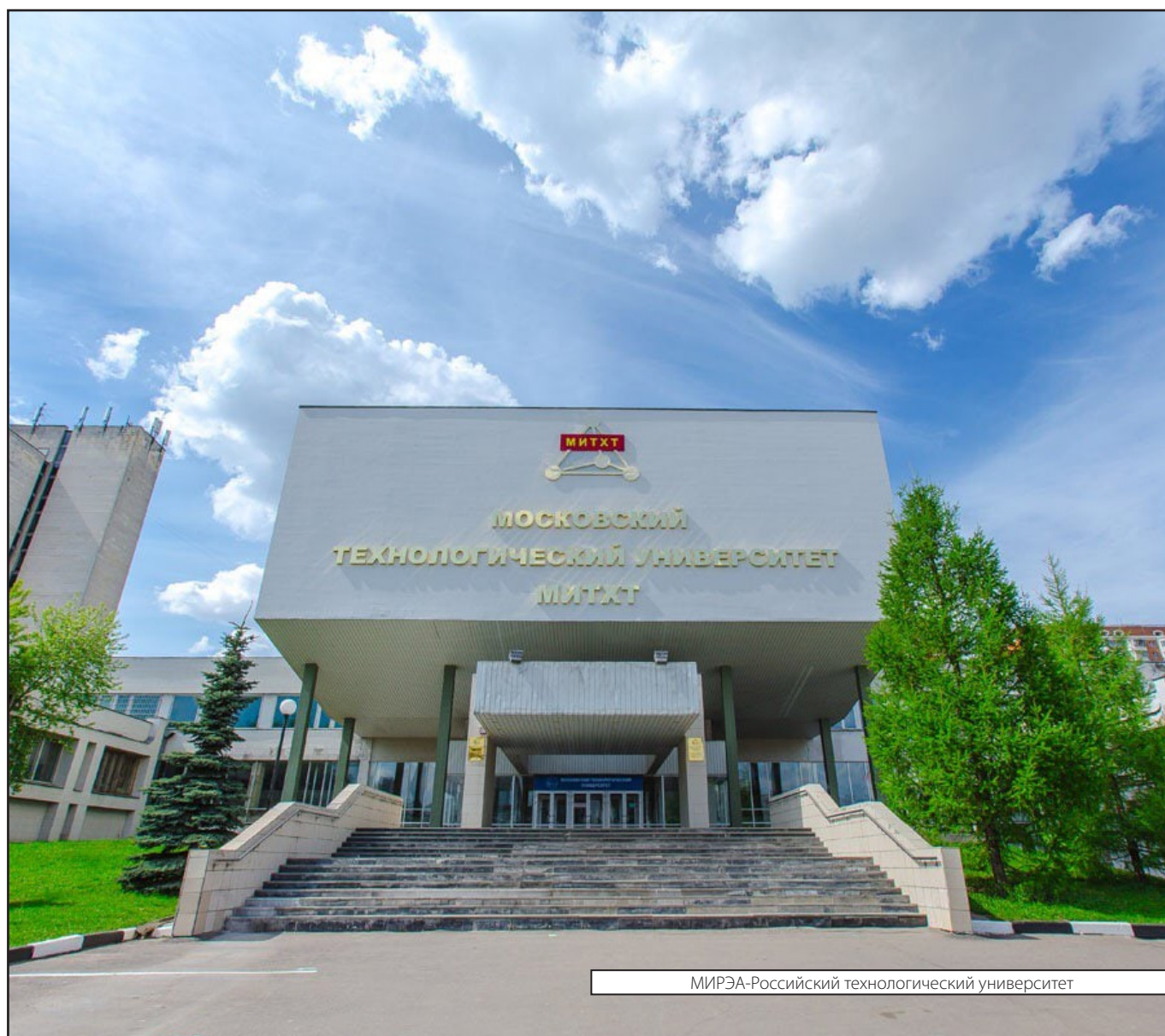
ЛИТЕРАТУРА

1. Морис Палеолог. Царская Россия накануне революции. М., 1991., Царская Россия во время мировой войны. Россия в мемуарах дипломатов. М., 1991.
2. Великая война 1914 г. Голоса истории. М., 2014.
3. Покровский М.Н. Внешняя политика России в XX в. М., 1926.
4. Тарле Е.В. Европа в Эпоху империализма. М., Л., 1927. Его же. Соч. Т.5. М., 1958.
5. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. М., Л., 1935.
6. Против фашистской фальсифицированной истории: Сб. статей. М., Л., 1939.
7. Виноградов К.Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. М., 1962; Первая мировая война 1914-1918 гг. М., 1968
8. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994;
9. Айрапетов О.Р. Балканы. Стратегия Антанты в 1916// Вопросы истории 1997. № 1. С.48-60.
10. Мальков В.Л. Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998, Мировые войны XX века: Первая мировая война. Исторический очерк. Кн.1. Мальков

- В.Л., Шкундин Г.Д. М., 2002., Зайончковский А.М. Первая мировая война. М., 2002., Дзысь В., Дерябин А. Первая мировая война 1914-1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. Uniforma. Вооружение. Организация. М., 2002, Норман Стоун. Первая мировая война. Краткая история. М., 2010, Первая мировая война. Версальская система и современность: Сб. статей/отв. Ред. Павлов А.Ю., Бодров А.В., Малыгина А.А. С-Пб. 2017.
11. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2006. - С.405-406.
 12. Олейников Д.И. История России с 1801 по 1917 год. М., 2005. - С.366.
 13. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2006. - С.406.
 14. Олейников Д.И. История России с 1801 по 1917 год. М., 2005. - С.367.
 15. Волобуев П.В. Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в.// Новая и Новейшая история.1994. 4-5. С.110.
 16. Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. Россия в мемуарах дипломатов. М., 1991. - С.65-66.
 17. Морис Палеолог. Царская Россия накануне революции. М., 1991. - С.154.
 18. Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. Россия в мемуарах дипломатов. М., 1991. - С.99.
 19. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. - С.49.
 20. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2006. - С.406.
 21. Семин В.П. Русская история: проблемы и спорные вопросы. М., 2007. - С.317.

© Горкуш Светлана Владимировна (gorkushsv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО ХМАО–ЮГРЫ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Камилянов Алексей Ростиславович

Аспирант, Сургутский государственный университет

kamilyanov2014@mail.ru

HUNTING ECONOMY OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

A. Kamilyanov

Summary: The article shows how the development of the hunting economy of the district took place on the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra during the Great Patriotic War of 1941-1945. The difficulties encountered by local authorities and procurement organizations in the restructuring of the industry to wartime conditions are analyzed. The change in the number of hunters and the quantitative and qualitative volumes of fur and fur preparations in the territory is demonstrated.

Keywords: hunting economy, fur trade, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, hunting, reconstruction of the economy, the Great Patriotic War.

Аннотация: В статье показывается как происходило развитие охотничьего хозяйства округа на территории ХМАО–Югры в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Анализируются трудности с которыми столкнулись местные органы и заготовительные организации при переустройстве отрасли к условиям военного времени. Рассматриваются стимулирующие мероприятия по наращиванию пушно-меховых заготовок в округе. Демонстрируется динамика численного состава охотников и количественного объема пушно-меховых заготовок на территории округа.

Ключевые слова: охотничье хозяйство, пушной промысел, Ханты-Мансийский автономный округ, охота, реконструкция хозяйства, Великая Отечественная война.

В период Великой Отечественной войны основной задачей охотничьего хозяйства стало нарастание пушно-меховых заготовок. Лозунг: «все для фронта – все для Победы», стал определяющими в жизни страны. О роли пушнины в годы войны на территории Ханты–Мансийского автономного округа писали следующее: «Нужно помнить, что чем больше будет заготовлено пушнины, чем больше ее будет сдано государству, тем сильнее возрастет приток на фронт новых танков, самолетов, пушек и другого вооружения.» [1]

С началом войны множество охотников округа было мобилизованы в Красную армию. Потенциал охотников–красноармейцев положительно оценивал высший командный состав РККА и до войны. По утверждению маршала СССР К.Е. Ворошилова: «Хороший охотник – готовый разведчик, меткий стрелок, выносливый и способный в любых условиях переносить трудности походной жизни» [2]. Схожим образом высказывался и другой красный маршал С.М. Буденный: «Из примеров прошлых войн, мы знаем такие, когда охотники на войне как правило, выходили лучшие на войне стрелки – снайперы и прекрасные разведчики.» [3] Поэтому за годы войны численность промысловиков на территории округа значительно снизилась.

В кратчайшие сроки требовалось заместить промысловиков на промысле. В первую очередь за счет: женщин, стариков и детей от 12 лет. Для этого на протяжении всей войны организовывались различного рода

кратковременные курсы по обучению новых трудовых кадров. Так например: в декабре 1941 году было организовано техническое обучение начинающих охотников подростков и женщин технике промысла. В общей сложности обучение требовалось пройти 400 человек, из них 143 женщин. [4] Другой пример, к 15 октября 1942 года требовалось подготовить 500 новых охотников, путем введения в колхозах в подготовительный сезон практических занятий в нерабочее время, под руководством инструкторов. В перечень подготовки включалось: обучение стрельбе, обращение с орудиями лова и изготовления самоловов. [5] Особую роль играл принцип наставничества и ученичества на урмане. Определение видов пушных зверей, как объектов обучения оставалась в прерогативе местных организаций. В осенне-зимний сезон в качестве приоритета обучали охоте на белку и ондатру, в весенне- летний сезон на водяную крысу, бурундука и крота [6]. Каждому обучающемуся полагалась стипендия в размере 100 руб. Инструкторами назначались лучшие охотники района [7]. Инструкторам за каждого обученного охотника полагалась премия в размере 200 руб. Оплата производилась в соответствии с Постановлением СНК СССР от 21.05.1942 г. «Об организации на предприятиях индивидуального и бригадного ученичества» [8].

В качестве примера женщин охотников в начале войны ставились: Евдокия Камина, Мария, Цыгатова, Дарья Присина, Агафья Рябчикова. Среди престарелых охотников упоминались: Дмитрий Прасин, Степан

Камин, Иван Шелков [9]. Отмечались случаи когда в урман выходили столетние охотники: Иван Иванович Хоров, член колхоза им. Калинина Вершинского нац.совета Самаровского района добыл за ноябрь 1942 года 600 кг рыбы и цветной пушнины на 500 руб [10]. Среди женщин в качестве одной из самой пожилых стоит отметить 79-летнюю Пелагею Сафроновну Чалкину охотницу Репеловского сельсовета сдавшая пушнину на 1105 руб. [11] Среди детей отмечались промысловики 12-летнего возраста. Сеня Бочкарев и Вася Сиринов выйдя на свой первый осенне-зимний сезон охоты 1943 года за 3 дня отстреляли 59 белок, 6 глухарей и 12 рябчиков [12]. На охоту могли уходить организовано целыми школами. Так поступало сообщение о том, что учащиеся Деньщикова начальной школы Филинского совета, Самаровского района с 23 по 28 ноября 1942 года проведя пятнадцатидневку по отстрелу и отлову пушного зверя и заработанные 200 руб. передали на строительство танковой колонны «Омский физкультурник» [13]. Многие фронтовики получившие ранения, вернувшиеся на территорию округа, также активно занимались пушным промыслом. Так Семен Эстафьев демобилизованный в силу потерянной руки, выйдя на промысел в течении ноября 1942 г. сумел добыть лисицу, 15 горностаев, более 50 белок, на общую сумму почти 500 руб [14]. В целом же численность промысловиков за предвоенный 1940 г. и военные 1941-1945 гг. выглядела следующим образом: 1940 г. - 4500 охотников 1941 г. - 3200 охотников, 1942 г. - 3300 охотников, 1943 г. - 2000 охотников, 1944 г. - 2200 охотников, 1945 г. - 2630 охотников [14].

Несмотря на вышеуказанные ряд мероприятий по поддержанию количества охотников возникал огромный дефицит рабочей силы по всем направлениям хозяйственной деятельности округа. Что в свою очередь влияло на фактический выход населения на охоту. Так в осенне-зимнем сезоне 1943-1944 гг. вместо установленных по плану 2089 человек на промысел вышло лишь 902 промысловика, в весенне-летнем сезоне вместо 1160 охотников - вышло 448 человек. Среди важнейшей причины называлась мобилизация рабочих на добычу рыбы [15]. Также отмечалось сопротивление между двумя окружными, заготовительными системами: Заготживсырьем (далее по тексту - ЗЖС) и потребкооперацией. По итогам 1941 г. план был перевыполнен до 149%. Среди недостатков со стороны отмечалась фактическая критика деятельности потребкооперации: «сознательное уклонение кооперации от завоза продуктов и товаров в места промысла безусловно является существенным противодействием к максимальному использованию охотников на промысле.» [16]

В связи с переключением всей промышленности и транспорта на оборонную отрасль, обеспечение новыми ружьями, порохом, и капканами и прочими товарами

было также затруднено. Охотовед Подберезкин призвал строго экономить боеприпасы, своевременно ремонтировать и вводить в эксплуатацию старые ружья и капканы, стараться использовать безоружейные способы добычи пушного зверя. Требовалось применять: плашки, черканцы, кулемы, слопцы, петли, капканы силки и т.п. [17] «Война советского народа против германского фашизма требует экономии везде и во всем. Промысловики обязаны экономить боеприпасы, добываясь наименьшего расходования дроби и пороха. Они больше сейчас уделяют внимание отлову зверей капканами, черканами, плашками и другими орудиями охоты.» [18] Для реализации данного подхода уже в осенне-зимний сезон 1941-1942 гг. шел призыв брать социалистические обязательства по экономии охотничьего инвентаря. Так например в феврале 1942 г. охотники Елизаровского сельсовета обратились ко всем охотникам округа включаться в социалистическое соревнование в честь XXIV годовщины РККА одним из положением которого было: «Каждый промысловик ставит перед собой задачей сэкономить от планового затрат в зимнем сезоне охоты: дроби 30 проц. И пороха 20 проц.» [19] Перед окружной конторой ЗЖС к осенне-зимнему сезону 1942 г. была поставлена задача построить 2700 плашек, 1000 кулем, 1000 черканов и 30 пастей. [20] 7 ноября 1942 г. охотники Мануйловского колхоза «Искра» Самаровского района написали обращение ко всем охотникам - колхозникам округа в котором схожим образом указывали в целях экономии боеприпасов применять безоружейный промысел пушного зверя: черканами, капканами, кулемами и другими орудиями лова, сэкономить охотобоеприпасы не менее 15% к установленным нормам отстрела [21].

В условиях Великой Отечественной войны государством устанавливалось целевое снабжение для промысловиков. В соответствии с распоряжением Совнаркома СССР от 5 декабря 1942 года, окрисполкомом на осенне-зимний сезон 1942-1943 гг. постановлялось: на один рубль сданной пушнины охотник мог получить: мука - 140 гр., крупы или макарон - 10 гр., сахар и кондитерские изделия - 6 гр., табак и махорка - 1 гр., чай - 0,2, промышленные и продовольственные товары - 11 коп., мыло - 0,2 гр. За один рубль мехового сырья: мука - 60 гр., крупа или макароны - 6 гр., сахар - 3 гр., табак - 1 гр., мыло - 0,2 гр., чай - 0,2 гр., промышленные товары - 5 коп., продовольственные товары - 10 коп. Пушнина колхозного звероводства и кролиководства поставляемая колхозами, отоваривалась в размере 10% от норм установленной для пушнины добытой охотой [22].

Несмотря на коренной перелом на фронте, целевое снабжение ухудшалось. В соответствии с постановлением окрисполкома от 26 октября 1943, на осенне-зимний сезон 1943-1944 гг. охотник мог отовариться меньшим количеством продуктов и изделий. Мука - 105 гр., крупа или макароны 7 гр., сахар- кондитерские изделия - 4 гр.,

табак – 0,9 гр., спиртово-водочные изделия – 22 коп. По мехсырью в сравнении с прошлым годом: сахар – 8 гр., мыло – 2 гр., чай – 0,3 гр., табак – 0,8 гр., спирто-водочные изделия – 30 коп. Увеличилась норма за сдачу пушнины колхозного звероводства, кролиководства в размере 20% от установленной нормы отоваривания по пушнине. Вводилась отдельная мера по стимуляции добычи цветной пушнины: горносталя, колонка, куницу, норма целевого снабжения которого устанавливалась выше на 50% к установленным нормам снабжения по сданной пушнине. Отдельно отмечалась другая стимуляция, в которой при перевыполнения сезонной нормы сдачи пушнины до 150%, норма снабжения повышалась на 10%, до 200% на 20%, свыше 200% до 30% [23]. В последнем военном осенне-зимнем сезоне 1944-1945 гг. нормы целевого снабжения не изменились, действовало положение предыдущего года.

Помимо выполнения повышенной нормы целевого снабжения, действовали и другие стимулирующие меры по поддержанию пушно-меховых заготовок. Выдавались премии в виде: денежных сумм, дефицитных товаров: охотничьих ружей, наборы кожтовара, отрезки костюма и пальто, бродни, валенки, охотничьей собакой и т.п. [24] Продолжались награждения медалью «охотник-ударник» и т.п. Помимо предвоенных званий «ударник» и «стахановец», стали применяться иные наименования передовиков: «двухсотник», «трехсотник», «четырёхсотники». Так называли работников, перевыполнявших планы на 200%, 300% и 400% соответственно [25]. Например: охотник Ерныхов А.П. за три недели охоты в 1941 году сдал беличьих шкур на 1800 руб. выполнив квартальную норму по отстрелу на 360% став таким образом «трехсотником». Другой охотник Лозямов В.А. за аналогичный период сдал цветной пушнины на 1200 руб, выполнив план на 240% стал «двухсотником» [26]. Также в соответствии с постановлением окружкома ВКП (б) от 10 ноября 1942

года в качестве нематериального стимула к организации социалистических соревнований стали применяться переходящие Красные Знамена окружкома ВКП (б) и исполкома оккрсовета депутатов трудящихся, передовому району по выполнению квартального плана пушных заготовок [27]. Отмечалось и заслуга заготовительных организаций в переустройстве на военный лад. Так, например, по итогам соцсоревнования в 1 квартале 1944 года окружная контора ЗЖС заняла второе место по всему Союзу и получила денежную премию – 22500 руб [28].

В период Великой Отечественной войны плановые и фактические нормы отстрела охотников округа увеличивались. Если в 1940 г. плановая норма отстрела на одного промысловика составляла 1251 руб., то в последующие годы: 1941 г. – 1128 руб., 1942 г. – 1275 руб., 1943 г. – 1409 руб., 1944 г. – 1545 руб. в Фактическая же среднегодовой отстрел на одного охотника составляла 1940 г. – 874 руб., 1941 г. – 1590 руб., 1942 г. – 1590 руб., 1943 г. – 1580 руб. 1944 г. – 2714 руб. [29] В целом же в 1940 г. было собрано пушнины на общую сумму 4 млн. руб., 1941 г. – 5,1 млн. руб., 1942 г. – 4,2 млн. руб., 1943 г. – 4 млн руб, 1944 г. – 5,9 млн. руб. в 1945 г. – 5,6 млн. руб. [30] Данные говорят о том, что общее количество пушно-меховых заготовок не снижалось ниже уровня 1940 года. Общий объем заготовок по округу за 1941-1945 гг. составил 24,8 млн руб.

Подводя итог стоит отметить, что округ в период Великой Отечественной войны столкнулся с рядом трудностей: нехваткой охотников-промысловиков, недостатком охотничьего снаряжения, что в свою очередь сдерживало объем пушно-меховых заготовок на территории округа. Несмотря на это охотничье хозяйство округа благодаря самоотверженности жителей округа, организаторским способностям местного руководства смогло адаптироваться к условиям военного времени и внести вклад в победу советского народа над фашизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталинская Трибуна. – 1942. - №153. С.2.
2. Кудрявцев Ю. Сегодня - охотник, завтра. М.: Мол. гвардия, 1941. С.3-4.
3. ГА Югры ф.Р1 оп.1, д.199. Л.99.
4. ГА Югры ф.р51 оп.2 д. 60. Л. 35.
5. ГА Югры ф.р51 оп.2 д. 66. Л. 251.
6. ГА Югры ф.р51 оп.2 д. 66. Л. 250.
7. ГА Югры ф.р51 оп.2 д. 72. Л. 100.
8. Сталинская Трибуна - 1941. №207. С.3.
9. Сталинская Трибуна. – 1942. - №297. С.1.
10. Сталинская Трибуна. – 1943. - №140. С.2.
11. Сталинская Трибуна. – 1943. – №225. С.1.
12. Сталинская Трибуна - 1942. №291. С.1.
13. Сталинская Трибуна. – 1942. - №286. С.1.
14. Камилянов А.Р. Кадровая проблема охотничьего хозяйства ХМАО – Югры 1930-1950 е. гг. //Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. №5(86). – С.1599-1605.

15. ГА Югры ф.Р51 оп.2, д.60. Л.27.
16. ГА Югры ф.Р51 оп.2, д.42. Л.89.
17. Сталинская Трибуна. – 1942. - №153. С.2.
18. Сталинская Трибуна. – 1942. - №26. С.2
19. Сталинская Трибуна. – 1942. - №28. С.1.
20. Сталинская Трибуна. – 1942. - №153. С.2.
21. Сталинская Трибуна. – 1942. - №268. С.1.
22. ГАЮгры ф.Р1 оп.1 д. 226 л. 104.
23. ГА Югры ф.Р1 оп.1 д. 228 л. 112.
24. ГА Югры ф.р51. оп.2 д.72. Л.149.
25. Сталинская трибуна – 1942. - №83. – С.1.
26. Сталинская Трибуна -1941. -№281 – С.2.
27. ГА Югры ф.р1. оп.1 д.210. Л.223.
28. ГА Югры ф.Р51 оп.2, д.60. Л.28.
29. ГА Югры ф.р184. оп.1 д.79. Л.133.
30. ГА Югры ф.Р184 оп.1, д.79. Л.145.

© Камилянов Алексей Ростиславович (kamilyanov2014@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Михаленков Василий Александрович

Аспирант, Московский государственный областной педагогический университет
natrezimnyash@mail.ru

THE FOREIGN POLICY OF NICHOLAS I IN MODERN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS

V. Mikhailenkov

Summary: The aim of the work is to present the foreign policy of Nicholas I in Russian historiography and its representation in modern school textbooks of the history of Russia. Nicholas I's exceptional historiography on issues and events of foreign policy of the 2nd half of the 19th century found its way into pre-revolutionary, Soviet and Russian historiography. The main works on historiography on international issues of the second quarter of the 19th century are analyzed, and with the help of a historiographic analysis of the selected events of the period to be disclosed in an educational publication. The main characteristics of the events of foreign policy communication between the Russian Empire and other countries are revealed. Examples of the reflection of foreign policy issues in modern scientific manuals on national history are given and their representation in the specialties of domestic historiographic research is given. Conclusions are drawn about the prevalence of patients with the appearance of the foreign policy of Nicholas I in modern history textbooks. The results of the study contribute to the development of the scientific direction of studying history textbooks as historiographic sources and are used for research or in the preparation of theoretical materials for practical classes in higher educational institutions for the period of the 2nd quarter of the 19th century.

Keywords: history textbook, domestic historiography, Nikolaev era, intense politics, gendarme of Europe, Spring of Nations.

Аннотация: Целью работы является представление внешней политики Николая I в отечественной историографии и её репрезентация в современных школьных учебниках истории России. Рассмотрена историография по вопросам и событиям внешней политики 2-й половины XIX века периода правления Николая I в дореволюционной, советской и отечественной историографии. Проанализированы основные работы по современным вопросам историографии второй четверти XIX в. и посредством историографического анализа выделены ключевые события периода, обозначаемые в учебной литературе. Выявлены основные характеристики событий внешнеполитического взаимодействия Российской империи с другими странами. Приведены примеры отражения вопросов внешней политики в современных учебных пособиях по отечественной истории и указана их репрезентация в контексте отечественных историографических исследований. Сделаны выводы о преобладании определённого образа внешней политики Николая I в современных учебниках истории. Результаты исследования вносят вклад в развитие научного направления изучения учебников истории как историографических источников и могут быть использованы для дальнейших исследований или при подготовке теоретического материала для практических занятий в высших учебных заведениях по периоду 2-й четверти XIX в.

Ключевые слова: учебник истории, отечественная историография, николаевская эпоха, внешняя политика, жандарм Европы, Весна народов.

Современное геополитическое противостояние между странами диктует необходимость России обратиться к богатому историческому наследию и опыту прошлого. Во внешней политике России на протяжении её существования примечательным является взаимодействие со странами в период правления императора Николая I. Ещё при жизни императора его политика стала предметом ожесточенных споров историков. Внешнеполитическая изоляция, в которой оказалась Российская Империя, разрушила спокойствие империи, казавшееся незыблемым после триумфального Венского Конгресса 1815 г. В царствование Николая Павловича Россия получила прозвище «жандарм Европы» и «тюрьма народов» за подавление революций в ходе «Весны народов», успешно вела войны с Ираном и Турцией, но потеряла своё влияние из-за поражений в Крымской кампании. Анализируя отечественные историографические труды можно выявить уроки взаимодействия во внешней политике и получить примеры

решения тех или иных ситуаций, возникающих в международных отношениях.

Учебник истории всегда являлся инструментом государственной политики. Через учебник и программы по истории, создающиеся на их основе и использующиеся учителями истории, юное поколение усваивает ценности и примеры из Отечественной истории. При этом, учебник истории всегда концентрированно отражает различные концепции представителей различных направлений. И в этом его преимущество по сравнению с другими историографическими источниками. [27, с. 21]

Достижения историографии напрямую репрезентируются в школьной учебной литературе по истории. В этом контексте необходимо рассмотреть репрезентацию внешней политики Николая I в учебнике истории.

Первые позитивные отзывы о Николае и его подходах

к управлению страной можно найти в работах его современников. Таких, как М.А. Корф, Н.К. Шильдер, И. Ильин, К. Леонтьев, И. Солоневич. Они очень положительно отзывались о личности Николая, а также превозносили внутреннюю и внешнюю политику самодержца. Самым восторженным почитателем Николая бесспорно был Н.К. Шильдер. В написанном им биографии императора не найти ни одной негативной характеристики действий монарха. В частности, участие России в подавлении революционного движения в Европе он объяснял беспокоемством Николая по поводу ситуации в дружественных странах, в частности, во Франции. Например, упоминал письмо Николая графу Дибичу от 22 марта 1830 года, в котором монарх делился опасениями по поводу ситуации во Франции и призывал божью поддержку и для этой страны, и для Европы в целом. Но при этом, в разделе, посвященном польскому восстанию, ученый пишет об отношении императора к этим событиям, описывает восстание и русско-польскую войну, но при этом обходит молчанием ряд политических противоречий, возникших между Великими Державами, когда обсуждалась независимость Польши и конституция этой страны. [29, с. 481]

Различные аспекты внешней политики николаевской России детально прорабатывались в публикациях 1860-х и 1870-х годов. [2, 17] И в итоге стали фундаментом для создания обширного исследования, посвященного различным аспектам внешнеполитической деятельности Николая I – труда С.С. Татищева «Император Николай и иностранные дворы». [25] Это исследование позволило в полной мере осмыслить внешнюю политику Николая I, поскольку в этом труде впервые был проведен детальный анализ именно в контексте внешней политики России таких событий, как июльская революция во Франции, революция в Бельгии, Польское восстание, Лондонская конференция 1830-31 годов. Автор своим исследованием обеспечил очень хорошую базу источников и фактажа для более поздних работ на эту тему.

Пересмотр оценок личности и итогов деятельности Николая I связан с бурными событиями, происходившими в России в 1905-1907 годах. К тому времени сформировалось новое поколение ученых, являвшихся носителями новых взглядов и подходов. В частности, Е.В. Тарле под влиянием событий, происходивших в Российской Империи, подготовил работу «Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки», где проанализировал события, происходившие в ряде стран Европы, и на основе этого анализа сделал вывод о большой вероятности падения монархии и в России. В этой работе автор обратил внимание и на Николая I. В частности, категорически возразил против позиционирования его как монарха-рыцаря, приоритетом которого были национальные интересы своей страны. То есть, автор исследования спорит с такими своими коллегами, как С.С. Татищев [24] и А.М. Зайончковский [8]. Работа в Е.В. Тарле

была впервые опубликована в 1906 году и тогда не стала фундаментальным трудом, имевшим влияние на изучения деятельности Николая I, в отличие от работ С.С. Татищева, Б.Э. Нольде, А.Н. Петрова и других именитых историков, прорабатывавших эту тему. Но для научной деятельности самого Е.В. Тарле, развивавшейся преимущественно уже в советское время, данная работа задавала магистральное направление в плане изучения деятельности Николая I в аспекте внешней политики.

Среди оценок деятельности Николая I бытовали и негативные, а период его правления характеризовали как один из наиболее мрачных периодов в истории Российской Империи. Императора называли «жандарм Европы», а Россию – «тюрьма народов». Причиной тому стало участие России в подавлении революций 1848 года.

После этих событий прозвища прочно закрепились в европейской прессе, причем самой разной политической направленности. Оттуда они перешли в труды К. Маркса и Ф. Энгельса, считавших революции «если не прогрессом Германии, то, по крайней мере, прогрессом Европы». [30, с. 705] Неудивительно, что тот, кто помешал этим революциям, был для них врагом.

Именно таково позиционирование самодержца в советской историографии. В частности, определение «жандарм Европы» можно встретить и в трудах Е.В. Тарле. Он трактует политику монарха как в высшей степени ошибочную и крайне негативно сказавшуюся на ситуации в стране, как череду ошибок с необратимыми последствиями. Солидарны с ним в таких оценках и другие советские ученые-историки, в частности, М.Н. Покровский, И.Л. Бестужев, Л. Горев.

Как утверждает Н.М. Покровский в своем труде «Дипломатия и войны Царской России в XIX столетии», внешнеполитический курс императора Николая I определялся в первую очередь формируемыми и развивавшимися капиталистическими отношениями. [19] Данная трактовка входит в кардинальное противоречие с созданным историками дореволюционного периода образом самодержца-рыцаря, позиционирует правителя исключительно как зависимого от интересов развивавшегося капитализма. Такая концепция послужила в начале 1920-х годов основой для переосмысления оценок личности и деятельности монарха. Но перемены в СССР стали причиной для очередного изменения подходов и появления в середине 1930-х годов оценок с иных идеологических позиций.

Следующим этапом в изучении проблемы стала публикация в 1941 г. первого тома «Истории дипломатии». [12] Произошел решительный отказ от идей «школы М.Н. Покровского» и возвращение к обоснованию внешнеполитических действий государства взглядами

правителя, который руководствуется собственным мировоззрением и пониманием ситуации. Впервые были выделены характерные особенности кризисных ситуаций в Польше и Бельгии, которые имели определяющее значение для понимания природы этих событий. Среди них следует отметить: вторичность революции в Бельгии по отношению к июльской революции во Франции, первоначальное стремление Николая I к военной интервенции, интерпретация польского восстания как щита Европы от интервенции русских войск, слабый интерес Николая I к бельгийским событиям после восстания в Польше, взаимное сближение России, Пруссии и Австрии на фоне оформления англофранцузских симпатий.

К концепциям М.Н. Покровского советская историография вернулась к 1950-м годам опять-таки под влиянием изменения политики государства. Тогда историческая наука с предельной осторожностью обходила марксистско-ленинские подходы и продвигала иные концепции и трактовки дореволюционной истории России. В наибольшей степени это удалось Н.С. Киняпиной. Уже в ее первом крупном труде, посвященном внешней политике России XIX столетия, «Внешняя политика России первой половины XIX века», историк отмечает, что при всех недостатках внешнеполитического курса Николая I в действиях императора все же прослеживается ориентация на национальные интересы страны и их защиту. [16, с. 266]

Говоря о работах, посвященных внешнеполитической сфере Российской Империи первой половины XIX столетия и относящихся к современной историографии, нельзя не отметить коллективный труд «История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года)» под редакцией О.В. Орлик. В этом труде высказывается мнение, что основная причина польского восстания – внешняя политика Николая I. Также идет речь о том, что польское восстание было подавлено по причине личной заинтересованности монарха в этом. Также отмечается, что и влияние России на события в Нидерландском Королевстве и в Бельгии – тоже результат личной заинтересованности самодержца. [11, с. 357]

Как «жандарм Европы», возглавившего «Священный союз» самодержцев против граждан их стран, трактует личность Николая I Н.А. Троицкий в вышедшей в 1999 году книге «Россия в XIX веке», где периоду правления императора посвящен отдельный раздел. [26, с. 106-118]

Л.В. Высокочков оценивает императора и его внешнеполитическую деятельность крайне неоднозначно. У исследователя нет огульного осуждения монарха, но при этом он отмечает, что Николай I, неверно оценив свои определенные успехи на внешнеполитическом поприще и чрезмерно доверяя лестным отзывам совре-

менников о себе, не всегда соотносил свои решения и действия с реальной ситуацией. [5, с. 599] Также ученый акцентирует внимание на том, что многие свои поступки Николай I совершал, исходя из впечатлений от событий, свидетелем которых он был еще в пору пребывания в статусе наследника престола. Это – Великая Французская революция, Испанская революция, война Греции за независимость от Османской империи. И став императором, Николай многие решения принимал, исходя из своих переживаний того периода.

По мнению Т.А. Капустиной, Николай I – одна из наиболее одиозных фигур в русской истории, монарх, во время правления которого в стране воцарилась реакция, граничившая с мракобесием. Исследователь считает, что причина множества фатальных ошибок, допущенных монархом – его «самоуверенный идеализм». [15, с. 48]

Однако некоторые историки, наоборот, склонны позитивно оценивать внешнюю политику данного императора, даже – на грани идеализации.

По мнению, А.Б. Каменского, многие негативные представления о Николае как о «тупом солдафоне, бесчувственном и жестоком гонителе и реакционере» совершенно неверны. Историк сравнивает судьбы Николая I и Александра I – двух императоров, братьев, каждый из которых хотел войти в историю как реформатор, стремился реагировать на требования своего времени, но наталкивался на серьезнейшие препоны в виде бытовавшего в обществе консерватизма и отсутствия полноценной политической поддержки своего курса со стороны российской элиты. Потому Николай I, как отмечает Каменский, был вынужден определить в качестве приоритетных вопросы сохранения существующего политического режима, а также вопросы государственной безопасности. [1, с. 279-286]

С этими подходами солидарен Б.Н. Тарасов, по мнению которого, политика императора также в значительной степени продиктована соображениями необходимости. В частности, исследователь отмечает, что император не вмешивался в дела западноевропейских стран до тех пор, пока не возникла опасность проникновения оттуда революционных настроений в пределы Российской Империи. [22, с. 410]

Ученый Л.Г. Захарова в своей работе «Романовы. Исторические портреты» также позиционирует Николая I преимущественно в позитивном ключе. Хотя и отмечает, что «жандармская» внешняя политика России того времени привела к международной изоляции страны со всеми ее негативными последствиями. [9, с. 245]

По мнению М.М. Шевченко, и в николаевские времена, и сейчас бытует представление о России как о государ-

стве, способном противостоять всей Европе. Однако, когда Россия терпит поражение в этом противостоянии, то вина возлагается на государственную систему. [28, с. 250]

Говоря о репрезентации внешней политики в современных школьных учебниках истории стоит рассмотреть представленные внешнеполитические события в их содержании.

В учебнике Арсентьева Н.М. [13] для 9 класса от 2016 г. авторы указывают, что на протяжении второй четверти XIX в. Российская империя продолжала играть ведущую роль на мировой арене. Николай I, возглавлявший Священный союз, продолжал политику защиты порядков, установленных Венским конгрессом.

Активная внешняя политика России с одной стороны, расширяла границы империи и способствовала росту ее влияния в различных районах мира, а с другой – вызвала желание крупнейших европейских держав ограничить пределы этого влияния. В этих условиях их открытое военное столкновение с Россией было неизбежным. Крымская война далась дорогой ценой и показала, что по уровню вооружения Россия отставала от своих противников, ушедших в техническом отношении далеко вперед.

Буганов В.И. [3] в учебнике для 10 класса от 2012 г. пишет: нерационально тратились средства на военные нужды. Русские власти увлекались парадами и смотрами. Император не замечал военной отсталости России по сравнению с европейскими странами.

Россия поддерживала освободительную войну славянских народов. Готовясь к войне с Турцией, Николай пытался заручиться поддержкой Англии, но безуспешно. Перспектива большой войны его не пугала, он знал, что у него есть мощная армия. Война обнажила отсталость России в социальном, экономическом и военно-техническом отношении. Авторитет России после Крымской войны ослаб.

Вишняков Я.В. [4] в учебнике для 9 класса от 2021 г. показывает, что когда Николай I вступил на престол, Россия находилась на вершине своего внешнеполитического могущества. Николай I в связи с этим ставил целью своей внешней политики создание на Балканах независимых православных государств под российским протекторатом. Странам Европы эти планы не нравились. В рамках Священного Союза Николай I оказывал помощь европейским странам в подавлении революций и свержении нелегитимных правителей.

Россия вступила в тесный контакт с государствами Средней Азии. Но отношения складывались неровно: торговля то и дело сменялась военными конфликтами.

Тем не менее, русское влияние в Средней Азии неуклонно возрастало.

Император до конца верил, что в разгоревшемся конфликте с турками его поддержат по крайней мере члены Священного союза, но жестоко просчитался в своих ожиданиях. Россия оказалась в изоляции и должна была теперь расплачиваться за свою политику «вмешательства», которую активно проводила со времен Венского конгресса. Все европейские державы (кроме Греции) были настроены враждебно. Россия оказалась в одиночестве против коалиции европейских держав и была вынуждена поступиться своим суверенитетом на Черном море.

Историки Ляшенко Л.М. и Волобуев О.В. в учебнике для 9 класса от 2016 г. [14] говорят о недальновидности императора. Пренебрежение Петербурга к религиозным и национальным традициям горских народов Кавказа привело к войне, длившейся до конца 1860-х гг. Недовольство политикой России переросло в священную войну - газават, к которой призвали шейхи и муллы. Для простых горцев это была попытка освободиться от феодальной зависимости местных ханов и беков.

Николай I сначала попытался создать коалицию европейских монархов против государств, охваченных революциями, как это было предусмотрено документами Священного союза. Из этой затеи ничего не вышло. Николай I получил прозвище «жандарм Европы».

С 1849 г. началась череда внешнеполитических просчетов Николая I. В Петербурге были уверены, что в конфликте между Россией и Турцией европейские государства будут соблюдать нейтралитет. Это было трагической ошибкой.

Данилов Д.Д. и Клоков В.А. [7] в учебнике для 8 класса от 2015 г. говорят: Николай I видел главную задачу в том, чтобы сохранять установленный Венским конгрессом порядок – границы и монархические династии. Защитой «старого порядка» Николай стяжал в Европе двоякую славу: либералы звали его «жандармом Европы», а монархисты «последним рыцарем Европы». В 1820–1840-х годах Россия, подтверждая положение великой державы и активно вмешиваясь в дела европейских государств, добилась успехов в решении «восточного вопроса» и расширила свои владения в Закавказье. Одновременно она оказалась втянута в затяжную Кавказскую войну.

В глазах европейского сообщества зачинщицей войны, которая вошла в историю как Крымская война (1853–1856 годы), была именно Россия. Крымская война продемонстрировала, с одной стороны, стойкость и мужество русских воинов, а с другой – военно-экономическую отсталость от передовых стран Запада. Разгром

никалаевской России показал необходимость глубокой модернизации всех сфер жизни русского общества.

Зырянов П.Н. [10] в учебнике для 8 класса от 2010 г. полагает, что в развязывании Кавказской войны были во многом повинны горские князья, но горе и страдания она принесла прежде всего рядовым горцам и мирным русским земледельцам.

Когда отгремели революции 1848-1849 гг., Николай I решил упрочить стратегическое положение своей империи. Он считал это законным вознаграждением за услуги, оказанные европейским монархам. В первую очередь он хотел решить проблему черноморских проливов. Но расчеты его не оправдались, война с Турцией была проиграна. Малоомощная русская военная промышленность не справлялась с возросшими заданиями, обозы с боеприпасами вязли на размытых дорогах. Против России выступила единым фронтом все те страны, на кого рассчитывал Николай I.

Долгое царствование Николая I не оправдало даже самых скромных надежд. Оно мрачно началось, мрачно закончилось и имело мало достижений.

Данилов А.А. и Косулина Л.Г. [6] в учебнике для 8 класса от 2015 г. пишут, что Россия при Николае I играла ведущую роль в жизни Европы. Двумя основными направлениями ее внешней политики были борьба с революциями и попытки решения Восточного вопроса. Одновременно со стремлением ослабить Османскую империю Николай I поддерживал освободительное движение балканских народов. Все это не могло не затрагивать интересов других европейских держав, обеспокоенных значительным усилением России.

Кавказская война была очень длительной и тяжелой для России. Она стоила больших жертв и материальных средств, замедлила экономическое развитие страны.

В Крымской войне по уровню вооружения Россия отставала от своих противников, ушедших в техническом отношении далеко вперед. Главным итогом войны было то, что Россия в целом устояла под ударами объединившихся против нее крупнейших держав мира. Несмотря на серьезное военное поражение, она вышла из войны с минимальным уроном.

Левандовский А.А. [18] в учебнике для 8 класса от 2014 г. высказывает мнение, что государь Николай I являлся ярким приверженцем основополагающих идей Священного союза европейских государств, который был создан в 1815 г., после капитуляции Наполеона. Своей личной задачей монарх определил поддержку близких по форме правления государств Европы, и удержание закрепленных европейских межгосударственных

границ. Данный внешнеполитический курс укреплял сотрудничество между странами - партнерами по Священному союзу, а именно, Пруссией и Австрией.

Кавказская война. Целью военных походов генерала Ермолова была бескомпромиссная борьба с непокорным горским народом. Вместе с этим, он прилагал немало усилий для популяризации среди местного населения различных ремесел, приобщал к налаживанию торговых связей с русскими переселенцами. Безуспешные попытки русского командования в поимке имама Шамиля, привели к повторному использованию методов генерала Ермолова в середине 40 - х годов XIX в. В их основе лежала вырубка лесного массива, служившего кавказцам проверенным убежищем, повсеместно возводились опорные крепости, непримиримые поселения горцев безжалостно предавались разорению. Путем внесения внутреннего раскола в кавказском обществе, русские военачальники привлекали на свою сторону разочарованных Шамилем горцев.

Николай I питал неоправданные надежды по отношению к Англии при разделе Турции. В планы российского монарха входило присоединение к России лишь малых территорий Турции, близ Черноморских проливов. На Балканах Николай I намеревался создать несколько независимых государств, добрососедски настроенных к России. Англия, в свою очередь, завладевшая всей Османской империей, включая Сирию и Египет, не намеревалась терять территории в угоду России.

В ходе ведения Крымской войны стало понятно, что Российская империя столкнулась с экономически развитым противником. Малоозаметные недостатки для войны с Турцией, в Крымском сражении указали на неподготовленность России во многих отраслях. Отсутствие качественного железнодорожного полотна и неудовлетворительное состояние дорог в государстве, затрудняло маневренные переброски вооружения и живой силы к местам сражений. Замедлялось снабжение войск боеприпасами и провизией. На вооружении у союзных сил и турецкого войска состояли нарезные ружья, русские солдаты были вооружены гладкостволками. Меткость и дальность стрельбы гладкоствольного ружья были низкими и делали их неэффективными в бою.

Российский флот состоял из парусных судов, английская и французская флотилии были оснащены паровыми двигателями. Высшее воинское командование российской армии погрязло в коррупции и не владело новейшими тактиками ведения боя.

Внешняя политика Российской империи указывала на необходимость проведения внутригосударственных реформ. Престиж России на международной арене был безусловным после победы над Наполеоном, порабо-

тившим все европейские государства. Данное обстоятельство сплотило противников Российской империи между собой, и позволило им нанести упреждающий удар. Отсталость от европейских монархий в экономике и военной отрасли была очевидной на фоне Крымской войны. Главным фактором сдерживания развития государства было крепостное право.

Историки Сахаров А.Н. и Боханов А.Н. [20] в учебнике для 8 класса пишут, что весь 30-летний период своего правления Николай I был ярким поборником и защитником монархии в Европе. После революционных событий во Франции и свержения Карла X Бурбона, страну возглавил непрямой наследник династии Бурбонов. Это обстоятельство имело на Николая I такое влияние, что он готовился к военному конфликту с «новым узурпатором». Однако, не найдя откликов у других дружественных монархов, поход не состоялся.

Император полагал, что для укрепления международного положения России, необходимо наладить дружественные отношения с Великобританией. Лондон на тот момент занимал лидирующую мировую позицию. Николай I восторгался мощнейшим индустриальным развитием и политической стабильностью Великобритании. Политические элиты Лондона не видели в России международного партнера, а относились к империи настороженно и враждебно. Развитие России и укрепление ее международных позиций, по мнению Лондона, могло навредить интересам Великобритании. Император Николай I полагал, что их непосредственная встреча с королевой Викторией поможет наладить отношения двух стран, но это было ошибкой.

Сахаров А.Н. и Боханов А.Н. [21] в учебнике для 10 класса от 2013 г. упоминают, что Николай I выстраивал дружеские международные отношения с государствами-монархиями, так как был сторонником данной формы правления. Он полагал, что в основе внутриевропейской стабильности лежит принцип легитимности монархической власти. Данное мировоззрение затрудняло и осложняло ведение внешней политики Российской империей.

Император Николай I предпринял множество попыток к налаживанию дружеского диалога с Великобританией, вплоть до личного визита в Лондон в 1844 г. Все попытки выстроить диалог были отвергнуты правящей элитой туманного Альбиона. Великобритания не стремилась к усилению влияния России на Балканах или на других территориях.

За годы Крымского противостояния император Николай I пришел к выводу, что Россия не имеет союзников среди европейских монархий. Страны, которые император лично поддерживал и всячески помогал, а именно,

Пруссия и Австрия, предстали недругами для России. Лично для Николая I и его правительства, такое развитие событий стало крахом идеалов ведения внешней политики.

Курс международной политики, проводимый Российской империей в XVIII - XIX вв., был основан на событиях, что происходили на южных кордонах страны. Неизбежный распад Османской империи, начавшийся в конце XVIII в., беспокоил не только Россию, но и все мировое сообщество.

Интерес Российской империи состоял в укреплении своего влияния в проливах Босфор и Дарданеллы, а также, защиты православия на прилегающих территориях. Державы не желающие роста международного русского влияния, стали стороной конфликта в русско-турецкой войне.

Обязательства взятые предшественниками Николая I по отношению к Польше и Константинополю, император выполнял неукоснительно, хотя и не испытывал к ним расположенности.

Результатом русско-турецкой войны стало вхождение Кавказа и Закавказья в состав Российской империи. Впрочем, горцы не спешили присягать на верность царю и не признавали его власть. Князь А.И. Барятинский назначенный наместником царя на присоединенных территориях, принял решение покончить с влиянием имама Шамиля, но не силой оружия. Под его руководством прокладывались дороги, обустривались поселения, налаживались контакты с местным населением, вождем подносились дары. По итогу, присоединенные территории присягнули на верность царю Николаю I.

Таким образом, однозначного ответа на вопрос: что же представляли собой действия Николая Павловича в вопросе внешней и внутренней политики и как они повлияли на судьбу России, нет. Мнения историков очень отличаются, но они схожи в одном – период правления Николая I уникален и все вопросы, связанные с ним, в том числе его влияние на события в Европе, еще только предстоит изучить для формирования целостной картины николаевской России и XIX в. в целом.

Современные школьные учебники истории, сформированные на различных историографических концепциях, в большей степени склонны к представлению внешней политики Николая I с различных точек зрения. И как «жандарм Европы» и как «последнего рыцаря Европы». Примечательно, что ни одно учебное пособие, не рассматривает, не смотря на представленность в историографии, вопроса об отношении Николая I в Бельгийской революции. В большей степени присутствуют положительные характеристики его деятельности, за исключением просчетов в конце правления и краха в Крымской войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Б.В., Каменский А.Б. Россия в XVIII - первой половине XIX века: История. Историк. Документ: Экспериментальное учебное пособие для старших классов. – М.: МИРОС, 1994. – 336 с.
2. Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг., тт.1-4, СПб, 1876,
3. Буганов В.И. История России, конец XVII-XIX век. 10 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: профил. уровень / В.И. Буганов, П.Н. Зырянов, А.Н. Сахаров; под ред. А.Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». - 18-е изд. - М.: Просвещение, 2012. - 336 с.
4. Вишняков Я.В. История России. XIX - начало XX века. 9 класс: учебник / Я.В. Вишняков, Н.А. Могилевский, С.В. Агафонов; под общ. ред. В.Р. Мединского. - Москва: Просвещение, 2021. - 352 с.
5. Высокочков Л.В. Николай I. 2-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 694 с.
6. Данилов А. А. История России, XIX век. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2015. – 303 с.
7. Данилов, Д.Д. История России. XIX – начало XX века. 8 кл.: учеб. для организаций, осуществляющих образовательную деятельность / Д.Д. Данилов, В.А. Клоков, С.С. Кузнецова, Н.С. Павлова, В.А. Рогожкин, Е.В. Сизова. – Изд. 4-е, испр. – М.: Баласс, 2015. – 368 с
8. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Тт.1-2. – СПб, 1908-1913.
9. Захарова Л.Г. Романовы. Исторические портреты. В 2-х ТТ. / Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Армада, 1997. Т. 2. С. 200-245.
10. Зырянов П. Н. История России. XIX век. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / П.Н. Зырянов. - 10-е изд., стереотип. - М. : Дрофа, 2010. - 304 с.
11. История внешней политики России. Первая половина XIX века. (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года). Под ред. О.В. Орлик. – М.: Международные отношения, 1999. – 384 с.
12. История дипломатии. Под ред. В.П. Потомкина. Т.1. М., ОГИЗ. 1941. – 896 с.
13. История России. 9 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / [Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, А.А. Левандовский, А.Я. Токарева]; под ред. А.В. Торкунова. - М.: Просвещение, 2016. - 160 с.
14. История России: XIX - начало XX в. 9 кл.: учебник/ Л.М. Ляшенко, О.В. Волобуев, Е.В. Симонова. - М.: Дрофа, 2016. - 351 с.
15. Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. – 1993. – № 11. – С. 27-49.
16. Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX века. – М.: Высшая школа, 1963. – 282 с.
17. Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб., 1868.
18. Левандовский А.А. История России, XIX век. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / А.А. Левандовский; под ред. А.Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». – М.: Просвещение, 2014. – 272 с
19. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. Сборник статей. Красная Новь.1923.
20. Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России. XIX век: учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов. – 12-е изд. – М.: ООО «Русское слово - учебник», 2018.- 288 с.
21. Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России. XVIII-XIX века. Ч. 2: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов; под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова.- 11-е изд.- М.: ООО «Русское слово - учебник», 2013.- 288 с.:
22. Тарасов Б.Н. Николай Первый и его время. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 447 с.
23. Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. – СПб., 1906
24. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I. – СПб., 1887.
25. Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Ист. очерки. СПб., 1889.
26. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. – М.: Высш. шк., 1999. – 431 с
27. Фукс А.Н. Значение школьных учебников отечественной истории для идеологического обеспечения национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. с. 21-32.
28. Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. – М.: Три квадрата, 2003. – 268 с.
29. Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. – М., 1997. Т. 2. – 638 с.
30. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1962. Т. 22. – 805 с.

© Михаленков Василий Александрович (natrezimnyash@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«THE OLD AND MERRY ENGLAND»: КРАТКИЙ ОБЗОР ПУТЕШЕСТВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ Н.К. КРЕСТОВНИКОВА В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ В 1850 ГОДУ

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук,
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

"THE OLD AND MERRY ENGLAND": THE SHORT REVUE OF THE VOYAGE OF THE ENTREPRENEUR N.K. KRESTOVNIKOV TO THE UK IN 1850 YEAR

G. Fan-Yung

Summary: As an object of study in this article, we have identified the history of the Krestovnikov family before 1855 year. The subjects of the study are the voyage, internship and education of N.K. Krestovnikov in Great Britain in 1850-1851 years. The author investigated the most important results of the internship in London of this representative of the designated entrepreneurial family. This made it possible to draw certain conclusions about the subjective reasons for the entrepreneurial success of this "clan". The objective relationship between the improvement of production, which functioned in the conditions of the first half of the 19th century, and entrepreneurial success is briefly demonstrated. The objective relationship between the improvement of production, functioning in the conditions of the first half of the XIX century, and entrepreneurial success is briefly analyzed. In this work, we used not only universal methods of scientific cognition (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.), but also the most important principles of historical cognition (principles of historicism, the principle of comprehensive study of history, the principle of objectivity, etc.). It was impossible to do without special methods of historical research (narrative, historical and genetic, synchronistic and others). All this made it possible to make a critical analysis of published and unpublished sources; adequately assess the experience of the Krestovnikov brothers as entrepreneurs, identify similar signs of homogeneous processes (objective prerequisites for the formation and development of the domestic pre-revolutionary industry), etc. An important conclusion is made about the level of professional training of brothers-entrepreneurs on the eve of their founding of the first advanced high-tech production in the Kazan province.

Keywords: "the old and merry England", Krestovnikov brothers, industrial revolution, social consequences of the industrial revolution.

Аннотация: В качестве объекта исследования в этой статье мы обозначили историю семьи Крестовниковых до 1855 года. Предметом исследования выступает стажировка Н.К. Крестовникова в Великобритании в 1850–1851 годах. Автором исследованы важнейшие итоги стажировки в Лондоне этого представителя обозначенной предпринимательской фамилии. Что позволило сделать определённые выводы о субъективных причинах предпринимательского успеха данного «клана». Кратко продемонстрирована объективная взаимосвязь между совершенствованием производства, функционировавшим в условиях первой половины XIX столетия, и предпринимательским успехом. Отмечена и проанализирована объективная взаимосвязь между совершенствованием производства, функционировавшим в условиях первой половины XIX столетия, и предпринимательским успехом. В работе нами использованы, во-первых, универсальные методы научного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез и пр.); во-вторых, важнейшие принципы исторического познания (принципы историзма, принцип всесторонности изучения истории, принцип объективности и др.); в-третьих, специальные методы исторических исследований (нарративного, историко-генетического, синхронистического и других). Это позволило произвести критический анализ опубликованных и неопубликованных источников; адекватно оценить опыт братьев Крестовниковых как предпринимателей, выявить схожие признаки однородных процессов (объективные предпосылки становления и развития отечественной дореволюционной промышленности) и т.д. Сделан важный вывод об уровне профессиональной подготовки братьев-предпринимателей накануне основания ими первого передового наукоёмкого производства в Казанской губернии.

Ключевые слова: «старая и добрая Англия», братья Крестовниковы, промышленная революция, социальные последствия промышленной революции.

Индустриальная революция, начавшаяся более двух столетий назад, изменила не только экономические основы существования государств, где она происходила, но и самым решительным образом преобразовала социальные отношения. Очевидно, что формальный переход от ручного труда к труду машинному, от «рассеянной» мануфактуры, как и от мануфактуры, в целом, к концентрации производства в городах, к «новейшей капиталистической фабрике» [1;7], в условиях

«свободно развивающегося менового хозяйства» [2;24], был сопряжен с переходом от труда принудительного к труду свободному.

В самом конце XIX столетия академик Д.И. Менделеев, рассуждая о значении индустриального развития, писал: «к промышленному строю жизни, к усилению значения фабрик и заводов и к преобладанию на них влияния наук о природе неизбежно должны стремиться все

страны и народы, если не желают заглохнуть и хотят принять участие в прогрессе человечества» [3;19]. Великий химик, таким образом, указал на объективную взаимосвязь между, во-первых, «науками о природе» и успешным индустриальным развитием; во-вторых, между индустриальным развитием и «прогрессом человечества». Не принижая роль других естественных наук, Д.И. Менделеев на одно из первых мест среди них ставил химию, обозначив её как важнейший фактор невиданного роста «... всей промышленности в XIX веке ...» [4;200].

Все это позволяет обозначить передовые дореволюционные химические производства в качестве значимых факторов экономического и социального развития не только для регионов их дислокации, но и для всей страны. Следует уточнить, что под термином «дореволюционное передовое химическое производство» следует понимать такой промышленный объект, находившийся на территории России, чья успешная производственная деятельность, во-первых, зависела от систематического внедрения достижений химической науки в производственную деятельность; во-вторых, подразумевала постоянный химический контроль над производством; в-третьих, была связана с использованием и (или) производством основных материалов для химических производств (сера, колчедан, поваренная соль, натуральная сернонатриевая соль, серная и азотная кислоты). Еще одним закономерным и неотъемлемым признаком передового химического производства дореволюционной России следует обозначить *передовую социальную политику его владельцев*, осуществлявшуюся собственниками указанных предприятий. Ибо, в условиях свободного труда, именно она способствовала формированию профессионального кадрового состава работников всех уровней.

Одним из самых крупных дореволюционных химических производств, индустриальных «флагманов» прежней *Rossii*, являлся «Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод Фабрично-Торгового Товарищества Братьев Крестовниковых» [5;23]. Особо отметим, что это предприятие (ныне, – ПАО НЭФИС) до сих пор продолжает свою успешную производственную деятельность. Указанный завод был основан московскими предпринимателями, братьями Крестовниковыми, принадлежавшими к сословию потомственных почётных граждан, 01 (13) июня 1855 года ст.ст. Непрерывное и весьма успешное развитие этого предприятия, начавшееся с момента начала его производственной деятельности, продолжилось и в самом начале XX столетия. Предприятие, основанное семерыми братьями Крестовниковыми, вызывало восхищение современников: от простых обывателей до выдающихся учёных. Например, в 1873 году академик А.М. Бутлеров, выступая на IV съезде русских естествоиспытателей, охарактеризовал Казанский завод фирмы братьев Кре-

стовниковых как предприятие, основанное и развивающееся «... на совершенно рациональных началах науки» [6;47]. Можно утверждать, что важнейшей основой для успешного развития Казанского «крестовниковского» завода выступал самый тесный «союз фабриканта и учёного», возникший и укреплявшийся по инициативе братьев-основателей [7].

Не имея возможности в рамках этой статьи подробно рассмотреть историю этой семьи, включая воспитание и образование братьев, отметим, что двое из них (Валентин и Николай) смогли пройти стажировку в Великобритании накануне основания своего Казанского предприятия. И этот факт, на наш взгляд, стал одним из решающих субъективных факторов их последующего предпринимательского успеха. Ибо, общеизвестно, что в конце 1840-х годов Соединённое Королевство было самой развитой в промышленном отношении страной, где начальная стадия индустриальной революции уже завершилась. Оба брата, посетившие метрополию Британской империи в разное время, не только ознакомились с важнейшими достижениями её промышленности, но и осознали преимущества внедрения этих достижений в промышленное производство. Братья лично убедились, что современное производство, в котором преобладает машинный труд, немислимо без внедрения и использования достижений науки.

Именно этим и объясним определённый научный интерес, который вызывает у исследователя описание путешествия Николая Константиновича Крестовникова (1831 г. – не позднее 1904г.) в Великобританию, составленное им самим и опубликованное в «Семейной хронике Крестовниковых», довольно редком издании, содержащем штамп «не для продажи»[8].

Итак, повествуя о начале своего заграничного вояжа, Н.К. Крестовников отмечал, что еще в 1845 году его брат Валентин Константинович Крестовников (1827 – 1896 гг.) был отправлен Григорием Александровичем Москвинным, родным дядей братьев, в Соединённое Королевство «... для практического коммерческого образования ...» [8;1;76]. В.К. Крестовников вернулся в Москву только осенью 1848 года и опыт, накопленный им, оказался весьма востребованным [8;1;76]. Спустя некоторое время, « в 1855 г. брат Валентин Константинович принял на себя обязанность распорядителя по делам фирмы Бр. Крестовниковых и Ко и отправился в Казань основывать там стеариновый завод» [8;1;76]. Убедившись на практике в очевидной пользе подобных визитов в «мастерскую мира», оба дяди братьев Крестовниковых, Г.А. Москвин и А.К. Крестовников, выступили инициаторами (и, возможно, спонсорами) поездки в Лондон еще одного своего племянника, Н.К. Крестовникова, который «... должен был выучиться английскому языку и поступить в контору «Дрепер, Пьетрони и Ко»» [8;2;12].

При этом в эпоху правления императора Николая I любое путешествие за границу было крайне затруднено. Николай Константинович сообщал, что «... заграничный паспорт стоил 500 рублей серебром; дозволялось ездить за границу только с коммерческой целью или с целью лечебной ... в первом случае требовалось ручательство торговых фирм в благонадёжности поведения едущаго» [8;1;79].

Уладив все необходимые формальности и преодолев все трудности, 14 мая 1850 года ст.ст. Николай Константинович выехал дилижансом из Москвы в С.-Петербург, который 17 мая благополучно прибыл в столицу России. Осмотрев некоторые достопримечательности этого города и его окрестностей, проехавшись (впервые в жизни!) по железной дороге (это была Царскосельская железная дорога) на поезде «... из 28 вагонов ...» (по 36 человек в каждом), который «... протянулся на 100 сажень» [8;2;18], молодой Николай Константинович продолжил своё путешествие.

27 мая 1850 г. ст.ст. из Кронштадта он отбыл пароходом «Прусский орёл» в г. Штеттин, прибыв туда уже 30 мая. Затем, по железной дороге приехал в г. Берлин. 2 июня 1850 г. ст.ст. выехал из Берлина по железной дороге в г. Гамбург. Приехав в этот крупный морской порт и старинный ганзейский город 3 июня, Н.К. Крестовников прожил три дня в «Hotel de Russie». Поздно вечером 6 июня на пароходе «Вильберфорс» (назван, очевидно, в честь британского политика William Wilberforce (1759–1833 гг.), активного сторонника отмены рабства) молодой москвич направился в Лондон, куда благополучно прибыл 8 июня 1850 г. ст.ст. [8;2;18].

Проведя почти месяц в дороге, не отказывая себе в осмотре достопримечательностей, Николай Константинович несколько «поиздержался». Так, в письме к родственникам он сетует на то, что «... от Петербурга до Лондона я истратил 222 рубля серебром» и обещает впредь «... не выходить из границ необходимого, ...» [8;2;21–22]. Молодой путешественник делился в письмах и своим отношением к стране пребывания: «мало-помалу я начинаю знакомиться с «Old and merry England» и проникаться её духом ... Чем более я знакомлюсь с ней, тем более она завоёвывает мою симпатию!» [8;2;21].

Действительно, успехи в социально-экономическом развитии Соединённого Королевства, достигнутые к первой половине XIX в., позволяют рассматривать эту страну как классический пример совершенствования социальных отношений под влиянием мощного индустриального развития. В 1830 – 1840-е гг. индустриализация оказала решающее воздействие на изменение социальной структуры общества, развитие транспортной системы, на рост городов, на возникновение системы обязательного начального народного образования. Именно тогда

было усовершенствовано избирательное право, реорганизованы органы муниципального управления, законодательно ограничена продолжительность «детского» и «женского» рабочего дня. Индустриальное развитие Великобритании способствовало превращению старинных городов с весьма архаичным жизненным укладом в мощные промышленные центры. Данный тезис вполне применим к Лондону, Ливерпулю, Манчестеру, Бристолу, Глазго, Эдинбургу, Шеффилду и многим другим.

Дальнейшее развитие крупной капиталистической промышленности, сочетавшееся с организованными формами социального протеста и возможностью защищать свои интересы посредством имевшихся демократических институтов, значительно оптимизировали положение британского фабричного рабочего по сравнению с началом XIX столетия: заработная плата его возросла, а рабочее время было законодательно сокращено.

Таким образом, наличие крупных «градообразующих» предприятий в городах «страны классического капитализма» оказало позитивное воздействие на совершенствование и развитие городского хозяйства, включая транспорт, водоснабжение, санитарное состояние и т.д. Можно утверждать, что уровень развития городской инфраструктуры зависел от ситуации в производственном секторе муниципального образования. Иными словами, существует объективная взаимосвязь между наличием в городе крупных «градообразующих предприятий» и состоянием городской инфраструктуры.

Всем этим и объясним тот факт, что письма Н.К. Крестовникова о Великобритании того времени полны восхищением жизнью, бытом и достатком её населения. Поселившись первоначально в пригороде Лондона, в «поселке Чингворд» (точнее, – Chingford, северо-восточная окраина Большого Лондона), Николай Константинович совершал частые прогулки по указанному населённому пункту и любовался на жизнь «здешних крестьян». «У каждого порядочный коттедж, огороженный забором, сад, огород, луг; в домах чистота; дети их опрятно одеты. Приятно видеть, как мило приседают девочки, встречаясь со мною, и произносятся обычное «good morning» или «good evening»! Здесь, как в городе – каждая деревня имеет свою полицию и ночной караул» – писал он в Москву [8;2;22–23].

Не забывал молодой предприниматель и про изучение английского языка, которым он занимался «... не отрываясь с 8 ч. утра до 5 ч. вечера ...» [8;2;22–23]. В итоге, уже 25 сентября 1850 года совладелец фирмы, в которой стажировался молодой Н.К. Крестовников, «... старик Дрепер был немало удивлён, когда я заговорил с ним на чистом английском языке» [8;2;25–26]. Более того, «третьего дня я обедал на пароходе «Дьюк Корновель» [вероятно, – HMS «Duke of Cornwall» – прим. Г.Ю. Фан-Юнга] ... и всё время с моряками англичанами разговаривал свобод-

но по-английски» [8;2;29].

После очевидных успехов в изучении английского языка началась стажировка молодого Крестовникова в фирме «Дрепер, Пьетрони и Ко». В связи с чем, 15 октября 1850 года он покинул Chingford и переехал в центр Лондона, неподалёку от Сити. «Квартира моя на Bedford square, Alfred place, №9 Цена 15 шиллингов в неделю ... » – отчитывался Николай своему дяде [8;2;27]. Трудовая деятельность в солидной лондонской фирме началась для Н.К. Крестовникова с обработки входящей и исходящей корреспонденции. Затем он стал принимать участие в аукционах и торгах, лично увидел работу Лондонской биржи.

В его письмах к родным нет и намёка на разгульную жизнь или мотовство, в которые впадали многие его сверстники, оказавшиеся за границей. За полгода никто из родственников не получил от него ни одной просьбы об оказании финансовой помощи. Единственная его мечта, о которой Н.К. Крестовников упоминает в своих письмах – дорогие и качественные часы, которые ему по роду занятий были просто необходимы. Он – начинающий менеджер и не может никуда опаздывать, ибо это может негативно сказаться на его «реноме». Мечта вскоре сбылась: «часы ... я купил самые лучшие у Dent, придворного часовщика королевы Виктории, принца Альберта, нашего Государя и поставщика русского флота. Я заплатил за них вместе с цепочкою 30 ф.[унтов, –здесь и ниже, –примечания наши. Автор] с.[терлингов] и 12 шил.[ллингов]» [8;2;27].

Сын совладельца фирмы, Джон Дрепер, записал молодого москвича в довольно престижный «Union club». Николай Константинович смог не только наблюдать, но и лично участвовать в заседаниях этого лондонского клуба. В ходе них, как видно из мемуаров Н.К. Крестовникова, начинающие британские адвокаты и бизнесмены развивали своё ораторское мастерство и обменивались опытом. Тематика проводимых дискуссий охватывала вопросы внешней и внутренней политики, права и экономики. Таким образом, «Union club» был постоянно действующим тренинг-центром для молодой бизнес-элиты Великобритании. Знания, полученные молодыми британцами в закрытых элитарных учебных заведениях, проходили проверку, «отшлифовывались» и завершали становление личности. Этот «стандинг» успешно сочетался у них с повседневной практической деятельностью. Несколько ранее, будущий известный британский политик Уильям Ю. Гладстон неоднократно выступал в этом клубе [9;62]. В свою очередь и для Н.К. Крестовнико-

ва посещение этого клуба было сопряжено с практикой: во-первых, со стажировкой в фирме «Дрепер, Пьетрони и Ко», во-вторых, с углублённым изучением английского языка. «Да, стоит побывать в Лондоне, в этой столице мира! В настоящем 1850 году в Лондоне населения – 2.300 тысяч; домов – 300 тысяч; улиц и переулков 15 т[ысяч]; длина [города Лондона] 27 вёрст и ширина 10,5 вёрст» – сообщал московским родственникам Николай Константинович [8;2;32–33].

Учитывая, что брат Н.К. Крестовникова, Валентин Константинович, стажировался в Лондоне свыше двух лет, с 1845 по 1848 гг., можно предположить, что и эта стажировка в «мастерской мира» планировалась не менее чем на год. Однако 14 декабря 1850 года «... я получил письмо из Москвы от дяди Григория Александровича Москвина с приказом возвратиться немедленно в Москву по случаю смерти дяди Александра Козьмича и необходимости учреждения новой фирмы» [8;2;34]. В шесть часов вечера 6 января 1851 года Николай Константинович выехал из полюбившегося ему Лондона. «Мы ехали на Кале, Лилль, потом по железной дороге на Берлин, Бреславль [силезский Бреслау, ныне, – польский Вроцлав] и оттуда на почтовых до Петербурга» [8;2;50].

Подводя итог, отметим, что подобные вояжи в «николаевской» России были делом не простым, так как выезд за границу был ограничен. Поэтому люди, посетившие и стажировавшиеся в «мастерской мира» были востребованы в предпринимательских и промышленных кругах. Весьма непродолжительное пребывание в Великобритании было использовано Н.К. Крестовниковым с максимальной отдачей. Ибо, он не только выучил английский язык и прошёл стажировку в солидной лондонской фирме, не просто познакомился с обычаями делового оборота этой страны или работой Лондонской биржи, но и стал «своим» среди молодых британцев, посещая знаменитый «Union club». «Стандинг» Н.К. Крестовникова успешно завершился, открыв дорогу в деятельную и самостоятельную жизнь.

Следовательно, накануне начала реализации проекта постройки в г.Казани передового промышленного производства, двое из семи братьев Крестовниковых имели представление, во-первых, о «новейшей капиталистической фабрике», как таковой, во-вторых, о необходимости внедрения на ней эффективных методов управления производством и персоналом и, в-третьих, об организации сбыта товаров в условиях рыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туган-Барановский, М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд.-я 1907 г.) / М.И. Туган-Барановский. – в 2-х ч. – М.: Изд-во «Московский рабочий», 1922. – 430 с.

2. Туган-Барановский, М.И. Основы политической экономии. Изд-е второе, переработанное. / М.И. Туган-Барановский. – С.-Пб.: изд-е Юрид.книжн.склада «Право», 1911. – 512 с.
3. Менделеев, Д.И. Основы фабрично-заводской промышленности. – Вып.1. / Д.И. Менделеев. – С-Пб.: тип. В.Демакова, 1897. – 196 с.
4. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. – В 2-х тт. – Т.1. – Ч.1 (6–9 параграфы). / Д.И. Менделеев. – С-Пб.: тип. Акц. Об-ва Брокгауз и Евфрон, 1901. С.91–201
5. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 13521
6. Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината им. Мулланура Вахитова (1855–1945): монография./ А.С. Ключевич. –Казань: Татгосиздат, 1950. – 280 с.: с илл.
7. Фан-Юнг Г.Ю. Завод-«Великанъ» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.): монография. / Г.Ю. Фан-Юнг. – Казань.: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 234 с., с илл. (Серия «Сокровищница Татарстана»). – ISBN 978-5-8399-0735-5
8. Крестовников, Н.К. Семейная хроника Крестовниковых. / Н.К. Крестовников. – в 3-ех кн. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903–1904. – 384 с.: с ил.
9. Брайс, Д. Вильям Гладстон. / Д. Брайс; пер.с англ. А.Я. Гальперина. – СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1902. – 62 с.

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРАТКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

Фан-Юнг Герман Юрьевич

кандидат исторических наук,
Поволжский государственный университет физической
культуры, спорта и туризма, г. Казань
ger-fan-yung@yandex.ru

THE SHORT REVUE OF THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT IN THE KAZAN PROVINCE IN XIX CENT

G. Fan-Yung

Summary: The subject of our study is the development of provincial industrial production in the 19th century. The most important results of this development and the place of the Kazan plant of the firm of the Krestovnikov brothers in the structure of regional industrial production are analyzed. The state of the regional industry before the foundation of this enterprise is analyzed. The specific measures aimed at improving the production policy at the Kazan plant of this family firm are listed. An objective relationship is demonstrated between the commercial success of the Krestovnikov brothers and the improvement of production at their advanced chemical plant, which operated in a market economy and free labor. An important conclusion is made about the existence of a «union» of science and production in conditions of free competition.

In our work, we used, firstly, the universal methods of scientific knowledge (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.), secondly, the most important principles of historical knowledge (principles of historicism, the principle of a comprehensive study of history, the principle of objectivity, etc.), thirdly, special methods of historical research (narrative, historical-genetic, synchronistic and other methods). All this made it possible to reveal the significance of this enterprise as a significant factor in the local industrial revolution.

Keywords: pre-revolutionary chemical industry of Russia, social history of Russia, industrial revolution, social policy of the company, Kazan plant of the Krestovnikov brothers firm.

Аннотация: Предметом нашего исследования выступает развитие губернского промышленного производства в XIX веке. Проанализированы важнейшие итоги этого развития и место Казанского завода фирмы братьев Крестовниковых в структуре регионального промышленного производства. Проанализировано состояние региональной промышленности до основания этого предприятия. Перечислены конкретные мероприятия, направленные на совершенствование производственной политики на Казанском заводе этой семейной фирмы. Продемонстрирована объективная взаимосвязь между коммерческим успехом братьев Крестовниковых и совершенствованием производства на их передовом химическом заводе, функционировавшем в условиях рыночной экономики и свободного труда. Сделан важный вывод о наличии «союза» науки и производства в условиях свободной конкуренции.

В работе нами использованы, во-первых, универсальные методы научного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез и пр.), во-вторых, важнейшие принципы исторического познания (принципы историзма, принцип всесторонности изучения истории, принцип объективности и др.), в-третьих, специальные методы исторических исследований (нарративный, историко-генетический, синхронистический и прочие методы). Все это позволило выявить значение этого предприятия как значимого фактора локальной промышленной революции.

Ключевые слова: русская дореволюционная химическая промышленность, социальная история России, индустриальная революция, социальная политика компании, Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых.

Академик П.И. Вальден, рассуждавший в начале XX века о стремлении человечества к механизации тяжёлого труда, пришёл к выводу, что «мерой материальной культуры определённой страны ... можно считать количество механизмов, исполняющих механическую работу взамен человека; чем дальше доведена механизация труда, тем больше свободы дано для демократизации культуры и проявления духовных творческих сил страны» [1;16].

Промышленный переворот, смысл и содержание которого заключались в переходе от труда принудительного и ручного к труду механизированному и свободному (наёмному), начался в России в начале XIX столетия, когда возникли первые механизированные производства, ещё весьма крайне редкие. Они применяли наёмный труд и представляли собой т.н. «капиталистические

мануфактуры». Вполне закономерно, что такие производства впервые появились в Санкт-Петербурге, Риге, Варшаве и Москве, став примером для других регионов страны. Однако, крепостное право, исключавшее наличие свободного рынка труда, объективная нехватка технических специалистов и архаичная система государственного управления, в целом, выступали препятствиями для быстрого превращения аграрной страны в страну аграрно-индустриальную.

Характерным подтверждением этого тезиса может служить пример Казанской губернии, где имелись все условия для создания крупных механизированных производств, ориентированных на массового потребителя [2;59–60], но до 1840-х годов таких предприятий основано в регионе не было. Так, по состоянию на 1812 г., в административном центре Казанской губернии крупней-

шим частным промышленным предприятием являлась суконная мануфактура «отставного гвардии прапорщика Осокина». Она относилась к числу т.н. «обязанных» мануфактур, ибо была обязана поставлять «в казну» определённое количество сукна. На ней трудился 1641 работник. Из них, 1292 человека были «покупными» или «приписными» крестьянами, а 349 человек являлись «отходниками» из числа «помещичьих крепостных». Ни одного вольнонаёмного работника на «осокинскую» мануфактуру нанято не было. «Осокинское» суконное «заведение» изготовило в тяжелейшем для страны 1812 году 109.981 «аршин» сукна [3;15]. Сумма годового производства в денежном выражении в источнике отсутствует, но данные за 1857 год свидетельствуют, что упомянутая выше суконная мануфактура произвела «до 80.000 аршин» армейского сукна, на сумму 52.000 рублей серебром [4;356]. Иными словами, спустя полвека, работая в условиях мирного времени, это производство, во-первых, не имело качественного роста производства, во-вторых, не было ориентировано на рынок. Никаких сведений о некоей механизации «осокинской» мануфактуры нами не выявлено. Очевидно, что данное производство нельзя отнести даже к капиталистическим мануфактурам.

К середине XIX века прочие промышленные «заведения» («китаечные», «винокуренные», кирпичные, поташные и прочие т.н. «заводы») в Казанской губернии распределялись неравномерно: «... собственно на город Казань приходится почти $\frac{1}{2}$ всех фабричных заведений губернии, которые вырабатывают $\frac{3}{4}$ всей ценности фабричных изделий губернии» [4;354]. В 1845 г. в Казани имелось 171 промышленное заведение, в 1854 г. их число снизилось до 139 [5;118]. В мае 1855 г. в городе насчитывалось 133 «фабрики» и «завода» [6]. В 1857 г. в Казани находилось «... 127 фабрик и заводов, производящих приблизительно на 3.200.000 руб. серебром» продукции [4;354].

Отмеченное снижение их количества с 1845 по 1855 гг. не находится во взаимосвязи с некоей «модернизацией» производства или техническим перевооружением, которые позволили бы оставшимся «полукустарным» предприятиям продолжать свою дальнейшую деятельность. Подавляющее большинство этих уцелевших «заводов» не может быть отнесено и к числу крупных капиталистических производств. Ибо, и технология производства на указанных «заводах» или «заведениях», и уровень их технической оснащённости, и методы организации производственной деятельности, в целом, не позволяют сделать этого.

Например, упомянутые «китаечные» фабрики начали заводить в Казани с 1820 года ...» [4;358]. К 1835г. насчитывалось 10 казанских «китаечных» производств, суммарно производивших товаров на сумму 200.000 рублей серебром. Очевидно, что сумма годового произ-

водства в денежном выражении на каждом таком предприятии, в среднем, уступала аналогичному показателю «осокинской» суконной мануфактуры.

В 1857 г. в г. Казани имелось чуть более сорока кожевенных заводов. Все эти заводы, относившиеся к традиционным региональным производствам, в том же году, изготовили продукции на «1.191.000 рублей ...» серебром [4;350–351]. Простой подсчёт показывает, что среднестатистический ежегодный объём выпускаемой продукции в денежном выражении одного такого завода составлял 29.048 руб. 78 коп. серебром.

В середине XIX в. в г. Казани существовали и ещё более мелкие, «домашние заводы», относившиеся к различным отраслям промышленного производства. Например, некое «химическое заведение», обозначенное в статистике как «химический завод». В 1857 г. этот «завод» производил: «картофельный сахар, крон-кали, крон-пика ...» и «брауншвейгскую краску». Общая численность рабочих этого «заведения» составляет 9 человек [4;367]. Эти «рабочие ... большею частью из татар, получают от 3 – 4 рублей серебром в месяц...» [4;367]. М.М. Лаптев обозначил ежегодный объём выпускаемой продукции в денежном выражении данного «химического заведения», составивший 3.000 рублей серебром в год [4;350–351]. Очевидно, что такое «заведение» было полукустарным производством, одним из многих.

Типичным для г. Казани производством был и красильный «завод» купца Савватеева. Ежегодно на «заводе» выпускалось 300 пудов краски на сумму 5.000 рублей серебром. Причём, «мастер – сам хозяин завода, у него трое рабочих ...» [4;367]. По нашему мнению, дальнейшее подробное исследование технической оснащённости, как приведённых выше, так и подобных им «полукустарных» заводов, представляется неуместным в рамках данной работы.

«На всех заводах...», занимавшихся мыловарением в г. Казани, имелось, в совокупности, трое мастеров и до 50 рабочих. Очевидно, что не каждый владелец такого мыловаренного «завода» мог нанять мастера. Среднее количество рабочих не превышало пяти человек, а обязанности технолога, мастера и «надсмотрщика» на таких заводах выполняли сами владельцы. Таким образом, мастера имелись только на самых крупных из этих 10 казанских «заводов». На остальных мастерами были «сами заводчики» [4;363].

Вместе с тем, в середине XIX века в регионе уже имелись отдельные предприятия, качественно отличавшиеся от основной массы «заводов» и «заведений». К их числу следует отнести два предприятия, находившиеся в г. Чистополе и Чистопольском уезде. С 1845 г. в г. Чистополе функционировала бумагопрядильная фабрика; число рабочих на ней в 1857 г. составляло 170 человек. На фа-

брике имела паровая машина низкого давления мощностью 30 л.с. В том же году, указанная бумагопрядильная фабрика произвела продукции «до 10 тыс. пудов» на 126.000 рублей серебром [4;350–351]. Это производство возникло после снятия запрета на вывоз паровых машин из Великобритании в 1842 г. В 1845 г. ростовский купец Леонтий Фёдорович Кекин основал на месте паровой мельницы «бумагопрядильню», приспособив имеющиеся мощности для нового производства: «к паровой машине приделан бумагопрядильный механизм» ...» [4;371]. Никаких сведений о дальнейших «модернизациях» и «инновациях» на данном предприятии, на основании изученных архивных материалов нами не выявлено.

В 1855 г., как следует из периодической печати того времени, «... при сельце Мурасе находится бумагопрядильная фабрика, дающая доходу до 7500 рублей ...» [7]. К 1857 г. объём производства на ней составил «9 – 10 тыс.» пудов пряжи в год. Число рабочих достигло 200 человек, «... из них 50 человек – вольнонаёмные» [4;371].

В 1846 г. казанские купцы Ф.И. Пфафф и И.Б. Станге «... учредили Казанское товарищество парового бумагопрядения с целью устранения «зависимости бумажно-ткацких заведений от привозной бумажной пряжи» и «к этому моменту они уже основали бумагопрядильную фабрику в Казани на 1500 веретён» [8;234]. Очевидно, что данное предприятие уступало даже аналогичным российским «первостепенным заведениям», а «производственных возможностей бумагопрядильни было недостаточно для выполнения всех заказов на пряжу, спрос на которую в Казани был весьма велик» [8;234].

С 1851 г. в г. Казани функционировал «чугунно-меднолитейный» завод А.Н. Свешникова. Название предприятия подразумевает наличие определённых производственных мощностей, значительного количества наёмных рабочих и качественно новые методы организации производства и сбыта продукции. Вместе с тем, в 1857 году это предприятие произвело продукции на сумму 15.000 рублей серебром, что не позволяет считать его значимым и крупным региональным производством [4;350–351].

Итак, следует сделать вывод о том, что подавляющее большинство региональных предприятий, имевшихся к 1855 г. в Казанской губернии, независимо от их отраслевой спецификации, были «мелкотоварными» производствами; незначительная часть производств, имевшихся в регионе, являлась капиталистическими мануфактурами. То есть, несмотря на отдельные технические нововведения, их нельзя считать крупными и наукоёмкими предприятиями, способными оказывать серьёзное влияние на динамику социальных отношений в регионе постоянной дислокации.

Один из наиболее авторитетных исследователей ре-

гиональной промышленности, – доцент А.С. Ключевич, – охарактеризовал казанскую промышленность того времени, в целом, как стоявшую на низком уровне развития. В качестве примера этот автор привёл именно мыловаренное производство. Следует уточнить, что интерес А.С. Ключевича именно к мыловаренному производству объясним не только тематикой его монографии, но и тем фактом, что мыловарение относилось к традиционным казанским промыслам: «... мыло варили, как и 100 лет назад, качество его с годами даже ухудшалось» [9;13].

Первым крупным и передовым региональным производством стал «Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод Фабрично-Торгового Товарищества Братьев Крестовниковых», основанный 01(13) июня 1855 г. Семеро братьев Крестовниковых, основавшие этот завод в г. Казани, происходили из сравнительно известной московской купеческой династии, состоявшей в родстве с другими московскими предпринимательскими «кланами» Москвиных, Куманиных и Живаго. В 1832 году члены этой семьи были причислены к сословию потомственных почётных граждан. В начале XX века Крестовниковы были пожалованы потомственным дворянством [10;64].

Прошение на «высочайшее имя» об открытии завода было подано 5(17) марта 1855 года. Закладка и торжественный молебен состоялись 01(13) июня 1855 г., а уже в сентябре того же года один из братьев основателей, Николай Константинович Крестовников, возвращавшийся в г. Казань, «... ещё издали увидел паровую трубу нашего завода, гордо возвышавшуюся над соседними домами» [11;1;95]. Это была единственная высокая паровая труба, возвышавшаяся в сентябре 1855 года над городом. Факт наличия единственной высокой заводской паровой трубы, изменившей вид города, косвенно подтверждается и тем, что «татары, не привыкшие к произношению нашей фамилии, называли нас попросту «большая труба»» [11;1;97].

Отметим, что объективные и субъективные причины основания этого предприятия были подробно изложены нами не только в диссертационной работе, успешно защищённой в Казанском федеральном университете, но и в написанной по её материалам монографии [2]. На основании целого ряда опубликованных и неопубликованных источников, изученных нами в процессе написания упомянутых выше работ, можно утверждать, что московские братья-предприниматели реализовали на практике идею профессора технологии Императорского Казанского университета М.Я. Киттары, выступавшего за создание механизированной промышленности, и в стране, и в Казанской губернии. Учитывая региональную специфику, подразумевавшую многовековые традиции мыловарения и выделки кож, которыми славились татарские ремесленники из Казани, профессор М.Я. Киттары разработал проект создания стеариново-мылова-

ренного [12; 21 – 29] и кожевенного заводов.

Представление о первоначальных размерах предприятия даёт «Статейная книга» компании за 1855 – 56 гг. В этом источнике имеется опись заводских строений и отмечено, что на 1 (13) января 1856 г. ст.ст. «все заводские строения оценены в 36 тысяч 737 рублей 29 копеек» [13; 76]. Упомянутый в описи построй «первый корпус» («одноэтажный» и «крытый железом») был в 1855 году средоточием его производственных мощностей (паровая машина, прессы и пр). Размеры корпуса, удивлявшие современников, были сравнительно небольшими по современным представлениям: его длина – 102,4 метра, ширина – 19,2 метра.

В конце ноября 1855 года ст.ст. «... началась варка сала, в конце декабря вышли первые свечи» [11;1;95]. «Сколько времени мы ждали известия о начале работы на стеариновом заводе; наконец, последние ваши письма, кажется, показывают ясно, что с 28 с.м. [т.е., с декабря 1855 года ст.ст. – прим. Автора], завод пошёл» – писал Владимир Константинович Крестовников, один из братьев-основателей этого предприятия [11;2;66]. Иными словами, В.К. Крестовников выразил в письменном виде свою радость по поводу начала постоянной производственной деятельности Казанского стеариново-мыловаренного завода, основанного 01(13) июня 1855 года: «закладка завода была..., в Духов день, ...» по православному церковному календарю [11;1;95].

Уже в 1856/1857 операционном году, «едва начав действовать, завод стал вырабатывать довольно большое количество продукции и ... выпустил её около 80 тыс. пудов (1300 т.) Вскоре после этого мощность и выработка завода были подняты до уровня, имевшегося у более старых и крупнейших русских стеариновых заводов. Одних свечей стали выпускать более 30 тыс. пудов (500 т.) в год» [9;16–17].

О значимости этого предприятия свидетельствует и общая численность рабочих завода. Так, в 1855 – 1857 гг., как справедливо отмечал А.С. Ключевич, она не была величиной постоянной. Все рабочие завода подразделялись на два состава: постоянный и переменный (сезонный). Наём постоянного состава, согласно архивным данным, начался с 16 ноября 1855 года ст.ст. И уже «в 1857 году на заводе было 200 постоянных рабочих» [9;21]. В том же году «всех рабочих на заводе находится 200 человек, в числе коих до 100 женщин, собственно для наливки, обрезки, полировки и отвёртки в бумагу фунтовых пачек свечей» [4;369]. Следовательно, численность переменного состава возрастала зимой и падала летом, то есть носила сезонный характер. Количество сезонных рабочих постоянно колебалось: «зимой 1856 года бывали дни, когда их насчитывалось по 100 и даже 200 человек, а в другие дни – около десятка» [9;21].

Для сравнения: даже спустя годы, уже в 1869 – 1871

гг., на мыловаренном заводе «... почётного гражданина и коммерции советника Ибрагима Губайдуллина Юнусова» трудилось 6 рабочих; на мыловаренном заводе «... купца Сайфутдина Бакирова» – 3 рабочих; на мыловаренном заводе «... купчихи Марии Фёдоровны Казанцевой» – 4 рабочих [14;44]. В отличие от построенного братьями Крестовниковыми завода-«великана», никаких сведений о круглогодичной производственной деятельности подобных производств не имеется. М.М. Лаптев, посетивший предприятие в конце 1850-х годов писал, что построенный братьями Крестовниковыми в Казани «завод один из весьма немногих в г. Казани заводов, которые устроены и идут наравне с успехами технологии» [4;368].

Как в современной региональной периодической печати, так и в некоторых научных работах, посвящённых локальной промышленной революции в Казанской губернии, к сожалению, весьма редких и лишённых стремления к переосмыслению отживших идеологических догматов, бытует представление о предпринимателе И.И. Алафузове как об основателе крупной механизированной региональной промышленности [15]. Тем самым, игнорируются не только объективные данные из многочисленных опубликованных и неопубликованных источников, но и, к примеру, коллективная монография Габдрафиковой Л.Р., Измайлова Б.И. и Салихова Р.Р., посвящённая истории «алафузовских» заводов [16].

Повествуя о возникновении т.н. «алафузовских» заводов в Ягодной слободе, эти авторы прямо указывают на тот факт, что «создателями кожевенной фирмы были московские фабриканты Крестовниковы, которые в Казани занимались свечным и мыловаренным производством» [16;61]. Качество производимой Крестовниковским кожевенным заводом, основанным в 1859 году, было так высоко, что ... высококачественная кожа не находила сбыта из-за высокой цены. Убыточное производство выкупил у братьев Крестовниковых в 1866 году И.И. Алафузов, их бывший компаньон. Таким образом, производственная деятельность т.н. «алафузовских» заводов в Ягодной слободе, сразу же переориентированных на казённые заказы, началась в 1866–1867 годах, т.е. через десять с лишним лет после того, как Крестовниковский «завод-«великан»» был уже «в полном ходу». Очевидно, что на этом следует поставить точку в дискуссии о первенстве И.И. Алафузова как «родоначальника» крупной механизированной промышленности в Казанской губернии.

К 1870 году Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых продолжал своё успешное развитие. Основным фактором этого развития стал «союз» между предпринимателями и учёными-химиками. Благодаря основанию заводской лаборатории и привлечению к сотрудничеству многих выдающихся учёных над производством был установлен технологический (т.н. «химический») контроль. Химики должны были выявить оптимальный

температурный режим, точные пропорции химикатов, катализаторов и пр. Отметим, что в заводской лаборатории осуществлялись серьёзные научные исследования под руководством опытных учёных-химиков. Всё это позволяет считать, и заводскую лабораторию, и весь завод, неким «филиалом» кафедры органической химии Императорского Казанского университета.

Непрерывно происходила модернизация производственной сферы предприятия, совершенствовались формы и методы социальной политики. На наш взгляд, уместно привести сведения об отраслевых объёмах промышленного производства (в денежном выражении) в г. Казани за 1870 год [2;133]. Простой подсчёт показывает, что доля Казанского «крестовниковского» завода, в денежном выражении, в суммарном объёме продукции, производимой в административном центре Казанской губернии, составляла 47 %.

Сведения об отраслевых объёмах промышленного производства в г. Казани в 1870 г. (в денежном выражении)

№	Вид производства	Количество предприятий	Суммарный объём произведённой продукции (в руб. сер.)
1.	кожевенное	22	1.200.000
2.	«козловое»	11	1.050.000
3.	альбуминное	1	100.000
4.	мыловарение (без учета «крестовниковского» завода)	5	360.000
5.	стеариново-мыловаренный завод братьев Крестовниковых	1	2.460.000

Являясь крупнейшим предприятием г. Казани, «крестовниковский» завод был и наиболее значимым региональным производством, ибо, как писал краевед М.Н. Пинегин, назвавший это предприятие «заводом-«великаном»», именно «Казань является центром своей губернии и в промышленном, и в торговом отношении» [17;491]. С 1882 г. завод занял почётное второе место в России среди предприятий своей отрасли и уверенно приближался к тому, чтобы стать самым крупным в стране стеариново-мыловаренным производством.

М.Н. Пинегин отмечено снижение количества промышленных предприятий в Казани: в 1857 г. их было 127, а в 1888 г. – 79. Одновременно численность рабочих в городе увеличилась: в 1857 г. – 2800 чел., в 1888 г. – 4510 чел [17;487]. При этом, объём промышленного производства в Казанской губернии возрос: если в 1857 г. он составил 5.200.000 рублей, то в 1888 г. увеличился до 11.723.285 рублей [17;487]. При этом «наибольшему сокращению подверглось производство по обработке растительных сырых материалов ... на 36,6%» [17;491]. Приведённые

данные свидетельствуют о настоящем кризисе, охватившем имевшиеся в регионе небольшие производства. Деятельность обозначенных отсталых предприятий была основана на самой тесной связи с экстенсивным сельским хозяйством. Недостаточный уровень их технической оснащённости объективно способствовал прекращению производственной деятельности.

Напротив, крупные производства и, в первую очередь, казанское предприятие братьев Крестовниковых, укрепляли свои позиции. Доцент А.С. Ключевич справедливо отмечал, что «в отношении завода это должно быть объяснено, ... тем, что он был передовым в капиталистическом смысле предприятием и отнюдь не местного значения» [9;47]. В условиях отсутствия нормального железнодорожного сообщения с Центральной Россией до 1913 года, братья Крестовниковы проявили себя как талантливые управленцы, обеспечившие не только выживание, но и успешное нарастающее развитие своего предприятия.

Резкое сокращение объёмов ручного труда и совершенствование производственных процессов благодаря теснейшему сотрудничеству и взаимодействию учёными-химиками, не привели к сокращению численности рабочих «крестовниковского» завода. Напротив, численность рабочих в указанный период возрастала. Так, если в 1861 г. на заводе постоянно трудилось 355 рабочих, то в 1863 г. – 464 чел.» [9;53]; в 1868 г. на предприятии имелось свыше 600 рабочих» [9;54], а в конце 1870-х гг. «...работало около 1200 человек» [18;6]. В целом число постоянных рабочих завода удвоилось за неполные десять лет. В 1877 г. на всех 389 предприятиях, имевшихся в Казанской губернии, числилось 8.036 рабочих» [19;394–398]. В итоге, около 15 % всех рабочих, имевшихся в 1877 г. в Казанской губернии, трудились на обозначенном химическом предприятии братьев Крестовниковых.

К 1890 г. завод стал крупнейшим в стране стеариново-химическим производством. Доля завода в стеариновой подотрасли химической отрасли отечественной химической промышленности к 1890 году достигла 30,3% [2;179].

Сведения о стеариново-химическом производстве в Европейской части России в 1857 – 1890 гг.

Год	Количество стеариновых заводов в Европейской части России	выработка свечей, в тыс. пуд.	Доля завода бр. Крестовниковых в общей выработке, в %
1857	25	378	10,6
1884	12	865	25,4
1890	8	1121	30,3

В 1890-е гг. на Казанском заводе братьев Крестовниковых продолжалось строительство новых производственных объектов. Так, с 1897 года начато строительство нового олеинового корпуса, корпуса дистилляции

жирных кислот, глицеринового цеха («завода») и нового стеаринового корпуса. На месте нынешней площади М. Вахитова был разбит заводской сад, за которым была выстроена новая заводская больница. С 12 марта 1899 года началась электрификация предприятия. В том же году владельцы завода перевели все помещения с газового освещения на электрическое. В 1899 году на заводе трудилось около двух тысяч человек, занятых на прерывных и непрерывных производствах. Для сравнения: рассуждая о промышленности Германской империи в самом начале XX века, академик Д.И. Менделеев отметил, что из общего количества германских промышленных предприятий только «... 248 заведений имеют более 1000 работающих, а в них всего 0,43 миллиона работающих. Это суть крупнейшие фабрики и заводы, ...» [20;121].

Таким образом, еще до отмены крепостного права в административном центре Казанской губернии возникло и успешно функционировало передовое и наукоёмкое химическое производство, и технически, и техноло-

гически, несопоставимое с имевшимися ранее редкими капиталистическими мануфактурами и массой «полукустарных» т.н. «заводов» и «заведений». Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых следует отнести к числу «новейших капиталистических фабрик», тех подлинных «локомотивов» прогрессивного экономического и социального развития, о которых писал выдающийся экономист М.И. Туган-Барановский.

Следовательно, применительно к территории бывшей Казанской губернии антинаучно обозначать данное передовое производство как «одно из ...» многих или немногих, имевшихся в крае в середине XIX столетия. Проще говоря, начиная с 1855 года, Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых оставался «флагманом» региональной промышленности, оказывавшим самое решающее воздействие на динамику социальных отношений в крае. Основание этого предприятия стало началом локальной промышленной революции, превратившей Казанскую губернию в аграрно-индустриальный регион.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальден, П.И. Наука и жизнь: сб. статей. / П.И. Вальден. – В 3-х чч. – Ч.1. – Пг.: науч. хим-тех.изд-во при осведомит.-стат.бюро хим.отд. комитета воен.-тех.помощи, 1918 г. – 113 с.
2. Фан-Юнг, Г.Ю. Завод-«Великанъ» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.): монография. / Г.Ю. Фан-Юнг. – Казань.: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 234 с.
3. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. – С-Пб.: В тип. Воен.министерства, 1814. – 174 с.
4. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. / Сост. М.М. Лаптев – в 39 тт. – Т.8. – СПб.: Воен. тип., 1861. – 615 с.
5. Свердлова, Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX вв): монография. / Л.М. Свердлова. – Казань.: Татар. кн. изд-во, 2011. – 319 с.
6. Казанские губернские ведомости. – 1855. – 16 мая. – №20, часть неофици.
7. Казанские губернские ведомости. – 1855. – 6 июня. – №25, ч. неофици.
8. Арсентьев, В.М. От «протоиндустрии» к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья). / В.М. Арсентьев. – Саранск.: Изд-во Мордовского ун-та, 2004. – 261 с.
9. Ключевич, А.С. История Казанского жирового комбината им. Мулла-Нур Вахитова (1855 – 1945): монография. / А.С. Ключевич. – Казань.: Татгосиздат, 1950. – 280с.: с ил.
10. РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.726
11. Крестовников, Н.К. Семейная хроника Крестовниковых. / Н.К. Крестовников. – В 3-ех кн. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903–1904. – 384 с.: с ил.
12. Киттары, М.Я. Проект стеаринового завода в Казани. / М.Я. Киттары // Записки Казанского экономического общества. – Ч.2. – Кн.6. – Отд. III. – Казань.: Тип. Ун-та, 1854. – С.21 – 29.
13. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 3
14. ГА РТ. Ф. 114. Оп.1. Д. 4337
15. Алафузов И.И. // Tatarica (татарская энциклопедия). URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novoe-vremya/personalii/alafuzov-ivan-ivanovich> [дата обращения – 02.09.2022 г.]
16. Габдрафикова, Л.Р., Измайлов, Б.И., Салихов, Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. / Л.Р. Габдрафикова, Б.И. Измайлов, Р.Р. Салихов. – Казань: ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – 276 с.+28 с.вкл.
17. Пинегин, М.Н. Казань в её прошлом и настоящем. / М.Н. Пинегин. – СПб.: тип. Суворина, 1890. – 679 с.
18. Ключевич, А.С. Развитие производственной деятельности комбината (исторический очерк). / А.С. Ключевич // К 100-летию Казанского жирового комбината имени Вахитова: Сб. статей. / Спец.редактор В.В. Бухарин. – М.: Пищепромиздат, 1957. – С.4 – 14.
19. ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 30
20. Менделеев, Д.И. Учение о промышленности. / Д.И. Менделеев. – В 2-тт., т.1. – Ч.1 (6–9 параграфы). – С-Пб.: Тип.Акц.Об-ва Брокгауз–Евфрон, 1901. – С.91–201

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА: ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

THEOLINGUISTICS OF THE XXI CENTURY:
DIDACTIC QUESTIONS**A. Akopyans****I. Fedotova****A. Kazieva**

Summary: This article is devoted to the analysis of the prospects for the development of theolinguistics as a scientific discipline and the integration of theolinguistic knowledge into the system of humanitarian education of the higher school of modern Russia. Theolinguistics is considered, on the one hand, as a synthetic direction in linguistics and, on the other hand, as an academic discipline relevant in modern realities. The author states the need to apply new technologies and teaching methods based on the dominance of the theolinguistic approach in order to directly influence students and form individual spiritual and moral qualities that meet the requirements of the modern multi-confessional world.

Keywords: theolinguistics, spiritual and moral education, anthropocentric paradigm, theology, religious studies, spirituality, theolinguodidactics.

Акопянц Арега Михайловна

доктор педагогических наук, профессор, Пятигорский
государственный университет
imadean@yandex.ru

Федотова Ирина Борисовна

доктор педагогических наук, профессор, Пятигорский
государственный университет
fedotova@pgu.ru

Казиева Альмира Магомедовна

доктор филологических наук, профессор, Пятигорский
государственный университет
kazieva@pgu.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу перспектив развития теолингвистики как научной дисциплины и интегрирования теолингвистического знания в систему гуманитарного образования высшей школы современной России. Теолингвистика рассматривается, с одной стороны, как синтетическое направление в лингвистике и, с другой стороны, как актуальная в современных реалиях академическая дисциплина. Автор заявляет о необходимости применения новых технологий и методик обучения на основе доминантности теолингвистического подхода с целью непосредственного влияния на учащихся и формирования индивидуальных духовно-нравственных качеств, отвечающих требованиям современного поликонфессионального мира.

Ключевые слова: теолингвистика, духовно-нравственное воспитание, антропоцентрическая парадигма, богословие, религиоведение, духовность, теолингводидактика.

Возникновение в конце XX века нового междисциплинарного научного направления «теолингвистика» вызвало большой интерес со стороны академического сообщества.

В русле современного языкознания теолингвистика рассматривается как «наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [2, с.166].

Вопросы, релевантные для данного научного направления, рассматривались и ранее. Однако за последние десятилетия мы отмечаем чрезвычайно высокую динамику роста интереса к теолингвистике как научному направлению, поскольку в ее основе лежат не только вопросы взаимодействия языка и религии, отражающие процессы становления и развития теолингвистики как науки о языке, но и открываются совершенно новые перспективы применения теологического дискурса в филологическом, богословском, культурологическом, философском, психологическом, педагогическом, теологическом и других научных направлениях.

Как справедливо отмечает В.И. Постовалова, «Интегрирование теологического знания в мировоззрение и

культуру возвращает гуманитарное познание к своим религиозным истокам с целостным видением реальности и прагматическим характером первоначального лингвистического знания» [7, с.114].

Бесспорно, современный этап развития лингвистики характеризуется несомненным признанием доминирующей роли антропоцентрической парадигмы. В русле антропоцентризма «человек говорящий» рассматривается как центр и «высшая цель мироздания, всех совершающихся в мире событий» [1]. Антропоцентрическая парадигма, несомненно, требует новых методик исследования языковой системы, разработки новых комплексных дисциплин, в основе которых рассмотрение языка во взаимодействии с базовыми сторонами человеческого бытия – культурой, сознанием, духовной жизнью человека, рассматриваемыми в их лингвистическом аспекте. Развитие и формирование столь актуального для современного языкознания направления, как теолингвистика, несомненно, проходит в русле данной тенденции.

Для понимания общего контекста возникновения и развития теолингвистики как нового направления в антропоцентрической парадигме современного языкознания, наряду с тенденцией интегрирования теологии

в гуманитарное мировоззрение и культуру, по мнению В.И. Постоваловой, в русле современного теолингвистического направления предлагает изучение языка наиболее эффективно с учетом трансцендентно-религиозной позиции. Поскольку в богословии человек представляется как образ и подобие Божие, было бы логично рассматривать «человека говорящего», *homo loquens* (антропоцентрическая парадигма) как «человека религиозного», *homo religiosus*. В этом случае при рассмотрении самой природы языка логичен переход от категории имманентного (антропологического) существования в высшую Богочеловекокосмическую реальность, в русле которой язык получает свое максимально «онтологическое возвышение» [7, с.115-116]. Соответственно, говоря о концепции развития теолингвистики, мы можем номинировать «теоантропокосмическую парадигму», на основе которой языковая система анализируется в контексте *Бог-космос-человек*. В данном случае речь идет о трактовке языка в двух смыслах – язык в узком смысле (человеческий язык) и язык в широком, божественном смысле, поскольку «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Слово» [10, с.224]. Привлечение богатейшего духовного опыта человечества в рассмотрении и решении различных лингвистических проблем в русле теолингвистической парадигмы нам представляется максимально перспективным, так как новые открытия в различных областях гуманитарного знания позволяют нам по-новому трактовать язык, в котором, как справедливо отмечает П.А. Флоренский, «заложено объяснение бытия» [6].

Рассматривая теолингвистику как новую синтетическую дисциплину в рамках теоантропокосмической программы современного языкознания, мы предполагаем широкие возможности развития теолингвистики как полноценной теоретической дисциплины в контексте общественных направлений теолингвистических исследований религиозного дискурса.

Отмечая высокую значимость теоретического аспекта теолингвистики, ученые обращают особое внимание на вопросы интегрирования теологического знания в культуру и мировоззрение, тем самым ставят особые акценты на прикладном, прагматическом характере первоначального лингвистического знания, поскольку, как считает А.К. Гадомский, «языкознание возникло как теоязыкознание (теолингвистика) и только с веками приобрело светский характер» [3, с.288], то есть изначально, в первую очередь, языкознание «служило потребностям Церкви, занимаясь исследованием религиозного дискурса».

А. Вагнер, рассматривая место теологии в современном высокотехнологическом мире, также делает особые акценты на прикладные аспекты теолингвистики. Исследователь отмечает, что именно в лице теолингвистики

современное языкознание получило бы максимально эффективную и лукративную прикладную дисциплину, в одинаковой мере способную адекватно решать как лингвистические, так и теологические проблемы [18].

В данной статье предполагаем рассмотреть дидактические вопросы теолингвистики, а именно теолингвистики как предмета обучения.

Следует признать, что в современных исследованиях «основные задачи теолингвистики определяются в двух аспектах: 1) понимание того, как язык функционирует в различных «религиозных контекстах или религиозных ситуациях» [16, 17, 18]; 2) в исследовании самого так называемого «религиозного языка» в различных филологических (изучение религиозного дискурса, стилистический подход, жанровый подход, дискурсивный подход, коммуникативный и лингводидактический) и нефилологических (философский, теологический, религиоведческий, исторический, семиотический, аксиологический) направлениях, т.е. в основном современные теолингвистические исследования носят теоретический характер. Мы же предполагаем рассмотреть возможности и перспективы преподавания теолингвистики как научной дисциплины в академической аудитории.

Как и всякое научное направление, основанное на взаимодействии двух научных парадигм, теолингвистика всей своей сутью демонстрирует невозможность прямого соединения двух научных дисциплин. Анализ научных исследований теолингвистической проблематики наглядно показывает приоритеты либо теологической, либо лингвистической проблематики, как при решении теоретических, так и прикладных задач.

Решение данного вопроса определяется целями, которые перед собой ставит теолингвистика как научное академическое направление. Главная *цель*, по нашему мнению, – это исполнение роли так называемого промежуточного звена, установление посреднической теогуманитарной связи в двух основных направлениях: 1) взаимодействие между религией, церковью и обществом, государством; 2) взаимодействие между лингвистикой и теологией как научными направлениями.

Поставленные цели определяют перед нами следующие задачи в дидактическом аспекте:

1. Перспективы преподавания теолингвистики как научной дисциплины в академической аудитории;
2. Возможность передать новым поколениям ценностную информацию об устройстве мироздания и общества, объективные знания, которые с точки зрения предыдущих поколений являются жизненно необходимыми в процессе выживания человечества и способствующего прогрессу.
3. Реализация интегрированного процесса вступле-

ния субъекта в структуру общества, помощь члену общества при вхождении в светскую и религиозную среду через овладение ее нормами, правилами, ценностями, знаниями.

Вопросы создания широких возможностей преподавания «Теолингвистики» как академической дисциплины в Российской высшей школе достаточно дискуссионны и требуют тщательного рассмотрения. С одной стороны, теолингвистика как научная дисциплина может быть введена в учебные программы вузов и научно-исследовательских институтов гуманитарного направления, связанных с теологией, религиоведением, с комплексом различных смежных дисциплин (социальных, культурологических, филологических, исторических, философских и др.). Актуально преподавание теолингвистики как базовой дисциплины на гуманитарных факультетах университетов, в рамках обязательных и факультативных курсов. На деле же число университетов, институтов, факультетов, на базе которых реализуются программы, релевантные для изучения теолингвистической проблематики, ничтожно малы в масштабах Высшей школы страны.

Уже сегодня российскими учеными-теолингвистами разработаны и введены в активный учебный процесс ряд учебных курсов по теолингвистике, как, например, базовая программа учебной дисциплины «Теолингвистика», курс «Хрестоматия теолингвистики» [2, 4], образовательный курс «Религиозные концепты в православном мирозерцании» [7] и др.

Для более глубокого понимания общего культурно-исторического контекста введения теолингвистики как комплексной дисциплины в систему гуманитарного образования, наряду с вышеобозначенной тенденцией системной реализации теоантропокосмической программы изучения языка, всё большее значение приобретает еще одна важная тенденция, а именно тенденция «интегрирования теолингвистического знания в систему гуманитарного образования высшей школы современной России».

В русле данной интегративной тенденции, по нашему мнению, было бы важно включение теолингвистики как отдельной теолингвистической дисциплины в учебные планы основных образовательных программ гуманитарных факультетов Российских светских университетов, например, наряду с такими дисциплинами, как социология, психология, философия, лингвокультурология, социолингвистика, антропология и др.

С учетом ограниченности богословских знаний современного студенчества, возможно также введение в учебные программы частных курсов, основанных на дисциплинах, которые уже введены в основной образо-

вательный процесс гуманитарных факультетов российских университетов (как, например, на базе стандартных курсов антропологии, функциональной стилистики, курс-анализа и лингвокультурологии) на всех ступенях высшего профессионального образования: бакалаврского, магистерского и даже докторского, с тем, чтобы предоставить студентам реальный выбор теолингвистических курсов.

Сегодня преподавание теолингвистики может осуществляться также и на богословских факультетах (магистерские и докторские ступени обучения) как в качестве основной, так и факультативной дисциплины.

Перспективно также создание новых теолингвистических курсов, как, например, «Религиозная коммуникация» (вопросы сверхэмпирической, сакральной, глубинной коммуникации); «Теогеография в современном мире» (теология как география и геология); «Лингворелигиоведение» (язык и религия); «Теолингвокультурология» (теология и культурология); «Паратеолингвистика» (изучение парарелигиозного языка в двух дискурсах: 1) в рамках паралингвистики (кинетика и просодика), 2) в аспекте богословия и религиоведения).

Комплексные курсы в рамках теолингвистической парадигмы изучения языка могут развиваться в трех направлениях: 1) как часть науки и языка, 2) как часть общей науки о человеке, 3) как часть теологии. При этом сама форма номинации данных дисциплин адекватно выражает основную направленность их научного направления – Теолингвистика. На современном этапе теолингвистика – молодая, динамично развивающаяся дисциплина, именно поэтому список отмеченных в нашей статье теолингвистических направлений не может рассматриваться нами как закрытый. Несомненно, он будет развиваться и дополняться.

Поскольку теолингвистика рассматривается как синтетическое направление в современной лингвистике, каждый из рассмотренных нами курсов предполагает определенные особенности. Сложно говорить о том или ином направлении теолингвистики в чистом виде. Несомненно, они пересекаются или носят комплексный характер. Более детальная разработка этой проблемы и каждого из направлений составят предмет дальнейших исследований.

В перспективе видится возможность открытия специального учебного заведения – потенциального Духовного центра, которое, с одной стороны, могло бы готовить специалистов-лингвотеологов и лингвосектологов, которые будут проводить исследовательскую, просветительскую, организационную, разъяснительную работу среди населения и священнослужителей, с другой, – развивать, содействовать, координировать работу всех ду-

ховных организаций и благотворительных фондов.

Обсуждение дидактического аспекта современной теоллингвистики, несомненно, связано с решением многих задач. Тревожные реалии современности говорят о необходимости по-новому взглянуть на взаимосвязь образования и религии. В центре современной системы образования и воспитания в целом стоит воспитание духовной языковой личности как субъекта национальной культуры.

Духовно-нравственное воспитание личности относится к одной из приоритетных задач, которые стоят перед системой высшего образования России и понимаются нами как совокупность условий, крайне важных и необходимых для сохранения духовно-нравственных качеств молодого поколения.

Закономерно, что сегодня формирование у учащихся «духовности и культуры» рассматривается как одна из приоритетных задач воспитания, наряду с формированием «правового самосознания», «самостоятельности, толерантности, способностью к успешной социализации в обществе» и др.

При условии выхода этих качеств за пределы сложившейся системы нравственных норм можно предположить деградацию общества как целостной системы, поскольку, как свидетельствует известное изречение Наполеона, «упадок нравов – это гибель государства как политического целого».

Духовно-нравственная концепция воспитания молодежи основана на приоритетной ориентации на общечеловеческие ценности, ценности и нормы национальной культуры, духовные и религиозные ценности.

Категория духовности в аспекте включения ее в научный контекст теоллингвистики как социального и гуманитарного знания в первую очередь нуждается в тщательной разработке и анализе, поскольку духовность рассматривается сегодня как важнейший элемент национальной идеологии современной России, в рамках которой выделяются такие элементы, как общенародная цель, социальный идеал, основные ценности, духовные ценности, историческая память, надежда, патриотизм и др.

Мы присоединяемся к В.И. Слободчикову, который отмечает, что в рамках господствующей в современном мире идеологии постмодернизма, настаивающей, что «все, абсолютно все в мире относительно», и «можно верить в это, а можно в другое, можно отстаивать такие ценности, а можно разделять иные», происходит «унификация социально-политических структур, разрушение форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, размывание любых мировоззренческих

основ его самоопределения и одновременно – призыв уповать только на собственную самость в качестве основы и смысла жизни» [9].

Духовный иммунитет личности представляется нам как единственно надежное средство реального противодействия разрушительным процессам эпохи.

По нашему мнению, условием дальнейшего углубления формирования духовности как важнейшего элемента идеологии России и построения на этой основе концепции духовно-нравственного воспитания учащихся является учет достижений религиозной мысли.

Именно традиционные религии и конфессии народов России обладают тем огромным концептуальным потенциалом, который должен быть использован в адаптации категорий «духовность», «духовно-нравственное воспитание» в системе Российского образования.

Путь к реальной духовности как к единственной надежной основе духовно-нравственного воспитания в современном российском обществе лежит через обращение к многовековому духовному опыту всех традиционных народов России.

Средоточием обучения и воспитания, помимо семьи и государства, во все времена являлась Церковь, библейское учение которой по своей сути педагогично, так как его основная задача заключалась в том, чтобы создать и воспитать сообщество людей, достойных вечного спасения. Христианские идеи и концепции, методы, формы и средства образования и воспитания оказали весьма существенное влияние на становление современной системы образования.

Чрезвычайно важное место среди них занимают вопросы интегративного вступления субъекта в структуру общества, обучения человека профессионально и духовно значимым навыкам и умениям, передачи ему высших истин и божественного знания, так как именно при последовательной реализации тенденции к интеграции теологического знания в мировоззрение, культуру и духовность человек говорящий (*homo loquens*) становится человеком религиозным (*homo religious*), а значит человеком праведным (*homo viriustus*).

С сожалением приходится признать, что сегодня мы наблюдаем «унификацию социально-политических структур, разрушение форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, размывание любых мировоззренческих основ его самоопределения и одновременно – призыв уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни» [9].

В эпоху интеграции различных общественных, соци-

альных и гуманитарных наук в аспекте многогранного изучения единого объекта – человека, его поведения и культуры в социуме, нравственных, религиозных и духовных воззрений, менталитета, развитие таких новых направлений как теолингвистика особенно важно.

Динамичность, сложность и высокая востребованность современного теологического, в частности теолингвистического образования, ставят все новые задачи и предъявляют новые требования всем его субъектам (преподавателям и студентам).

Теолингвистика как новое научное направление во многом максимально эффективно позволяет решать столь актуальные сегодня для российской высшей школы обозначенные здесь вопросы духовно-нравственного воспитания студенчества.

Поскольку достижение данной цели осуществляется в ситуациях образовательного и воспитывающего взаимодействия, то в качестве первоочередных выделяются два направления – образовательное и воспитательное. Образовательное направление теолингвистики ориентировано на передачу новым поколениям ценностной информации об устройстве мироздания и общества, объективных знаний, которые, с точки зрения предыдущих поколений, являются жизненно необходимыми в процессе выживания человечества и способствуют его прогрессу. Это достигается посредством решения ряда образовательных задач и, в первую очередь, касается передачи светских / религиозных знаний через соответствующие светские и религиозные учреждения.

Особое место отводится формированию научной / религиозной картин мира. К числу приоритетных задач относится обучение человека интеллектуально / профессионально / духовно значимым навыкам и умениям.

Образовательный процесс направлен не только на получение определенного объема информации, знания, но и на контроль степени их усвоения со стороны обучающего.

Важное место при этом отводится вопросам духовно-нравственного воспитания. Данный процесс предполагает, что человек будет познавать определенные морально-этические нормы, «правильные» формы стереотипных коммуникативных реакций, одобренных обществом или Церковью. Представления о системе общепринятых ценностей, запретов и разрешений транслируют педагог, родитель, родственник, знакомый, взрослый, Бог, священнослужитель. Они, по причине своего статусно-ролевого доминирования, наблюдают за вербальным и невербальным поведением своих подопечных; в случае, если оно не соответствует канонам

социальной или христианской морали, нравственности, этикета, корректируют его.

Успех образовательного и воспитательного процессов во многом зависит от применяемых методов обучения и воспитания, общими из которых являются репродуктивный, словесный, догматический, наглядный, практический.

Одними из наиболее актуальных и важных проблем, которые на сегодняшний день стоят перед теолингвистикой как научным направлением, являются вопросы дидактики теолингвистического анализа. Такие методы теолингвистики, как репродуктивный, словесный, догматический, наглядный и практический, являются исходными при рассмотрении теоретических и прикладных проблем теолингвистики. Вместе с тем, в процессе рассмотрения дидактических вопросов современной теолингвистики особую актуальность приобретают вопросы новых технологий и методик обучения с учетом важного фактора, а именно доминантность теолингвистического подхода в образовательно-педагогических концепциях с целью непосредственного влияния на учащихся и формирование индивидуальных духовно-нравственных качеств, отвечающих требованиям современного поликонфессионального мира. Большое внимание следует также уделять вопросам моделирования образовательного процесса, основанного на «активном диалоге религиозных конфессий и учений» для обеспечения интеграции духовных, культурных, религиозных ценностей мировой цивилизации изучаемого языка в образовательный процесс.

Мы отмечаем недостаточность профильно-ориентированных научных исследований в области дидактического аспекта теолингвистического направления, а также актуальность системного, последовательного подхода к решению проблем духовного и нравственного воспитания учащегося в аспекте теолингвистического направления.

На основе концептуальных направлений современной теолингвистики определяется важность рассмотрения и решения целого ряда противоречий между: 1) необходимостью разработки современных методов и технологий для обновления качества и содержания обучения в структуре нового междисциплинарного направления – теолингвистика; 2) сочетанием принципов онтологического подхода в содержании теолингвистических учебных курсов и реализацией принципов аксиологического подхода к педагогической деятельности преподавателя; 3) необходимыми знаниями, навыками и умениями, которые позволят учащимся понимать и использовать теодискурс в различных ситуациях общения и коммуникативных ситуациях; 4) педагогическими возможностями, которые имеют междисциплинарные объ-

единения учащихся в своей работе и недостаточностью их использования при решении задач развития теолингвистической подготовленности учащихся к будущей коммуникативной профессионально ориентированной деятельности.

Необходимость разрешения обозначенных противоречий повышает актуальность исследования вопросов теолингвистики в дидактическом аспекте, а в некотором смысле предполагает возможность рассмотрения создания нового направления – Теолингводидактика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002. – 448с.
2. Гадомский А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии / А.К. Гадомский // Культура народов Причерноморья. – № 49. – Т. 1. 2004. – с. 164-167.
3. Гадомский А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание / А.К. Гадомский // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». Т. 20 (59), № 1 - Симферополь: ТНУ, 2007. С.287-292.
4. Гадомский А.К. Теолингвистика как предмет обучения: проект курса / А.К. Гадомский. Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. Вып. 2(22) – 2012: Казань: Казан. Духов. Семинария, 2012. – С.19-34.
5. Кузнецов В.Н. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России // Будущее России в зеркале синергетики / Ред. Г.Г. Малинецкий. М., 2006. С.39-50. (Синергетика: от прошлого к будущему).
6. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания / В.И. Постовалова // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 342-420.
7. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном мировоззрении (Образовательный курс), "Magister Dixit" – научно-педагогический журнал Восточной Сибири №4 (12). С.54-101.
8. Прот. Павел Великанов. Школа веры I прот. Павел Великанов. – 2012. – Режим доступа: <http://izdatsovet.ru/news/detail.php?ID=42719> (дата обращения : 05.12.2022).
9. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. 1986. № 6. 1986. С. 14-22.
10. Степаненко В.А. Теолингвистика? – Да, Теолингвистика! / В.А. Степаненко. – Иркутск: Вестник ИГЛУ, 2012. – С. 221-226.
11. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
12. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности»: научное издание / Ю.С. Степанов. – Калуга: Эйдос, 2010. – 168 с.
13. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
14. Флоренский П.А. [Собрание сочинений]: В 2 т. 1 Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – М.: Издательство «Правда», 1990 а. – 491 с.
15. Хрестоматия теолингвистики // Chrestomatia teolingwistyki, 2008. Ред. А.К. Гадомский, Ч. Лапич. Симферополь: Универсум. 352 с.
16. Crystal D., 1995. Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Roerich, Campus. Frankfurt a. M.; New York [оригинал: D. Crystal. The Cambridge Encyclopedia of Language], 2008. – 524 p.
17. Noppen J.-P. van., 1988. Erinnern, um Neues zu sagen. Die Bedeutung der Metapher für die religiöse Sprache. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag. 320 p.
18. Wagner A. Theolinguistik? – Theolinguistik! / A. Wagner // Internationale Tendenzen der Syntaktik und Pragmatik, Acten des 32. Linguistischen Kolloquiums in Kassel 1997 (= Linguistik International 1) Peter Lang, Frankfurt a. M., 1999. Pp.507-512.

© Акоюнц Арега Михайловна (imadean@yandex.ru), Федотова Ирина Борисовна (fedotova@pgu.ru),
Казиева Альмира Магомедовна (kazieva@pgu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ОБРАЗОВАНИИ И ДЕЛОВОЙ СФЕРЕ КОММУНИКАЦИИ

Гринева Ольга Александровна

к.филос.н., доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
gold23@inbox.ru

SPECIAL FOREIGN LANGUAGE IN EDUCATION AND BUSINESS COMMUNICATION

O. Grineva

Summary: This article presents the theoretical aspects of the introduction of a special foreign language in the process of teaching narrow disciplines. The significant advantages of developing linguistic and communicative competencies among students for further professional socialization of future specialists are revealed. Problems and peculiarities of teaching subjects in English have been discovered. Possible solutions to difficult situations and examples of improving a special foreign language, both in the field of education and in the business sphere of communication, are given.

Keywords: international communication, professional, discipline, business communication, culture, mentality, competitiveness, education, terminology, cooperation, foreign language.

Аннотация: В данной статье представлены теоретические аспекты внедрения специального иностранного языка в процесс преподаваемых узких дисциплин. Выявлены значительные преимущества выработки лингвистических и коммуникативных компетенций у обучающихся для дальнейшей профессиональной социализации будущих специалистов. Обнаружены проблемы и особенности преподавания предметов на английском языке. Приведены возможные решения затруднительных ситуаций и примеры совершенствования специального иностранного языка, как в сфере образования, так и в деловой сфере коммуникации.

Ключевые слова: международная коммуникация, профессиональный, дисциплина, деловое общение, культура, менталитет, конкурентоспособность, образование, терминология, сотрудничество, иностранный язык.

Современное информационное общество не может существовать без международных взаимоотношений между государствами. Любая сфера человеческой деятельности основана на межкультурном взаимодействии с гражданами других стран и национальностей. Изучение иностранного языка, как за рубежом, так и в России начинается с малых лет. Преимущественно, английский язык имеет огромное значение в политической, экономической и социальной сферах. Ни одно мероприятие международного уровня не обходится без участия англоязычных конкурсантов [4].

По исторически сложившимся обстоятельствам, английский язык завоевал международную славу и занял первенство среди иных языков. Любое спортивное мероприятие широкого масштаба также вовлекает зарубежных конкурсантов, владеющих английским языком. Каждый политический, экономический, образовательный форумы допускают и привлекают иностранных граждан, транслируя спикеров на английском языке.

Образовательная система, в свою очередь, нацелена на установление новых парадигм, связанных с профессионализмом будущих специалистов. В рамках компетентного подхода в сфере образования (ВУЗах, ССУЗах, школах) разрабатываются ведущие коммуникативные и профессиональные компетенции для осуществления международных контактов и вовлечение студентов в активное

коммуникационное взаимодействие с иностранцами [5].

Информационный аспект профессиональной подготовки обучающихся включает в себя лингвистическую, дискурсивную, разговорную, стратегическую, грамматическую и речемыслительную компетенции, которые могут быть полезны для исследований посредством медиапроизводства. Однако, существует иной компонент подготовки молодых специалистов – профессионально-ориентированное обучение иностранному языку.

Актуальность данной статьи заключается в том, чтобы помимо базового уровня владения иностранным (английским) языком, специалисты в сфере образования использовали специальный иностранный язык по определенным дисциплинам с целью профессиональной подготовки, а также сформировали у обучающихся навыки ситуативно обусловленного делового общения на английском языке. Преимущества внедрения специальной терминологии и делового этикета в процесс коммуникации во многом способствует доброжелательности и открытости во время переговоров, установления контакта с незнакомыми (приглашенными) студентами или коллегами. Кроме того, разработка методики преподавания и преподавание предметов на английском языке поможет не только привлечь международные педагогические кадры, но и выявить проблемные стороны данного процесса, сформировать тенденции по улучшению

качества образования.

Отметим также факт, что преподавание специально-иностранный язык в условиях глобализации и интеграции стран, преимущественно следует внедрять в странах, где английский язык не является основным, государственным языком. В связи с популяризацией европейской системы высшего образования актуальностью на мировом уровне пользуются такие направления как менеджмент, международные отношения, бизнес, экономика, инженерное дело.

Наряду с традиционными устными темами относительно образования, путешествий, свободного времяпровождения, страноведения обучающимся следует подбирать специализированные темы согласно их факультетам и направлениям, а также вовлекать в непринужденную беседу абстрактно от преподаваемого предмета с тем, чтобы выработать лингвистические и коммуникативные компетенции и навыки делового этикета общения [6].

Обратим внимание, что преподавание специального иностранного языка требует время на перевод содержания преподаваемой дисциплины на английский язык. Обязательный акцент делается на ключевую терминологию преподаваемого предмета.

К сожалению, уровень владения иностранным языком среди российских обучающихся или обучающихся стран СНГ недостаточно высок. Непременным условием для обучения дисциплин на иностранном языке является средний уровень владения английским. Такая модель обучения позволяет приобретать опыт для дальнейшей профессиональной деятельности и интеграции в профессионально-ориентированную среду [5].

Существуют несколько причин, затрудняющих внедрение специального иностранного языка в процесс обучения узких дисциплин.

Прежде чем вводить специальный иностранный язык в обязательную часть образовательной программы следует определить степень потребности студентов в курсе, читаемом на английском языке.

Очередным нюансом приглашения иностранных коллег для преподавания дисциплин на английском языке является ограниченный бюджет учебных заведений.

Далее, студенты сталкиваются с трудностью фокусирования на двух дисциплинах одновременно. Необходимо вникать в содержание узконаправленной дисциплины и тут же анализировать и запоминать информацию на английском языке.

Еще одной проблемой при изучении специальных дисциплин на английском языке могут быть расхождения в методах преподавания между преподавателями – предметниками и преподавателями английского языка. Основные сложности возникают при применении новой информации и знаний к конкретным ситуациям, работая с группой студентов [8].

Ограничивающим компонентом внедрения специального иностранного языка в общеобразовательный цикл является то, что многие преподаватели имеют низкий уровень владения иностранным языком, либо не имеют совсем. Соответственно, нужно в достаточной степени организовать плодотворное сотрудничество преподавателей английского и предметников при планировании занятий на английском языке для тщательного отбора содержания учебных материалов и создания специальных адаптированных лекций и учебных пособий.

Одним из важных критериев интеграции специальных дисциплин на английском языке является заинтересованность и возможность руководства образовательных организаций уделять внимание кадрам и их переподготовке, а также грамотно мотивировать работников.

Существуют несколько направлений для решения существующих проблем и предложений по организации работы.

1. Постепенное введение специфического глоссария в свои курсы посредством, как дистанционных материалов, так и печатных методических рекомендаций, презентаций, лабораторных занятий.
2. Проектирование дидактического и раздаточного материала. Поиск соответствующих информационных материалов (видео лекций, научных статей, специальной литературы) для использования в своих курсах.
3. Постоянное сотрудничество между преподавателями для накопления речевого материала, отработки коммуникативных и лингвистических навыков, терминологии, профессиональных оборотов речи.
4. Проведение занятий в виде дискуссии с обсуждением проблемных ситуаций. Для того чтобы овладеть навыками делового этикета, стать компетентным, проанализировать возможные пути решения поставленных задач.
5. Активно использовать проектные методы для осуществления учебно-практических профессиональных заданий.
6. Формировать у обучающихся самостоятельную поисковую активность, уметь сортировать и интерпретировать соответствующую информацию для глубокого овладения и понимания специфики изучаемых дисциплин [3].

Что касается современной ситуации российского образования. Внедрена дисциплина специальный иностранный язык в качестве основной дисциплины профессионального цикла в магистратуре. К сожалению, уровень владения английским языком поступающих студентов не всегда достаточный, поэтому преподавание совершается преимущественно на английском языке, но с использованием объяснений грамматического материала на русском языке.

Выделим критерии эффективности метода интеграции специального иностранного языка в практику преподавания специальных дисциплин по профилю.

1. Сближение учебных дисциплин, объединение знаний, умений и навыков учебно-профессиональной деятельности.
2. Посильность участия в международных научных конференциях, проектах и грантах, взаимодействуя с англоязычными носителями языка.
3. Формирование профессионального метаязыка, способствующего умело вести компетентную беседу с зарубежными коллегами.
4. Саморазвитие и самосовершенствование не только лингвистических и коммуникативных навыков, но и укрепление психо-эмоциональной и волевой сфер личности, что в свою очередь, повышает уверенность в своих силах и придает решимости для достижения поставленных целей.
5. Корпоративный дух использования международных педагогических кадров для поддержания имиджа учебного заведения.
6. Приложение второго варианта к диплому на английском языке.
7. Мультилингвальность. Взаимный интерес российских и зарубежных ВУЗов в усилении профессиональной подготовки и увеличении конкурентоспособности своих выпускников. Интегрированность мировых образовательных практик, обмен опытом.
8. Общекультурные компетенции, практико-ориентированность будущих специалистов [7].

Опираясь на утверждения ученых Е.В. Матвиенко «иностраный язык выступает как средство для выражения профессиональной коммуникации... и рассматривается как цель, что связано с пониманием роли языка вообще в профессиональной среде», Н.В. Сидакова о том, что междисциплинарная интеграция «является инструментом поиска в информационном потоке», отметим, что владение комплексом речевой профессиональной терминологии способствует реализации коммуникативных потребностей и открывает дополнительные возможности для будущей деятельности [2].

В рамках делового общения специальный иностранный язык является неотъемлемой частью коммуникативного процесса в любой деятельности. Участие

в международном бизнесе невозможно без навыков межличностного общения на английском языке. Деловое общение имеет ряд особенностей и включает в себя специальную профессиональную терминологию. Следовательно, начиная с учебного образовательного учреждения, будущим специалистам требуется изучать специальный иностранный язык во избежание провалов и ошибок в коммуникации.

Международная коммуникация – это не только знание иностранного языка, но и осведомленность о материальной и духовной культуре зарубежных стран, их религий, ценностей, морально-нравственных устоев, мировоззренческих представлений.

Для успешного установления международных контактов и взаимодействия с зарубежными представителями важно научиться совместно разрешать конфликтные или спорные ситуации, знать особенности бизнес – стратегий и умело работать в команде. Несомненно, что роль информационно-коммуникационных средств связи велика, поэтому очередным фактором успешного взаимодействия и профессионализма является умение коммуницировать посредством ИКТ.

Лингво-культурологические компетенции благоприятствуют деловым переговорам с отчужденными социальными факторами и поведенческими установками. Способность понимать менталитет носителей другого языка помогает настроить всех участников на эффективное общение и предугадать возможные затруднения. Знания о различиях национального духа собеседников поможет преодолеть возникающие барьеры, в том числе перед большой аудиторией, ориентируясь на представителей необходимой отрасли. Вежливость и тактичность, знания психологии являются ключом к продуктивной бизнес-коммуникации.

Любые указания и распоряжения необходимо выражать в лаконичной форме, чтобы снизить напряженность ситуации. Например, вместо слова 'want' принято употреблять 'would like'. Дипломатическая беседа допускает использование вводных слов 'perhaps', 'possibly' или не критичных высказываний 'I think / It's better'. Важно использовать вопросительную форму обращения в знак уважения к собеседникам, а также следить за эмоциональной окраской обращений.

Важно помнить, что односложные ответы на вопросы могут ввести в заблуждение одну из сторон переговоров. Правильно подобранная профессиональная терминология дает возможность более тщательно обдумать свой ответ и придает комфортную атмосферу общения [1].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что интеграция специального иностранного языка в

образовательной и деловой сферах общения является уникальным и актуальным способом развития профессиональных качеств. Владение специальной терминологией на английском языке обеспечивает конкурентоспособность специалистов. Использование специального иностранного языка для различных целей: образовательных, экономических, промышленных, торговых, туристических содействует успешному установлению международных контактов, реализации себя в профес-

сиональной деятельности. Очевидная взаимосвязь делового и межличностного общения оказывает поддержку в создании профессионального облика личности или имиджа компании. Сформированные в ходе обучения междисциплинарным дисциплинам навыки компетентного общения являются эффективными компонентами для самореализации, развития творческого потенциала личности и его уровня сознания, обогащению внутреннего мира человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерзенкина М.В. Межкультурная коммуникация в международном бизнесе: особенности использования делового английского языка // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. - №5-1(44). – 2020. - С. 139 – 146.
2. Куприянич Т.В. Междисциплинарная интеграция как методический принцип обучения иностранному языку для специальных целей // *Современные наукоемкие технологии*. – 2021. №11-1. – С. 168 – 172.
3. Кучерявая Т.Л. Проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // *Теория и практика образования в современном мире: материалы Междунар. Науч.конф. СПб, 2012*. С. 336 – 337.
4. Мезенцева А.И. Лингводидактические основы смешанного обучения как формы организации учебного процесса по иностранному языку для специальных целей в техническом вузе // *Известия ЮФУ. Технические науки*. – 2012. - №10. - С. 84 – 90.
5. Мещерякова Е.В. Английский язык как профессиональная основа европейского и отечественного образования / Е.В. Мещерякова, Е.А. Локтюшина // *Современные проблемы науки и образования*. - 2018. №1. – С. 102 – 112.
6. Поленова А.Ю. Интеграция иностранного языка и содержания профессионально ориентированных дисциплин в вузе // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2017. №5. С. 5- 10.
7. Shmeleva Zh.N. To the issue of socio-cultural competence in learning English at the non-linguistic university // *Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся по иностранному языку в неязыковом вузе: региональная практика*. – Красноярск. – 2022. – С. 207 – 212.
8. Shmeleva Zh.N. English as a means of upbringing at the higher educational institution // *Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся по иностранному языку в неязыковом вузе: региональная практика*. – Красноярск. – 2022. – С. 256 – 260.

© Гринева Ольга Александровна (gold23@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТАХ

ORGANISATION OF PREVENTION WORK AND HEALTHY LIFESTYLE DEVELOPMENT IN ADOLESCENCE AND ADOLESCENCE

S. Kuptsova
I. Elizarova

Summary: Addressing substance use prevention among adolescents and youth in educational sphere is conditioned by the necessity of promoting healthy and safe lifestyle among students.

In this regard, the article describes specifics of the system of diagnostics and prevention of substance abuse, identifies directions of substance use prevention and ways to promote a healthy lifestyle among modern youth taking into account their age and psychological characteristics; basics of working with risk groups. The article includes a list of measures to prevent substance abuse, as well as further development of prevention system.

Keywords: prevention, diagnosis, psychoactive substances, healthy lifestyle, adolescents, young people.

Купцова Светлана Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
kupsv@yandex.ru

Елизарова Ирина Сергеевна

кандидат педагогических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
grira8585@mail.ru

Аннотация: Обращение к вопросам профилактики употребления психоактивных веществ (ПАВ) среди подростков и молодежи в образовательной среде обусловлено необходимостью формирования у обучающихся культуры здорового и безопасного образа жизни.

В связи с этим в статье представлены - описание специфики системы диагностики и профилактики зависимости от психоактивных веществ, определение направлений профилактики потребления ПАВ и способов формирования здорового образа жизни среди современной молодежи с учетом их возраст-но-психологических особенностей; основы работы с группой риска. Статья включает перечень мероприятий по профилактике зависимости от ПАВ, а также дальнейшее развитие системы профилактической работы.

Ключевые слова: профилактика, диагностика, психоактивные вещества, здоровый образ жизни, подростки, юношество.

Введение

Различные аспекты профилактики потребления психоактивных веществ (ПАВ) среди подрастающего поколения активно обсуждаются в педагогической, психологической и медицинской литературе.

Научную основу процесса профилактики наркомании в России заложили труды А.С. Вирениуса, П.Ф. Лесгафта, А.А. Габияни Р.И. Айзмана, Р.М. Баевского, В.В. Колбанова, И.И. Брехмана и др.

Несмотря на большой объем теоретических и практических работ стоит отметить, что большинство исследований проводилось в медицинском аспекте, а обозначенная проблема требует более пристального внимания с психолого-педагогической точки зрения в сфере дальнейшего развития системы профилактической работы среди подростков и молодежи.

В связи с этим целью работы является представление, описание специфики системы диагностики и профилактики зависимости от психоактивных веществ, а также

определение направлений профилактики потребления ПАВ, формирования здорового образа жизни среди современной молодежи с учетом их возраст-но-психологических особенностей.

Содержание

Первостепенное значение в профилактике потребления психоактивных веществ играет система диагностики, которая включает экспресс-диагностику, плановые и внезапные обследования, наблюдение. Для экспресс-диагностики применяются различные мультфакторные тест-системы. [2, 12]. Также активно используются внезапные, выборочные экспресс-тестирования на базе учебных заведений. Важно использовать и имеющиеся данные по определению внешних признаков наркомании [11, 12].

Система профилактики зависимости от психоактивных веществ включает следующие уровни:

- макросоциальный уровень (основан на государственной политике, направленной на предотвращение распространения наркомании в стране);

- мезосоциальный уровень (реализуется педагогами, психологами, медицинскими работниками, прикрепленными к данному учреждению; осуществляется в организациях, учреждениях по месту работы или учебы);
- микросоциальный уровень (реализуется в семье или в ближайшем окружении молодого человека; проблемы начального воспитания и привития навыков здорового образа жизни решаются именно на этом уровне);
- личностный уровень (формируется по мере развития сознания молодого человека; представляет собой как бы итог усилий профилактической работы, проводимой на других уровнях).

В целом, система профилактики зависимости от психоактивных веществ, как и любого другого заболевания, подразделяется на первичную, вторичную и третичную.

Первичная профилактика направлена на предупреждение возникновения болезни, вторичная – на предотвращение осложнений уже сформировавшегося заболевания, третичная – на предотвращение рецидивов заболевания у пациента, находящегося в стадии ремиссии.

Стоит отметить, что профилактическая работа в первую очередь должна быть ориентирована на современных подростков и юношество с учетом их психофизиологических особенностей, поскольку риск возникновения зависимости от психоактивных веществ в эти возрастные периоды достаточно велик.

В связи с этим профилактическая работа с подростками, на наш взгляд, должна опираться на когнитивный компонент в воспитании и образовании. Базовым является принцип формирования негативного эмоционального отношения к наркотикам. Следует делать акцент на колоссальный вред здоровью, наносимый психоактивными веществами. Организовывать занятия стоит с применением методик проблемно-ситуационного моделирования и проектирования. Важно использовать беседы, дискуссии и тренинги, ориентированные на формирование стрессоустойчивости и конфликтоустойчивости, адекватной самооценки, умению противостоять соблазнам, непроверенной и негативной информации. Также важно обращать внимание на умение грамотно пользоваться интернет ресурсами, социальными сетями, развивать навыки активного физкультурно-спортивного образа жизни [10, 11].

Формирование навыков здорового и безопасного образа жизни у юношества должно строиться, на наш взгляд, на принципах свободной дискуссии и равноправного общения. В этом ключе важно уделять внимание развитию навыков самостоятельного критического мышления; профессиональной и творческой самореа-

лизации. Формы работы – свободные дискуссии, беседы, творческие проекты, презентации, тренинги и др. [11, 14].

В общем, организация системы профилактики употребления ПАВ среди подростков и юношества, на наш взгляд, включает три основные части:

- валеолого-педагогическое и правовое просвещение;
- психолого-диагностическую и консультационную деятельность;
- воспитательную и образовательную деятельность, построенную на основе здоровьесберегающих технологий.

Перечень мероприятий по профилактике зависимости от ПАВ включает: психологическое тестирование; проведение психокоррекционных мероприятий (прежде всего работу с психологом); обучение молодых людей методам саморегуляции (аутотренинга); проведение врачебных осмотров; проведение плановых и внезапных тестирований на предмет содержания психоактивных веществ в биологических средах; медицинское изучение обучающихся; диспансерно-динамическое наблюдение; социально-психологическое изучение подростков и молодежи; пропаганда здорового образа жизни; здоровьесберегающее воспитание и образование; улучшение морально-психологического климата в группах обучающихся; поддержание законности и порядка в учебных коллективах.

В данном направлении в педагогическом университете имени А.И. Герцена на факультете Безопасности жизнедеятельности создаются и реализуются дисциплины, направленные на профилактику употребления ПАВ, формирование здорового образа жизни («Профилактика наркозависимости в молодежной среде», «Здоровьесберегающие технологии», «Основы здорового образа жизни» и др.). Студенты и магистранты под руководством преподавателей вуза участвуют в волонтерском движении, научно-практических конференциях по вопросам профилактики употребления ПАВ среди современной молодежи с целью формирования безопасного и здорового образа жизни.

Обсуждение

Таким образом, основу в развитии системы профилактической работы составляет, на наш взгляд, воспитательно-образовательная и просветительская деятельность, построенная на здоровьесберегающих технологиях. Такая деятельность способствует формированию негативного аффективного фона (устойчивого чувства эмоционального неприятия, отвращения, страха в отношении психоактивных веществ).

В процессе обучения и воспитания также особое

внимание следует уделять приобщению подростков и юношества к культуре использования свободного времени. Необходимо формировать навыки продуктивного использования времени, разграничения целей и увлечений; умения организовать свой учебный день и отдых, каникулы. Данную работу с молодежью могут проводить педагоги, психологи, социальные работники.

Заключение

Первостепенное значение в профилактике потребления психоактивных веществ играет система диагностики, которая включает наблюдение, экспресс-диагностику, плановые и внезапные обследования.

Профилактическая работа с подростками и юношеством должна быть разработана и реализована с учетом их возрастных, психологических особенностей.

Организация системы профилактики употребления ПАВ включает три основные части:

- валеолого-педагогическое и правовое просвещение;

- психолого-диагностическую и консультационную деятельность;
- воспитательную и образовательную деятельность.

Дальнейшее развитие системы профилактической работы включает индивидуальную и групповую работу с подрастающим поколением:

- творческую деятельность и профориентационную работу;
- формирование самостоятельности и критического мышления;
- пропаганду и реализацию образовательных, воспитательных мероприятий, направленных на формирование здорового и безопасного образа жизни.

Базовой частью профилактической работы является воспитательно-образовательная и просветительская деятельность, ориентированная на оценку собственного здоровья как значимого потенциала развития и успешности личности; на формирование приоритета ценностей здорового образа жизни у современной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксючиц, И.В. Профилактика наркотической и табачной зависимости в школе: пособие для педагогов-психологов, педагогов учреждений общего среднего образования / И.В. Аксючиц, В.А. Хрипович. - Мозырь: Белый Ветер, 2015. - 215 с.
2. Боева, М.А. О значимости становления системы воспитания как фактора предупреждения детского и подросткового наркотизма / М.А. Боева // Правопорядок: история, теория, практика. - 2020. - № 1 (24). - С. 132-134
3. Бруснева, В.В., Бруснев, Л.А., Горбунова, В.В. Проблемы совершенствования профилактики наркомании в молодежной среде // Современные проблемы науки и образования. - 2018. - № 3. Р. 45-65.
4. Выявление и профилактика подростковой наркомании: учебно-методическое пособие / С. Б. Белогуров [и др.]. - Санкт-Петербург: СпецЛит, 2017. - 46 с.
5. Гаранина, Л.А. Повышение эффективности антинаркотической профилактики посредством обучающего семинара-тренинга для специалистов, работающих с детьми и подростками / Л.А. Гаранина, И.Ю., Швецова // Вопросы науки и образования. - 2019. - № 3 (47). - С. 1-7.
6. Горенко, К.С. Профилактика наркомании, как форма антинаркотической деятельности и одна из основных задач гражданского общества и государства / К.С. Горенко // Перо науки. - 2019. - № 10 (10). - С. 40-46.
7. Канавина, С.С. Базовые потребности как основа первичной профилактики наркомании / С.С. Канавина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. - 2019. - Т. 29. - С. 14-29.
8. Коваленко, Д.А. Роль СМИ и сети Интернет в антинаркотической пропаганде / Д.А. Коваленко, К.В. Видюкова, Л.В. Тонких // Научное обозрение. Педагогические науки. - 2019. - № 5-3. - С. 130-133.
9. Старшенбаум, Г.В. Независимость: как избавиться от психологической или химической зависимости / Г.В. Старшенбаум. - Москва: Прайм: АСТ, [2018]. - 471 с.
10. Таныгина, Я.А. Профилактика наркомании как один из более эффективных компонентов противодействия идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде / Я.А. Таныгина // Единство России в дружбе народов: материалы Первого Гражданского межрегионального форума. - Йошкар-Ола, 2017. - С. 97-99.
11. Zawilska J.B., Andrzejczak D. Next generation of novel psychoactive substances on the horizon - A complex problem to face // Drug Alcohol Depend. 2015. № 157. Р. 1-17.
12. Selectivity and sensitivity of urine fentanyl test strips to detect fentanyl analogues in illicit drugs. Bergh MS, Qiestad AML, Baumann MH, Bogen IL. Int J Drug Policy. 2021 Apr; 9. Р. 17 - 25.
13. Шалагин, А.Е. Педагогические основы профилактики наркомании в подростково-молодежной среде / А.Е. Шалагин, А.К. Шалагина // Вопросы педагогики. - 2020. - № 1. - С. 256-260.
14. The Changing Face of Recreational Drug Use. 2016. - 334 p.
15. Шангин, А.Б., Краснов, А.А. Наркопрофилактическая работа среди молодежи: учебное пособие для студентов и преподавателей педагогических вузов. - СПб: Изд-во ГАММА, 2020. - 82 с.
16. Федоров, С.Г. Предупреждение незаконного оборота наркотиков: современное состояние и тенденции / С.Г. Федоров // Вестник Российского университе-

- та кооперации. - 2019. - № 3 (37). - С. 132-136.
17. Neuroscience of Addiction: Relevance to Prevention and Treatment. Volkow ND, Boyle M. Am J Psychiatry. 2018 Aug 1. P. 12-18.
 18. Addiction, childhood experiences and nurse's role in prevention: a qualitative study. Mirlashari J, Jahanbani J, Begjani J. East Mediterr Health J. 2020 Feb 24;26(2). P. 212-218.
 19. Профилактика зависимого поведения обучающихся: метод, пособие / В.А. Горбатьюк [и др.]: под общ. ред. О.С. Поповой. В.А. Горбатьюк. - Минск: РИПО, 2018. - 179 с.
 20. Prevention and treatment of drug addiction by environmental enrichment. Solinas M, Thiriet N, Chauvet C, Jaber M. Prog Neurobiol. 2010 Dec;92(4). P. 72-92.
 21. Neurocognitive and neuroimaging evidence of behavioural dysregulation in human drug addiction: implications for diagnosis, treatment and prevention. Yücel M., Lubman D.I. Drug Alcohol Rev. 2017 Jan; 26(1). P. 33-49.
 22. Decriminalization of drug use. Vicknasingam B, Narayanan S, Singh D, Chawarski M. Curr Opin Psychiatry. 2018 Jul.;31(4). P. 22-41.

© Купцова Светлана Анатольевна (kupsv@yandex.ru), Елизарова Ирина Сергеевна (grira8585@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ЛОГОПЕДОВ ПО ОСВОЕНИЮ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ¹

METHODOLOGICAL SUPPORT OF PRACTICE-ORIENTED ACTIVITIES OF FUTURE SPEECH THERAPISTS ON THE DEVELOPMENT OF DIAGNOSTIC COMPETENCIES

*M. Lavrentieva
O. Grishina
A. Polosina*

Summary: The article is devoted to the disclosure of one of the aspects of the quality problem of methodological support of practice-oriented activities of future speech therapists for the development of diagnostic competencies. The key phenomena of the designated process are specified. The relevance of the transformation of approaches to the use of methodological resources in the process of forming diagnostic competence among students of generation Z is argued, methodological resources that are effective for solving the designated pedagogical problems are proposed. The results of the self-assessment of the readiness for diagnostic work of students who have started their career and their assessment of the effectiveness of the proposed methodological resources are presented.

Keywords: methodological support, resources, practice-oriented activities, competence, diagnostics, speech therapy students.

Лаврентьева Марина Анатольевна

*кандидат педагогических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск
lavrentyeva1866@yandex.ru*

Гришина Ольга Сергеевна

*Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск
grishina0609@yandex.ru*

Полосина Анна Александровна

*Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск
annapolosina1999@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена раскрытию одного из аспектов проблемы качества методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций. Конкретизируются ключевые феномены обозначенного процесса. Аргументируется актуальность трансформации подходов к применению методических ресурсов в процессе формирования диагностической компетенции у обучающихся поколения Z. Предлагаются результативные для разрешения обозначенной педагогической проблематики методические ресурсы. Приводятся результаты самооценки готовности к диагностической работе обучающихся, начавших трудовую деятельность, и их оценки эффективности предлагаемых методических ресурсов.

Ключевые слова: методическое сопровождение, ресурсы, практико-ориентированная деятельность, компетенция, диагностика, студенты-логопеды.

В настоящее время высшее образование педагогов-дефектологов рассматривается как постоянно модернизирующаяся система и эти трансформации определяются политикой государства, запросами общества, мировыми тенденциями в образовании. Востребованность педагогов-дефектологов детерминирована качественным изменением трудовой деятельности в сфере образования – условиями реализации образовательной инклюзии и потребностями практики в постоянном профессионально-личностном развитии специалистов. Актуальные вопросы специального (дефектологического) образования и предлагаемые пути его совершенствования в целом, и по отдельным аспектам, отражают иссле-

дования С.В. Алёхиной, А.А. Алмазовой, А.В. Калининско, Л.М. Кобриной, Т.В. Кузьмичевой, О.И. Кукушкиной, И.Ю. Левченко, Н.Н. Малюфеева, Н.М. Назаровой, Т.В. Соловьевой и др. [1; 2]

В соответствии с целью изучения степени проработанности заявленной проблематики был осуществлен систематический поиск публикаций научного и научно-методического характера, являющихся первичными сообщениями о методическом сопровождении образовательного процесса в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, за последние пять лет. Приоритет отдан работам, имеющим представление в

¹ Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева») по теме: «Методическое сопровождение практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций».

Национальной библиографической базе данных научного цитирования. Проблематика этих публикаций была извлечена из названий и аннотаций и подвергнута кластеризации. Наибольшее представление тема методического сопровождения образовательного процесса имеет в области дошкольного и школьного образования. Четыре десятка работ включает кластер публикаций, посвященных изучению разных аспектов методического сопровождения образовательного процесса высшего образования. Кластер публикаций, ориентированных на изучение специфики образовательного процесса по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование – представлен двумя десятками работ. Количество диссертационных исследований, то есть работ с доминирующим фокусом научного поиска, также невелико: три работы.

В последние три года увеличилось количество публикаций, посвященных раскрытию вопросов: актуальных проблем и тенденций развития специального (дефектологического) образования; специфики рынка образовательных услуг в сфере специального (дефектологического) образования; проблематики разработки профессионального стандарта педагога-дефектолога; разработки основной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование; организационных форм и условий реализации основной образовательной программы высшего образования по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование; организации и сопровождения разных видов практики; реализации образовательных форматов и специфики применения образовательных средств.

Методическое сопровождение практико-ориентированной деятельности обучающихся по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование профиль Логопедия по освоению диагностических компетенций, за последние пятилетие в рамках «фокусных» исследований не изучалось; косвенно данный аспект отражен в единичных публикациях [3; 4; 5].

К сожалению, представленное количество публикаций по исследуемой проблеме за последнее пятилетие априори не может отразить всю ее сложность и многовекторность. Существующая образовательная ситуация характеризуется насущной потребностью повышения исследовательского внимания к изучению методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций, и имеет определенное противоречие: востребованность эффективных практик сопровождения практико-ориентированной деятельности обучающихся по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование профиль

Логопедия по освоению диагностических компетенций и дефицитность научно обоснованных и методически представленных разработок ресурсного обеспечения обозначенной деятельности.

Основной целью проектно-исследовательской деятельности явилась разработка ресурсов методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций в целях повышения качества образования. Специфика организации и реализации данной деятельности определялась целью, задачами и прикладным характером исследования. Педагогическое проектирование ресурсов методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций осуществлено как целенаправленная деятельность, характеризующаяся потенциалом разрешения противоречия существующей образовательной ситуации, многоплановым характером деятельности, направленностью на изобретение новшества, ориентацией на предвидение результатов деятельности. Данные характеристики процесса педагогического проектирования непосредственно соотносятся с основными требованиями к обновлению содержания образования.

Образовательная программа высшего образования по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование профиль Логопедия, реализуемая в МПГУ имени М.Е. Евсевьева, призвана обеспечить: реализацию требований соответствующего ФГОС высшего образования в образовательной и научной деятельности с учетом особенностей научно-образовательной школы вуза и актуальных потребностей регионального рынка труда; необходимое качество профессиональной подготовки на уровне не ниже установленного требованиями соответствующего ФГОС; основу для объективной оценки фактического уровня достижения будущими логопедами обязательных результатов образования на всех этапах их обучения; основу для объективной оценки и самооценки образовательных достижений и личностного развития.

Успешность решения данных задач во многом зависит от проработанности методической составляющей образовательной программы. Не вступая в «терминологические» дискуссии в силу лаконичности формата статьи, представим авторские дефиниции категориальных понятий исследуемого феномена.

Методическое сопровождение – это процесс разнотипного взаимодействия субъектов образования – сопровождаемого и сопровождающего в вопросах распознавания, оценки и конструирования путей разрешения возникающих проблем в образовательной и / или профессиональной сфере; процесс, обеспечивающий фак-

тические условия для формирования новой субъектной позиции сопровождаемого и изменения роли сопровождающего в парадигме непрерывного образования, для реализации компетентностного и практико-ориентированного подхода к результатам образования с ориентацией на личностную составляющую, для обеспечения нового качества методических ресурсов образовательного процесса. Отметим, что роль сопровождаемого может принадлежать как студенту, так и преподавателю. Именно поэтому часто выделяют два аспекта методического сопровождения в вузе. Эти аспекты, хотя и дифференцируются, но не являются «параллельными». Они «пересекаются» и коррелируются: достаточно закономерно, чем профессиональнее преподаватель, тем успешнее студент. Обратная связь данного явления «успешность студента – рост профессионализма преподавателя» имеет не менее важное значение для качества образовательного процесса.

Методические ресурсы – существенный и неотъемлемый компонент образования, реализующий его инструментальное сопровождение. Это все то, что транслируется преподавателем обучающемуся – знания, умения и навыки, а также способы трансляции. В педагогической деятельности аккумулируются апробированные и отобранные в качестве лучших ресурсы, которые определяют перспективы образования. Данные ресурсы имманентны целевой миссии образования, в целом обеспечивающей преобразование человека в его взаимодействиях в процессе образования.

Практико-ориентированное обучение – вид обучения, целенаправленно обеспечивающий весь спектр условий для развития у обучающихся мотивации к осознанному освоению профессиональных знаний и умений, приобретению и развитию опыта профессиональной деятельности с целью достижения того качества образовательных результатов, которое будет востребовано на рынке труда.

Практико-ориентированная деятельность обучающихся – квазипрофессиональная учебно-когнитивная деятельность обучающихся по освоению практических умений и навыков, их апробации и проецированию в опыт самостоятельного решения различных по сложности задач профессиональной деятельности.

Подчеркнем, что реализуемая в МГПУ имени М.Е. Евсевьева практико-ориентированная модель профессиональной подготовки логопедов нацелена на формирование у обучающихся способности самообразования на основе осознаваемой ими цели обучения и умения управлять своими действиями в достижении цели получения профессиональной квалификации. Основным механизмом такой подготовки является максимально раннее погружение студента в профессию, обосновыва-

ющееся постулатами системно-ориентационного подхода к образованию: развитие понимается как выбор и освоение субъектом развития тех или иных инноваций [6].

Обозначенные выше теоретические выкладки – конкретизированные категориальные понятия – явились основой для работы по совершенствованию методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций.

Согласно ФГОС высшего образования деятельность будущих логопедов по освоению совокупности диагностических компетенций реализуется в рамках такой обязательной профессиональной компетенции (тип задач профессиональной деятельности: сопровождение – ПКО-6), как способность проводить психолого-педагогическое изучение особенностей психофизического развития, образовательных возможностей, потребностей и достижений лиц с ОВЗ. Такая формулировка компетенции в ФГОС по направлению подготовки Специальное (дефектологическое) образование обусловлена «привязкой» к типу задач профессиональной деятельности. В рамках проектно-исследовательской деятельности предложена версия рассмотрения диагностической компетенции будущих логопедов в логике агрегации, осуществленной по конкретному признаку, определяемому типом профессиональной задачи. Представлен вариант декомпозиции компонентов и субкомпонентов диагностической компетенции обучающихся с содержательной наполняемостью в структуре знаниевого компонента (методологические, теоретические, прагматические знания); умений (рефлексивные, креативные, интерпретационные, коммуникационные); навыков как компонента (ориентационные, репродукционные, инструментальные); опыта (интеллектуальный, социальный, операционно-производительный). Содержательная наполняемость субкомпонентов дифференцирована с учетом специфики общей теории психолого-педагогической диагностики и особенностей диагностики специалистов дефектологического профиля – подготовки в рамках направления Специальное (дефектологическое) образование и профиля Логопедия [7].

Результаты декомпозиции диагностической компетенции явились основой для разработки уровневой модели методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по ее освоению, для формулирования постулатов проектирования нового качества методических ресурсов, в первую очередь, для оптимизации для самостоятельной работы обучающихся. Алгоритм формирования деятельностных компонентов диагностической компетенции в логике компетентностного подхода представляет последовательность процесса от усвоения отдельных операций и их совокупности к овладению целостной системой дей-

ствий по решению профессиональных задач на практике. Тактической линией методического сопровождения процесса овладения обучающимися действиями в рамках логопедической диагностики является следующий путь: полнота понимания содержания действия, постепенность перехода от одной ступени овладения к другой по определенным показателям и с применением соответствующих методических ресурсов [7].

Эффективность освоения диагностической компетенции обучающимся зависит не только от профессионализма преподавателей, но и от качества интериоризационного процесса, в значительной степени детерминированном внутренней мотивированностью и активностью студента. Основным условием проявления названных детерминантов является соответствующая организация учебной работы студента. Изменить мотивацию и повысить активность обучающегося невозможно только при решении задач репродуктивного характера по закреплению учебного материала. Студент должен стать активным субъектом процессов: поиска, аккумуляции и преобразования знаний; установления зоны применения освоенного умения; определения способа приобретения нового опыта. Самостоятельность в освоении всех составляющих компетенции и ощущение при этом победы как результата своего труда возможна в условиях творческой, продуктивной деятельности.

Одним из таких видов деятельности обучающихся стало проектирование ими интерактивных диагностических ресурсов. Для оптимизации методического сопровождения этого процесса реализована предварительная работа – проблемно-ориентированный анализ деятельности учителей-логопедов образовательных организаций в сфере проектирования и применения интерактивных электронных образовательных ресурсов. Было необходимо вычленивать «проблемное поле» и дефициты логопедов-практиков [8]. Результаты исследования также применены для корректировки рассматриваемого процесса.

Сопровождение деятельности обучающихся по проектированию интерактивных диагностических ресурсов, осуществляется с акцентуацией на решение педагогических задач, направленных на нахождение общего способа профессионального действия, из которого можно получить многообразие уникальных и специфических для разных условий профессиональных действий. Оно учитывают и плюсы, и минусы современного «цифрового» студента.

Доказательствами успешности проводимой работы является личностно мотивированная самостоятельная работа студентов по созданию интерактивных диагностических ресурсов. Наиболее популярным у обучающихся форматом таких ресурсов является мультиме-

дийная презентация, созданная в программе Microsoft PowerPoint и включающая компоненты, отвечающие трендам цифровой среды: триггеры; звуковое оформление; система гиперссылок; наличие сюжетной линии и т.п. Проектирование начинается в рамках практических занятий, продолжается в процессе учебно-исследовательской деятельности и как законченный продукт представляется в рамках выпускной квалификационной работы. Данный методический продукт значим не только как ресурс логопедической диагностики (который может быть применен в будущей профессиональной деятельности), но и как образовательных ресурс для следующих поколений обучающихся.

Для оценки эффективности избранной стратегии и тактики методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций и установления потенциала его совершенствования реализовано контрольно-диагностическое исследование. Применен психодиагностический метод: проведено анкетирование обучающихся по индивидуальным учебным планам по направлению Специальное (дефектологическое) образование – уровень бакалавриата и магистратуры – в связи с занятием вакантных должностей дефектологического профиля в образовательных организациях (учителей-логопедов и учителей-дефектологов). 50 % участников имели опыт практической работы специалистов дефектологического профиля до 6 месяцев и столько же более 6 месяцев (до полутора лет). Включение данной категории обучающихся в выборку испытуемых обосновано следующим суждением: только профессиональный опыт, полученный при выполнении должностных обязанностей, позволит объективно реализовать самооценку сформированности диагностической компетенции.

На материале анализа полученных результатов анкетирования была получена комплексная информация о самооценке готовности к диагностической работе обучающихся, начавших трудовую деятельность, и о результативности методических ресурсов для ее формирования. На ее основе сделан ряд выводов.

Во-первых, о несколько завышенной самооценке представителей поколения Z, что, по нашему мнению, может быть объяснено, с одной стороны, характеристиками, присущими этому поколению в целом, с другой, осознанием ими своей успешности в овладении профессией (именно им было предложено занять вакантные должности в образовательных организациях) и «малым» профессиональным опытом. Успешность решения на первых порах только типичных задач логопедической диагностики, достаточно часто создает обманчивое впечатление о своих профессиональных достижениях: «чем меньше человек знает, тем увереннее его суждения» [9].

Во-вторых, уровень освоенности «знаниевого» компонента диагностической компетенции большинство респондентов охарактеризовали как базовый; респонденты с опытом работы до 6 месяцев (первая группа) большие погрешности определили в сфере усвоения прагматических знаний (или знаний о технологиях логопедической диагностики и о сферах применения названных технологий) респонденты с опытом работы более 6 месяцев (вторая группа) – в сфере усвоения методологических знаний (или знаний о нормах рече-языкового развития и особенностях данного развития, образовательных возможностях и потребностях лиц с ОВЗ в сфере речевого общения). Этот факт, на наш взгляд, обусловлен временем «погружения» респондентов второй группы в профессиональную проблематику и осознанием ими необходимости получения дополнительных интегральных знаний для становления «профессионального мышления».

В-третьих, уровень сформированности совокупности умений как компонента диагностической компетенции большинство респондентов оценивают как базовый; респонденты первой и второй группы установили доминанту дефицитов в сфере освоения интерпретационных умений (или умений анализа, обобщения и оценивания результатов логопедического изучения лиц с ОВЗ, корректировки и трансформирования процесса в соответствии с изменением задач и / или условий профессиональной деятельности логопеда); максимальным баллом оценены собственные достижения в сфере креативных умений (или умений разработки диагностического инструментария предметной области). Данный результат был прогнозируемым: для развития интерпретационных умений необходим более «солидный» опыт, а формирование умений самостоятельного проектирования диагностических ресурсов как образовательная задача включена в значительное количество практико-ориентированных заданий обучения студентов-логопедов.

В-четвертых, уровень сформированности совокупности навыков как компонента диагностической компетенции большинство респондентов также охарактеризовали как базовый; респонденты первой группы считают, что большие дефициты у них в сфере ориентационных навыков (или навыков выявления, идентификации и систематизации установленных особенностей рече-языкового развития, образовательных возможностях и потребностях лиц с ОВЗ в сфере речевого общения); максимальный балл у респондентов обеих групп получили достижения в сфере репродукционных навыков (или навыков планирования диагностического процесса на основе рекомендуемых технологий логопедического изучения лиц с ограниченными возможностями здоровья). Установленный факт является свидетельством того, что для становления ориентационных навыков – для их автоматизации в «поле» реальной логопедической диагно-

стики требуется более длительное время, чем полгода; репродукционные навыки начинают автоматизироваться в рамках практико-ориентированной деятельности обучающихся на более ранних этапах образования.

В-пятых, результативность методических ресурсов, применяемых для формирования диагностической компетенции на разных этапах в образовательном процессе (демонстрация феноменов рече-языковой патологии и работы с предлагаемыми речевыми картами; демонстрация эталонного диагностического материала и эталонной диагностической процедуры; логопедические кейсы; образовательный квест; учебный проект; выполнение профессиональных действий по реализации логопедической диагностики во взаимодействии с супервизором в условиях педагогической практики), респонденты в своем большинстве оценили как высокую и достаточно высокую. В качестве самых результативных отмечены логопедические кейсы; определенные сомнения о результативности учебного проекта возникли у представителей второй группы. Более высокую оценку результативности методических ресурсов дали представители первой группы. Крайне сложно трактовать установленные факты, считаем, что для их объяснения необходимо применение дополнительных методов исследования.

В-шестых, итоговая рефлексия респондентов анкетирования определила появление и непланируемых результатов исследовательской работы: обучающиеся, оценивая сформированность своих компетенций в обсуждаемой сфере, сделали ряд значимых выводов. Современные «цифровые» реалии требуют высокого уровня сформированности проектных и ИКТ-компетенций – владения актуальными стратегиями и эффективными практиками. Освоение инновационных образовательных ресурсов возможно в условиях реализации «образования через всю жизнь», чтобы быть оставаться квалифицированным специалистом на рынке труда – востребованным и конкурентоспособным – необходимо учиться постоянно. Актуальным, по мнению респондентов, является формат персонифицированного сопровождения начинающих трудовую деятельность учителей-логопедов посредством совместной образовательной деятельности, информационной, тьюторской, методической, консультационной поддержки профессионального развития.

Таким образом, обобщение результатов проектно-исследовательской деятельности позволяет обосновать инновационную составляющую предлагаемого подхода к организации и реализации методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций. Проектирование ресурсов в рамках интегративной парадигмы педагогической теории

является основой для создания целостной системы детерминирующих друг друга цели, задач и способов их достижения и представляющих собой комплекс научно-исследовательских, проектных, образовательных мероприятий. Работа в рамках данного комплекса обеспечивает разрешение конкретного противоречия существующей образовательной ситуации и в процессе научно обоснованной деятельности создания продукта с прямым назначением – изменением в способах и содержании практики образования с целью повышения ее эффективности. В нашем случае – достижения совре-

менного качества профессиональной подготовки учителей-логопедов в соответствии с меняющимися социально-экономическими условиями и запросами общества.

Однако внедрение предлагаемых ресурсов методического сопровождения практико-ориентированной деятельности будущих логопедов по освоению диагностических компетенций – это не законченный процесс, а процесс, требующий от преподавателей-исследователей постоянного совершенствования с учетом появляющихся образовательных трендов и запросов поколения Z.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова, А.А. Проектирование новых образовательных программ по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» / А.А. Алмазова, А.В. Кроткова // Образование и саморазвитие. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 256–269. – DOI 10.26907/esd.17.2.20. – EDN CMAFTC.
2. Кадисон, Ю.Б. Актуальные тенденции в подготовке бакалавров направления «Специальное (дефектологическое) образование» / Ю.Б. Кадисон // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2022. – № 2(65). – С. 33–37. – DOI 10.51944/20722516_2022_2_33. – EDN TWATJH.
3. Гончарова, В.А. Формирование профессиональных компетенций у студентов-логопедов / В.А. Гончарова, Е.Э. Кац // Специальное образование и социокультурная интеграция – 2019: формирование коммуникативно-речевой компетенции в условиях инклюзии : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Саратов, 11–12 октября 2019 года / Научный редактор В.П. Крючков. Редакторы-составители О.В. Кошечева, Т.А. Бочкарева. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. – С. 109–119. – EDN XUSZKD.
4. Левченко, И.Ю. Диагностическая компетентность магистрантов, обучающихся по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» / И.Ю. Левченко, Е.В. Логунова, Т.В. Скребец // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7. – № (28). – С. 11. – DOI 10.26795/2307-1281-2019-7-3-11. – EDN MWOYGC.
5. Новоторцева, Н.В. Формирование диагностико-аналитических компетенций у обучающихся по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» / Н.В. Новоторцева, И.А. Смирнова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 1. – С. 73–79. – EDN YQRMKE
6. Золоткова, Е.В. Практико-ориентированная подготовка учителей-логопедов // Педагогические кейсы в профессиональной подготовке учителей-логопедов: теория и практика: монография / под ред. М.А. Лаврентьевой; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск: РИЦ МГПИ, 2020. – 1 электрон. опт. диск. – ISBN 978-5-8156-1192-4. – Текст: электронный.
7. Лаврентьева, М.А. Методические ресурсы формирования диагностической компетенции у студентов-логопедов / М.А. Лаврентьева, О.С. Гришина // VI Международная науч.-практическая конф. «Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология», 18 марта 2022 г.: [материалы] / редколлегия: М.И. Каргин, А.Н. Яшкова (науч. ред.) [и др.]; Мордовский государственный педагогический университет. – Саранск: РИЦ МГПУ, 2022. – EDN JLLKOU.
8. Лаврентьева, М.А. Диагностика готовности учителей-логопедов к применению и проектированию интерактивных электронных образовательных ресурсов / М.А. Лаврентьева, А.А. Полосина // VI Международная науч.-практическая конф. «Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология», 18 марта 2022 г.: [материалы] / редколлегия: М.И. Каргин, А.Н. Яшкова (науч. ред.) [и др.]; Мордовский государственный педагогический университет. – Саранск: РИЦ МГПУ, 2022. – EDN QLAVGQ.
9. Кон, И.С. Мальчик – отец мужчины / И.С. Кон. – Москва: Время, 2017. – 702 с. – ISBN 978-5-9691-1639-9.

© Лаврентьева Марина Анатольевна (lavrentyeva1866@yandex.ru), Гришина Ольга Сергеевна (grishina0609@yandex.ru), Полосина Анна Александровна (annapolosina1999@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕСТО ПЕЙЗАЖА В ПРОГРАММАХ ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ РОССИИ И КИТАЯ

Линь Ян

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
goodoboylb2099@126.com

THE PLACE OF LANDSCAPE IN THE FINE ARTS PROGRAMS FOR PRESCHOOL CHILDREN IN RUSSIA AND CHINA

Lin Yang

Summary: Russia and China are gradually drawing closer and this is the reason for the growing interest in traditions, language, culture and teaching methods. Comparing these countries within the framework of preschool education, it should be noted that the very idea of a universal kindergarten, accessible and intended for children of all strata of society, appeared thanks to communist reforms. However, while traditional forms of working with children are preserved in Russia, in China, the government has long been raising the issue of the need for reforms and the restructuring of preschool education for the realities of the modern world. This article will attempt to provide additional arguments in favor of further transformation of the preschool education system.

The article will consider the views of teachers, as well as leading experts in the field of education and art in Russia and China. A comparative analysis of approaches to teaching fine arts has been carried out and prospects for further development of countries in this direction have been identified.

Keywords: approaches to teaching, fine arts, perception of beauty, talent.

Аннотация: Россия и Китай постепенно сближаются и это становится причиной роста интереса к традициям, языку, культуре и методам обучения. Сравнивая эти страны в рамках дошкольного образования, необходимо отметить, что сама идея всеобщего доступного и предназначенного для детей всех прослоек общества, детского сада появилась благодаря коммунистическим реформам. Однако, если в России сохраняются традиционные формы работы с детьми, то в Китае, правительство давно поднимает вопрос о необходимости проведения реформ и перестройке дошкольного обучения под реалии современного мира. В данной статье будет предпринята попытка предоставить дополнительные аргументы в пользу дальнейшего преобразования системы подготовки дошкольников.

В статье будут рассмотрены взгляды педагогов, а так же ведущих специалистов в области образования и искусства России и Китая. Проведен сравнительный анализ подходов к обучению изобразительному искусству и выявлены перспективы дальнейшего развития стран в данном направлении.

Ключевые слова: подходы к обучению, изобразительное искусство, восприятие прекрасного, талант.

Введение

На сегодняшний день, особую актуальность составляют вопросы духовно-нравственного воспитания детей. Ведь воспитательный процесс заключается не только в приобщении человека к правилам и нормам поведения, но так же он прививает чувство прекрасного и направляет подрастающее поколение, развивает способность к адаптации и приобщает к гармонии. Последняя возможна, как с собой, так и с окружающими.

Актуальность темы обусловлена современными тенденциями, культурного обмена и расширением общественного интереса. Кроме того, существует политика государства, которая направлена на патриотическое воспитание и культурное просвещение населения, что обуславливает поощрение развитие у дошкольников чувства прекрасного.

Сравнивая подходы к обучению в России и в Китае, необходимо учитывать, что эти страны связаны историей, потому не удивительно, что методы работы с детьми традиционны, а перспективы использования новых подходов связываются с инновациями и сложившимся в

мире международным положением.

Некоторые аспекты внедрения живописи в образовании дошкольников

В XX веке идея приобщения населения к искусству была связана с необходимостью развивать патриотизм, формировать новые слои интеллигенции, повышать уровень образованности населения, а так же обеспечить советскому обществу право на ознакомление с историческим, культурным прошлым народа и государства.

Однако, есть ряд фундаментальных исследований, посвященных вопросам истории обращения к изобразительной деятельности как одного из фундаментальных основ воспитания, в которых авторы начинают рассматривать влияние элементов изобразительного искусства на ребенка, опираясь на практики воспитания и обучения, существовавшие с древнейших времен.

Так, Игнатъев С.Е. в своей диссертации отмечает, что рисование – это не просто важный метод воспитания, который мало кто воспринимает в серьез, в наши дни, это гораздо больше. Именно с развитием изобразитель-

ной деятельности у ребенка складываются все основные чувственные нормы восприятия. Но на практике педагоги либо углубляются в процесс обучения, либо пытаются сделать уклон в воспитание, что по мнению исследователя только мешает. В итоге однобокий образовательный процесс не дает раскрыться потенциалу, заложенному в ребенке.[5]

Мухамедьярова А.А., Косорогова Л.В. и Неретина Л.В., в своих работах утверждают, что чувство прекрасного заложено в каждом человеке от рождения, это проявляется во всем – в стремлении делать что-то своими руками, обустроить жилье, украшать себя или свою одежду. Все что окружает человека приводит к пробуждению его творческого начала и если приобщать к прекрасному с детства, то и общий уровень развития и культуры в обществе, так же будет расти[14].

Забельская Т.В. продолжает тему развития детского творчества и отмечает, что пейзажная живопись воспитывает в ребенке не только тягу к красоте, но и представления о мире, о значимости природы и экологии, о бережном отношении к окружающему миру. Только через бережное отношение к природе и окружающей действительности, общество добьется более высокого положения и сможет развиваться в правильном направлении[4].

Кахнович С.В. отмечает, что семья – особое место, где детей учат тем или иным знаниям и умениям, морали и нравственности, праздникам и событиям, народной культуре, религии или другим особенностям взаимодействия в рамках собственной культуры. Люди стремятся скрепить связь между поколениями, кроме того, таким образом может формироваться культурное благополучие современного общества. Однако, в современном мире осталось мало семей, где детям на ночь читают сказки или поют песни, не говоря о том, что бы вовлекать их в изобразительное творчество. Сегодня все чаще эту обязанность перекалывают на учреждения дошкольного, а позже и школьного образования[8. С.254-263].

Вопрос методики преподавания дошкольникам основ изобразительной деятельности рассматривается в работах таких исследователей, как Ростовцев Н.Н., который описывает как зарубежные, так и отечественные практики методов обучения рисованию детей. Н.Н. Ростовцев отмечает, что рисование – это не только часть культурного воспитания человека, но это куда более глубинное явление. Жуликов А.В. поддерживает Ростовцева Н.Н. и расширяет перечень методов преподавания, делая упор на психологический возраст и уровень подготовки ребенка. Т.С. Комарова говорит о том, что возраст ребенка – ключевой фактор, который необходимо учитывать при работе с изображениями, так как восприятие – особое явление и не каждый ребенок может оказаться готов изложить на бумаге то что он видит и чувствует.[3,9]

Такие исследователи как Сакулина Н.П., Комарова Т.С., Флерина Е.А. и Игнатъев С.Е. в своих работах отмечают, что на сегодняшний день педагоги должны формировать у ребенка правильное восприятие мира, нормы поведения и систему взаимодействия с окружающими. По факту, это не верное утверждение. Но в силу обстоятельств педагогическому составу приходится сталкиваться с подобными обязанностями. И важно отметить, что сегодня все чаще исследователи утверждают, что только система воспитания в учебных заведениях способна направить новое поколение по верному пути развития.

Уманская А.В. рассматривая вопросы воспитания, опирается на труды С.С. Семенова и Зайнутдинова А.Р. и утверждает, что воспитательная работа в учебных заведениях может позволить повысить общий культурно-нравственный уровень молодежи в частности и населения страны в целом. Педагог в данном процессе — значит даже больше, чем родители, так как именно со стороны преподавателя должны идти инициатива и мотивация. Именно в учебных заведениях закрепляется представление о том, что есть ценность, как прекрасен мир и какова суть вещей[17. С.5-8].

Группа авторов, Горбунова И.Б., Марченко Е.П., Товпич И.О., в своей работе отмечают, что дошкольное образование – сложный и крайне важный процесс, а потому, он должен начинаться с подготовки самих педагогов, которые так же как и любой современный человек окружен информационными технологиями и потому, его подготовка отягчается самим фактом последующей передачи накопленных знаний и умений. Будущий педагог должен приобрести навык не только взаимодействия с подрастающим поколением, но так же заинтересовать их, передать красоту пейзажа, показать ее художественно-образную сторону и заложить основы изобразительной грамотности. При этом, возможно, придется сочетать различные приемы работы с детьми – от разбивания их на группы – по интересам, до создания творческих коллективов – из наиболее талантливых и заинтересованных учащихся[2. с. 247-253].

В этой связи можно отметить, что работа педагога включает в себя довольно обширный перечень обязанностей. В их число входит подготовка мероприятий патриотического, культурно-просветительского и даже историко-литературного направлений. При этом, необходимо не только придумать сценарий или проработать детали, так же важно найти подход к каждому из принимающих участие детей. Безусловно, каждый ребенок уникален по-своему, имеет свои способности, которые и должен раскрыть педагог.

Что касается китайского образования, то Китай, давно известный своей строгой системой образования и избирательным процессом поступления в учебные заведе-

ния, сталкивается со своими уникальными проблемами и возможностями, когда речь идет о создании здоровой учебной среды для такого большого населения.

Ма И. отмечает, что потенциал изобразительного искусства в образовательном процессе невозможно переоценить. Несмотря на то, что длительный промежуток времени в Китае не было интереса к данной отрасли в процессе работы с дошкольниками, все же последние исследования показали, что широкий кругозор будущего школьника, а затем и выпускника – это вклад в будущей всей страны. И если первоначально изобразительное искусство (ИЗО) было факультативным занятием, то постепенно, с изучением живописи и элементов прикладного искусства, были выявлены его философская глубина, положительное влияние на культурно-нравственный облик выпускников. Как результат, сегодня программы по ИЗО проникают и в дошкольное образование [13. С.114-120].

С. Юнхуэй отмечает, что дошкольников достаточно познакомить с такими понятиями, как красота, бережное отношение к природе и окружающему миру. А вот школьник должен не только проявлять творческий потенциал, но так же изучить основные приемы изобразительной деятельности и уметь ими пользоваться. Чему может поспособствовать пейзажная живопись [20].

Вэнь С. и Уайт П. говорят о том, что пейзаж в Китае насчитывает 1000-летнюю историю, став постоянной чертой китайской культуры и мало изменился по стилю и целям со времен династии Сун. Потому, обучение детей ИЗО – важная составляющая создания будущего культурного и эстетически развитого поколения [1].

При этом, исследователи отмечают, что в отличие от других стран, в том числе и России, пейзажная живопись в Китае, не просто традиционна и самобытна, она определялась философскими и религиозными учениями, которые в той или иной степени создали образ мышления китайцев.

Т.е. и российские и китайские исследователи отмечают, что обучение изобразительному искусству в дошкольном возрасте – важная составляющая формирования детского сознания и воспитания будущих граждан, чья жизнь будет наполнена как чувством прекрасного, так и патриотизмом.

Задачи программ по изо в дошкольном образовании

Рассматривая Российскую традицию подготовки детей к школе, важно подчеркнуть, что когнитивное становление дошкольников связано с количественными и качественными изменениями интеллекта в период

взросления ребенка. Под дошкольным образованием чаще всего понимается формирование: восприятия, памяти, понятий, воображения, логики, а также чувство красоты. В соответствии с традициями российской педагогики и психологии, познавательное развитие ребенка обычно связано с его обучением письму, чтению и счету. И, естественно, в процессе развития детской психики, идет процесс нарастания уровня сложности, появляются задания на восприятие, память, воображение, мышление, речь и умение самостоятельно выражать свое видение окружающего мира др. Как правило, традиционное обучение дошкольников происходит на репродуктивном (исполнительском) уровне и сопровождается педагогической, логопедической и специально направленной воспитательной деятельностью. (табл.1)

Вышеперечисленные программы были выбраны по таким критериям, как опора на ФГОС и разница подходов к работе с детьми. Однако, более близкое их изучение выявило, что все программы, за счет творчества и изобразительной деятельности стремятся усовершенствовать систему воспитания детей и помочь им вступить в новые отношения.

Кроме того, потенциал изобразительной деятельности: рисование, изготовление скульптуры и поделок из бумаги могут оказывать существенное влияние на интеллектуальные способности детей и задатки, точное воздействие и воспитание нравственных сторон личности, это находит отражение в межличностных отношениях. отношения с социальным окружением ребенка: со сверстниками, учителями, с родителями. Очевиден и дидактический воспитательный потенциал художественно-творческой деятельности детей дошкольного возраста в познавательном развитии, в развитии личности для эффективного приобретения исходных общеобразовательных умений: письма, чтения и счета [7].

Так, сравнивая ФГОС ДО реализуемый в разных дошкольных заведениях, можно обобщить и выделить следующие задачи, которые выстраиваются перед педагогами, осуществляющими работу с детьми, а так же реализующими эстетическое воспитание с помощью пейзажной живописи:

- формирование у детей системы элементарных знаний о предметах и явлениях природы. Решение этой задачи предусматривает изучение самих предметов и явлений в природе, связей и отношений, которые существуют между ними;
- формирование системы знаний об окружающем мире, обеспечение правильной ориентировки ребенка в мире;
- развитие познавательной деятельности ребенка в процессе ознакомления с окружающим миром.

Критерием эффективности эстетического воспита-

Таблица 1.

ФГОС ДО реализуемые в разных дошкольных заведениях[15]

Программы ИЗО	Особенности реализации	Условия работы	Цели	Задачи
Детский сад-дом радости	Междисциплинарная, авторская, вариативная	Индивидуальный, системный подход основанный на содействии ребенку	Обеспечить компетентность ребенка как неповторимого индивидуума с направляемым самосознанием	Развитие базиса личной культуры, интеллигентности, обогащение эмоционального здоровья, развитие способностей, склонностей и прч.
Тропинки	ООП ДО основанная на современных технологиях работы с детьми	При помощи различных методик обучения развивать креативность в каждом ребенке.	Создать условия для общего психологического развития детей дошкольного возраста, их творческих способностей, а так же подготовка к последующему школьному обучению	Развитие воображения, инициативы, творческих способностей, способностей к обучению. Инициирование и психолого-педагогическое сопровождение процессов творческого освоения культуры детьми в рамках различных видов их деятельности
Ступеньки к школе	Разработана с учетом возрастных особенностей ребенка	В результате диагностик индивидуальных показателей развития выстраивается работа с ребенком	В соответствие с ФГОС	Физическое здоровье, психологическая подготовленность, социализация и закрепление основных показателей индивидуальной деятельности
Мозаика	Комплексная, адаптивная программа	Основана на современных подходах работы с ребенком	Организация благоприятной среды для воспитания, развития и обучения ребенка	За счет индивидуального подхода направлена на позитивную социализацию, личностный рост, развитие инициативности, творческой составляющей, а так же умение работы со взрослыми
Первые шаги	Предметная работа со взрослыми, комплексная программа	Основана на работе с детьми раннего возраста от 1 года до 3 х лет	Ранее развитие целостной, самостоятельной и творческой личности ребенка	В соответствие с ФГОС

ния и образования могут служить как система знаний в области изобразительного искусства, так и реальное изучение окружающей среды своей местности[15].

В Китае, к данному вопросу относятся иначе.

Основной задачей ИЗО в работе с детьми дошкольного возраста являются:

- приобщение детей к культуре, самобытности и традициям китайского общества;
- закрепление норм и правил взаимодействия детей со сверстниками, людьми старшего возраста, а также педагогами и др.;
- в связи с особенностями самой живописи, часто прибегают и к мифологическому прошлому страны и воспеванию важных качеств в человеке (многие пейзажные картины на самом деле не основаны на существующих пейзажах, а являются воображаемой композицией каждого художника).

Важно подчеркнуть, что традиционная живопись в Китае не считается самостоятельным видом искусства, но является частью «искусства кисти», которое включало поэзию, каллиграфию и живопись в одну дисциплину, в таком порядке важности, и ее обычно преподают и осваивают.

В отличие от российского искусства, картины в Китае это философский поиск и мечта, что требует очень интимного подхода, который позволяет проникнуться духом и вдохновением того, кто владел этим произведением. Каждый формат допускает различные способы наблюдения и интерпретации. Один из самых интересных форматов — рулоны бумаги, которые, как и фильм, раскрывают историю и раскрывают визуальное повествование.

«Вода и гора» являются центральными темами в пейзажной живописи, и художник был бы признан мастером, если бы считалось, что он может останавливать воду, неподвижной, позволяя горам течь и постоянно двигаться в картине. Горы ассоциировались с божественным, поскольку они достигают неба, и наряду с облаками и туманом сценарии представляли пустоту, ключевую концепцию китайского искусства (не только в пейзажной живописи). В основе смысла этого китайского движения лежат бесконечные возможности пустоты, всего, что существует, и всего, чего нет. На протяжении всей своей истории характеристики этого жанра искусства находились под влиянием не только преходящих династий, но и господствовавших в то время философий, начиная от даосизма через буддизм и неоконфуцианство[12].

Таким образом, теоретические аспекты к формирова-

нию программ по ИЗО для дошкольников, в России и в Китае имеют как схожие, так и отличные черты. Так, оба государства видят задел на будущее для новых поколений, которые будут обучены с детства в системе созерцания и творения прекрасного. Кроме того, пейзажная живопись – это так же обращение и к окружающему миру, а значит его изучению и пониманию. Но, с другой стороны, в России через ИЗО развивают творческий потенциал и общие системы развития ребенка, а в Китае приобщают к философской и культурной традиции, что предполагает заложение в сознание ребенка необходимых норм поведения и взаимодействия.

Практическое применение методов изо в работе с дошкольниками

Продолжая тему философских изысканий в пейзажной живописи, можно отметить, что Даосская (даосская) и буддийская философия сильно повлияли на китайскую пейзажную живопись. Огромные пейзажи на этих картинах олицетворяют необъятность вселенной. Один крошечный человек посреди этих пейзажей так же мал, как мы в огромном космосе.

Кроме того, даосская философия инь-ян в значительной степени является частью искусства шань-шуй. Все элементы картины отделены друг от друга, например, гора и окружающая ее земля, реки и озера и так далее. Мазки кисти могут быть легкими (инь) или тяжелыми, темными (ян), представляющими качества инь и ян.

Гора на картине шань-шуй также является фокусом для размышлений со стороны зрителя. Глядя на гору вдалеке, выступающую сквозь туман в небо, мы должны принять пейзаж, посмотреть на гору и найти смысл картины в наших собственных сердцах.

В современном Китае многие современные художники по-прежнему рисуют традиционные картины шань-шуй, а также есть художники, которые рисуют картины гор в западном стиле и есть место «социалистическому реализму» в китайском искусстве[6].

Потому, при работе с детьми, можно учитывать заинтересованность ребенка в изучении духовных практик.

Однако, в китайских детских садах отношение к детскому творчеству ортодоксальное – основанное на детской психологии, которая говорит о том, что высшие формы познавательной деятельности и изобразительного творчества будут доступны ребенку только в возрасте близкому к школьному. Следовательно, ожидать от ребенка высокого постижения философии пейзажной живописи и картин, написанных с долей профессионализма, не приходится, а потому и программы ИЗО встречаются в дошкольных учреждениях крайне редко, а специализированные школы

художеств берут детей школьного возраста.

В российской практике иной взгляд. Изобразительное искусство рассматривается как неотъемлемый процесс развития ребенка, потому, не смотря на то, что будет изображать ребенок, обязанность воспитателя показать, как можно сделать красиво и качественно.

Изучая работу в российских дошкольных учреждениях и программы ИЗО, были разработаны и апробированы важные образовательные технологии познавательного формирования дошкольников средствами художественно-творческой деятельности:

1. технология формирования учебных умений у дошкольников: письма, чтения и счета в процессе художественной деятельности (рисование, изготовление скульптур и поделок из бумаги);
2. технология формирования культуры межличностных отношений у дошкольников в художественно-творческой деятельности.

Привлечение дошкольников к художественной деятельности позволяет использовать эстетические средства познания действительности, познания через образ, символ, знак. Суть технологии заключается в локально-единичном уровне и предполагает формирование отдельного модуля - общеобразовательных умений: письма, чтения и счета у дошкольников.

Педагог должен, в первую очередь, думать о, том образе, который представляют дети, общаясь с этим человеком, степень доверия, которую он вызывает и конечно же желание с ним работать. Безусловно, одаренный ребенок – это сложная личность, так же, как и педагог, занимающийся подготовкой таких детей. Потому, неизбежны конфликты между ними, что так же важно учитывать при работе с детьми, особенно если учесть современные требования времени и технического оснащения.

При этом, подготовка такого педагога – это проблема XXI века. Сегодня работа с детьми требует от педагога разностороннего подхода, в то время как на практике, все чаще можно столкнуться с тем, что учителя углубляются либо в обучение, либо в воспитание и при этом забывается универсальная формула подготовки ребенка, включающая в себя все ключевые позиции.

И как уже отмечалось, многие авторы утверждают, что воспитательная работа с уклоном на изобразительную деятельность, в учебных заведениях может, позволить, повысить общий культурно-нравственный уровень молодежи в частности и населения страны в целом [19]

Следовательно, работая с детьми дошкольного возраста педагог должен учитывать многочисленные факторы, которые отражают настрой ребенка на совместное

сотрудничество, так же важно выявить и направлять талант, развивать его, а это значит, что ребенку должно быть интересно и увлекательно. Так же важна психологическая подготовка ребенка, т.е. необходимо наладить контакт с его родителями, выяснить их отношение к тому или иному роду занятий. И если семья поддерживает развитие способностей ребенка, то необходимо действовать совместно и направлять становление таланта и его развитие.

Вывод

Подводя итог, можно отметить, что есть как схожие, так и отличительные черты в программах работы дошкольных учреждениях Китая и России. Важно подчеркнуть, что оба государства заинтересованы в развитии нового поколения, как патриотически настроенных,

разносторонне развитых личностей. Отсюда и вытекает стремление государства повлиять на программы обучения и подготовки детей начиная с детского сада.

Но, в детских садах Китая отчетливо просматривается идея о том, что ИЗО является направлением культурного развития, так как от ребенка дошкольного возраста нельзя ожидать больших успехов и проявлений глубокого понимания философии и культурного задела пейзажей. В детских садах России, наоборот, ИЗО – это особое направление, которому уделяется довольно много времени. Дети рисуют, лепят, изучают окружающий мир и стремятся его отобразить, что необходимо для их личностного развития, а так же укрепления потенциала заложенного в ребенке. Кроме того, считается что именно в детском возрасте можно рассмотреть талант, и дальше его развивать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэнь С., Уайт П. Роль ландшафтного искусства в культурной и национальной идентичности: сравнение Китая и Европы // https://www.researchgate.net/publication/342771170_The_Role_of_Landscape_Art_in_Cultural_and_National_Identity_Chinese_and_European_Comparisons
2. Горбунова И.Б., Марченко Е.П., Товпич И.О. Подготовка педагога- к духовно-нравственному воспитанию детей цифрового века// Теория и практика общественного развития. - 2019. - №11. – с. 247-253.
3. Жуликов А.В. Теоретические и методические основы преподавания изобразительного искусства в общеобразовательных учреждениях// <http://www.krc.edu.ru/doc/8.pdf>
4. Забельская Т.В. Влияние декоративно-прикладного искусства на развитие нравственной стороны личности ребенка // <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-dekorativno-prikladnogo-iskusstva-na-razvitiie-nravstvennoy-storony-lichnosti-rebenka> (дата обращения: 16.11.2022).
5. Игнатьев С.Е. Теория и практика Развития Изобразительной деятельности детей. Дисер. М.2007. Электронный документ. Текст// https://docviewer.yandex.com/view/0/?*=7%
6. Истинная В. Китайские пейзажи: история, темы и значение// <https://feltmagnet.com/painting/chinese-landscape-paintings>
7. Камак А., Ауелбеков Е., Жумабекова Ф. Творческое развитие дошкольников в процессе обучения изобразительному искусству//<https://www.abacademies.org/articles/creative-development-of-junior-school-students-in-the-process-of-fine-art-training-6908.html>
8. Кажнович С.В. Формирование навыков обучения дошкольников в художественно-творческой деятельности // <https://cyberleninka.ru/article/n/formation-of-the-learning-skills-in-preschool-children-in-artistic-and-creative-activity> (дата обращения: 16.11.2022).
9. Комарова Т.С. Занятия по изобразительной деятельности// http://mbdou1vyborg.my1.ru/komarova_4-5.pdf
10. Конакова Т.А., Вялова Н.В. Художественно-эстетическое развитие детей в условиях приобщения к народным художественным промыслам родного края // ПНИО. 2018. №3 (33). С.254-263
11. Лопес Э.А. Все, что вам нужно знать о китайских пейзажах// <https://www.kooness.com/posts/magazine/the-history-of-chinese-landscape-painting>
12. Лоскутов В., Тихонова Ж. В чем суть искусства?// <http://svom.info/entry/501-v-chem-sut-iskusstva/>
13. Ма И. Место пейзажа в программах занятий изобразительным искусством в школах Китая // Наука и школа. 2021. №5. С.114-120
14. Мухамедьярова А.А. Концептуальные подходы к развитию воспитательной работы в учебных заведениях // <http://psihdocs.ru/metodicheskie-rekomendacii-v-pomoshe-rabotnikam-uchrejdenij-ku.html>
15. Навигатор образовательных программ дошкольного образования// <https://firo.ranepa.ru/obrazovanie/fgos/184-obrazovatelniye-programmi-doshkolnogo-obrazovaniya>
16. О художниках и картинах // <http://www.nearyou.ru/vvasnetsov/Ovvasn.html>
17. Уманская А.В. Учреждения культурно-досугового типа, их роль и место в развитии социокультурного процесса // Международный журнал гуманитарных и дополнительных наук. 2019. №1-1. С.5-8
18. Цзян Д. Исторические аспекты развития жанра «Пейзаж» в китайской живописи маслом // <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-razvitiya-zhanra-peyzazh-v-kitayskou-zhivopisi-maslom> (дата обращения: 16.11.2022).
19. Шамшурина Л.С. Использование изобразительных средств в решении творческих задач в пейзажной живописи // Право и практика. 2018. №1. С.317-321
20. Юнхуэй С., Мяо С. Дизайн-сообщества для детей: 10 образцовых детских садов в Китае// <https://www.archdaily.com/964596/design-communities-for-children-10-exemplary-kindergartens-in-china>

© Линь Ян (goodoboylb2099@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

MODERNIZATION OF THE CONCEPT OF TEACHING THE DISCIPLINE "PHYSICAL CULTURE" IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**V. Lutsyuk
R. Gezha
Yu. Pershin**

Summary: The effectiveness of physical education classes largely depends on the modernization of the principles of structuring the curriculum and its content, which are the fundamental component of building an educational paradigm in non-physical education universities. At the moment, various fitness clubs and other similar commercial organizations are very popular among the population of Russia. Accordingly, the adoption of the specifics of the integration of sports and physical education into the public masses by these institutions will contribute to relevant transformations in higher education institutions. To do this, it is advisable to take into account both the sports that are in the greatest demand among visitors to fitness centers, and the features of a package training program that conglomerates such mutually correlative biomedical and health-saving aspects of successful sports activities as: (1) practical physical training; (2) a course of lectures on this subject; (3) group and individual consultations of a nutritionist; (4) preventive, recreational and restorative procedures (for example, massage) and (5) medical examination (examination). Such an integrated approach to conducting physical education classes is based not only on strategies for promoting the relevance of physical activity by sports marketing specialists, but also on the main directions of organizing training of professional-level athletes.

Keywords: modernization, physical culture, teaching, pedagogy, methodology, higher education, concept, training program.

Луцюк Владимир Евгеньевич

к.с.х.н., Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К.И. Скрябина
lustyk@mail.ru

Гежа Роман Валерьевич

Преподаватель, кафедры Московская государственная
академия ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К.И. Скрябина
gezha.r@yandex.ru

Першин Юрий Лаврентьевич

Преподаватель, Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии
имени К.И. Скрябина
pershin1957@mail.ru

Аннотация: Эффективизация занятий по физической культуре во многом зависит от модернизации принципов структуризации учебной программы и ее содержания, которые являются фундаментообразующим компонентом выстраивания образовательной парадигмы в нефизкультурных вузах. В настоящий момент различные фитнес-клубы и прочие аналогичные коммерческие организации пользуются большой популярностью среди населения России. Соответственно, перенятие специфики интеграции спорта и физического воспитания в общественные массы данными учреждениями будет способствовать релевантным преобразованиям в высших учебных заведениях. Для этого целесообразно принимать во внимание как виды спорта, которые пользуются наибольшим спросом среди посетителей фитнес-центров, так и особенности пакетной программы тренировок, конгломерирующей в себе такие взаимокоррелятивные медико-биологические и здоровьесберегающие аспекты успешной спортивной деятельности, как: (1) практические занятия физической культурой; (2) курс лекций по данному предмету; (3) групповые и индивидуальные консультации нутрициолога; (4) профилактические, рекреационные и восстановительные процедуры (например, массаж) и (5) медицинское обследование (осмотр). Такой комплексный подход к ведению занятий по физкультуре базируется не только на стратегиях продвижения актуальности физической активности специалистами спортивного маркетинга, но и на основных направлениях организации тренировок спортсменов профессионального уровня.

Ключевые слова: модернизация, физическая культура, преподавание, педагогика, методология, высшее образование, концепт, программа тренировок.

Экскурс в историографию интеграции спортивного образования в высшие учебные заведения свидетельствует о том, что становление физической культуры как дисциплины в России начинается с царских времен, когда спорт становится неотъемлемой частью развития обучающихся средних и высших учебных заведений. Основоположителем научной системы физического воспитания стал русский ученый П.Ф. Лесгафт [9, с. 43].

Тем не менее, данный предмет осваивали, прежде всего, выходцы из элитных слоёв населения, которым было доступно платное обучение, в то время как жизнь рабочих и крестьян априори конгломерировала с ежедневным физическим трудом. При этом 150 лет назад успешно развивались такие виды спорта, как: футбол, велосипедные гонки, борьба, фигурное катание, стрельба, гребля и т.д.

После революции 1917 г. в Советском Союзе для

всех слоёв общества появилась возможность получать бесплатное образование, поэтому занятия физической культурой приобрели более массовый характер. Данная дисциплина стала способствовать «решению таких важных государственных задач, как охрана здоровья и увеличение продолжительности жизни советских людей, подготовка их к высокопроизводительному труду и защите Родины» [5, с. 12].

В настоящее время концепт исследуемого предмета необходимо модернизировать согласно современным преобразованиям, происходящим в мире, начиная от необходимости формирования привычки к ведению здорового образа жизни с учетом технологических инновационных процессов в сфере труда и бытовых нужд, спровоцировавших умаление физической активности, оканчивая потребностью развития поколений, способных защищать интересы государства.

Исходя из «Концепции преподавания предмета «Физическая культура» в образовательных организациях Российской Федерации» [4], физкультура является неотъемлемой частью физического и интеллектуального развития, способствующая становлению двигательной активности, здоровьесбережению, социальной адаптации и продлению жизни человека [4, с. 2]. При этом важно подчеркнуть, что физическое воспитание вузов в настоящий момент ориентировано как на практически здоровых людей, так и на лиц с различными патологиями физического и/или психического здоровья.

Между тем одной из самых главных проблем в преподавании исследуемой дисциплины в нефизкультурных высших учебных заведениях является отсутствие мотивации обучающихся к регулярному посещению занятий, в том числе, личного интереса [4, с. 3]. Проблема может быть решена посредством обновления перечня базовых видов спорта, преподаваемых в высшей школе, а также использования принципа предоставления «Пакетного вида услуг» [8], а именно: при адаптации «Пакетной программы» занятий спортом под потребности высшего учебного заведения в рамках данной дисциплины, целесообразно внедрять те направления организации физического воспитания, которые включены в перечень наиболее популярных секций, успешно развивающихся в коммерческих спортивных организациях (фитнес-клубах). Данные учреждения отводят большую роль спортивному маркетингу, «который фокусируется на продвижении ... спорта для конкретной целевой аудитории» [1, с. 120]. Итак, повышение эффективности работы фитнес-клубов выполняется за счет использования различных аспектов рекламы спорта, начиная от цели и названия организации, в тексте которых присутствуют такие ключевые слова, как, например, «оздоровительный», «омо-

лаживающий», «коррекционный», «правильная биомеханика», «лечебная физическая культура» и т.д., оканчивая интеграцией в сетку расписания наиболее «имиджевых» и импонируемых современному обществу занятий, способствующих благоприятному воздействию спорта на физическую и психическую составляющие человеческого организма, который подвержен различным стрессам и превалированию статичного образа жизни.

Высокоуровневое описание содержания тем лекций и названий видов спорта в вузе посредством использования вышеупомянутых ключевых слов будет способствовать заинтересованности студентов в посещении данной дисциплины. При этом усилить мотивацию к занятиям физической культурой позволит «Пакетная программа тренировок», под которой в высшей школе следует подразумевать следующий принцип проектирования учебного процесса:

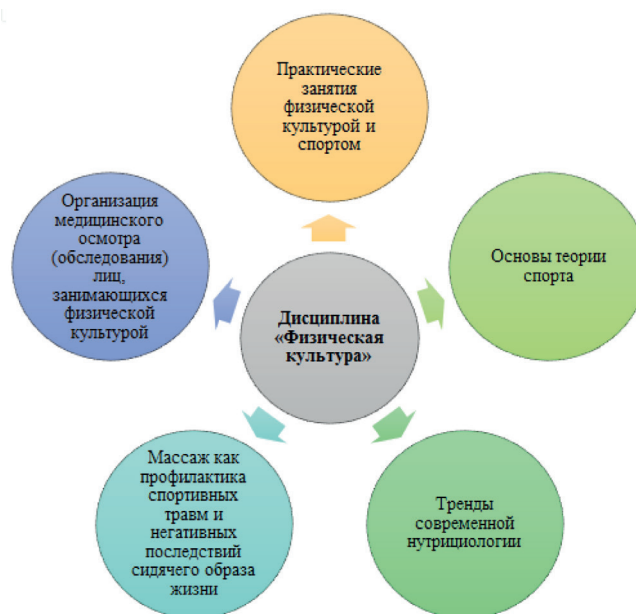

Рис. 1. Концепт дисциплины «Физическая культура» в высшем учебном заведении¹

На рисунке 1 представлены базовые концепты, которые должны составлять основу дисциплины «Физическая культура» в вузе, а именно:

1. «Практические занятия физической культурой и спортом» – тренировки, включающие популярные среди молодёжи виды спорта: «йога» (*yoga*), «стретчинг» (*stretching*), «кроссфит» (*crossfit*), «зумба» (*zumba*), «лёгкая атлетика» (*skillathletics*) и т.д., а также командные спортивные игры: «баскетбол», «футбол», «волейбол», «хоккей на траве» и т.д. Важно подчеркнуть, что «йога» в данном списке стоит на первом месте, так как является для современ-

¹ Рисунок автора.

ного общества двигательной и физической рекреационной деятельностью, направленной на отдых и восстановление физических и психических сил после выполнения трудовой, учебной, научной и др. видов деятельности [10].

2. «Основы теории спорта» – лекции, касающиеся важных для подростков вопросов оздоровления, в том числе, увеличения физического и эстетического потенциалов тела, а также историографии становления и актуализации спортивного воспитания.
3. «Тренды современной нутрициологии» – групповые и индивидуальные консультации нутрициолога по вопросам диетологии и популяризации правильного рациона питания, так как, например, согласно исследованиям врача-эндокринолога А. Калинчева, как правило, «успех того же похудения «на 80% зависит от правильного питания человека, а 20% – от физических нагрузок» [7].
Как подчёркивают в своих исследованиях Y. Ozdođanb A.Ö. Özçelik (2010), адекватное и сбалансированное питание является фундаментообразующим компонентом для ведения здорового образа жизни людей, их экономического и социального развития, повышения уровня их благосостояния и поддержания счастливой, мирной и безопасной жизни [4]. А именно, нутрициология направлена на обеспечение того, чтобы студенты принимали достаточное количество сбалансированных питательных веществ в соответствии с их полом, возрастом, повседневной физической активностью, видом спорта. При этом, планируя питание для обучающихся, также следует учитывать их рост и вес, процентное содержание жиров в организме, уровень знаний и привычки в питании, состояние здоровья, а также социальные и экономические условия их проживания [11; 12, p. 248].
4. «Массаж как профилактика спортивных травм и негативных последствий сидячего образа жизни» – оздоровительная процедура, которая «способствует оперативному восстановлению специальной работоспособности и позволяет повысить эффективность техники выполнения физических упражнений, а, следовательно, спортивную результативность» [6, с. 6].
5. «Организация медицинского осмотра (обследования) лиц, занимающихся физической культу-

рой» – программа спортивного медицинского обследования, согласно которой предусмотрены индивидуальные консультации студентов, позволяющие определить наиболее релевантный для каждого из них вид спорта, помогающий, например, укрепить руки и плечи, спину, стать более выносливым или гибким и пр. Данный осмотр необходим не только представителям специальных медицинских групп, но и практически здоровым обучающимся, т.к., согласно исследованиям В.Т. Карташова, В.В. Розанова, А.Е. Северина (2014), «среди факторов, оказывающих влияние на сохранение здоровья студентов, ведущее место занимает правильно организованный процесс физического воспитания и контроль за его организацией, осуществляемой поликлиникой совместно с кафедрой физического воспитания» [3, с. 208].

Пять вышеописанных направлений «Пакетной программы» должны быть взаимоскоррелятивны и доступны студентам только в том случае, если они регулярно посещают все занятия по физической культуре, а не выборочно или пропускают некоторые из них без уважительной на то причины. Такое условие станет одним из мотивационных аспектов осваивать весь комплекс дисциплины «Физическая культура».

Выводы

При совершенствовании преподавания дисциплины «Физическая культура» необходимо принимать во внимание эффективные стратегии интеграции спортивного образа жизни в общество коммерческими организациями, использующие «законы» популяризации физической активности, созданные маркетинговыми компаниями. При этом «Пакетная программа тренировок» позволит модернизировать и, как следствие, эффективизировать концепт преподавания данного предмета посредством конгломерирования пяти основных направлений организации занятий, которые базируются не только на методах спортивного маркетинга, но также берут за основу принципы построения тренировок в высшем спорте, занятия которого включают общую и специальную физическую подготовку, теоретические лекции, участие в соревнованиях, восстановительные и реабилитационные мероприятия (в т.ч. массаж) и медицинское обследование.

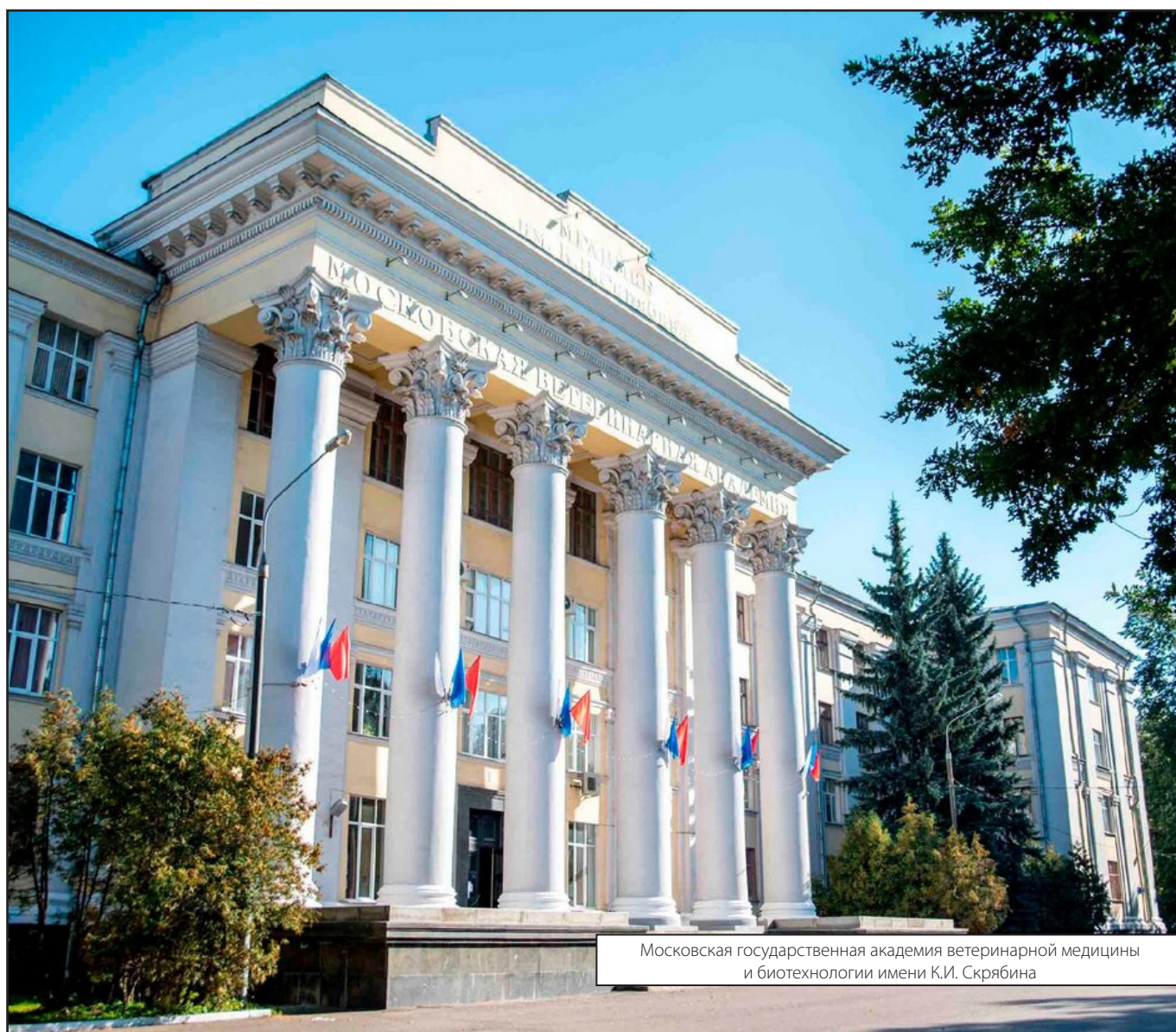
ЛИТЕРАТУРА

1. Буян, Ю.Г. Маркетинг в спорте / Ю.Г. Буян // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – №5-1. – С. 120 – 122.
2. Иванов, В.Д. Фитнес-программы в системе занятий по физической культуре в вузе / В.Д. Иванов, Н.А. Салькова // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2019. – №2. – С. 49 – 59.
3. Карташов В.Т. На страже здоровья студентов / В.Т. Каташов, В.В. Розанов, А.Е. Северин // Вестник новых медицинских технологий. Электронное из-

- дание. – 2014. – №1. – Публикация 9-11. – С. 208 – 211.
4. Концепция преподавания учебного предмета «Физическая культура» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. Утверждена коллегией Министерства просвещения Российской Федерации 24.12.2018 г.
 5. Кузнецова З.М. Об истории развития физкультурного образования в советский период / З.М. Кузнецова, Ю.П. Симаков // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2008. – №2 (7). – С. 9 – 19.
 6. Поляница, Н.В. Оперативно-восстановительный массаж для борцов-девушек в процессе соревнований: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.04 / Моск. гос. акад. физ. культуры. – Малаховка, 2006. – 173 с.
 7. Самер, М. Диетолог назвал главную ошибку при похудении. Газета.ру. статья от 17.04.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/04/17/17581724.shtml>. Дата обращения: 30.12.2022.
 8. Сковорода, И.А. Повышение эффективности работы фитнес-клуба / И.А. Сковорода // Молодой ученый. – 2018. – № 8 (194). – С. 71 – 76.
 9. Суник, А.Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта [Текст] / Александр Суник. – Москва: Советский спорт, 2010. – 615 с.
 10. Bahuguna, V.K. Yoga: A recreational Activity. Opinion Express. July 01, 2019. URL: <https://opinionexpress.in/yoga-a-recreational-activity/>. Date: 30.12.2022.
 11. Güneş, Z., (2003) Spor ve Beslenme. Ankara: Nobel Yayın Dağıtım, 3. Baskı, pp:144.
 12. Ozdoğanb, Y., Özçelik, A.Ö. (2010) Nutrition Habits of Students Who Attend Sports Academies. e-Journal of New World Sciences Academy. Vol. 5. № 3. Pp. 247 – 258.

© Луцюк Владимир Евгеньевич (lustyk@mail.ru), Гежа Роман Валерьевич (gezha.r@yandex.ru),
Першин Юрий Лаврентьевич (pershin1957@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

PERSPECTIVES OF BILINGUAL
MEDICAL EDUCATIONYu. Lysikova
I. Gulakova

Summary: The purpose of the article is to study the specifics of the Russian educational system and its potential as a platform for the implementation of subject-language integrated learning and the development of bilingual medical education.

Methods. The article uses the sociological method, the method of content analysis, the method of processing empirical data.

Findings. The article gives analysis of the prospects and difficulties of organizing bilingual education in medical universities, the requirements for curriculum, educational materials and assessment tools. The features and conditions of teaching in English, the prospects for creating a bilingual educational base are considered, and the advantages of bilingual education are formulated.

Conclusions. The subject-language integrated learning is marked out as the only effective way to develop general professional foreign language communicative competence at the university, and the ways of integration into the global cultural and educational space are outlined.

Keywords: bilingual educational environment, bilingualism, professional communication, international integration, subject-language integrated learning.

ПЕРСПЕКТИВЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО
МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лысикова Юлия Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, Орловский
государственный университет им. И.С. Тургенева
iulialysikova@gmail.com

Гулакова Ирина Ивановна

кандидат филологических наук, доцент, Орловский
государственный университет им. И.С. Тургенева
gulirina@list.ru

Аннотация: Цель статьи - изучение специфики российской образовательной системы и ее потенциала в качестве платформы для реализации предметно-языкового интегрированного обучения и развития билингвального медицинского образования.

Методы. В статье использован социологический метод, метод контент-анализа, метод обработки эмпирических данных.

Результаты. В статье анализируются перспективы и трудности организации билингвального обучения в медицинских вузах, требования, предъявляемые к образовательным программам, учебным материалам и оценочным средствам. Рассмотрены особенности и условия обучения на английском языке, перспективы создания двуязычной образовательной базы, сформулированы преимущества билингвального обучения.

Выводы. Выделено предметно-языковое интегрированное обучение как единственно эффективный способ развития общепрофессиональной иноязычной коммуникативной компетенции в вузе, а также отмечены пути интеграции в мировое культурно-образовательное пространство.

Ключевые слова: билингвальная образовательная среда, билингвизм, профессиональная коммуникация, международная интеграция, предметно-языковое интегрированное обучение.

Введение

Сегодня Россия стремится к интеграции в мировое научно-образовательное пространство, как никогда востребованными становятся образовательные возможности билингвального обучения. Появляется интерес к организации обучения русскоязычных студентов медицинских специальностей на английском языке. Билингвальное образование обеспечит будущим врачам широкий доступ к актуальной информации в различных областях медицины в соответствии с индивидуальными потребностями, предоставит возможности непрерывного международного образования, а также повысит конкурентоспособность российских специалистов на общеевропейском и мировом рынке.

В области медицины все новейшие исследования доступны на английском языке, международные дискуссии и конференции проводятся на универсальном международном английском языке. Обучение на английском языке дает возможность задействовать в об-

разовательном процессе зарубежных преподавателей и лекторов, позволяет быть в курсе актуальных научных дискуссий, использовать англоязычные информационные источники. Билингвальное обучение открывает доступ к международному образованию, не покидая пределов своей страны.

Текущая реальность и задачи медицины и образования определяются пандемией коронавируса, распространением обезьяньей оспы, атипичной симптоматикой привычных заболеваний. Скорость распространения вирусов, заболеваемость сотен тысяч людей заставляет задуматься об универсальном международном наименовании новых явлений, необходимом для упрощения профессиональной коммуникации, о важности оперирования единым метаязыком в профессиональном медицинском сообществе. Для профессиональной медицинской коммуникации необходимо хорошее знание английского языка: международной медицинской терминологии, общепринятых аббревиатур, медицинских неологизмов и профессионализмов. Следовательно, с

каждым днем растет потребность в медицинской подготовке студентов на английском языке.

К настоящему моменту в мире накоплен огромный опыт двуязычного образования. Реализовать технологию обучения студентов культуре коммуникативного взаимодействия в профессиональном медицинском и научном диалоге на мировом уровне возможно лишь в билингвальном режиме. Получение медицинской специальности должно осуществляться в специально организованном билингвальном образовательном процессе, реализующем основную образовательную программу на русском и английском языках.

Материалы и методы

Билингвальное обучение способствует развитию умений пользоваться иностранным языком для получения дополнительной информации из различных сфер его функционирования, формирует двуязычный словарный запас, способствует воспитанию потребности пользоваться иностранным языком как средством углубления профессиональных знаний, формирует и развивает коммуникативную компетентность, гарантирует высокий когнитивный уровень владения английским языком. При создании билингвальной среды главная задача – разработка и совершенствование образовательной базы на английском языке, подготовка и адаптация учебных материалов, позволяющих интегрировать мировой академический опыт и российскую образовательную систему.

В качестве специальных методов билингвального обучения традиционно выделяют методы визуальной поддержки (visual support), методы формирования техники чтения специальных текстов (reading support), когнитивные методы языковой поддержки (language support), а также приемы «включения» в язык (input), «мостика-подсказки» (bridging prompting), «переключения кода» (code-switching) и др.

Студенты должны, прежде всего, приобрести навык самостоятельного письменного перевода. Реферативный и аннотационный перевод особенно эффективны в формировании навыка конденсации смысла. Студенты понимают, насколько важна данная компетенция в условиях огромного информационного пространства и необходимости быстрой обработки информации для профессиональных целей. Кроме того, такие виды перевода готовят студентов к научно-исследовательской деятельности, написанию самостоятельных рефератов и статей на русском и английском языке.

Литературный обзор

Интенсивные процессы глобализации требуют от современной системы высшего образования использо-

вать английский язык не только в качестве учебной дисциплины, но и в качестве средства обучения. Технология CLIL (Content and Language Integrated Learning: предметно-языковое интегрированное обучение) является одним из видов билингвального обучения и успешно применяется в образовательных учреждениях европейских стран. Термин CLIL был впервые использован Д. Маршем в 1994 году. Согласно Д. Маршу, об интегрированном предметно-языковом обучении (CLIL) можно говорить в тех случаях, когда дисциплины или определенные темы в рамках дисциплин, изучаются на иностранном языке и при этом преследуются две цели: изучение содержания данной учебной дисциплины и одновременное изучение иностранного языка [7, с. 89].

В самом широком смысле под CLIL понимается дидактическая методика, направленная на формирование у обучающихся лингвистических и коммуникативных компетенций на неродном языке в том же учебном объеме и контексте, в котором у них происходит формирование профессиональных знаний и умений на родном языке. Свободное владение академическим и профессиональным языком на двух языках достижимо лишь при обучении на двух языках, с регулярным переключением двух лингвистических кодов для формирования устойчивых когнитивных связей и коммуникативных навыков. Это требует ежедневной двуязычной практики в течение всех лет обучения.

Обучение студентов медицинского института предполагает владение профессионально-значимыми концептами и научной терминологией на мировом уровне, участие в международных научно-исследовательских проектах. Следовательно, оказание образовательных услуг на международном уровне означает обучение наших студентов на английском языке с использованием англоязычных программ, материалов, источников и оценочных средств. Разработку курсов дисциплин на английском языке следует начинать с отбора уже существующих, зарекомендовавших себя во всем мире, англоязычных материалов и информационных источников по данной дисциплине, учитывая общепризнанную международную терминологию и номенклатуру. Создание качественной образовательной базы на английском языке потребует многолетней работы с англоязычными источниками, их адаптацию к сложившейся российской образовательной системе. Понимание недостаточности одного лишь перевода уже созданных русскоязычных программ дисциплин – залог конкурентоспособности и высокого мирового уровня предоставляемых образовательных услуг. Англоязычные образовательные программы отличаются от русскоязычных еще и подходом к преподаванию. Европейская образовательная традиция требует от студентов много исследовательской и творческой работы, как самостоятельной, так и в командах, делается акцент на проектные исследования и крити-

ческое мышление, дается свобода для экспериментов и выбора направлений исследований. Билингвальное образование позволяет интегрировать лучшие методики и технологии обучения двух традиционных подходов.

Билингвальная среда понимается как погружение человека в двуязычное языковое пространство, при котором оба языка становятся его неотъемлемой частью. Чтобы билингвальные образовательные программы действительно работали эффективно, важно не только их наличие, но и профессионализм преподавания и академический уровень владения английским языком. Билингвальные программы позволяют студентам не бояться барьера непонимания иностранного языка и дают возможность выпускникам продолжить дальнейшее обучение, пройти стажировку или провести научное исследование в любой стране мира. Параллельное обучение на русском и английском языках способствует развитию коммуникативных способностей, памяти, делает студентов более мобильными, а значит, и более конкурентоспособными в многогранном поликультурном мире.

Обсуждение

Создание англоязычной образовательной среды подразумевает под собой анализ профессионального научного дискурса и международного банка знаний, отбор авторитетных англоязычных и русскоязычных электронных ресурсов, разработку оценочных средств на английском языке. Тестирование, контроль и сертификация англоязычных программ потребует многолетнего опыта работы. Основная проблема – отсутствие достаточного числа преподавателей, готовых участвовать в билингвальном проекте. Профессиональная лингвистическая подготовка и медицинские знания – уникальное сочетание, требующее наличия двух дипломов. Ректоры ведущих российских вузов подчеркивают привлекательность англоязычных программ, как для иностранных студентов, так и для российских абитуриентов. Многие двуязычные программы обучения в России реализуются в формате двух дипломов. Это значит, что они организованы в партнерстве с зарубежным вузом, и выпускник получает два документа о высшем образовании, один из которых на английском языке и соответствует международному уровню. Лидерами по разработке и реализации билингвальных программ обучения в России являются НИУ Высшая школа экономики, МГИМО и РАНХиГС в сотрудничестве с Лондонским университетом, Университетом Ниццы, Валенсии и Пизы. Направление билингвальной медицинской подготовки «медицинский перевод» – сегодня лишь экспериментальный пилотный проект обучения в Российском национальном исследовательском медицинском университете имени Н.И. Пирогова. Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова предлагает билингвальное обучение в международной школе «Медицина будущего».

Обеспечение качественного билингвального образования ориентирует нас на создание максимально благоприятной образовательной среды за счет актуализации потенциала внешних и внутренних ресурсов университета: научно и учебно-методических ресурсов – обеспечение современными англоязычными научно-образовательными и учебными продуктами преподавателей и студентов; информационных ресурсов – развитие информационных технологий в образовательном процессе, накопление мультимедийного банка обучающих материалов; кадровых ресурсов – создание условий профессионального роста преподавателей и переводчиков, возможность международных стажировок.

Одним из наиболее эффективных способов развития билингвальной дискурсивной компетенции студентов являются презентации, учебники и лекции на двух языках, а также использование кратких двуязычных тематических словарей-минимумов или методических руководств в режиме «скорой помощи» для устранения возникающих проблем или предупреждения возможных затруднений в обучении; использование текстов с маркированными терминами, двуязычных параллельных учебных текстов, обращение к видеоматериалам, схемам и визуальным опорам на английском языке. Непременным компонентом билингвальной подготовки врачей является обучение видам текстовой компрессии, как на русском, так и английском языках: реферирование, аннотирование, перевод, рецензирование, составление обзоров и библиографических списков. Интеграция языкового и профессионального содержания наиболее эффективна, когда новые темы побуждают студентов к самостоятельному обучению, применению своего прошлого опыта для овладения новыми знаниями. Видео, анимации, вебинары, блоги, подкасты и т.д. являются аутентичными ресурсами, побуждающими активацию мыслительных операций высшего порядка, генерацию и создание новых идей, проектов, а также развитие CALP (cognitive/academic language proficiency). Материал должен быть значимым, аутентичным и стимулирующим к профессиональному развитию. Подобранный информация должна быть связана с профессиональными медицинскими реалиями и затрагивать глобальные проблемы, которые заинтересуют студентов. Одной из ключевых концепций при выборе материала является "multimodal input" – представление материала различными наглядными способами (презентации, диаграммы, графики, таблицы и др.), которые позволяют глубже понять предметное содержание. Структурирование, преобразование информации из одного вида представления (например, текста) в другой (карту, таблицу, диаграмму), а также перевод с родного языка на английский стимулирует изучение языка и предмета, учитывая индивидуальные потребности обучающихся в разнообразии форм обучения. Знание языка становится средством изучения содержания предмета; повышается мотивация

к изучению иностранного языка за счет значимого контента; происходит погружение в языковую среду; интенсивно развиваются когнитивные навыки высшего порядка, такие как анализ, синтез, обобщение, классификация, оценка и т.д.; активизируется развитие когнитивной академической языковой компетенции в ходе обсуждений абстрактных понятий и приобретения новых знаний. Использование английского и родного языка могут чередоваться. Один язык может применяться для обобщения информации, другой – для обсуждения, то есть участники процесса обучения, в идеале, должны переключаются с одного языка на другой.

Студентам, как правило, необходима значительная поддержка для развития когнитивных способностей на иностранном языке. Они должны развивать не только разговорный язык (BICS basic interpersonal communicative skills), они также должны развивать академический английский язык, необходимый для изучения предметных дисциплин (CALP cognitive/academic language proficiency). Когнитивное развитие может успешно осуществляться на билингвальной основе. «Большое количество исследований доказывают, что чем ближе человек приближается к смешанному билингвизму, тем выше вероятность появления у него когнитивных преимуществ по сравнению с монолингвами» [5, с. 21].

Результаты

Опыт двуязычного обучения иностранных студентов в Медицинском институте Орловского государственного университета позволяет выделить образовательные технологии и условия, снимающие трудности при обучении. В проведенном нами опросе приняли участие иностранные студенты в возрасте от 18 до 24 лет, получающие медицинское образование на английском языке в Орловском медицинском институте. Студентам нужно было отметить факторы, облегчающие понимание информации на английском языке. В итоге мы получили следующие результаты:

- комментарии и объяснения преподавателя – 56%;
- перевод и объяснения переводчика – 76%;
- графики, видео, двуязычные презентации и визуальные опоры – 38%;
- структурирование информации: диаграммы, графики, таблицы и схемы – 49%;
- список ключевых слов по изучаемой теме/проблеме – 24%;
- самостоятельное использование дополнительных интернет-ресурсов – 18%;
- друзья, объясняющие сложности – 19%;
- дополнительное обсуждение материала – 12%.

Полученные ответы доказывают важность параллельного перевода воспринимаемой информации с

русского языка на английский. Результаты опроса показали, во-первых, важность объяснений преподавателя, во-вторых, важность использования интерактивных заданий, позволяющих студентам оказывать друг другу помощь во время занятия.

Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) внедряется в вузовские программы как ответ на потребность рынка труда в специалистах со знанием иностранного языка, готовых к эффективной коммуникации в международной профессиональной или академической среде. Преподавание специальных дисциплин на иностранном языке по методике CLIL имеет ряд особенностей, одной из которых является повышенная когнитивная нагрузка обучающихся. Преподаватели стремятся снять когнитивную нагрузку, обусловленную необходимостью общения на английском языке, предлагая типы заданий с учетом индивидуальных возможностей обучающихся, выбирая графические средства презентации материала и предлагая студентам набор языковых клише для выражения своих мыслей.

Технология двуязычного обучения CLIL дает возможность выйти за пределы традиционной учебной программы, позволяет улучшить качество обучения, как предметному содержанию, так и иностранному языку, ускорить развитие профессиональных лингвистических навыков студентов, а также открывает новые возможности для продолжения образования и научных исследований.

Заключение

Таким образом, Content Language Integrated Learning или предметно-языковое интегрированное обучение – это единственно эффективный способ развития общепрофессиональной иноязычной коммуникативной компетенции за время обучения в вузе. Кроме того, CLIL удобен для реализации образовательных проектов, например, по разработке новых направлений медицинских исследований, поиску решений по борьбе с вирусными заболеваниями. Эта методика позволяет сформировать у обучающихся лингвистические и коммуникативные компетенции на неродном языке с тем же содержанием (контентом) и в том же учебном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие знаний и умений на родном языке. Иностранный язык в вузе превращается из просто дисциплины в инструмент получения профессиональной информации. Предметно-языковое интегрированное обучение (Content and Language Integrated Learning - CLIL) представляет один из целесообразных способов, позволяющих успешно устанавливать связи между профилирующими дисциплинами, а также осуществлять эффективную подготовку будущего специалиста к ведению профессионального общения с коллегами на иностранном языке

Таким образом, насущная задача сегодня – создание единого образовательного пространства (общеевропейского образовательного пространства, международного образовательного пространства), и как следствие, естественное стремление выпускников к достижению общеевропейского уровня владения иностранными языками и развитие академической мобильности студентов и преподавателей. Поиск перспективных стратегий для реализации билингвального образования в Орловском медицинском институте

удовлетворит назревшую потребность в билингвальном обучении как средстве профессиональной подготовки врачей, дающем будущим специалистам возможность реализовать свой потенциал и активно работать на мировом рынке, а также использовать мировое англоязычное информационное пространство. Наличие образовательных программ на английском языке становится одним из конкурентных преимуществ российских университетов в борьбе за лидирующие позиции в мировых рейтингах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А.Л. Экспорт российского образования: основные показания и тенденции / А. Л. Арефьев // Высш. образование в России. – 2010. – № 1. – С. 125–141.
2. Боченкова М.Ю. Билингвизм и билингвальная среда как социокультурный и психолого-педагогический феномен // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 586–590. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46136.htm> (дата обращения: 10.11.2022).
3. Клинг В.И., Сурдина Е.В. Билингвальное обучение: проблемы и перспективы // Мир науки, культуры, образования. – 2019, № 5., С.142-145 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvalnoe-obuchenie-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.11.2022).
4. Кузнецова Е.Б. Предметно-языковое интегрированное обучение в обучении английскому языку будущих врачей // Перспективы развития науки и образования. - 2017. - Т. 1. - № 12-1 (28). – С. 79-80.
5. Салехова Л.Л., Григорьева К.С., Лукоянова М.А. Педагогическая технология двуязычного обучения CLIL: учебно-методическое пособие / Л.Л. Салехова, К.С. Григорьева, М.А. Лукоянова. – Казань: КФУ, 2020. – 101 с.)
6. Халяпина Л.П. Современные тенденции в обучении иностранным языкам на основе идей предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6. № 20. С. 46-52.
7. Coyle D., Hood Ph., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 184p.

© Лысикова Юлия Анатольевна (iulialysikova@gmail.com), Гулакова Ирина Ивановна (gulirina@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Макалютина Юлия Владимировна

старший преподаватель, МИРЭА – Российского
технологического университета, г. Москва
makalyutin.vd@gmail.com

THE ROLE OF PHYSICAL EDUCATION IN THE TRAINING OF TECHNICAL STUDENTS

Yu. Makalutina

Summary: The article highlights and analyzes the features of the physical condition of students of technical specialties of higher education. It is investigated that during the training, students in almost all indicators have an average and below average level of physical fitness and morpho functional state and a steady tendency to deterioration of results from the first to the fourth year. In this aspect, the research determined that strengthening the health of students during their studies at the university of technical specialties, the development of physical potential and physical culture of students, is extremely relevant and necessary. It is revealed that regular physical education and sports affect the formation of a personality as a subject of social relations, able to withstand heavy physical and psychological loads, and therefore be competitive in the labor market. The analysis of the above indicators of the study of muscle strength allows us to assert that there were no significant changes in the manifestation of the strength capabilities of the studied students during the period of study at the University of technical specialties. Significant mobility of nervous processes at this age determines the rapid change of nervous contractions and relaxation and contributes to the manifestation of the maximum pace of movements. It is determined that the development of muscle strength is important for the harmonious development of youth, and occupies an important place in the general physical training of students of technical specialties. During the analysis, the values were obtained, which determined that by the second-year students have minor positive changes in the development of power potential, and then gradually the test results decrease. It was also found that their initial data did not differ significantly from the results obtained earlier by the authors. However, in most indicators of the morpho functional state of students during their studies in higher educational institutions of technical specialties, there is a tendency to decrease.

Keywords: students, physical training, physical culture, physical development.

Аннотация: В статье освещены и проанализированы особенности физического состояния студентов технических специальностей высшего образования. Исследовано, что в течение обучения, обучающиеся почти по всем показателям, имеют средний и ниже среднего уровня физической подготовленности и морфофункционального состояния и устойчивую тенденцию к ухудшению результатов от первого до четвертого курса. В данном аспекте исследования определили, что укрепление здоровья студенческой молодежи во время учебы в вузе технических специальностей, развитие физического потенциала и физической культуры студентов, является крайне актуальным и необходимым. Выявлено, что регулярные занятия физической культурой и спортом влияют на формирование личности, как субъекта общественных отношений, способного выдерживать большие физические и психологические нагрузки, а значит быть конкурентоспособным на рынке труда. Анализ приведенных показателей исследования мышечной силы позволяет утверждать, что в проявлении силовых возможностей исследуемых студентов за период обучения в университете технических специальностей, не произошло существенных изменений. Значительная подвижность нервных процессов в этом возрасте предопределяет скоростную смену нервных сокращений и расслаблений и способствует проявлению максимального темпа движений. Определено, что развитие мышечной силы имеет важное значение для гармоничного развития молодежи, и занимает важное место в общей физической подготовке студентов технических специальностей. При анализе получены величины, которые определили, что у студентов ко второму курсу происходят незначительные позитивные изменения в развитии силового потенциала, а затем постепенно результаты тестирования снижаются. Так же было установлено, что их исходные данные существенно не отличаются от результатов, полученных ранее авторами. Однако, в большинстве показателей морфофункционального состояния студентов в течение обучения в высших учебных заведениях технических специальностей, прослеживается тенденция к снижению.

Ключевые слова: студенты, физическая подготовка, физическая культура, физическое развитие.

Введение

Неудовлетворительное состояние здоровья практически всех категорий населения России является общеизвестным фактом, который ведет к ослаблению политической, экономической, оборонной безопасности государства и поэтому привлекает внимание на правительственном уровне и требует неотложных действий. Физическое воспитание в учебно-воспитательной сфере высших учебных заведений технических специ-

альностей, как составляющая общей системы образования, предусматривает обеспечение основы и развития физического и морального здоровья, комплексного подхода к формированию умственных и физических качеств личности. Учеными доказано, что систематические занятия физическими упражнениями повышают нервную и психическую устойчивость к эмоциональным стрессам, поддерживают умственную работоспособность на оптимальном уровне, способствуют повышению успеваемости студентов [1, с. 450].

Цель работы – проанализировать роль физической культуры в ходе подготовки студентов технических специальностей.

Задачи исследования: оценить уровень физической культуры студентов; проанализировать особенности физической подготовки студентов технического вуза.

Методы исследования: анализ и обобщение литературных источников, педагогическое наблюдение, педагогическое тестирование и методы математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. В высших учебных заведениях технических специальностей учебный процесс предполагает не только обучение и воспитание, но и оздоровление студентов. Физическая культура и спорт представляют собой средства создания гармоничной личности, которые помогают мобилизовать физические, эмоциональные и морально-волевые ресурсы организма с целью задачи, улучшают и повышают работоспособность и дисциплинированность, способствуют потребности в укреплении здоровья [2, с. 35]. Занятия физической культурой и спортом в свободное время студентов технических специальностей способствуют развитию здоровья студенческой молодежи и всестороннего развития с помощью занятий различными видами спорта (баскетбол, волейбол, футбол, бокс, настольный теннис), как эффективное средство оздоровления, воспитания, социальной адаптации и развития личности каждого студента [1, с. 153].

При определении физической работоспособности студентов технических специальностей, а именно, способности к выполнению разного рода нагрузок и движений, использовались следующие измерения: антропометрические показатели (вес и длина тела, объем грудной

клетки), частота сердечных сокращений до нагрузки, после нагрузки (20 приседаний) и после 3-х минутного отдыха, и общепринятые тесты: бег 100 м, бег 500 м, прыжок в длину с места/см, «челночный бег» 4х9 м, наклон туловища в положении сидя, сгибание и разгибание рук в упоре лежа. Анализ результатов обследования студентов 1-4-х курсов технических специальностей, относительно физического развития представлен в таблице 1.

Как свидетельствуют результаты исследования (табл. 1), рост студентов за период обучения в университете существенно не изменился ($P > 0,05$). По абсолютным данным, длина тела второкурсников была несколько выше, чем у студентов других курсов (на 0,9-1,9 см). Масса тела более лабильна, чем длина тела и пребывает, по результатам ряда исследований [3, с. 308], в прямой зависимости от разнообразных факторов, в первую очередь, от воздействия окружающей среды и способа жизни. Масса тела является также одним из ведущих факторов гармоничного развития человека. Поэтому этот показатель не менее важен для изучения и оценки физического развития студентов.

Сравнение средних величин (табл. 1) свидетельствует о положительных изменениях в общей массе тела студентов технических специальностей, за период обучения: увеличение массы тела происходит только за период обучения с первого до третьего курса – на 2,8 кг, в сочетании с показателями длины и массы тела характеризуют тотальные размеры тела. Анализ представленных материалов выявил аналогичную картину: первокурсники имеют несколько меньший рост, чем студенты старших курсов технических специальностей. Разница абсолютных средних величин у них по сравнению со студентами второго курса технических специальностей, составляет 1,3 см, с третьим курсом – 0,9 см, а с четвертым – 0,3 см. Начиная со второго курса, темпы прироста в

Таблица 1.

Показатели физического развития студентов 1-4-х курсов

Курсы	Рост	Вес тела	Окружность грудной клетки
1	175,1±0,76	62,8±0,51	86,9±1,12
2	176,1±0,66	64,7±0,91	88,2±0,91
3	175,6±0,83	75,6±0,67	87,8±0,88
4	174,2±0,84	73,0±0,42	87,2±0,94

Таблица 2.

Показатели функционального состояния студентов технических специальностей 1-4-х курсов

Курсы	ЧСС (уд/мин.)	Систолическое АД (мм.рт.ст)	Диастолический АД (мм.рт.ст)	Индекс Руфье
1	76,0±0,90	112,9±0,58	72,57±0,54	155,1±0,76
2	72,7±1,01	116,5±0,50	71,62±0,48	156,1±0,66
3	78,2±0,94	114,9±0,52	68,58±0,52	149,9±0,83
4	75,6±0,94	115,8±0,52	67,52±0,67	154,2±0,84

результатах незначительные. По данным исследования, более 60-70% лиц отмечались снижением показателя роста и массы тела, а также окружности грудной клетки.

Для характеристики функционального состояния студентов 1-4-х курсов были взяты показатели сердечно-сосудистой и дыхательной систем, результаты исследований которых представлены в таблице 2.

Как показал сравнительный анализ показателей частоты сердечных сокращений (ЧСС), студенты третьего и четвертого курса имеют немного более высокий пульс, чем студенты второго курса технических специальностей. Что касается показателей сердечно-сосудистой системы, то следует отметить, что в большинстве они находятся преимущественно в пределах нормы. И только у отдельных лиц они находились на верхней или на нижнем пределе нормы [5, с. 234]. Систолическое артериальное давление студентов технических специальностей на всех курсах составляло в среднем 112-116 мм.рт.ст. Аналогичная картина наблюдается и по показателю диастолического артериального давления: на младших курсах – 72-73 мм.рт.ст, на старших курсах – 68-69 мм.рт.ст. Характеризуя физическое состояние обследованных, следует заметить, что согласно классификации Всемирной организации здравоохранения артериальное давление (АД) находится в пределах возрастной нормы: АТ сист. - 120 мм. рт. ст., АТ диаст. – 75 мм. рт. ст.

Для оценки работоспособности сердца при физической нагрузке выполняли работу Руфье, которая оценивает скорость восстановления пульса после физических нагрузок. Как свидетельствуют данные таблицы 2, время восстановления ЧСС у студентов первого, второго и четвертого курсов технических специальностей, после 20 приседаний за 30 секунд практически одинаковый. Исключение составляют студенты третьего курса, у которых время восстановления частоты сердечных сокращений оказалось значительно короче, чем у студентов других курсов. И это не случайно, так как у них во время тестирования выявлены более высокие показатели выносливости.

Для изучения физической подготовленности студентов технических специальностей использовали Государственные тесты, с помощью которых можно определить

важнейшие двигательные способности: скорость, силу, скоростно-силовые качества, выносливость, ловкость и гибкость [7, с. 246]. Данные тесты прошли проверку на достоверность и соответствуют всем требованиям к ним со стороны теории тестов (Таблица 3).

Анализ литературных источников [3, с. 308] показывает, что в молодом возрасте существуют благоприятные условия для дальнейшего совершенствования скорости движений. Значительная подвижность нервных процессов в этом возрасте предопределяет скоростную смену нервных сокращений и расслаблений и способствует проявлению максимального темпа движений. Для оценки уровня развития скорости был использован тест – бег на 100 м. Результаты исходного уровня развития показателей скорости приведены в таблице 3. Как свидетельствуют данные таблицы 3, от первого до третьего курса скорость бега на 100 м у студентов улучшилась на 0,78 сек.

Начиная со второго курса, студенты технических специальностей значительно улучшают показатели – соответственно на 0,26 и 0,52 сек. Между первым и четвертым курсами значительных расхождений не выявлено, что подтверждает мнение многих исследователей о том, что у подавляющего большинства студентов на старших курсах технических специальностей показатели физической подготовленности значительно ниже, чем на младших курсах. Кроме того, полученные результаты не позволяют утверждать об идентичности темпов развития скорости у студентов с 18 до 21 лет, как это, например, прослеживается в подростковом возрасте [6, с. 424].

Важность развития выносливости и закономерности ее воспитания в онтогенезе изучалась многими отечественными и зарубежными. В соответствии с целью исследования в предыдущем эксперименте был проведен анализ исходных данных развития выносливости студентов 1-4-х курсов по тесту бега на 500 м (табл. 3). Следует отметить, что первокурсники уступают студентам 2-3-х курсов в развитии выносливости. Это еще раз подтверждает мнение исследователей [5, с. 234] о том, что в общеобразовательных средних школах не уделяется достаточного внимания развитию такому жизненно необходимому качеству, как выносливость. По темпам прироста в развитии выносливости было установлено,

Таблица 3.

Показатели развития физических способностей студентов технических специальностей 1-4-х курсов

Курсы	Бег 100м (с)	Бег 500м (мин.)	Сгиб-разгиб. рук (р)	Прыжок в длин. з/м (см)	Челночный бег 4х9 м (с)	Наклон туловища (см)
1	15,99±0,22	2,12±0,04	12,33±0,8	179±1,44	10,75±0,35	7,71 ± 0,31
2	16,34±0,41	2,04±0,07	14,41 ± 0,35	188±2,13	10,68±0,75	8,33 ± 0,45
3	17,63±0,68	2,02±0,08	13,75 ± 0,68	182±1,81	11,40±0,68	8,59±0,45
4	17,84±0,74	2,09±0,09	11,98 ± 0,78	156±1,94	11,44±0,32	6,81 ± 0,37

что они оказались незначительными.

Развитие мышечной силы имеет важное значение для гармоничного развития молодежи, и занимает важное место в общей физической подготовке студентов технических специальностей. Об уровне проявления мышечной силы студентов 1-4-х курсов составили мнение по результатам теста сгибания-разгибания рук в упоре лежа.

Анализ приведенных показателей исследования мышечной силы в таблице 3 позволяет утверждать, что в проявлении силовых возможностей исследуемых студентов за период обучения в университете технических специальностей, не произошло существенных изменений. Если анализировать полученные абсолютные величины, то следует отметить, что у студентов ко второму курсу происходят незначительные позитивные изменения в развитии силового потенциала (на 2,09 раза), а затем постепенно результаты тестирования снижаются. Термином «скоростно-силовые качества» обозначаются способности человека проявлять усилия максимальной мощности за самый короткий отрезок времени, при этом сохраняя оптимальную амплитуду движения. Среди многих форм двигательной деятельности скоростно-силового характера наиболее типичными выступают прыжковые и бросковые упражнения. Исходя из задач исследования, динамика этих качеств была определена по моделям прыжка в длину с места (табл. 3). Анализ

полученных результатов позволил сделать вывод, что у студентов технических специальностей с изменением срока обучения результаты скоростно-силовых качеств снижаются: с первого до четвертого курса длина прыжка в длину с места уменьшилась на 2,8 см. Наиболее существенные изменения в темпах прироста величины прыжка в длину произошли в период обучения с первого до второго курса - на 8,5 см.

Выводы. По результатам исследований физического состояния студентов технических специальностей 1-4-х курсов, было установлено, что их исходные данные существенно не отличаются от результатов, полученных ранее авторами. Однако, в большинстве показателей морфофункционального состояния студентов в течение обучения в высших учебных заведениях технических специальностей, прослеживается тенденция к снижению их потенциальных возможностей.

Перспективы дальнейших исследований. Проведенные исследования выявили недостаточный уровень физического развития и двигательной подготовленности студентов технических специальностей, что обуславливает необходимость использования в учебном процессе по физическому воспитанию дополнительных средств оздоровительной направленности, которые были бы направлены на развитие физических способностей и повышение работоспособности студентов технических специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письменский, И.А. Физическая культура: учебник для вузов / И.А. Письменский, Ю.Н. Аллянов. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 450 с.
2. Полиевский, С.А. Профессиональная и военно-прикладная физическая подготовка на основе экстремальных видов спорта: монография / С.А. Полиевский, Р.Т. Раевский, Г.А. Ямалетдинова; под научной редакцией С.А. Полиевского, Г.А. Ямалетдиновой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 378 с.
3. Стеблецов, Е.А. Гигиена физической культуры и спорта: учебник для вузов / Е. А. Стеблецов, А. И. Григорьев, О.А. Григорьев; под редакцией Е.А. Стеблецова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 308 с.
4. Физическая культура: учебное пособие для среднего профессионального образования / Е.В. Конеева [и др.]; под редакцией Е.В. Конеевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 599 с.
5. Филиппов, С.С. Менеджмент физической культуры и спорта: учебное пособие для среднего профессионального образования / С.С. Филиппов. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 234 с.
6. Muller, A.B. Körperliche Kultur: Lehrbuch und Praktikum für die berufliche Sekundarausbildung / A.B. Muller, N.S. Dyadychkina, J.A. Bogashchenko.: Jurate Verlag, 2022. - 424 s.
7. Nikitushkin, V.G. Theorie und Methodik der Leibeserziehung. Wellness-Technologien: Lehrbuch für die berufliche Weiterbildung / V.G. Nikitushkin, N.N. Chesnokov, E.N. Chernyshev. - 2. Aufl., ispr.: Jurate Verlag, 2023. - 246 s.

© Макалютина Юлия Владимировна (makalyutin.vd@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЕЛЬЦЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Перцев Владимир Владимирович

Кандидат педагогических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия
mr.vladimir.pertsev@yandex.ru

PRIMARY PUBLIC EDUCATION IN YELETS AT THE END OF THE 19TH CENTURY

V. Pertsev

Summary: The history of primary education in Yelets has been little studied by historians of pedagogy and is of undoubted interest both in terms of studying the issues of its origin and development dynamics and its influence on the formation of the cultural and educational environment of the city. In Yelets, they remember and are proud of the history of gymnasium education and the names of prominent Russian writers: I.A. Bunin, M.M. Prishvin, V.V. Rozanov associated with her. At the same time, the history of primary education in the city also contains many outstanding facts.

The basis of this article is the analysis of Ya.G. Gurevich's publication «Primary Public Education in Yelets», made in the journal «Russian School» in February 1892. It described the organization of primary education in the city and provided many interesting facts, such as the names of trustees and patrons, a description of classroom environments, teaching aids and library funds of Yelets schools. Of undoubted interest is the characteristics of the teaching staff of schools, the analysis of teachers' salaries, the expenditures of the city budget for the maintenance of primary education, the number of students and teachers, as well as the comments made by Ya.G. Gurevich during the inspection, etc. Many of the facts voiced in this article are published for the first time.

Keywords: primary education, county school, pre-revolutionary education in Russia, Oryol province, Yelets district, the history of public education in the province, cultural and educational environment.

Аннотация: История начального образования в Ельце мало изучена историками педагогики и представляет несомненный интерес как в плане изучения вопросов его зарождения и динамики развития, так и ее влияния на формирование культурно-образовательной среды города. В Ельце помнят и гордятся историей гимназического образования и именами выдающихся русских писателей: И.А. Бунина, М.М. Пришвина, В.В. Розанова связанных с ней. Вместе с тем история начального образования в городе также содержит немало выдающихся фактов.

Основу данной статьи составляет анализ публикации Я.Г. Гуревича «Начальное народное образование в Ельце», сделанной в журнале «Русская школа» в феврале 1892 года. В ней описывалось устройство начального образования в городе и приводится немало интересных фактов как-то имена попечителей и меценатов, описание классных обстановок, учебно-методических пособий и библиотечных фондов елецких школ. Несомненный интерес представляет характеристика педагогического состава училищ, анализ учительских зарплат, расходы городского бюджета на содержание начального образования, число учащихся и учителей, а также замечания, сделанные Я.Г. Гурвичем по ходу инспекции и др. Многие факты, озвученные в данной статье публикуются впервые.

Ключевые слова: начальное образование, уездное училище, дореволюционное образование в России, Орловская губерния, Елецкий уезд, история народного образования в провинции, культурно-образовательная среда.

В статье Гончарова М.А. «Русские педагогические журналы и их влияние на общее и педагогическое образование в России середины XIX – начала XX вв.» подробно проанализированы учебно-методические и педагогические периодические издания и составлен авторский рейтинг, по итогам которого делается вывод, что наиболее крупным и содержательным научно-педагогическим журналом того времени был «Русская школа» [4, с.53]. В педагогической энциклопедии, изданной в 1966 году, под редакцией И.А. Каирова, журнал «Русская школа» также называется одним из самых популярных, влиятельных и прогрессивных журналов русской педагогической мысли второй половины XIX века [10].

В начале сентября 1891 года редакционная коллегия этого авторитетного журнала посетила Елец и, проинспектировав начальные школы города, опубликовала подробный анализ начального образования в городе.

Ценность данного исследования заключается в том, что там подробно и профессионально описывается сложившаяся к концу XIX века в городе система начального образования, а также проанализированы как положительные, так и отрицательные аспекты этого устройства.

Статья «Начальное образование в Ельце» начинается с того, что Я. Г. Гуревич рассуждает над недостатками сложившейся в то время системе оценки качества начального образования: «У нас часто судят об успехах народного просвещения по количеству училищ в данной местности. Этот общепринятый критерий, по нашему мнению, не выдерживает, однако, самой легкой критики.

В нашей многолетней службе по народному образованию мы много раз встречали такие места, где заботы о количестве школ совершенно отодвигали на задний план более важную, на наш взгляд, заботу о качестве их. И кро-

ме бесплодных затрат на неблагоустроенные школы – ничего не выходило: сотни и тысячи мальчиков, кое как выдерживавших экзамен на льготное по воинской повинности свидетельство, через два, три года совершенно забывали все, что они с таким трудом учили, а ко времени поступления их в военную службу являлись такими же безграмотными, как и не учившиеся в школе. Да иначе и быть не могло, если школа так обставлена, что и для учителя, и для учеников – ученье в ней только одно мученье: ни достаточного количества света, ни тепла, ни свежего воздуха нет; нет свободного места, где можно было бы расправить одеревенелые от неудобного сиденья члены; словом, нет ничего, что бы возбудило в мальчишке охоту посещать школу. Прибавьте к такой обстановке отсутствие учебников, учебных пособий, письменных принадлежностей и книг для чтения – и вам ясно представится печальная картина подобной школы» [6, с. 143-144].

Здесь же внизу страницы журнала имеется сноска, в которой отмечено воспоминание автора: «Не раз нам случалось (много лет тому назад) бывать в таких школах, где дно разбитой бутылки служило общей чернильницей для 50-60 мальчиков, половина которых писала импровизированными ручками: тонкие лучинки с привязанными к ним перьям». Таким образом, автор статьи подводит нас к мысли, что согласно имевшемуся у него опыту, количество начальных школ это еще не о чем не значащая цифра. А качество знаний получаемых в провинциальных начальных школах того времени обычно было весьма низким.

И вот, располагая подобным опытом инспектирования начальных провинциальных школ, нечто подобное Я.Г. Гуревич предполагал увидеть и в Ельце: «Эта печальная картина невольно рисовалась нам, когда нам сообщили что в Ельце, небольшом сравнительно с Орлом городке, восемь приходских общественных и три частных начальных училища с 1032 учащимися и что эти 11 училищ вполне благоустроены. Для нас казалось тем более феноменальным, что в Ельце, как нам было известно, есть мужская и женская гимназия, есть еще частное трехклассное женское училище, на которых нередко сосредотачивается внимание городского общества, а начальное образование отодвигается на задний план. Но все наши сомнения должны были развеяться, когда нам удалось посетить елецкие начальные училища. За недостатком времени, из восьми училищ, мы были только в шести; остальных же двух приходских, мужского и женского, видеть не удалось» [6, с. 144].

Здесь хотелось бы остановиться на интересном эпизоде, упомянутом Я.Г. Гуревичем – «феноменальности» развития начального образования в Ельце. Дело в том, что впервые термин «Елецкий образовательный феномен» был введен нами в диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук [11, с. 55]. И

термин этот был введен нами в отношении гимназического образования. Если объяснить этот феномен вкратце, то открытие в 30-тысячном уездном городе Ельце в 1871 году классической мужской а и еще и женской гимназий для тогдашней России было совершенно из ряда вон выходящим событием. Для примера, по сведениям, приводимым в словаре «Россия» Брокгауза и Эфрона, в это время женские гимназии МНП были открыты еще даже далеко не во всех губернских городах. А к концу 19 века одно среднее мужское заведение в среднем приходилось в России на 405 тыс. населения, а женское – на 640 тыс. обоего пола [9, с. 398] Поэтому открытие в уездном городе Ельце в 1871 году одновременно мужской, женской гимназии, первого в России железнодорожного училища, безусловно, выглядит необычно для того времени, если не сказать «феноменально».

В статье Я.Г. Гуревича называется цифра в восемь начальных училищ в городе. Этот факт можно подтвердить, заглянув в Памятную книжку Орловской губернии на 1892 год. Согласно сведениям, приводимым там, в Ельце действительно значатся на этот год: четыре мужских училища, два женских училища, училище при мужском приюте и училище при женском приюте – то есть всего 8 начальных школ [1, с. 120]. Анализируя расположения училищ, Я.Г. Гуревич отмечает: «Осмотренные училища расположены в разных частях города, чтобы удовлетворить потребностям городского населения. В распределении нельзя не видеть заботливо обдуманного плана – предоставить самым отдаленным от центра частям города средства начального образования детей. Этим, с другой стороны, достигается и меньшая скученность учащихся в одном каком-либо училище, и сравнительно небольшое число их в другом.

Из шести училищ, пять помещаются в отдельных зданиях, принадлежащих городу; эти здания или специально построены, или же приобретены городом от частных лиц. При всех училищах есть более или менее просторные дворы, а при некоторых и садики, весьма опрятно содержимые. Только одно училище (3-е мужское), расположенное в засосенской части города, помещается в наемном доме, совершенно, впрочем, обособленном от соседних» [6, с. 144].

Отмечено, что в каждом училище имеются, по меньшей мере три классных комнаты, для каждого з трех отделений обучающихся, а также «сборные залы», где совершается общая молитва – своего рода аналог современных актовых залов. Классы сухи, светлы, хорошо вентилируются и отапливаются. Вообще на гигиенические условия обращено заботливое внимание, и число учащихся в каждом отделении данного училища более или менее ограничивается размером классов.

Особенно отмечен факт наличия вентиляции в елец-

ких начальных школах: «мы заметили это редкое явление в 1-м приходском мужском училище, старшее отделение которого помещается в небольшой комнате, уставленной ученическими, плотно сдвинутыми столами. Несмотря на то, что в классе сидело до пятидесяти учеников и был уже 3-й урок, когда воздух в классах бывает особенно тяжел, мы не чувствовали никакой духоты, и на наше недоумение г. попечитель училища, Н.И. Петров, указал нам большой вентилятор в потолке класса, очень хорошо освежающий класс. Эта забота о гигиенических условиях, без соблюдения которых нельзя требовать от школы удовлетворительных успехов, показывает, с каким вниманием относятся к ним и училищный совет и лица, попечению которых они поручены. Впрочем, попечение этим не ограничивается: попечители четырех училищ тратят значительные средства на свои училища. Так, в прошлом учебном году во второй женской школе многие ученицы подвергались головной боли, которая, по исследованию училищного врача, происходила от тесноты помещения классных комнат. Попечитель этого училища, В.К. Багренок, положивший основание ученической и учительской библиотек, пожертвовал книг и учебников на 600 рублей, к началу наступившего учебного года устранил это важное неудобство: за свой счет он нанял отдельное помещение (за 300 рублей в год), устроил в нем сборный зал, учительскую и две классные комнаты, построил для них классную мебель, приобрел необходимые учебные пособия и перевел многочисленное среднее отделение в новое помещение, разделив его на две группы и пригласив для второй (параллельной) особую учительницу.

Учебное дело во всех общественных училищах обставлено очень хорошо; классная мебель почти во всех удобна: двухместные парты, приспособленные к росту учащихся. Однообразные опрятные тетради и книги для чтения свидетельствуют о порядке и опрятности учащихся» [6, с. 145]. К слову сказать, Н.И. Петров, помимо того что являлся попечителем 1-го приходского училища, являлся к тому же еще и действующим мэром Ельца, о чем Я.Г. Гуревич отмечает в своей статье позже. Вот таким образом, в присутствии мэра города, редакция журнала «Русской школы» инспектировала елецкие начальные училища.

Описанная Я.Г. Гуревичем картина резко контрастирует с подобными начальными школами в провинции, особенно в сельской местности: «Ученические скамьи, в большинстве случаев, сколачиваются в селах крайне небрежно, на гвоздях, из вершковых досок; одна из досок служит сиденьем, другая, такой же ширины, всего около пяти вершков, стоящая перед первой в положении наклонном к сиденью, служит столом для учеников. Не обращается никакого внимания на то, что крайней недостаточно пяти вершков ширины для плоскости, на которой пишут ученики; так называемый стол бывает отдален от скамьи на такое пространство, что дитя вынуждено пи-

сать чуть не лежа; сиденье на таких высоких подставках, что ноги сидящих детей, не имея опоры, болтаются в воздухе; скамьи эти расшатываются весьма скоро а потому покачиваются при малейшем движении ученика» [8, с. 40]. Вот в таких неблагоприятных условиях проходили обычно занятия в начальной школе того времени.

Далее Я.Г. Гуревич отмечает тот факт, что дети состоятельных родителей елецких начальных школ приобретают все учебные принадлежности за свой счет, а беднейшие снабжаются всем необходимым училищным комитетом. Кроме того, помимо учебных принадлежностей, елецкие начальные школы имеют еще и достаточно широкую базу учебных пособий: «Организаторы начального образования в Ельце вполне осознавали необходимость различных учебных пособий, и все елецкие школы богаты ими: священо-исторические картины, карта Палестины и другие географические и исторические карты, естественно-исторические стенные атласы, глобусы, различные меры и т.д. находятся почти в каждой школе; в некоторых из них, например в 3-м приходском мужском (засосенском) училище, стены всех классов покрыты картинами, картами и пр.» [6, с. 146].

Я.Г. Гуревич хвалит тот факт, что в елецком мужском приютском училище ученики помимо азоз грамоты еще и «усваивают и переплетное мастерство и практические сведения по садоводству и огородничеству, что переплет книг для училищ, продажа цветов, букетов, семян доставляет приюту значительный доход. В женском приютском училище преподается кройка платья – самая трудная отрасль женских работ – с таким успехом, что воспитывающиеся там девочки сами себя обшивают, а по выходу из приюта получают места закройщиц, обыкновенно хорошо оплачиваемые» [6, с. 152]. Таким образом мы получаем представление, что начальные школы Ельца давали своим воспитанникам не только азы грамоты, но и специальность, с помощью которой они могли зарабатывать себе на жизнь - ремеслам переплетчика, швеи, цветоводству и огородничеству. Здесь же называется имя председателя благотворительного комитета Н.И. Талдыкина, который в качестве гласного городской думы много содействовал устройству этих уроков и жертвовал для их проведения значительные средства.

Также в статье упомянут факт наличия школьных библиотек в елецких начальных училищах. По сведениям их статья Я.Г. Гуревича, в каждом из елецких общественных училищ имелась собственная библиотека, состоящая из детских книг и из педагогических сочинений для учителей. Самая богатая книгами библиотека была у 1-го женского училища (основанного в 1864 г), заключающая в себе 620 книг, и 2-го женского училища (основанного лишь в 1885 г) – с 450 книгами; а в остальных училищах число книг различно и колеблется между 150 (приютское женское) и 286 (4-е мужское приходское) [6, с. 147].

Факт наличия школьных библиотек в начальных училищах того времени также явление редкое. В статье «Начальные училища Елецкого уезда второй половины XIX – начала XX века» нами подробно проанализирована материальная часть сельских начальных училищ Елецкого уезда и никакого упоминания о наличии там школьных библиотек нами найдено не было [12].

Огромный интерес представляет упомянутые в статье Я.Г. Гуревича сведения о зарплатах учителей и плате за обучение в начальных школах Ельца: «Преподавательский персонал состоит из 30 лиц: 8-ми законоучителей-священников, 4-х учителей и 18 учительниц; законоучители получают по 120 рублей в год; остальные преподаватели по 250 рублей; в каждом училище одно из преподающих лиц заведует им и имеет сверх жалования квартиру с отоплением. Кроме того, лучшим из преподавателей ежегодно выдается в награду 35 рублей. Принимая во внимание чрезвычайную дороговизну в Ельце квартир, топлива и отчасти продуктов, нельзя не признать, что преподавательский труд оплачивается довольно скудно и жить на получаемое жалование очень трудно, особенно людям семейным. Впрочем, как мы узнали, материальное положение четырех учителей улучшается тем, что трое из них, состоя заведующими, пользуются квартирой, а четвертый – получает 120 рублей квартирных денег; что же касается учительниц, из которых 16 окончили курс в Елецкой женской гимназии с правами домашних учительниц, то почти все они елецкие уроженки, живут, следовательно, дома, в своих семьях, что во много раз удешевляет их жизнь.

Не смотря, однако, на такое незначительное жалование учителям и учительницам, содержание начальных училищ в 1890-1891 учебном году стоило городу 9 287 рублей, а вместе с суммой, собранной за право учения (2500 рублей) – 11 787 рублей. Принимая во внимание, что в указанном учебном году во всех восьми школах обучалось 927 учеников (646 мальчиков и 287 девочек), находим, что за обучение одного учащегося город затрачивает из своих средств 10 рублей, а вместе с платой за обучение 12 рублей 71 коп. За эту сравнительно ничтожную годовую плату учащиеся получают законченное начальное образование, пройдя трехлетний курс» [6, 147].

В этом отрывке статьи Я.Г. Гуревича интересны несколько фактов. Во-первых, то, что из 22-х учителей елецких начальных школ, было всего 4 учителя мужчины. То есть в своем подавляющем большинстве учителями начальных школ в Ельце были женщины. При чем из 18 учительниц - 16 окончили женскую гимназию. В этом можно увидеть несомненную преемственность и связь гимназического образования и начального образования в городе. Во-вторых, Я.Г. Гуревич указал и заработную плату учителей – 120 рублей у законоучителей и 250 рублей у остальных преподавателей в год. Некоторым, не мест-

ным, еще и доплачивалось сверх того так называемые «квартирные» деньги. Зарплата эта, безусловно, была мягко сказать скромной. Для примера, ее можно сравнить ее с заработной платой и социальным обеспечением тех же учителей в гимназиях. В конце XIX века, как отмечает И. Алешинцев, преподаватели гимназий делились на 4 разряда. Учителям первого разряда назначалось жалование 750 р., второго – 900 р., третьего – 1250, четвертого – 1500 р. в год при 12 уроков в неделю [3, с. 250]. То есть даже учитель самого низшего разряда в гимназии получал минимум втрое больше учителя начальной школы.

Чтобы представить себе значение суммы 250 рублей в год можно вспомнить замечательную повесть Н.В. Гоголя «Шинель», в которой во всей красе описывается тема униженности маленького человека, вечного титулярного советника Акакия Акакиевича Башмачкина. Так вот Акакий Акакиевич получал годовое жалование в 400 рублей, а ту самую злополучную шинель заказал себе за 150 рублей [5, с. 92].

Еще один интересный момент, который можно узнать из вышеупомянутого отрывка статьи Гуревича, это стоимость обучения в начальных школах Ельца. Если разделить 2500 рублей (деньги, собранные за обучение) на 927 учащихся то получится сумма 2,7 рубля в год за обучение. Если учитывать тот факт, что с самых беднейших учеников денег не бралось, то можно округлить эту сумму до 3-х рублей в год. Именно столько стоило годовое обучение в начальных школах Ельца конца XIX века. Эту цифру можно сравнить с платой за обучение в гимназиях. В подготовительном классе Елецкой классической гимназии стоимость обучения составляла 20 рублей, в остальных – 30 рублей в год [13, с. 7].

Инспектируя елецкие начальные школы редакция «Русской школы» помимо материального оснащения в том числе изучали и образовательный процесс: «С этой целью мы останавливались то в том, то в другом отделении разных школ, чтобы послушать преподавателя или предложить несколько вопросов по Закону Божию или по другим предметам; слушали их чтение, видели их письмо, диктовки с исправлениями, - словом, мы хотели составить себе общее понятие о ходе учебно-воспитательного дела в этих прекрасно организованных училищным советом школах. И из того, что мы наблюдали, мы пришли к тому заключению, что и воспитательное и учебное дело идут в этих школах рука об руку и идут хорошо» [6, с. 148].

Вместе с тем, Я.Г. Гуревич указал и на недостатки, обнаруженные им при посещении елецких начальных школ: «Слушая преподавание некоторых учителей и учительниц, мы заметили, что все они объясняют очень понятно данный учебный материал; все они владеют умением поддерживать внимание класса преподаваемому, но далеко не всеми усвоены лучшие приемы пре-

подавания и едва ли кто либо из них умеет с пользой употреблять на уроках имеющиеся у них под руками картины, карты и другие учебные пособия. На наш вопрос по этому поводу некоторые из преподававших отвечали так неопределенно, что мы не могли не прийти к заключению, что все эти прекрасные пособия только украшают стены классов, а не служат могучим орудием умственного развития учащихся. Впрочем, винить преподающих нет основания. Наглядное преподавание требует особенной подготовки и, главное, длительного и постоянного обмена мыслей и обсуждения вопросов о способах и приемах преподавания вообще, что достигается только на педагогических собраниях (съездах), под руководством особого лица, известного своей опытностью в этом деле. Подобный собраний в Ельце, как нам говорили, не было уже почти двадцать лет, и большинство настоящих преподавателей и преподавательниц елецких начальных училищ придерживается своих собственных приемов» [6, с. 149].

По сведениям, приводимым в Я.Г. Гуревича в Ельце исходили из факта, что выставляемые преподавателями годовые отметки не представляют «верного критерия» для определения успешности учеников. В связи с чем главным фактором в этом вопросе служил ежегодный экзамен, который устраивался как при переходе в следующий класс, так и при окончании училища. Письменные экзамены проводились в женской гимназии, а для устных экзаменов учеников приглашали в помещение городской управы [6, с. 150]. Это интересный факт, который ранее нам нигде не встречался, что для устного экзамена учеников приглашали в администрацию города, где комиссия во главе лично с мэром проводила у учащихся начальных школ экзамен. Все это несомненно свидетельствует о том, насколько важным и значимым признавалось начальное образование городской управой.

И по оценке Гуревича, качество знаний учеников было весьма высоким: «Из 365 учащихся младшего отделения выдержали экзамен 254 или 69,5%; из 313 учащихся среднего отделения выдержали экзамен и получили свидетельства 133 учащихся или 78,6%. Такой высокий процент успевающих представляет чрезвычайно редкое явление в низших школах, где оканчивают курс обыкновенно немногие ученики, не смотря на многочисленность их в школе. Такой успех всецело зависел от энергии и преданности делу преподавателей и преподавательниц, победивших своим терпением и настойчивостью все трудности начального обучения. Ведь в начальную школу поступают дети прямо с улицы; у них «руки как грабли», по выражению одного учителя; глаза их смотрят, но не видят, как следует; уши слышат, но не различают самых резких звуков. Это вполне примитивные существа, ни одним органом внешних чувств не владеющие как следует.

И вот многие из таких детей, побывав в одной из

елецких школ три года, являются на публичный экзамен и обнаруживают вполне удовлетворительные познания: рассказывают события священной истории, знают катехизис, богослужение; пишут под диктовку «твердым красивым почерком, без грубых ошибок», решают сложные арифметические задачи на целые числа по «правильно составленному плану»; читают по-русски бегло, толково и связно излагают прочитанное, отвечают наизусть стихотворения и басни и передают их содержание; знают из книг для чтения главные события русской истории, знакомы с географией отечества и с важнейшими физическими явлениями окружающей их природы. Мы полагаем, что всего этого более чем достаточно для трех учебных лет.

Правда, что не все учащиеся проходят в три года этот курс; многие усваивают его в четыре, а иногда и в пять лет; но это обыкновенное во всех училищах явление не изменяет сущности дела: все поступающие в школу одинаково неразвиты, но обладают различной восприимчивостью и способностями, что уже с первого года учения устанавливается между ними разница в познаниях» [6, с. 150-151].

Таким образом, Я.Г. Гуревич отмечает факт отсутствия процентомании в деле оценки качества образования в начальной школе того времени. 78,6% выдержавших экзамен в елецких училищах признается автором не иначе как «чрезвычайно редким явлением» для подобных школ. В заключении статьи Я.Г. Гуревича можно прочесть такие строки: «Резюмируя все сказанное о начальных училищах Ельца, мы несколько не преувеличим, если скажем, что училища эти, по своей организации, по заботливому вниманию к ним училищного совета и общественного управления, по удачному составу преподавателей, должны занять первое место в ряду начальных городских училищ Орловской губернии» [6, с. 151].

Безусловно, сказанные выше слова являются высочайшей оценкой и несомненным признанием успехов начального образования в городе. Вместе с тем там же Я.Г. Гуревич высказывает сожаление о том, что так прекрасно организованное начальное обучение для множества способных мальчиков служит пределом их образования. Существующая в Ельце мужская гимназия для них недоступна; других училищ нет, и тринадцати-четырнадцатилетние юноши, волей-неволей, вступают в жизнь со слишком ограниченными теоретическими познаниями, приобретенными в начальной школе. Если какому городу надо иметь городское училище, то именно Ельцу с его тысячами учащихся в начальных школах.

По сведениям из Памятной книжки Орловской губернии, городское училище в Ельце было открыто уже в 1895 году [2, с. 153]. Но оно так и осталось трехклассным. По всей видимости, к этому времени было просто построено здание городского училища. Сегодня в нем располагается городская Поликлиника №1, (улица Со-

ветская 62). Существенные продвижения в деле развития среднего образования можно отнести лишь к началу XX века, когда массово стали открываться частные гимназии, в которые уже принимались для получения образования дети любых сословий.

Подводя итоги нашего исследования можно сделать следующие выводы. К концу 19 века в Ельце было еще недостаточно развито среднее образование и эту проблему признавало руководство города, но решить не могло. Функционировала мужская женская казенные гимназии, но доступ в них детей из низших сословий был закрыт. Начальное образование же наоборот было развито прекрасно и по оценке Я.Г. Гуревича было «феноменальным» и лучшим в орловской губернии. Существовавшие в Ельце начальные училища были трехклассными и если учитывать тот факт, то образование в них начиналось с изучения букваря, то можно себе представить, что за три года таким образом можно было дать детям лишь минимальный объем знаний: научить писать и считать и заложить лишь самые поверхностные представления об истории, географии и других науках.

В ходе исследования мы установили, что итоговая годовая оценка в начальных школах выставлялась не учителем, а экзаменационной комиссией в которую входили первые лица города, а устный экзамен принимался непосредственно в помещении городской управы. Это

несомненно свидетельствует о том, насколько значимым считалось городской властью проблема начального образования. Возможно, именно этим объясняется то, что качество знаний учащихся елецких начальных школ Я.Г. Гуревичем было признано «на редкость высоким», что было весьма необычным явлением для того времени. Также отмечен огромный персонифицированный вклад попечителей и жертвователей в дело развития начального образования и названы имена наиболее ярких меценатов: Н.И. Петров, Н.И. Талдыкин, Н.Я. Зыков, В.К. Багренко. Во многом благодаря стараниям именно таких людей начальное образование в Ельце финансировалось лучше, чем в других провинциальных городах и соответственно показывало лучшие результаты.

Кроме положительных аспектов начального образования Я.Г. Гуревич отметил и отрицательные. К ним можно отнести недостаточную методическую подготовку учителей, т.к. мало кто из них пользовался в образовательном процессе всеми теми богатыми учебными пособиями, которыми были оснащены елецкие начальные школы. Но, отмечая эту слабую сторону, Я.Г. Гуревич вместе с тем оправдывает елецких учителей тем, что курсы для их методического развития уже как лет 20 в городе не проводились. К минусам можно отнести также и довольно низкую заработную плату учителей, которая во многом определяла и качество педагогического состава и их мотивацию к изучению методики и личностному росту.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОО. Памятная книжка Орловской губернии на 1892г. Издание канцелярии Орловского губернского статистического комитета. Типография губернского правления. – Орел, 1892 г. – 276 с.
2. ГАОО. Памятная книжка Орловской губернии на 1895г. Издание канцелярии Орловского губернского статистического комитета. Типография А.Н. Хализева. – Орел, 1895 г. – 318с. – С. 153.
3. Алешинцев, И. История гимназического образования в России 18 и 19 вв. – СПб.: Типография Я. Бальянского, 1912. – 346с.
4. Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияние на общее и педагогическое образование в России середины XIX – начала XX вв. (К 150-летию со дня выхода журнала «Учитель») // Проблемы современного образования №4, 2011. – С. 47–59.
5. Гоголь Н.В. Шинель // Полное собрание сочинений Н.В. Гоголя. Т. 2. – М.: типография Т.И. Гаген, 1880. – С. 87-119.
6. Гуревич Я.Г. Начальное народное образование в Ельце // Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи. №2. Февраль 1892 г – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1892. – С. 143-152.
7. Комарова Г.Н. Музыкальное образование в женских гимназиях орловской губернии // Развитие музыкальной культуры Орловщины: прошлое и настоящее: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции / Науч. ред. В.П. Афанасьев, В.И. Юдина. – Орел: ОГУ, 2004. – С. 29 – 38.
8. Корф Н.А. Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей земских школ. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1870. – 476 с.
9. Мижув П.Г. Статистика учебного дела в России // Энциклопедический словарь РОССИЯ – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1898. – С. 398–401.
10. Педагогическая энциклопедия [в 4 т.] / гл. ред. И.А. Каиров и Ф.Н. Петров. Т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1966.–880 с.
11. Перцев В.В. Развитие гимназического образования в русской провинции второй половины XIX – начала XX века (на материале Орловской губернии). Дис. канд.пед.н. – Елец, 2006. – 189 с.
12. Перцев В.В. Начальные училища Елецкого уезда второй половины XIX – начала XX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. – С. 406–410.
13. Россия. Министерство народного просвещения. Классические гимназии и прогимназии: учебные планы предметов, программы приемные и классного преподавания, изданные Министерством народного просвещения с объяснительными записками / сост. П. Горбунов. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1887. – 130 с.

© Перцев Владимир Владимирович (mr.vladimir.pertsev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЗДОРОВЬЕ СБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВУЗА

Скоромец Елена Климентиновна

Кандидат социологических наук, доцент, Тихоокеанский
государственный университет,
elena.skoromec@mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FOUNDATIONS FOR THE INTRODUCTION OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

E. Skoromets

Summary: The article highlights the psychological and pedagogical aspects of the implementation of health-saving technologies in the educational process of the university. The necessity of organizing a health-saving educational space of the university is shown. Its targets for the preservation and strengthening of health, for the formation of a value attitude to one's own health among the subjects of the educational process are disclosed. The types of health-saving educational technologies implemented in the conditions of the university are described. The necessity of introducing innovative forms and methods in the field of health saving of university students is noted. It is shown that the health-saving relations of the subjects of the educational process should be aimed at personal growth, at the manifestation of subjectivity, at the ability to self-regulate in the educational process. The conclusion is made about the systemic nature of the psychological and pedagogical foundations for the introduction of health-saving technologies in the educational process of the university.

Keywords: higher education institution, health, university saving space, physical health, psychological health, value attitude to health, health saving technologies.

Аннотация: В статье освещены психолого-педагогические аспекты реализации здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе вуза. Показана необходимость организации здоровьесберегающего образовательного пространства вуза. Раскрыты его целевые ориентиры на сохранение и укрепление здоровья, на формирование ценностного отношения к собственному здоровью у субъектов образовательного процесса. Описаны виды здоровьесберегающих образовательных технологий, реализуемые в условиях вуза. Отмечена необходимость внедрения инновационных форм и методов в области здоровьесбережения студентов вуза. Показано, что здоровьесберегающие отношения субъектов образовательного процесса должны быть нацелены на личностный рост, на проявление субъектности, на способность к саморегуляции в учебно-воспитательном процессе. Сделан вывод о системном характере психолого-педагогических основ внедрения здоровьесберегающих технологий в воспитательно-образовательный процесс вуза.

Ключевые слова: вуз, здоровьесберегающее пространство вуза, физическое здоровье, психологическое здоровье, ценностное отношение к здоровью, здоровьесберегающие технологии.

Психолого-педагогические аспекты реализации здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе вуза на сегодняшний день являются актуальной проблемой научной теории и педагогической практики. Высокая напряженность современного социума, огромный поток информации, сложность задач возрастного-психологического развития на этапе студенческого возраста, вызывающие кризисы адаптации и учебно-профессионального обучения, обуславливают необходимость внедрения в образовательный процесс вуза здоровьесберегающих технологий.

Анализ психолого-педагогических основ внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс вуза, прежде всего, требует раскрыть содержание понятия «здоровьесберегающее образовательное пространство» вуза как условия сохранения и укрепле-

ния здоровья субъектов образовательного процесса. Обобщение данного определения, согласно мнению Г.А. Новосёловой, показывает, что здоровьесберегающее образовательное пространство представляет собой «совокупность материальных и социальных условий и факторов, содержания, форм и методов функционирования образовательного учреждения, направленных на всестороннее развитие личности субъекта образовательного процесса в гармонии трех ее начал – духовного, нравственного и физического; многоуровневая образовательная система и социально организуемая воспитательная среда, в которой приоритетами выступают здоровый образ жизни, культура здоровья, прогнозирование здоровьесберегающей деятельности» [4, с. 25]. Описывая психолого-педагогические основы здоровьесберегающего пространства современного вуза, Л.С. Елькова подчеркивает, что его целевыми ориенти-

рами является «сохранение и укрепление психического, физического, социального и духовно-нравственного здоровья студенческой молодежи, способствующее развитию потенциалов самореализации в социуме, а также формирование иммунных возможностей преодоления неблагоприятных условий среды» [3, с. 7]. С точки зрения психологического подхода целевым ориентиром здоровье сбережения среди студенческой молодежи является формирование ценностного отношения личности к собственному здоровью, которое «представляет собой сложное психическое новообразование, способствующее длительным позитивным изменениям поведения [1, с. 63-64]. Ведущим механизмом развития ценностного отношения к здоровью «выступает самостоятельная активная деятельность субъекта по преодолению противоречия между осознанием ценности здоровья и реальным поведением» [1, с. 64]. Ключевыми характеристиками здоровье сберегающего образовательного пространства вуза, определяющими его организационно-педагогические и психолого-педагогические основы, являются «обеспечение деятельностного характера образования, приобретение опыта совместной деятельности, ориентация на создание условий, содействующих сохранению и укреплению физического, социального и духовно-нравственного здоровья» [4, с. 26].

Важнейшим психолого-педагогическим условием, позволяющим создать здоровье сберегающее пространство современного вуза, является активное внедрение в образовательный процесс вуза здоровье сберегающих педагогических технологий. Педагогические технологии здоровье сбережения в современном вузе отличаются своим разнообразием. К видам здоровье сберегающих образовательных технологий, реализуемых в условиях вуза, Н.К. Смирнов относит организационно-педагогические технологии, связанные с рациональной организацией учебного процесса и психолого-педагогическим сопровождением процесса обучения; учебно-воспитательные технологии, связанные с организацией воспитательных мероприятий, направленных на формирование ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни [7]. Анализируя проблему реализации в вузе здоровье сберегающих образовательных технологий, Г.А. Новоселова, Е.Г. Фоменко, Е.А. Колькина, отмечают, что сегодня необходимо не только использовать в образовательном процессе вуза традиционные занятия по физической культуре и спорту, но и осуществлять переход к инновационным формам и методам обучения, приобретающих здоровье сберегающий характер [5].

Решение задач укрепления психического, физического, социального и духовно-нравственного здоровья студентов предполагает применение здоровье сберегающих технологий и в области педагогического взаимодействия преподаватель-студент. Личностно-деятельностные технологии обучения в высшей школе основаны

на таком характере отношений преподаватель-студент, которые нацелены на личностный рост, на проявление субъектных качеств и творческую активность, на способность к саморегуляции эмоций и поведения студентов. Эффективными для здоровья сберегающими тактиками общения в системе отношений преподаватель – студент являются «тактика защиты – задача преподавателя выстроить взаимодействие со студентом с уважением его достоинства, тактика помощи – разблокировать собственную активность студента, привыкшего ориентироваться на авторитет, тактика содействия – помощь студенту преодолеть страх перед неизвестным, тактика взаимодействия – преподаватель создает условия, в которых студент овладевает логикой поиска и установления границ своей свободы и ответственности [2, с. 60]. Психологической основой для здоровья сберегающего общения является способность преподавателя вуза к педагогической эмпатии, к проявлению педагогического такта, к применению техник фасилитационного общения [5].

Внимания заслуживают воспитательные для здоровья сберегающие технологии, которые обладают большим развивающим потенциалом. Во внеурочной деятельности вуза проводятся лечебно-оздоровительные, социально-адаптирующие и личностно развивающие технологии. Социально-адаптирующие и личностно развивающие технологии направлены на то, чтобы «формировать и укреплять психологическое здоровье обучающихся; повышать адаптивные способности личности (социально-психологические тренинги, мероприятия и программы семейной и социальной педагогики)» [6, с. 233]. В свою очередь, лечебно-оздоровительные технологии представляют собой медико-педагогические знания, которые «включают лечебную физкультуру и лечебную педагогику, призваны обеспечивать восстановление физического здоровья обучающихся» [6, с. 233].

Психологической основой для воспитательных для здоровья сберегающих технологий являются современные системно-деятельностный, личностно-ориентированный и деятельностно-творческий подходы, которые лежат в основе воспитательного процесса в высшей школе. Реализация данных подходов ориентирована на активизацию творческой деятельности студентов и развитие их субъектных качеств, обеспечивающих укрепление физического и психологического здоровья студентов. Организационно-педагогическими формами воспитательного процесса вуза сегодня являются система кураторов, студенческого самоуправления, внеаудиторные формы воспитательной работы [2]. На сегодняшний день в воспитательном процессе вуза представлены вариативные по направлениям, содержанию и технологиям для здоровья сберегающие модели творческой деятельности студентов. Реализуются различные социальные проекты по проблеме здорового образа жизни студенческой молодежи. Проводятся круглые столы по вопросам сохранения и укрепления

здоровья, «Недели здоровья», «Дни здоровья», коллективные творческие дела по проблеме здорового образа жизни, спортивные конкурсы, соревнования, эстафеты, театральные-концертные постановки, что способствует формированию ценностного отношения к здоровью у субъектов образовательного процесса вуза.

Таким образом, психолого-педагогические основы

внедрения здоровьесберегающих технологий в воспитательно-образовательный процесс вуза носят системный характер, предполагают создание здоровьесберегающей среды на основе применения комплекса образовательных технологий, направленных на формирование ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни у всех субъектов образовательного процесса вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинская Т.В. Психологические составляющие развития ценностного отношения к здоровью у студентов педагогического вуза: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07. – Калуга, 2005. – 174 с.
2. Дарьенкова Н.Н. Адаптация студентов первого курса к обучению в техническом вузе в условиях информатизации образования: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Н. Новгород, 2015. – 188 с.
3. Елькова Л.С. Формирование здоровьесберегающего пространства высшей школы: автореф. дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Москва, 2006. – 24 с.
4. Новосёлова Г.А. Здоровьесберегающее образовательное пространство санаторной школы как фактор содействия успешности младшего школьника: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Чита, 2014. – 245 с.
5. Новоселова Г.А., Фоменко Е.Г., Колькина Е.А. Здоровьесберегающие образовательные технологии в современном вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 5. – С. 24-32.
6. Пригодич Е.О., Поморцева Н.В. Здоровьесберегающие образовательные технологии в процессе обучения музыканта-исполнителя // Вестник КемГУКИ. – 2022. – № 60. – С. 228-238.
7. Смирнов Н.К. Актуальные проблемы здоровьесберегающего образования // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 9. – С. 59-65.

© Скоромец Елена Климентиевна (elena.skoromec@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ШКОЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Смирнов Сергей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет, Елабужский
институт
sunstability@yandex.ru

PROBLEMS AND DIRECTIONS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF SCHOOL ENVIRONMENTAL EDUCATION

S. Smirnov

Summary: The purpose of the presented study is to identify the main problems of school environmental education, to identify areas for improving its effectiveness. The article notes the insufficient correspondence of the meta-subject learning outcomes required by the Federal State Educational Standards in the field of the formation of environmental thinking to the amount of time required to implement this task. The problems of the content of environmental education are characterized, illustrating its insufficient adaptation to the needs of nature conservation, the preservation of natural benefits for future generations of people. The necessity of strengthening the intersubjectivity of environmental education, giving it a value-oriented character in accordance with the paradigm of partnership between man and nature, orientation of environmental education towards understanding the prospects of socio-natural development is substantiated.

Keywords: ecological education, ecological thinking, values, nature, forecasting.

Аннотация: Целью представленного исследования является выявление основных проблем школьного экологического образования, определение направлений повышения его эффективности. В статье отмечается недостаточное соответствие метапредметных результатов обучения требуемых ФГОС в области формирования экологического мышления объему времени необходимого для реализации данной задачи. Характеризуются проблемы содержания экологического образования иллюстрирующие его недостаточную адаптированность потребности сбережения природы, сохранения естественных благ для будущих поколений людей. Обосновывается необходимость усиления межпредметности экологического образования, придания ему ценностно-ориентированного характера в соответствии с парадигмой партнерского отношения человека к природе, ориентации экологического образования на осмысление перспектив социоприродного развития.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическое мышление, ценности, природа, прогнозирование.

Введение

Актуальность экологической проблематики, усугубление которой, во многом, стало результатом недостаточного знания человеком базовых экологических закономерностей, ставит задачу повышения эффективности экологического образования реализуемого в условиях современной школы.

Термин «экологическое образование» был впервые использован в 1970 году на конференции, организованной Международным союзом охраны природы (МСОП) – организации, занимающейся международной просветительской деятельностью в области сохранения биоразнообразия, охраны окружающей среды.

Под экологическим образованием понимают процесс обучения, связанный с формированием знаний об окружающей среде; понимания существующих взаимосвязей между живой и неживой природой, природой и человеком; мышления, поведения и деятельности, направленной на сбережение окружающей среды, ответственное отношение к ней.

Необходимо различать понятия «экологическое образование» и «экологизация образования».

В отличие от экологического образования как процесса направленного на формирование экологической культуры, экологизация образования – термин достаточно многозначный, подразумевающий под собой, одновременно, процесс включения в учебные планы образовательных учреждений экологических курсов; экологизацию содержания учебных предметов; наполнение содержания предмета экологическим стилем мышления; формирования умений и навыков практической деятельности по реализации экологической политики; подготовка экологически грамотных специалистов различного профиля и т.д. [1, с. 300].

Рассмотрим, в соответствии с целью статьи, основные проблемы школьного экологического образования, направления повышения его эффективности.

Экологическое образование в современной школе: основные проблемы

В условиях основной школы экологическое образо-

вание реализуется в контексте знакомства с вопросами экологии при изучении таких учебных предметов как история, биология, география, обществознание, а также, в условиях реализации внеклассных мероприятий по экологической тематике – игр, викторин, праздников, экскурсий, выставок, флешмобов и т.д.

Необходимость реализации экологического образования в школе ставят требования ФГОС, в соответствии с которыми, к примеру, одним из метапредметных результатов изучения такой дисциплины как «обществознание», является необходимость владения обучающимся «экологическим мышлением, обеспечивающим понимание взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими явлениями, их влияния на качество жизни человека и качество окружающей его среды» [2, с. 101].

Осуществление данной задачи вызывает значительные трудности, в силу отсутствия в системе школьного образования обязательного предмета – экологии. Как следствие, знания, которые приобретает обучающийся при знакомстве с экологическими вопросами при изучении естественнонаучных и общественных дисциплин, имеют фрагментарный характер и сводятся лишь к поверхностному ознакомлению с базовыми экологическими закономерностями в их взаимосвязи с проблемами общества и человека.

Как верно отмечает З.Д. Данилова, ограниченность временных рамок урока и наличие достаточно жесткой программы не дает учителю возможности передать обучающимся экологические знания и навыки в необходимом объеме. В школе экологическое просвещение в основном построено на стремлении и энтузиазме отдельных учителей, реализующих свою деятельность в большинстве случаев во внеклассной деятельности [3].

Возможности внеурочной деятельности как средства формирования экологического мышления также весьма ограничены. В отличие от классных занятий, содержание которых направлено на достижение конкретных результатов обучения, в данном случае – формирования экологической культуры, внеурочная деятельность включает в себя задачу формирования знаний и расширения кругозора по другим, не связанным с экологией вопросам. Более того, необходимость успешной сдачи ЕГЭ приводит к тому, что обучающиеся старших классов часто используют время, выделяемое на участие в экологических мероприятиях, на подготовку к единому государственному экзамену. Поскольку экология в ЕГЭ не входит, это сильно снижает мотивацию к изучению вопросов данной науки [4].

Помимо недостаточного объема времени, экологическое образование в школе (не только общей, но и в средней и высшей) сталкивается с проблемами концепту-

ального характера. Получаемые обучающимися знания, имеют устоявшийся, а значит, и достаточно устаревший характер. Их содержание соответствует давно исчерпавшей себя антропоцентристской парадигме мышления и деятельности, основанной на восприятии природы как безграничного источника ресурсов, необходимых для существования и процветания человечества, – ее хозяина и господина. Данная парадигма в условиях стремительно ухудшающейся экологической ситуации – анахронизм – мировоззрение прошлого. Настоящее и будущее ставит задачу не удовлетворение максимума потребностей для максимального количества людей, а развитие общества в интересах сбережения природы, сохранения естественных благ. Образование для будущего, – это образование, которое способно предвидеть и «опережающим образом способствовать созданию необходимых условий удовлетворения потребностей грядущих поколений людей. ...Образование должно быть адаптировано к будущему, быть открытой системой не только в пространственном, но и в темпоральном отношении» [5, с. 252].

Таким образом, к основным проблемам школьного экологического образования относится недостаточный объем времени, необходимого на формирование экологических знаний, направленность учебного процесса на трансляцию знаний, соответствующей устаревшей, антропоцентрической парадигме мышления и деятельности, недостаточная ориентированность экологического образования на осмысление перспектив социоприродного развития.

Направления повышения эффективности школьного экологического образования

Основной задачей школьного экологического образования, как мы отмечали выше, является, согласно требований ФГОС, необходимость формирования экологического мышления. Экологическое мышление можно рассматривать как способ отображения окружающей действительности основанный на единстве способностей: экологически мыслить, управлять собой и экологически действовать. Экологически мыслить – значит иметь представление о существующих взаимосвязях в системе «человек – общество – природа». Управлять собой – быть готовым к самоограничению в соответствии с требованиями экологических и нравственных императивов. Экологически действовать – принимать личное, непосредственное участие в решении экологических проблем [6].

Необходимость повышения эффективности экологического образования в школе требует, на наш взгляд, усиления его межпредметности, придания экологическому образованию ценностно-ориентированного характера, его направленность на формирование у обуча-

ющихся способностей к оценке и прогнозированию.

Усиление межпредметности экологического образования обусловлено потребностью решения проблемы ограниченности учебного времени, выделяемого на знакомство с вопросами экологии.

Данный процесс, на наш взгляд, требует модификации содержания естественнонаучных и общественных дисциплин.

Такое, должно быть дополнено вопросами экологического содержания, либо, коррелировать с ним, соответствовать существующим экологическим реалиями.

Знакомство, к примеру, на уроках физики с основами электродинамики может включать в себя рассмотрение вопросов, связанных с особенностями воздействия коротковолнового электромагнитного излучения на здоровье человека, механизмы воспроизводства популяций. Изучение свойств синтезируемых химических веществ – сочетаться с выявлением специфики их влияния на генетический аппарат клетки. Знакомство с особенностями экономической жизни общества – включать в себя рассмотрение экологических издержек производственной деятельности. Изучение фольклора на уроках литературы – сочетаться с обзором экологических традиций народов мира. И т.д.

Необходимость роста межпредметности экологического образования подчеркивает О.А. Каткова, утверждающая, что данный процесс позволяет обучающимся получить наиболее глубокие и конкретные экологические знания и умения на основе изучения различных дисциплин, обобщить эти знания на интегративном уровне [7, с. 24].

Целесообразность придания экологическому образованию ценностно-ориентированного характера обусловлена задачей формирования навыков рационального поведения человека в природе в соответствие с отношением к ней как к партнеру, а не как к объекту утилитарного воздействия; с представлениями о ней как эстетическом образце, воплощении мировой гармонии [8, с. 105].

Не секрет, что так называемая «экологическая деятельность», основанная на традиционной, устоявшейся парадигме превосходства человека над природой, сводится в основном к декоративно-демонстративной, лицемерной заботе о ней: мероприятиям по развешиванию скворешников, уборке мусора, посадке деревьев и т.д., ежегодно повторяющимся «благодаря» вандализму людей, в том числе, самих участников «зеленых акций», руководствующихся в своей деятельности не заботой о природе, обусловленной внутренней потребностью

ее сохранения, а необходимостью следования модным ныне экологическим трендам.

Данная ситуация говорит о том, что школьное экологическое образование должно способствовать формированию устойчивого понимания человеком объективной ценности природы как базисной основы существования; осознанию того обстоятельства, что разрушение природы скажется, прежде всего, на собственном здоровье человека, его благополучии и качестве жизни. Как верно отмечают в этой связи О.В. Дородных и Л.В. Коваленко, «необходимо личностное принятие обучающимся базовых экологических ценностей. Поэтому в экологическом образовании обучающегося нужен подход, где сделана установка на личность ученика, на личностное присвоение им экологических ценностей и ориентиров» [9, с. 42].

Теоретической основой реализации ценностно-мировоззренческих аспектов экологического образования должно стать изучение курса обществознания, особенно, таких его разделов как «человек», «духовная культура», «социальные отношения». Связано это с тем, что забота о природе относится к категориям морали, ценностей и идеалов, формирующих уникальность антропологической природы человека; является элементом духовной жизни общества; нормой социального поведения.

Экологическое мышление связано не только с осознанием ценности природы, с пониманием существующих естественных закономерностей, но и с умением оценивать экологические угрозы, характеризовать перспективы социоприродного развития. Это требует развития у обучающихся навыков прогнозирования.

Формирование данных навыков возможно в условиях широкого использования конструктивистского подхода к проведению учебных занятий. В отличие от традиционного метода, при котором учитель механически транслирует знания, а обучающийся выступает как пассивный объект, эти знания воспринимающий, конструктивистский подход основан на активизации мыслительной деятельности ученика. Данный подход рассматривает обучение как процесс, направленный на решение проблемы силами самих обучающихся. Учитель здесь является консультантом, задача которого, снабдить обучающегося инструментом, необходимым для решения учебной задачи. Данный подход способствует развитию интеллекта, способностей обучающегося объективно оценивать проблемную ситуацию, анализировать, принимать нестандартные подходы для ее разрешения [10, с. 44].

Таким образом, к основным направлениям повышения эффективности школьного экологического образования относится необходимость усиления его межпредметности, придания экологическому обра-

зованию ценностного характера, его ориентации на осмысление перспектив социоприродного развития. Целесообразность решения данных задач связана с необходимостью преодоления дефицита учебного времени направленного на изучение экологии, интеграцией и актуализацией экологических знаний; с формированием навыков рационального поведения человека в природе основанной на парадигме партнерского отношения к ней, интересами сохранения природы для будущих поколений людей.

Заключение

Выявление основных проблем и направлений повышения эффективности школьного экологического образования позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Экологическое образование, реализуемое в условиях основной школы, характеризуется ограниченностью учебного и внеурочного времени необходимого для усвоения экологических знаний, их недостаточной актуальностью, ориентированностью на потребность сбережения природы в интересах нынешнего и будущих поколений людей.
2. Необходимость выполнения требований ФГОС требует модификации содержания естественно-научных и общественных дисциплин, связанной с включением в них элементов экологического знания, соотнесения излагаемых в них вопросов с актуальными экологическими проблемами.
3. В условиях кризиса антропоцентристской парадигмы мышления и деятельности, экологическое образование должно приобрести ценностно-ориентированный характер основанный на формировании у человека экзистенциальной потребности сохранения природы как предпосылки реализации рационального экологического поведения.
4. Необходимость осмысления перспектив социо-природного развития требует от обучающихся развития навыков прогнозирования, объективной оценки существующей экологической ситуации. Это требует более широкого использования конструктивистского подхода к обучению, основанного на активизации мыслительной деятельности обучающихся, развития навыков оценки проблемных ситуаций, применения нестандартных подходов к их решению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Н.В. Экологизация образования как средство формирования экологической культуры // *Фундаментальные исследования*. 2012. №3 (часть 2). С. 300-304.
2. Иванова Л.Ю. Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее // *Вестник Института социологии*. 2017. Т. 8. № 4 (23). С. 90-112.
3. Данилова З.Д. Экологическое воспитание в средней школе // *Биология. Все для учителя!* 2011. № 4 (4). С. 8-10.
4. Ермаков Д.С. 2016. Экологическая грамотность учащихся: теория и практика // *Биология в школе*. № 5. С. 52-59.
5. Урсул А.Д. Феномен ноосферы: глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: ЛЕНАРД, 2015. 336 с.
6. Захлебный А.Н. Концепция общего экологического образования в повестке дня XXI века [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-obshego-ekologicheskogo-obrazovaniya-v-povestke-dnya-xxi-veka/viewer> (дата обращения: 13.03.2021).
7. Каткова О.А. Экологизация содержания образования посредством интеграции предметов естественнонаучного и гуманитарного циклов // *Вестник ТОГИРРО*. 2017. №3 (38). С. 24-26.
8. Смирнов С.В. Планетарное экологическое сознание: сущность, специфика становления // *Манускрипт*. 2020. Том 13. Выпуск 3. С.103-107.
9. Дородных О.В., Коваленко Л.В. Формирование экологической грамотности и экологической культуры обучающихся на уроках биологии // *Педагогический поиск*. 2020. №11. С. 41-46.
10. Корешникова Ю.Н., Авдеева Е.А. Заинтересовать нельзя заставить. Роль академической мотивации и стилей преподавания в развитии критического мышления студентов // *Вопросы образования*. 2022. №3. С. 36-66.

© Смирнов Сергей Владимирович (sunstability@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ ИГРОВАЯ СРЕДА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ

DIGITAL GAMING ENVIRONMENT AS A PROMISING DIRECTION IN EDUCATION

*N. Kharchenko
I. Bagdasarova
N. Lutsenko
E. Zhirnova
Iu. Beliaeva*

Summary: This article is devoted to the need to use a digital gaming environment in the form of multimedia learning technologies in the educational process in order to increase the interest of students, and, as a result, the quality of assimilation of educational material. Multimedia learning technologies developed in recent years, based on games or in which elements of the game are used, confidently occupy their niche in the educational process.

Keywords: digitalization, gaming environment, computer games, education.

Харченко Николай Леонидович

*Старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Москва)
m-rh@mail.ru*

Багдасарова Илона Юрьевна

*Старший преподаватель, Московский государственный институт стали и сплавов (Университет науки и технологий)
artameli@mail.ru*

Луценко Наталья Станиславовна

*Старший преподаватель, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
nataly.l@inbox.ru*

Жирнова Елена Сергеевна

Учитель истории, права и обществознания, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя школа №61 им. М.И. Неделина (Липецк);

*Магистр, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
onaelschaew@mail.ru*

Беляева Юлия Александровна

*Старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
juliebeliaeva@yandex.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена необходимости использования цифровой игровой среды в виде мультимедийных обучающих технологий в образовательном процессе с целью повышения интереса у обучающихся, и, как следствие, качества усвоения учебного материала. Разработанные в последние годы мультимедийные обучающие технологии, построенные на играх или в которых используются элементы игры, уверенно занимают свою нишу в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: цифровизация, игровая среда, компьютерные игры, образование.

В течение последних лет в России, как и в других странах, произошли глубокие изменения в разных областях жизни. Из новшеств, изменивших стиль жизни и интересы лиц всех возрастов, можно выделить компьютеризацию. На сегодняшний день важным аспектом в современном образовательном процессе является использование информационно-коммуникационных технологий с целью повышения эффективности работы педагога и улучшения качества преподаваемых предметов.

Цифровая трансформация стала одним из направлений национального развития Российской Федерации,

определенным Президентом в 2018 году. В рамках реализации вышеуказанной цели к 2030 году должны быть достигнуты показатели, один из которых непосредственно связан с системой образования, а именно система образования должна достичь «цифровой зрелости» [5, с. 272]. Необходимо разработать, а также ввести в область широкого применения новейшие принципы работы образовательных организаций, строящиеся на слиянии новых высокоэффективных педагогических практик, успешно реализованных в цифровой образовательной среде и основанных на повсеместном применении развивающихся цифровых технологий.

В процессе реализации национальной целевой модели «Цифровая трансформация», сформулированной в рамках приказа Министерства образования Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении целевой модели цифровой образовательной среды», в повсеместное употребление вошел термин «цифровизация» (от англ. digital, цифровой). Если объяснить этот термин простыми словами, «цифровизация» — это средство достижения желаемого результата, то есть гибкость образовательного процесса, дающая отличный результат, а будущим работодателям — качественных мобильных специалистов [8].

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены приоритетные общегосударственные цели по ключевым направлениям развития страны, две из которых касаются сферы образования и являются целями государственного Национального проекта «Образование»: обеспечить к 2030 г. глобальную конкурентоспособность российского образования и вхождение Российской Федерации в 10 ведущих стран мира по качеству общего образования; воспитать гармонично развитую и социально-ответственную личность на основе духовно-нравственных ценностей народа Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций [11].

Бурное развитие средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) создало много возможностей для применения новых технологий получения, обработки, передачи и хранения информации в учебном процессе [6]. Сферы применения компьютерных технологий обучения достаточно широки и многообразны. Они могут использоваться: как средство мониторинга состояния педагогической системы (учащегося, класса, школы, вуза) путем контроля за результатами деятельности субъектов учебного процесса [7, с. 76]; как источник разнообразной учебной информации: по содержанию – текстовой, графической, видео-, мультипликационной, звуковой; по форме – электронные учебники, справочники, словари, энциклопедии, сборники рефератов и др. [18, с. 207] [19, с. 253]; как средство, позволяющее организовать самостоятельную работу учащихся по: разным типам задач; подготовки рефератов и сообщений; приобретение знаний и формирование умений; контроля и оценки учебных достижений [17, с. 220]; как коммуникативное средство, обеспечивающее взаимодействие участников учебного процесса [15, с. 380]; как средство научной организации труда учителя и учащихся [10, с. 107];

Кроме упомянутых аспектов, информационные технологии являются базой для внедрения развивающих игр, позволяющих в интересной форме усвоить разный учебный материал и при этом, не создают стрессовые си-

туации, которые часто возникают в обучении во время ответов на уроках, написании контрольных работ или тестов [13, с. 202].

Как считают ученые, правильно организованная обучающая игра побуждает к поиску и развивает логическое мышление, воображение, быстроту реакции, поэтому исследования, связанные с внедрением компьютерных игр в учебный процесс, будут носить актуальный характер [14, с. 202].

Термин «технология» имеет греческую этимологию: «techne» (техника, мастерство) и «logos» (мысль, смысл, наука). Иными словами – это наука о мастерстве. В наше время любой педагогический метод основан на использовании разных форм информационных технологий. Это связано с тем, что сам процесс обучения основан на сборе, анализе, использовании и преобразовании полученной информации. Более распространенным понятием для описания методик обучения, использующих компьютерные технологии, является «компьютерная разработка». Компьютерные технологии обучения — это совокупность педагогических методов и средств самоподготовки, обеспечивающих комплексное и целенаправленное обучение, в основе которых лежит использование компьютерной техники. Такому способу обучения свойственны следующие черты: использование компьютерных технологий в соответствии с индивидуальными возможностями и потребностями обучающегося; отсутствие ограничений в учебном процессе в связи с доступностью информации; постоянное участие учителя в процессе обучения, возможность внесения корректив в любой момент; совмещение индивидуальных и групповых занятий; интерактивный формат обучения; возможность постоянного взаимодействия с компьютерными технологиями, в чем и состоит основная особенность такого метода обучения; сохранения психологического комфорта учащегося.

В наши дни наблюдается увлечение компьютерными играми, которое быстро распространяется, в особенности среди детей и подростков [4, с. 11]. Учитывая это, компьютерные игры нужно рассматривать как своеобразный социально-психологический феномен, занимающий все более заметное место в жизни человека. В процессе работы с игровыми формами обучения у обучающихся наблюдается снижение психологического и информационного напряжения. Сам процесс использования игровых технологий с использованием информационно-коммуникационных технологий во время обучения примечателен тем, что обучающиеся незаметно для себя усваивают новый учебный материал и используют полученные навыки в ходе дальнейшего обучения.

Использование компьютерных технологий возмож-

но на каждом из этапов обучения: как во время подготовки, так и непосредственно во время обучения. Со стороны же учителя — при подаче материала, его повторении и контроле за образовательным процессом. Так, в функции преподавателя персональный компьютер несет функции источника информации, практического пособия, средства для повышения квалификации, инструмента взаимодействия и осуществления контроля. В качестве же рабочего инструмента компьютер представляет собой средство для создания и редакции текста, а также его хранения; графический редактор с большим количеством функций; инструмент для подготовки выступлений.

Во время планирования урока у преподавателя есть возможность использовать широкий спектр специализированных программных продуктов, таких как:

1. Готовые и открытые источники информации, адаптированные для использования в процессе обучения. Так, применение компьютерных технологий на уроках химии в рамках школьной программы дает возможность создать и использовать сопроводительные демонстрационные материалы в рамках обычного урока или во время проведения лабораторной работы. Также ученик имеет возможность самостоятельно повторить изученный материал благодаря обращению к использованному на уроке образовательному материалу. Этот метод обучения позволит учащимся уделить больше внимания сложным для усвоения темам и поспособствует развитию интереса к изучаемой дисциплине.
2. Текстовый редактор Microsoft Word, включающий в себя обширный набор инструментов для подготовки и редакции текстовых документов.
3. Пакет программного обеспечения Microsoft Office, включающий в себя, помимо текстового редактора Word, инструмент управления базами данных Access и инструмент для создания электронных презентаций PowerPoint.
4. Обширные и систематизированные базы данных, использование которых помогает во время предварительной работы с материалами для обучения. Их использование позволяет проработать эффективную систему преподавания и проверки усвоения пройденного материала.
5. Сервисы Surprizeme, ZUNA, Madtest могут быть использованы для разработки преподавателем познавательных онлайн игр и web-квестов, состоящих из комплекс учебных задач проблемного характера, включающих игровые элементы [1, с. 11].
6. Образовательный сервис для учителей LearningApps.org позволяет разработать задания, включающие мультимедиа элементы, что способствует развитию произвольного внимания учащихся, особенно на этапе начального и среднего

образования [2, с. 42]. Шаблоны интерактивных упражнений также включают игровые элементы, которые могут стимулировать интерес школьников к процессу обучения

7. Благодаря освоению и использованию различных языков программирования преподаватель сможет самостоятельно создать необходимые программные инструменты для дальнейшего использования в образовательном процессе [16, с. 1678]. Однако использования этого средства компьютерных технологий требует специальных знаний и может быть весьма трудозатратой для преподавателя, не имеющего большого опыта в области программирования.

Педагогическая технология является особой системой, в которой взаимно связаны разнообразные методы, формы и приемы организации процесса обучения. Под «игровыми технологиями» подразумевается особая форма взаимодействия преподавателя и обучающегося, разнообразные формы проведения занятия, имеющие под собой развлекательную основу – спектакли, игры, деловые игры, в основе содержания которых лежит сюжет. Так, образовательные задачи оказываются непосредственно включены в игровой процесс. Ключевые отличия и преимущества игровых технологий состоит в следующем: игра как таковая является привычной формой проведения досуга для любого человека; в контексте игры обучающийся имеет меньшее количество трудностей, кажущихся непреодолимым, следовательно, он имеет меньше психологических барьеров; сама по себе игра имеет мотивационную природу и в контексте образовательного процесса требует от обучающегося проявление инициативы, четкого следования поставленным целям и применение творческого подхода; игра содержит в себе разнообразный спектр функций и оказывает влияние на обучающегося посредством множества аспектов; коллективные виды игры содержат в себе соревновательный элемент; игра имеет ясный конечный результат. Обучающийся имеет возможность и мотивирован получить награду: высокая оценка, грамота, иные формы поощрения.

Также выполнение поставленных целей способствует повышению самооценки учащегося. Обязательными составляющими педагогических, в частности, социально-педагогических технологий являются: четкое поэлементное описание операции; точная характеристика проектируемого гарантированного результата; определенный алгоритм решения, согласно которому педагог может работать, не опуская ни одной из операций, что обеспечит целостный результат.

Повсеместное применение игровых технологий в области образования связано с содержащимся в этом образовательном методе потенциала, связанного с при-

оритетной задачей, стоящей перед учеником, а именно формирование и совершенствование глубокой субъектной позиции относительно области его личностной реализации, коммуникации и самого себя.

Большинству игровых методик свойственны следующие черты: свободная развивающая деятельность, осуществляющаяся в соответствии с потребностями учащегося, позволяющая получать удовольствие непосредственно во время самой деятельности; активный, зачастую импровизационный характер деятельности; эмоциональная вовлеченность, наличие соперничества; наличие правил и законов игры, формирующих и отражающих ее содержание, логическую составляющую и временную последовательность ее развития.

Игровые технологии ориентированы в первую очередь на достижение следующих целей: социализация, развитие навыков саморегуляции и самоконтроля, приспособления к условиям окружающей действительности, осознание существования установленных норм и сформулированных ценностей в обществе; воспитание в области коллективного взаимодействия и взаимного сотрудничества, формирование самостоятельности и мировоззренческих категорий и установок; приобщение учащегося к познавательной деятельности, формирование практических умений, основанных на приобретенных знаниях и расширение спектра кругозора; развитие языка [12, с. 190], умения концентрировать внимание, формирование навыков запоминания и создание возможности для реализации творческого потенциала.

Компьютерные дидактические игры являются уникальным способом получения знаний, который обеспечивает возможность повысить интерес учащихся к обучению, формирует и информационную культуру, которая является необходимым требованием к современной личности.

В последние годы использованию игровых технологий с применением ИКТ в образовательном процессе педагогических заведений высшего образования уделено значительное внимание. Применение игровых технологий в образовательном процессе позволило открыть новые возможности для сокращения продолжительности занятий, а также расширения средств самостоятельного обучения студентами и улучшения качества подачи изучаемого материала. Игровые технологии наряду с другими методами обучения служат накоплению профессионального опыта, близко к реальному, и, по сути, заменяют опыт лабораторных и практических работ [3, с. 10]. Кроме того, этот метод иногда действует лучше, чем другие методы познания. Поэтому одним из действенных направлений подготовки будущих инженеров-педагогов компьютерных специальностей в педагогических заведениях высшего образования является инновационный

подход в области подготовки студентов, изучающих программирование, проявляющийся в использовании игровых технологий в процессе моделирования симулятора сбора и диагностики ПК.

Характеристика игровых методов состоит в наличии игровых моделей изучаемого объекта, их эффективность состоит в активизации мышления студента, высоким уровнем его вовлеченности в процесс обучения, необходимостью обучающихся взаимодействовать друг с другом, а также с преподавателем, эмоциональной вовлеченностью и применением творческих навыков, развитием самостоятельностью обучающихся в области принятия решения, а также собственным желанием студентов получить профессиональные навыки за относительно небольшой промежуток времени..

Одни из основополагающих функций игры — познание индивидом мира вокруг него и познания себя в мире, осознание собственной деятельности, формирование навыка понимать мир абстрактно и выражать предметные образы через абстрактные категории, а также развитие способностей, способствующих реализации в созидательном труде. Игра, выступая в качестве достижения педагогических целей, развивает творческий потенциал в обучающемся человеке. В контексте развития личности и формирования жизненных установок игра предстает сложным явлением, являющимся естественным видом человеческой активности особенно продуктивной формой деятельности в случае осознанного выбора между иной формой познания мира и непосредственно игрой. Игра позволяет освоить и реализовать уникальные способности личности, она формирует стремление учиться и способствует формированию заинтересованности в процессе обучения. Результаты игры позволяют обучающемуся наглядно видеть результаты своего труда и не заикливаться на неудачах. Для определения положения и значения применения игровых технологий в процессе обучения, продуктивности сочетания традиционного образования и игры необходимо обратиться к классификации игр, проводящихся в педагогических целях. Герман Селевко предлагал классифицировать педагогические игры на предметные, сюжетные, деловые, имитационные, игры-драматизации [9].

Одной из основных целей применения игровых технологий в образовательном процессе является формирование у обучающихся навыка сочетать теорию и практику. Для овладения достаточным набором профессиональных навыков обучающийся должен самостоятельно проявить интерес к этому и приложить достаточные усилия для реализации в профессиональной области. Игровые технологии помогут сформировать мотивацию и обрести необходимый опыт.

Применение игровых технологий в виде имитаци-

онного моделирования в процессе преподавания различных, особенно технических дисциплин, максимально приближает образовательный процесс к практической деятельности, помогает принимать решения в условиях сложных ситуаций, позволяет получить результаты за ограниченное время и т.п. Моделируя или имитируя условия, приближая обучающихся к будущей профессиональной деятельности, игра служит средством интенсификации образовательного процесса. Практика свидетельствует, что использование игровых технологий в процессе обучения не только влияет на качество обучения, но и увеличивает заинтересованность и мотивацию студентов. Это обусловлено тем, что процесс обучения при внедрении игровых методик максимально приближен к реальной практической деятельности. Стремительное развитие компьютерных технологий обуславливает активно внедрение компьютерной техники в разные сферы деятельности человека. Использование компьютерных программ как новейших средств реализации учебного процесса активизирует развитие компьютерной игровой индустрии в процессе создания

учебно-игровых комплексов и компьютерных тренажеров, предназначенных для активного использования в системе образования.

Цифровая игровая среда становится эффективным способом обучения, в процессе использования компьютерных игр во время работы на занятиях происходит трансформация заурядной умственной деятельности в интересное интеллектуальное состязание. Данное направление обучения предмету дает возможность раскрыть свои таланты всем категориям обучающихся, с помощью игр занятие превращается в увлекательный процесс. В процессе использования цифровых игр в образовательном процессе у обучающихся происходит тренировка памяти, наблюдается фокусировка внимания и процесс усвоения знаний происходит легче. Именно поэтому в настоящее время перед педагогами стоит задача совмещения цифровых и игровых технологий в образовательном процессе с целью повышения качества обучения и соответствия новым образовательным стандартам.

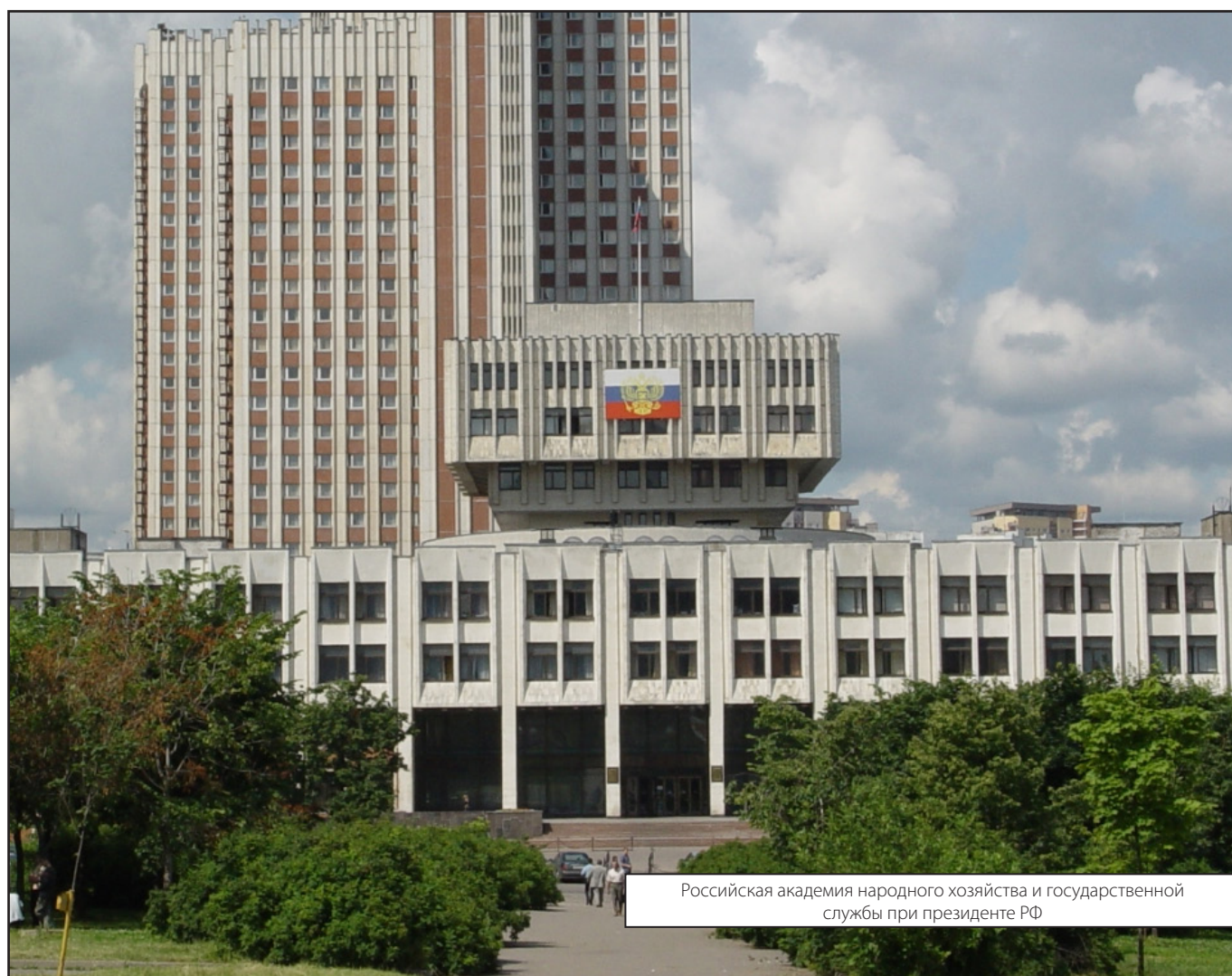
ЛИТЕРАТУРА

1. Алферьева-Термсикиос, В.Б. Оптимизация выбора организационных форм для дистанционного обучения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2022. – № 2-2(65). – С. 10-12. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-2-2-10-12. – EDN HAIVEX.
2. Алферьева-Термсикиос, В.Б. Педагогические методы и средства развития речи младших школьников в рамках дистанционных занятий // *Наукофера*. – 2021. – № 9-1. – С. 40-44. – DOI 10.5281/zenodo.5500191. – EDN QEKLZY.
3. Бобков, В.В. Гуманитарная значимость физической культуры в системе высшего профессионального образования / В.В. Бобков // *Наука, образование, молодежь в современном мире: материалы международной научно-методической конференции. Формирование воспитательной составляющей гуманитарной образовательной среды; экологическая культура; физическая культура. Феномен гуманитарной культуры. Возрастание роли гуманитарных наук в системе инженерного технического образования; когнитивные науки, социокультурные функции науки. Современные педагогические теории гуманизации и гуманитаризации технического образования Коммуникации будущего - этика, культура, ответственность.*, Уфа, 26–27 мая 2016 года / Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина. – Уфа: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2016. – С. 10-14. – EDN XBKXJD.
4. Бобков, В.В. Новый подход к изучению физического статуса детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) / В.В. Бобков // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2016. – № 52-1. – С. 11-17. – EDN VUUIUZ.
5. Институциональные предпосылки развития системы высшего образования в России в конвергенции с Болонской системой / М.А. Шумилина, К.А. Нефедова, А.Л. Золкин, М.С. Чистяков // *Образование в России и актуальные вопросы современной науки: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции*, Пенза, 25–26 мая 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 272-279. – EDN HSYXOW.
6. Космина Елена Алексеевна ОЦЕНКА ИНФОРМАТИВНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТРЕНАЖЕРОВ ПО КИБЕРФИТНЕСУ // *Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт*. 2022. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-informativnosti-tsifrovyyh-trenazherov-po-kiberfitnesu> (дата обращения: 17.11.2022).
7. Международный опыт применения цифровых технологий в деятельности общеобразовательных организаций / И.В. Роберт, Т.Ш. Шихнабиева, В.А. Касторнова [и др.] // *Педагогическая информатика*. – 2022. – № 1. – С. 75-92. – EDN RAKMЕС.
8. Приказ Минпросвещения России от 02.12.2019 N 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.12.2019 N 56962)». [Электронный ресурс] Консультант Плюс. Дата обращения: 17.11.2022
9. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий / Г.К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий. – 2006. – Т. 1. – 816 с.
10. Сомов, М.В. Актуальные аспекты модернизации образования и науки в информационном обществе / М.В. Сомов // *Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Чебоксары, 16 июня 2022 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 107-109. – EDN JTPLNM.
11. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс] Консультант Плюс. Дата обращения: 17.11.2022
12. Уланова, К.Л. Инварианты фоностилистических характеристик при построении англоязычного политического дискурса (на материале современного английского языка) / К.Л. Уланова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2017. – № 9-1(75). – С. 190-193. – EDN ZENMEH.
13. Усов, С.С. Применение игровой формы в обучении иностранным языкам / С.С. Усов, М.А. Сафонов // *Индустрия туризма: возможности, приоритеты,*

- проблемы и перспективы. – 2020. – Т. 16. – № 51. – С. 202-207. – EDN GGOBEQ.
14. Харченко, Н.Л. Особенности цифровой трансформации образовательных процессов в условиях высшей школы / Н.Л. Харченко // Педагогическая информатика. – 2020. – № 4. – С. 202-207. – EDN IKFIVQ.
 15. Хорохорина, Г.А. Внедрение модели глобального образования на занятиях по иностранному языку / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова // Коммуникация в современном поликультурном мире: национально-культурная специфика построения дискурса: ежегодный сборник научных трудов. – Москва: Российское представительство издательства ПИРСОН ЭДЬЮКЕЙШН ЛИМИТЕД, 2016. – С. 380-388. – EDN XFXFCV.
 16. Хорохорина, Г.А. Функции преподавателя в образовательном ландшафте XXI в / Г.А. Хорохорина, Е.В. Глухова, В.М. Хорохорин // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2016. – № 4. – С. 1678-1683. – EDN ZDDLFC.
 17. Foreign language educational process planning based on the activity approach for bachelors of pedagogical direction / K. Hakobyan, Yu. Volobueva, N. Mekeko, E. Glukhova // 5th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018: Conference proceedings, Albena, Bulgaria, 26 августа – 01 2018 года. – Albena, Bulgaria: Общество с ограниченной ответственностью СТЕФ92 Технолоджи, 2018. – P. 217-224. – DOI 10.5593/sgemsocial2018/3.6/S14.029. – EDN PETFQX.
 18. Safonov, M.A. E-Learning Application Effectiveness in Higher Education. General Research Based on SWOT Analysis / M.A. Safonov, S.S. Usov, S.V. Arkhipov // ACM International Conference Proceeding Series: 5, Education and Multimedia Technology, Virtual, Online, 23–25 июля 2021 года. – Virtual, Online, 2021. – P. 207-212. – DOI 10.1145/3481056.3481096. – EDN HAXXVK.
 19. SWOT Analysis Method Application in Assessing the Effectiveness of Moodle Platform / N.L. Kharchenko, A.Z. Izmailov, N.S. Lutsenko [et al.] // ACM International Conference Proceeding Series: 13, Virtual, Online, 14–17 января 2022 года. – Virtual, Online, 2022. – P. 253-257. – DOI 10.1145/3514262.3514292. – EDN BFWTTT.

© Харченко Николай Леонидович (m-rh@mail.ru), Багдасарова Илона Юрьевна (artameli@mail.ru),
 Луценко Наталья Станиславовна (nataly.l@inbox.ru), Жирнова Елена Сергеевна (onaelschaew@mail.ru),
 Беляева Юлия Александровна (juliebeliaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ

КОРРЕЛЯЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЭП-ДИСКУРСЕ

CORRELATIONS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD "LIFE WAY" IN THE FRENCH RAP DISCOURSE

**L. Abdullina
M. Lukina
Ya. Kuznetsova**

Summary: This article is devoted to the study of semantic correlations within the lexico-semantic field "Life path" in rap discourse. The material of the study was the texts of the leading French-speaking rap artists. The study reveals the widespread use of complete, expressive-stylistic and syntactic synonymy in rap texts. The dominance of antonymous groups of words, represented by contrarian, complementary and vector correlates, can be pointed out. The authors draw a conclusion that semantic correlations are an effective means of influencing the listeners' consciousness.

Keywords: rap, discourse, synonymy, antonymy, correlation, text.

Абдуллина Лилия Рафаиловна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
lilioven@mail.ru

Лукина Марина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет
marinaloukina@mail.ru

Кузнецова Яна Владимировна

Студент, Казанский (Приволжский) федеральный
университет
kuznecovaaa2001@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена изучению семантических корреляций в рамках лексико-семантического поля «Жизненный путь» в рэп-дискурсе. Материалом исследования послужили тексты ведущих франкоязычных рэп-исполнителей. В ходе исследования демонстрируется широкое использование полной, экспрессивно-стилистической и синтаксической синонимии в текстах рэпа. Также отмечается доминирование антонимичных групп слов, представленных контрарными, комплементарными и векторными коррелятами. Делается вывод о том, что семантические корреляции являются одним из эффективных языковых средств воздействия на сознание слушателей композиций.

Ключевые слова: рэп, дискурс, синонимия, антонимия, корреляция, текст.

В последние годы внимание отечественных и зарубежных исследователей привлекает рэп-дискурс [5; 6; 7; 8], ярко отражающий общественно-политическую ситуацию в мире, затрагивающий животрепещущие темы и проблемы современного общества. Рэп пользуется наибольшей популярностью среди молодежи, вот почему представляется особенно актуальным изучение его лингвистических особенностей. Рэп-исполнители используют «множество слов и оборотов речи, многозначных по своей природе; одно слово или словесный оборот употребляется в различных смыслах, а его понимание зависит от контекста» [3, с. 68], отражая в своих текстах актуальные языковые процессы. В текстах рэп-дискурса четко прослеживаются различные лексико-семантические поля, в рамках которых связь между лексическими единицами обусловлена «семантической близостью значений, присутствием единого семантического компонента у всех слов конкретного поля, семантическими корреляциями» [1, с. 68]. Слова, входящие в корреляцию, составляют систему иерархичности, в которой одни слова зависят от слов более высокого уровня сложности.

Целью настоящего исследования является выявление

особенностей семантических корреляций между языковыми единицами лексико-семантического поля «Жизненный путь» в рэп-композициях.

Предметом исследования являются отношения синонимии и антонимии в рамках рассматриваемого лексико-семантического поля.

Материалом исследования послужили тексты современных французских рэп-исполнителей: VALD, Kery James, Lorenzo. Количество проанализированных текстов составило 150 единиц.

В содержании текстов рэпа существенное значение отводится взаимосвязям между языковыми единицами, получившим название корреляции. Так, отношения между актуализаторами семантического поля, основанные на частичном или полном соответствии значения, получили название синонимической корреляции. В рэп-дискурсе активно используются как точные (полные) синонимы, так и квазисинонимы.

Для начала обратимся к иллюстрации полной синонимии, включающей близкие по значению слова в тексте рэпа.

*Car y'a 2 fois plus d'obstacles et 2 fois moins d'avantages
À franchir les barrières, construire des carrières*
Kery James "Banlieusards"

В данной рэп-композиции автор высказывает свою точку зрения на мир, в котором он живет. Исполнитель рассказывает, что ему пришлось столкнуться с трудностями, из-за которых он многое потерял. Используя полные синонимы *obstacles – barrières* 'препятствия', он показывает неизбежность препятствий и подчеркивает, что преграды все же являются частью успеха.

В ходе изучения лексического слоя французского рэп-дискурса были также выявлены слова-квазисинонимы, то есть лексемы близкие по значению, но различающиеся в сигнификативном и денотативном слоях.

Продемонстрируем на следующем примере.
*Nos coeurs abritent les mêmes espoirs
J'dis qu'on a tous les mêmes rêves*
Kery James "Nos rêves"

Основной темой данной рэп-композиции является описание желаний. Автор использует квазисинонимы *espoirs* 'надежды' – *rêves* 'мечты', смыслы которых частично пересекаются, чтобы показать, что мы не только имеем схожие мечты (*rêves – représentation, plus ou moins idéale ou chimérique* 'представление, более или менее идеального или несбыточного'), но и одинаково верим и надеемся, что мечта реализуется (*espoirs – fait d'attendre avec confiance la réalisation de quelque chose* 'ждать с надеждой реализации чего-то').

Широкое распространение в рэп-дискурсе получила экспрессивно-стилистическая синонимия. Слова данной классификации имеют полную смысловую связь и совпадают в денотативном плане, однако они различаются экспрессивно-оценочными элементами прагматического слоя. Приведем пример экспрессивно-стилистической синонимии.

*Mais quand vas-tu prendre ta vie en main ?
Rendre ta mère ravie, te mettre à taffer ?*
VALD "Branleur"

В композиции речь идет о бездельнике, ведущем праздный образ жизни и отказывающемся работать. Исполнитель призывает его к действию, к работе, усиливая значение словосочетания *prendre ta vie en main (commencer à agir* 'начать действовать') через введение синонимичной группы слов со сленгизмом *taffer (te mettre à taffer* 'начать работать').

Следует отметить, что французские тексты рэп-жанра изобилуют количеством слов, являющихся экспрессивно-стилистическими синонимами. Зарегистрированы следующие варианты: *fermer une gueule (inform.) – fermer*

la bouche (замолчать), *bouffer (slang) – manger* (принимать пищу), *poto (slang) – ami* (друг), *foirer (inform.) – avoir peur* (струсить, бояться), *baiser (slang) – mentir* (обманывать), *baver (slang) – bavarder* (болтать), *dalle (slang) – gorge* (горло), *saouler (inform.) – faire boire* (напоить), *pote (inform.) – ami* (друг), *miff (verl.) – famille* (семья), *keuf (verl.) – policier* (полицейский). Данный факт объясняется, во-первых, тем, что сленг является элементом субкультуры рэп-исполнителей, и, во-вторых, он позволяет донести мысли до сознания молодежи в доступной форме.

Важно отметить, что в текстах рэп-исполнителей встречаются схожие по структуре синтаксические конструкции, состоящие из близких по семантике слов. Речь идет о синтаксических синонимах. Проиллюстрируем сказанное.

*On n'est pas condamné à l'échec !
On est condamné à réussir!*
Kery James "Banlieusards"

Рэп-исполнитель призывает молодежь к активной борьбе за свое будущее, за свои права и за свои интересы, подчеркивая при этом на своем примере, что главное в жизни – не терять надежду на светлое будущее (*On n'est pas condamné à l'échec !* 'Мы не обречены на провал' / *On est condamné à réussir!* 'Мы обречены на успех!').

Наряду с синонимией неотъемлемой частью семантических отношений является также антонимия. Слова антонимической корреляции используются повсеместно, причиной этому является общее направление в выражении критических суждений и накопленного опыта. Так, и рэп-дискурс не стал исключением в обилии антонимических групп слов. Основываясь на классификации противоположностей Л.А. Новикова [4], мы выделяем следующие типы антонимов:

1. Контрарные корреляты, «выражающие «крайне симметричные противоположности упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний, промежуточный член» [2, с. 151].

Le faible a cette facilité à critiquer ce que le fort fait.
Kery James "Post scriptum"

Понятия *faible* 'слабый' / *fort* 'сильный' образуют ступенчатую оппозицию.

*C'était d'bonne guerre
J'vous comprends comme si y'avait d'mauvaises paix*
VALD "C'est Pour"

Рэп-исполнитель данную композицию посвящает людям, которые не верили в его успех и пытались сломать стремление добиться цели, которое всегда существовало внутри него. Автор использует контрарные антонимы *bonne* 'хороший' – *mauvaises* 'плохой', чтобы показать противоречивость мира, в котором он живет. С помо-

щью этих антонимов исполнитель говорит о понимании и принятии несправедливых поступков людей, которые существуют в иллюзии мира.

2. Контрадикторные или комплементарные корреляты, выражающие дополняющие друг друга противоположности и не имеющие промежуточных звеньев.

*Ils veulent nous plonger, dans **une guerre** totale sans lendemain...*

*Maintenant on s'rend compte à quel point précieuse est **la paix***

Kery James "Vivre ou mourir ensemble"

Керри Джеймс в своей композиции использует множество комплементарных антонимов, среди которых часто повторяются слова *la paix* 'мир' / *la guerre* 'война'. Противопоставляемые корреляты по своей природе предельны. Они дополняют друг друга до единого целого. Через динамику противоречия мира и войны автору удается придать тексту конфликтный характер.

3. Векторные корреляты, к которым относят противоположности разнонаправленных действий и признаков.

*Soit tu **perds**, soit tu **gagnes**, ouais, c'est binaire.*

Lorenzo "Légende vivante"

Как и большинство исполнителей, Лоренцо читает текст о смысле жизни, в которой каждый либо проигрывает, либо выигрывает. Его бинарный подход жизни под-

черкивается благодаря использованию антонимов *perdre* 'проигрывать' / *gagner* 'выигрывать'.

Подобное отношение к жизни встречается у многих рэп-исполнителей. Например:

***Echouer** ou **réussir**, mais au moins tenter sa chance.*

Kery James "Post scriptum"

Сильный духом человек будет пользоваться любой возможностью в жизни, не боясь поражения (*échouer* 'потерпеть неудачу' / *réussir* 'преуспеть').

Благодаря использованию антонимов рэп-исполнителям удается передать противоречивый характер жизненного пути, оказывать воздействие на мировоззрение слушателей, побуждать их к действиям.

Таким образом, наличие синонимических и антонимических корреляций в рэп-текстах свидетельствует об их лексическом разнообразии их лексического слоя, быстро реагирующего на изменения в общественно-политической жизни общества. При помощи ключевых слов и словосочетаний, которые выражаются в тексте через синонимы и антонимы, рэп-исполнителям удается реализовать стратегию эмфатизации, направленную на выделение актуальных смысловых посылов рэп-дискурса в целом, и оказать тем самым манипулятивное воздействие на слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волковинская Н.А. Корреляция семантических отношений в семантическом и ассоциативном полях (на материале английского языка) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 67-72.
2. Каринкина Н.Н. Антонимия как понятийная категория и вопрос выражения противоположности в языке // Вестник Чувашского университета. 2004. №1. С. 150-154.
3. Колесников А.А. Особенности использования прецедентных имён в рэп-дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 66-71.
4. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположностей). М., 1973. 170 с.
5. Károly L. Binominal strategies and semantic correlations in Turkic languages // Binominal Lexemes in Cross-Linguistic Perspective: Towards a Typology of Complex Lexemes. 2022. P. 355-379.
6. Kresovich A., Collins M. K., Riiffel D., Carpentier F., Dillman A. Content Analysis of Mental Health Discourse in Popular Rap Music // JAMA Pediatrics. 2020. Vol. 175, Is. 3. P. 286-292.
7. Oravcová A. The power of the words: Discourses of authenticity in Czech rap music Hip Hop at Europe's Edge: Music, Agency, and Social Change. Indiana University Press, 2017. P. 267-282.
8. Rundblad G. On the correlation between lexical stability and word creation device // Journal of Quantitative Linguistics. 2022. Vol. 7, Is. 1. P. 31-41.

© Абдуллина Лилия Рафаиловна (lilioven@mail.ru), Лукина Марина Сергеевна (marinaloukina@mail.ru), Кузнецова Яна Владимировна (kuznecovaaa2001@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ ПСИХОЛОГИЗМА Л.Н. ТОЛСТОГО В ПОЭТИКЕ РОМАНА-ЭПОПЕИ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

**ON THE QUESTION OF THE SPECIFIC
FUNCTIONING OF TRADITIONS
OF PSYCHOLOGISM L.N. TOLSTOY
IN THE POETICS OF M.A. SHOLOHOV
"AND QUIET FLOWS THE DON"**

**I. Babenko
D. Shabelsky**

Summary: The article is devoted to the problem of actualization in the poetics of the epic novel by M.A. Sholokhov "And Quiet Flows the Don" of the traditions of L.N. Tolstoy's psychologism. The analysis of such artistic means as portrait, landscape sketches, poetic and stylistic details including color and sound images allows us to conclude that the inner world of Sholokhov's characters is presented in accordance with the specifics of the psychological analysis developed by L.N. Tolstoy.

Keywords: psychologism, poetics, portrait, landscape, detail, analysis of a work of text.

Бабенко Ирина Андреевна

*кандидат филологических наук, Северо-Кавказский
федеральный университет г. Ставрополь
irinababenko17488@yandex.ru*

Шабельский Дмитрий Валентинович

*Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь
sabelskijdmitrij6@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена проблеме актуализации в поэтике романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон» традиций психологизма Л.Н. Толстого. Анализ таких художественных средств, как портрет, пейзажные зарисовки, поэтико-стилистические детали включая, цвето- и звукообразы позволяет сделать вывод о том, что внутренний мир героев Шолохова представлен в соответствии со спецификой психологического анализа, разработанного Л.Н. Толстым.

Ключевые слова: психологизм, поэтика, портрет, пейзаж, деталь, анализ художественного произведения.

Психологизм является одним из важнейших идейно-художественных аспектов произведения, сформировавшимся в роли структурной доминанты на определенном этапе развития литературы. К данному понятию существует множество подходов (Есин А.Б., Гинзбург Л.Я., Страхов И.В., Золотухина О.Б. и др.). Однако, наиболее содержательным является определение психологизма как художественной формы, в которой литература осваивает становление человеческого характера, мировоззренческих основ личности. Она базируется на определённых средствах (портрета, детали, внутреннего монолога, сна, вещного окружения), за каждым из которых закреплена определенная функция. По замечанию Н.Ю. Пановой, «психологизм свойственен только определенной разновидности художественных систем, которые представляют собой практическое воплощение психологического способа виденья и художественного освоения действительности, а вместе с ней и личности» [Панова 2011: 317]. Следовательно, определенный способ художественного мировидения определяет как саму специфику психологического анализа в произведении, так и средства, с помощью которых он осуществляется.

К основным приемам психологизации, как было указано выше, традиционно относят портрет, пейзаж, деталь, хронотоп, вещное окружение, сон, речевые харак-

теристики, внутренние монологи и т.д. (Храпченко М.Б., Кормилов И.С., Ковалев В.А., Славина О.Ю.) Именно они позволяют глубоко и всесторонне проанализировать и представить личность, ее переживания и искания, отразить процессы, скрытые от глаз стороннего наблюдателя. Изображение же внутреннего мира человека в индивидуально-авторской картине мира и есть способ построения образа, воспроизведения и осмысления того или иного характера. Все они в свою очередь значительно трансформируются в литературном процессе второй половины XIX - начала XX веков.

К изучению искусства психологического анализа Л.Н. Толстого исследователи обращались многократно (Бочаров С.Г., Страхов И.В., Скафтымов А.П. и др.). Исходным пунктом их наблюдений, как правило, становилось положение Н.Г. Чернышевского о «диалектике души» [Чернышевский 1939: 523], которое позволило визуально и художественно убедительно проследить во всех деталях процесс морального самосовершенствования человека, показать истину, найденную им в результате внутренней работы над собой. Особого внимания требует факт критического начала литературно-мировоззренческих и духовных исканий Л.Н. Толстого в 70-90 годы XIX века, поскольку они повлияли на трансформацию способов психологического анализа. Ведь именно в это время

была написана «Анна Каренина», а, по утверждению исследовательницы О.В. Барабаш, «именно этот роман как центральное произведение Л.Н. Толстого 1870-х годов воплощает в творческой форме духовные конфликты автора и всей русской действительности в целом. В нем нашли отражение <...> поиски религиозно-духовного и семейного идеала, <...> стремление постичь принципы подлинного реализма в искусстве» [Барабаш].

В центре внимания художника оказывается духовный мир личности, весь спектр эмоций, этика. Писатель выходит на совершенно новый уровень психологического реализма, сущность которого состоит в отражении героя как предмета субъективного психологического анализа с позиций духовного соответствия объективным законам действительности. Вследствие этого, психологизм Л.Н. Толстого обладает уникальной по своей сути особенностью: любое психологическое описание в романе подразумевает скрытую и вполне определенную нравственно-философскую точку зрения автора, не нарушающую объективности изображения.

В литературе первой половины XX века писатели продолжали и развивали традиции психологического анализа Л.Н. Толстого (М. Горький, И.А. Бунин, А.И. Куприн, Л.Н. Андреев и др.). Это обусловлено, с одной стороны, вневременной актуальностью художественных достижений писателя в области психологизма, с другой – стремлением отобразить с помощью уже приобретенных классическую форму приемов новую, чрезвычайно быстро меняющуюся реальность, столь разительно отличающуюся от эпохи написания «Войны и мира» и «Анны Карениной». Именно такой, взвихренной, неузнаваемой, являлась действительность, представленная в романе эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Глубина психологического анализа в произведении достигается с помощью особого комплекса художественных приемов, представляющих собой исследование внутреннего мира человека во многом почерпнутых из художественных открытий Л.Н. Толстого.

Портрет в литературном произведении является одним из средств характеристики художественного образа, используемым в композиционном целом наряду с другими художественными средствами: описанием настроений героев, развитием действия в сюжете, описанием интерьера и диалогом персонажей. Так, В.Е. Хализев относит к портрету «не только описание наружности героя, но и все то в облике человека, что сформировано социальной средой, индивидуальной инициативой, культурной традицией» [Хализев 2004: 182]. М.Г. Уртминцева определяет портрет как «изображение внешности персонажа, соединяющее в себе фиксацию как постоянных, так и ситуативных черт облика, в котором проявляется точка зрения другого, запечатленная в визуальном образе, выполняющем функцию смыслообразования на

всех уровнях литературного произведения» [Уртминцева 2005: 50]. Такие ученые как Л.И. Абдуллина и В.В. Савельева, наряду с другими, выделяют портреты-описания и портреты-впечатления, передающие мнение смотрящего на человека [Абдуллина, Савельева 2007: 65].

М.А. Шолохов создает внешность своих персонажей, во многом опираясь на традицию психологизма литературы XIX века, прежде всего, Л.Н. Толстого. Так, писатель при создании женских и мужских образов использует динамичный портрет, наиболее часто встречающийся в поэтике Толстого. Например, «играющие разными оттенками чувств глаза полные жизни и зовущие губы Аксины» [Шолохов, 2004: 39]; «тоскующий взгляд и «большие, раздавленные работой руки Натальи» [Шолохов, 2004: 53]. Именно такой способ раскрытия характера через динамичный портрет использует и Л.Н. Толстой, к примеру, создавая образ княжны Марьи «...большие, глубокие и лучистые, как будто лучи теплого света иногда снопами выходили из них» [Толстой, 2004: 97].

Очень часто внешний облик героя дается глазами других персонажей. Например, Петро при встрече с братом замечает «с чувством внутреннего страха, что, стекая наискось через лоб на лице брата темнеет борозда незнакомая, пугающая какой-то переменной, отчужденностью» [Шолохов Т. I 2004: 318]. Эта борозда, на которой зафиксировано внимание читателя, – свидетельство душевного надлома Григория, пережившего свой первый бой и убийство австрийца, печать перенесенных переживаний и трансформации внутреннего мира героя. Здесь явно прослеживается способ портретирования Л.Н. Толстого, поскольку он прибегает к такому же приему в «Войне и мире». Например, внешность Марьи Болконской на страницах эпопеи Л.Н. Толстого дается в восприятии Николая Ростова: «беззащитная, убитая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых, бунтующих мужиков! <...> И какая кротость, благородство в ее чертах и в выражении!», – думает он, глядя на княжну Марью. [Толстой Т. III 2004: 313]. Здесь страдания запечатлены во всем облике, в каждой детали «кротость, благородство», с которыми эти страдания были перенесены.

М.А. Шолохов создает в соответствии с психологизмом Л.Н. Толстого особый тип портрета – синтетический, основой которого является двоекратная подача портретной характеристики по частям в развитии сюжета. Это значит, что по ходу повествования портрет персонажа может дополняться другими деталями, а также значительно трансформироваться, что дает возможность по-новому взглянуть на героя, его характер и мировосприятие. Такой тип портрета вбирает в себя черты динамического и портрета-впечатления.

Так, когда Григорий втянулся в войну, перемены отразились и на его лице: «глаза ввалились, остро торчали

скулы» [Шолохов Т. II 2004: 51]. То, как сильно меняется внешность Григория, показано, в первую очередь, глазами самого героя, который не узнаёт себя в зеркале: «высокий, чернолицый, остроскулый, с плитами жаркого румянца на щеках, он отдалённо лишь походил на того, прежнего, Григория. У него отрасли усы, курчавилась пушистая борода. «Помолодел я за это время», – криво усмехнулся Григорий» [Шолохов Т. I 2004: 389]. По мере развития событий портретное описание Григория приобретает все большую драматическую напряженность. Все чаще в описаниях лица Григория, его глаз звучат определения «суровые», «жестокие», «злые»; они становятся постоянными характерными признаками в портрете Григория [Шолохов Т. III 2004: 392]. Если в начале романа М.А. Шолохов, описывая улыбку Григория, называет её «зверовой», то по ходу действия она сменяется звериным оскалом [Шолохов Т. III 2004: 49]; «мешковатые складки» под глазами, «огонёк бессмысленной жестокости» в глазах [Шолохов Т. III 2004: 270], «мёртвенно-бледное лицо с невидящими открытыми глазами» [Шолохов Т. III 2004: 274], «усталый прижмур глаз», «преждевременная седина на висках» [Шолохов Т. IV 2004: 14] – все это черты внешнего облика Григория, приобретенные в ожесточенных битвах и в результате нравственных потрясений.

В финальной сцене произведения синтетический портрет является прямым указанием на трагический итог жизни главного героя. Так, подходя к родному куреню, Григорий «чуть приметно» улыбается [Шолохов Т. IV 2004: 494]. В этой улыбке героя скрыта его радость, что он вернулся к себе домой, где его ждут сестра и дети. М.А. Шолохов даёт портрет – «визуальный образ» Григория глазами его сына: «Мишатка испуганно взглянул на него и опустил глаза. Он узнал в этом бородатом и страшном на вид человеке отца...» [Шолохов Т. IV 2004: 494]. Эта скупая и точная фиксация того, каким стал Григорий. В этой сцене контрастируют две детали: сдавленный голос Григория (сдавленный рыданием) и его «сухие, исступлённо горящие» глаза, всматривающиеся в лицо Мишатки. Если раньше в моменты душевных потрясений Григорий мог заплакать, то теперь он теряет и эту способность, что свидетельствует об опустошенности, исчерпанности всех внутренних сил.

Приемы описания внешнего облика Григория Мелехова практически созвучны толстовским: достаточно вспомнить портрет Пьера Безухова с «рассеянным» и вместе с тем «умным» взглядом – «героя пути», подобному Мелехову, который постоянно находится перед выбором той или иной жизненной дороги, то есть извечного поиска ценностей и этико-нравственных ориентиров.

Описание природы является традиционным способом передачи эмоционального состояния героев в русской художественной традиции. У М.А. Шолохова,

как и у Л.Н. Толстого преобладает пейзаж, органически связанный с душевной жизнью героев, с изображением их чувств и страстей, а также со спецификой авторской позиции, который помимо хромотопической и функции развития сюжета, заключает в себе еще и психологическую функцию. Это обусловлено прежде всего тем, что пейзаж по своей природе «антропоцентричен и выступает не как цель, а как средство характеристики персонажа и его состояния» [Воронин 2017: 3]

В художественном мире романа-эпопеи «Тихий Дон» при сопоставлении с текстами Л.Н. Толстого можно обнаружить множество параллелей и в способах создания пейзажей, и в связи внутреннего состояния героев с природой. Григорий Мелехов гармонично слит с ней, подобно герою «Анны Карениной» Константину Левину. Это подтверждает тот факт, что от их внимательного взгляда не ускользают едва заметные движения в окружающем мире. Например, Константин Левин рассуждает о том, что «в промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таяния земли и от роста трав» [Толстой 1987: 166]. Также и Григорий уверен в том, что «у крутояра лед отошёл от берега. Прозрачно-зелёная вода плескалась и обламывала иглистый ледок окраинцев» [Шолохов Т. IV 2004: 372]. Для передачи душевных переживаний писатели используют даже общий фон весеннего пейзажа, как правило вызывающий ассоциации с переменами, обновлением, переходом от угасания к возрождению.

Доминанта шолоховских летних пейзажей – палящее солнце, чёрная пыль, гроза. С помощью этих образов в романе описывается множество ключевых событий, влияющих на сюжет. Так, по словам Тибушкиной Н.В., основной способ художественного воплощения пейзажей – это антитеза, проявившаяся при рассмотрении определенных образов и философских категорий жизнь-смерть [Тибушкина 2021: 22]. Именно поэтому с одной стороны, лето – это абсолютный расцвет всего живого, бурление жизни, страстей, как в природе, так и в жизни. Но, с другой стороны, именно летом умерла Наталья, утонула в реке Дарья. Значит, летние образы в поэтике шолоховского произведения не олицетворяют расцвет, пик жизни, а символизируют накал страстей и борьбу за жизнь. «Сухое тлело лето. Холодное солнце (курсив наш – И.Б., Д.Ш.). Против хутора мелел Дон... На отводе горели сухостойные бурьяны, и сладкая марь невидимым пологом висела над Обдоньем. Ночами густели за Доном тучи, лопались сухо и раскатисто громовые удары, но не падал на землю, пышущую горячечным паром, дождь, вхолостую палила молния, ломая небо на остроугольные голубые краюхи» [Шолохов Т. I 2004: 45]. Подобное описание не предвещает ничего хорошего, поскольку после него повествуется о том, как Григорий уходит на фронт, Аксинья вынуждена томиться в разлуке с любимым. Весь образ большей семьи и

в целом привычного уклада, традиционного течения жизни «ломается» сравнимо с небом.

Сравним с одним из пейзажей «Анна Карениной», когда природа и весь мир уже воспринимаются Анной как нечто враждебное: «Остановившись и взглянув на колебавшиеся от ветра вершины осины с обмытыми, ярко блистающими на *холодном солнце* листьями, она поняла, что они не простят, что *всё и все к ней теперь будут безжалостны, как это небо, как эта зелень*» [Толстой 1987: 297] (курсив наш – И.Б., Д.Ш.). Такие символические константы внешнего мира, как «небо», «холодное солнце» становятся частью того «безжалостного» мира, который свидетельствует о ее предрешенной судьбе, приближении катастрофы, как и в «Тихом Доне».

Интересным представляется сопоставительный анализ пейзажных зарисовок романа-эпопеи Шолохова с романом «Воскресение». Например, фрагмент первого пейзажа, тесно связанного с настроением Нехлюдова в ночь совершения им преступления: «На дворе было темно, сыро, тепло, и тот белый туман, который весной сгоняет последний снег или распространяется от тающего последнего снега, наполнял весь воздух. С реки слышны были странные звуки: это ломался лед» [Толстой 1982: 60–61]. Состояние природы соответствует описанию настроения героя: «Сердце его колотилось в груди так, что он слышал его; дыханье то останавливалось, то вырывалось тяжелым вздохом» [Толстой 1982: 61]. Очевидно, ночной пейзаж играет ключевую роль в характеристике состояния молодого человека. Автор изображает смутное душевное положение юного князя с помощью следующих слов: «темно», «сыро», «белый туман», «странные звуки», «ломался». Сравним с фрагментами зимних пейзажей из «Тихого Дона»: «Над полуразрушенным частоколом щитом виднелись прилизанные ветром затвердевшие сугробы»; «На север уходила вся бескрайняя, жуткая в снежном своём однообразии степь. Ветер залижет и кровяную боль и память тех, кто не дождался родимых и не дождется» [Шолохов Т. I 2004: 555].

Особую, «атмосферную» функцию выполняют в романе-эпопее и осенние пейзажи, являющиеся выражением настроений печали, тоски, безнадежности, напрямую определяющие психологическое состояние героев (особенно это относится к «переходным» образам, которые связаны со сложным психологическим статусом человека). Основной способ художественного воплощения осенних пейзажей – это антитеза, проявляющаяся как при сопоставлении конкретных образов (летние-осенние, расцвет-угасание природы), так и отвлеченных категорий (жизнь-смерть, избыток-угасание). Осенний хронотоп также усиливает авторское понимание органической связи природы и человека и подчеркивает единство ценностных и временных измерений.

Таким образом, в поэтике романов Л.Н. Толстого и М.А. Шолохова пейзаж драматизирован, обладает внутренней динамикой. При этом оба писателя далеки от схематизма в пейзажных зарисовках, каждое описание по-своему уникально и несет определённую функционально-смысловую нагрузку. Также пейзаж и его восприятие изменяются в связи с изменением героев, их жизненных ценностей. Пейзажные зарисовки представляют собой своеобразное отражение трансформации душевного облика человека. Все это позволяет сделать вывод, что изображение природы является средством психологического анализа в беллетристике М.А. Шолохова и Л.Н. Толстого.

По мнению Кропоткина П., «под художественной деталью понимается подробность пейзажа, портрета, интерьера или психологической характеристики героя, которое выделяется писателем среди других подробностей, для того чтобы подчеркнуть его изобразительное и выразительное значение» [Кропоткин 2003: 164]. Безусловно, и Толстой, и Шолохов обращались к данному приему при характеристике психологического состояния своих героев. Так, в романе-эпопее Шолохова цветовая деталь становится постоянной индивидуальной характеристикой героев. Наделяя каждого персонажа определённой цветовой гаммой, писатель подчёркивает ещё и особые отношения между героями [Труфанова].

Одна из важнейших функций цветовых деталей в романе – служить знаком того или иного персонажа. Особенно интересен цветовой компонент портрета. Вспомним черные глаза Аксиньи: «она смеялась, играя из-под платка черными глазами» [Шолохов Т. I 2004: 132]; «в затуманенных черных глазах... столько... было страдания и немой мольбы» [Шолохов Т. II 2003: 233]. Укажем на портретную деталь, которую дает Л.Н. Толстой, создавая образ своей героини Катюши Масловой «черные как смородина глаза». Учитывая основные события из судьбы двух героинь, их общую характеристику, роль других персонажей в их судьбе, становлении можно сделать вывод о принципиальном значении этой цветовой детали в их облике.

Немаловажную роль играют также зооморфная и фитоморфная детали портретных характеристик шолоховских героев, отсутствующие в поэтике Л.Н. Толстого, так как неразрывно связаны с казачьей средой, представленной в тексте Шолохова. При этом особенно выделяется «волчье» начало, являющееся своеобразным «тотемом» казачества. Хищный и умный зверь ассоциируется с казачьим воинством отнюдь не случайно, ведь у них, согласно народному христианскому преданию, закрепленному иконографической традицией, общий покровитель – Георгий Победоносец (святой Егорий) [Трофимова 2009: 15]. Наиболее часто с волком в «Тихом Доне» сопоставляется Григорий Мелехов, что выражается в многочисленных деталях-сравнениях «ощерился

как волк», «без угла, без жилья, как волк буерачный», «не сидел бы тут с вами на острове, как бирюк, отрезанный половодьем», «металась душа, как зафлаженный на об- лаве волк»). Примечательно, что «зооморфная» деталь в романе Шолохова характеризует не только портрет, но и сам психологический тип казака с присущей ему во- инственностью. «Зооморфными» чертами наделены в основном только мужские образы, причем персонажи, не относящиеся к казачьему сословию, вообще лишены этих черт. Очевидно, что Шолохов-художник является одновременно и тонким знатоком казачьей ментальности, и этот художественно-мировоззренческий синтез проявляется, в том числе, и на уровне поэтики детали

За женскими образами романа, как правило, закреп- лена своя фитоморфная символика, воплощенная в тех или иных деталях их внешнего облика. К примеру, запах волос Аксиньи ассоциируется с «дурнопахнущим» и степ- ным цветочным изобилием, словно оправдывая «опья- нение» Григория ею; стройность Дарьи – с «краснотало- вой хворостинкой», «гибкой», но заключающей в себе недюжинную силу, стержень; юная свежесть Дуняшки – с «цветком лазоревым», символизирующим чистоту и хрупкость; красота и внутренняя сила Натальи, ее цель- ность и органичность – с «молодой яблоней в цвету». Так, «растительный» компонент художественной детализа- ции органично включен в поэтику романа, выполняя в ней важную знаково-символическую функцию.

Помимо визуальных цветовых деталей-образов Шоло- хов использует и огромное многообразие звуковых дета- лей. Звукообразы войны (грохот орудий, разрывы снаря- дов, выстрелы из винтовок, крики и стоны раненых), жизни природы (шум ветра и дождя, гроза, плеск донских волн, шелест степных трав, пение птиц, жужжание насекомых), разнообразные человеческие голоса (Зловещая молва привела народ на площадь: «Одно слово в разноликой толпе: мобилизация. Война...» «Война!» [Шолохов Т.ИВ 2004: 256]) буквально сливаются в «симфонию» войны и мира.

Эту традицию писатель, безусловно, воспринял в том числе и из описания батальных сцен «Войны и мира» («Впереди, в тумане, раздался один, другой выстрел, сна- чала нескладно в разных промежутках: тратта... тат, и по- том все складнее и чаще...» [Толстой Т.И 2004: 346]; «сме- шанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой» [Толстой Т.И 2004:348]).

Изображая войну в своем произведении, М.А. Шоло- хов синтезирует новые подходы к описанию действитель- ности. Огромный талант и непревзойденное мастерство автора «Тихого Дона» дает возможность переосмыслить творческие находки своих собратьев по перу и, безуслов- но, представить собственные художественные достиже- ния в области баталистики [Кукса 2019: 5]

При всей соотнесенности с литературно-художес- твенной традицией шолоховская поэтика детали глубо- ко оригинальна. Ее своеобразие определяется прежде всего соотнесённостью с ментальной спецификой каза- чества. Сфера художественной детализации в романе «Тихий Дон», по словам Трофимовой П.В., «имеет много- уровневый характер, отличаясь повышенной экспрес- сивностью, чем и объясняется во многом сила и мощь психологического, эмоционально-эстетического воз- действия произведения» [Трофимова 2009: 17].

Таким образом, своеобразная интерпретация Шо- лоховым таких традиционных средств психологиче- ского анализа, как портрет, пейзажные зарисовки и психологические детали является, с одной стороны, доказательством развития традиций русской классики, с другой – попыткой художественного познания новой действительности с помощью классических приемов психологизации с учетом специфика объекта отобра- жения (казачья среда). Психологизм Л.Н. Толстого ока- зал большое влияние на художественный мир про- изведений М.А. Шолохова: художественно осваивая определенные черты действительности, автор «Тихого Дона» в соответствии с предшествующей традицией и собственным миропониманием создает психологиче- ские портреты, передает внутреннее состояние героев, фиксирует коренные изменения, происходящие в них. В художественном мире шолоховского романа-эпопеи ут- верждаются принципы психологизма, которые в целом соответствуют толстовской концепции, но усложняются по своей структуре. Портрет, пейзаж и деталь, выступая критерием оценки духовной жизни, сочетают новые особенности, по которым создается картина карди- нально изменившейся действительности, дополняется образ человека, пережившего значительные историко- культурные перемены. Стоит также заметить, что разра- ботанные по законам поэтики психологизма, эти прие- мы составляют органическое целое с романским миром отдельных произведений («Поднятая целина», «Донские рассказы») и в то же время позволяют судить о духовной и эстетической эволюции писателя.

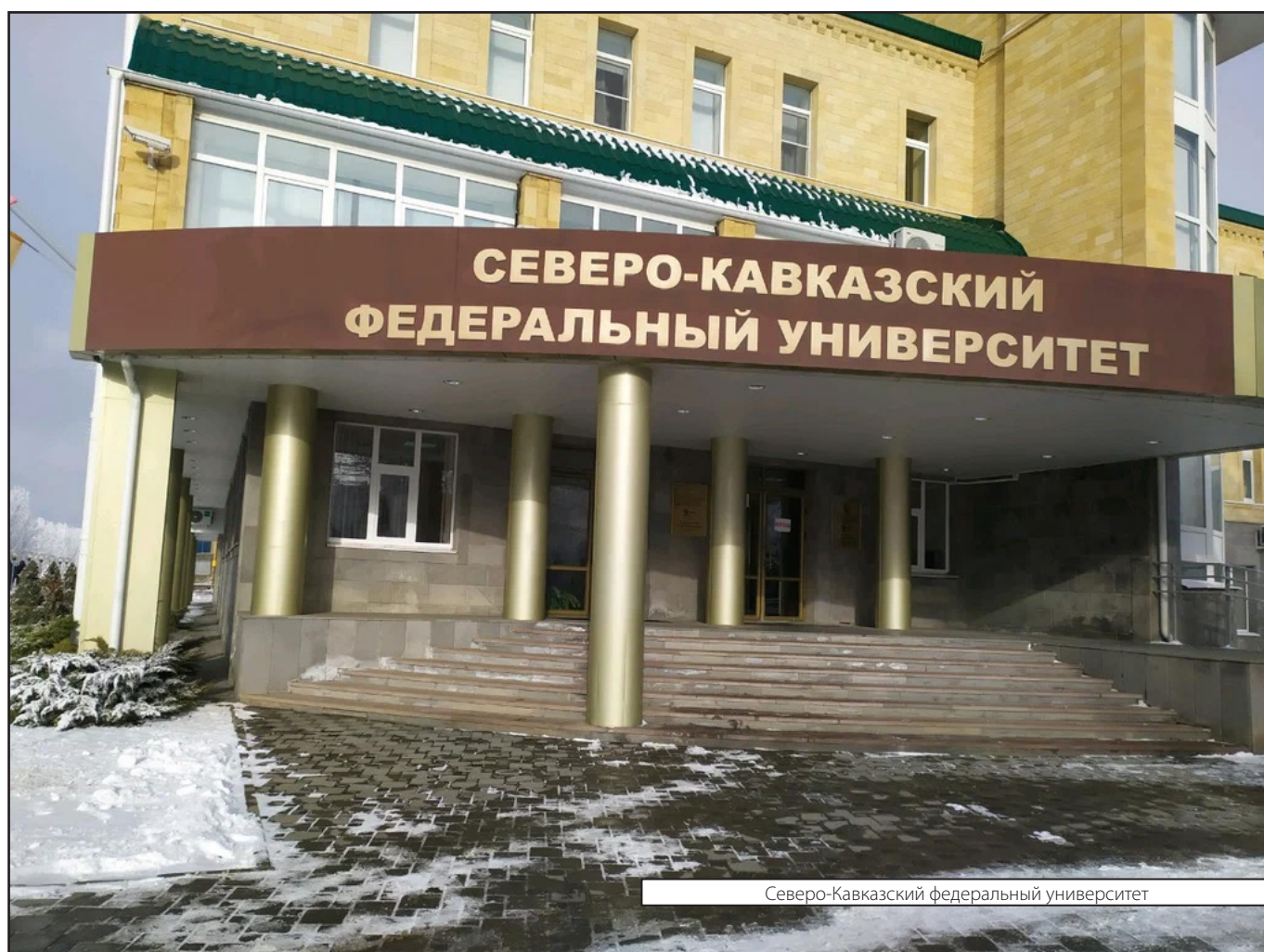
ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина Л.И. Художественная антропология и творчество писателя / Л.И. Абдуллиной, В. В. Савельевой. – Усть-Каменогорск. – Алматы. – «Рестит», 2007. – С. 65

2. Барабаш О.В. Психологизм как конструктивный компонент поэтики романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» [Электронный ресурс] / Барабаш О.В. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/psikhologizm-kak-konstruktivnyi-komponent-poetikiromana-ln-tolstogo-anna-karenina>
3. Воронин Р.А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2017. – С. 1–4
4. Кроточкин П. Русская литература. Идеал и действительность. – М.: «Век книги», 2003. – 173 с.
5. Кукса П.В. Деталь в батальных сценах романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Глобус: гуманитарные науки. 2019. – С. 21–25
6. Панова Н.Ю. Психологизм художественной литературы как отражение внутреннего мира человека (теоретический аспект) / Н.Ю. Панова // Актуальные проблемы славянской филологии. – 2011. – №14. – С. 317
7. Тибушкина Н.В. Времена года и их символизм в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник: УлГТУ. 2021. – С. 19–23
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – Л.: «Художественная литература», 1987. – 528 с.
9. Толстой Л.Н. Воскресение; Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1984. – 384 с.
10. Толстой Л. Н. Война и мир: [Роман] : [В 4 т.] / Л. Н. Толстой. – М.: Дрофа, 2004. – 1024 с.
11. Трофимова П.В. Своеобразие художественной детали в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук: специальность 10.01.01 Русская литература / Трофимова Полина Викторовна. – Москва, 2009. – 184 с.
12. Труфанова М.И. Функции цвета в произведениях Л.Н. Толстого [Электронный ресурс]. – электронный доступ: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37597828>
13. Уртминцева М.Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр: Монография. / М.Г. Уртминцева. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – 232 с.
14. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2004. – 182 с.
15. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 томах. Том I. / Н.Г. Чернышевский. – М.: Гослитиздат, 1939. – 523 с.
16. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. Кн.1 и 2/ М.А. Шолохов. – М.: Худ.лит.,2004. – 704с. / Кн.3 и 4/ М.А. Шолохов. – М.: Худ.лит.,2004. – 799 с.

© Бабенко Ирина Андреевна (irinababenko17488@yandex.ru), Шабельский Дмитрий Валентинович (sabelskijdmirijb@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Кавказский федеральный университет

ФЕНОМЕН ВАРИАНТНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: УЗУАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Бакина Анна Дмитриевна

канд. филол. наук, Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева;
докторант, Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск
heart-anna@yandex.ru

THE PHENOMENON OF VARIABILITY IN ENGLISH PHRASEOLOGY OF BIBLICAL ORIGIN: USUAL LEXICAL AND GRAMMATICAL VARIANTS

A. Bakina

Summary: The study of phraseological units of biblical etymology in the aspect of their variability has recently become increasingly significant, as the fact of wide use of phraseological units derived from biblical texts and stories in different types of discourse is noted. The diversity of variants of biblical phrases requires identifying, organising and structuring the types of their variation. The aim of the research is to identify new variants of biblical phraseological units that are widely used in different types of discourse presented in the British National Corpus (BNC) and News on the Web (NOW), namely: in media texts, in texts of historical, political and cultural fields and also in the texts of fiction. The analysis of selected phraseological units of biblical origin allowed us to identify the following types of variants: simple variants and complex variants (e.g. substantive-quantitative variants, adjectival-quantitative variants, verbal-quantitative variants) of phraseological units. Within each of the given groups, a division into usual and occasional variants is made. Simple variants are represented by lexical variants (including substantive variants, prepositional variants, prepositional-substantive variants, attributive variants, verbal variants); grammatical variants (including morphological variants and morpho-syntactical variants).

Keywords: biblical phraseology, phraseological units of biblical origin, phraseological variability, variant, invariant, simple and complex variants, usual and occasional variants, lexical and grammatical variants.

Аннотация: Исследование фразеологических единиц библейской этимологии с учетом феномена вариантности приобретает в последнее время все большую значимость, поскольку отмечается факт широкой употребительности фразеологизмов, восходящих к библейским текстам и сюжетам, в разных видах дискурса. Разнообразие вариантов библейских фразеологизмов требует отслеживания, организации и структуризации типов их варьирования. Цель исследования состоит в выделении вариантных типов английских библейских фразеологических единиц. Анализ отобранных фразеологических единиц библейского происхождения позволил выделить следующие типы вариантов: простые варианты (лексические, представленные субстантивными вариантами, препозитивными препозитивно-субстантивными, атрибутивными, глагольными вариантами, и грамматические, включающие морфологические варианты и морфолого-синтаксические варианты) и сложные варианты (например, субстантивно-квантитативные варианты, адъективно-квантитативные варианты, глагольно-квантитативные варианты) фразеологических единиц. Внутри каждой из предлагаемых групп возможно подразделение на узусальные и окказиональные варианты.

Ключевые слова: библейская фразеология, фразеологические единицы библейского происхождения, фразеологическая вариантность, вариант, инвариант, простые и сложные варианты, узусальные и окказиональные варианты, лексические и грамматические варианты.

Введение

Настоящее исследование представляет собой один из возможных сценариев рассмотрения актуальной проблемы вариантности библейской фразеологии с целью выделения типов вариантов фразеологических единиц. Актуальность проблемы подтверждается тем, что существует множество материалов, включая монографии, пособия, статьи, посвященные проблеме фразеологической вариативности (см., например, [Багана], [Солнцев], [Телия], [Ярцева]); однако, в отношении фразеологии библейского происхождения, мы вынуждены признать, что пока остаемся крайне ограниченными в источниках и комплексных исследованиях (см., например, [Праведникова], [Федуленкова 2016], [Федуленкова

2020], [Langlotz]). Поскольку библейские фразеологические единицы составляют один из неоднозначно трактуемых сегодня пластов фразеологической лексики, их изучение представляет особый интерес в силу специфики самого объекта [Mieder].

Вслед за профессором Т.Н. Федуленковой, мы понимаем вариантность во фразеологии как «результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: приспособление к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, создание эффекта новизны единицы, а также стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции» [Федуленкова, 2020: 36]. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема, и

в частности вопросы, связанные с изучением вариантности в библейской фразеологии, поднимались в ряде фундаментальных исследований (см., например, [Багана]; [Ярцева]; [Федуленкова 2016]; [Федуленкова 2020]; [Langlotz]; [Федуленкова 2018]; [Fiedler]. Таким образом, варианты фразеологических единиц – это фразеологические единицы, в компонентах которых наблюдаются лексические и грамматические изменения при сохранении структурно-семантического инварианта фразеологической единицы.

По мнению профессора А.В. Кунина, фразеологические варианты – это «разновидности фразеологических единиц, одинаковые по качеству и количеству значений, стилистической и синтаксической функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или отличающиеся формами слов или порядком слов» [Кунин, 1964: 442].

Целью настоящей работы является выявление типов вариантов библейских фразеологических единиц, которые широко используются в различных типах дискурса, представленных в Британском национальном корпусе (BNC), новостном подкорпусе News on the Web (NOW), электронном словаре с базой контекстов употребления Reverso Context, а именно: в текстах СМИ, в текстах исторической, политической и культурной областей, а также в текстах художественной литературы. Проведенное исследование также позволит выявить наиболее распространенные и употребительные типы вариантов библеизмов.

Материалы и методы

В качестве материала исследования выступают фразеологические единицы библейского происхождения, отобранные методом сплошной выборки из двуязычного «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [Кунин], «Англо-немецко-шведского словаря библейской фразеологии» Т.Н. Федуленковой и др. [Федуленкова 2008], мультязычного фразеологического словаря «Лепта библейской мудрости» З.К. Адамия и др. [Адамия 2019а], [Адамия 2019б]. Вторичные контексты употребления библейских фразеологических единиц и их вариантов были заиствованы из Британского национального корпуса (British National Corpus), новостного подкорпуса News on the Web (NOW), электронного словаря Reverso Context. Методами исследования послужили следующие: метод фразеологической идентификации фразеологизмов, метод структурного, компонентного и вариативного анализа фразеологизмов, метод количественного анализа и метод контекстуального анализа.

Результаты исследования

В результате исследования выявляется набор ос-

новных типов вариантов в анализируемых фразеологических единицах: простые варианты (лексические, грамматические); сложные / смешанные варианты, то есть субстантивно-квантитативные варианты, адъективно-квантитативные варианты и ряд глагольно-квантитативных вариантов фразеологических единиц. Все эти варианты имеют одинаковое сигнификативное значение, и в то же время каждое комплексное выражение имеет оригинальный оттенок, обусловленный конкретным денотатом [Федуленкова 2020].

1. Простые варианты

1.1 Лексические варианты:

1.1.1 Субстантивные варианты, например, *lost sheep/stray sheep; people of good will/men of good will; Symbol of faith/Confession of faith; Solomonian judgment/Solomonian decision/Solomonian wisdom; the brand of Cain/the mark of Cain/the curse of Cain; smb's days are numbered/smb's hours are numbered; a man of Belial/a son of Belial; white as milk/white as snow/white as wool; eat the bread of affliction/eat the bread of sorrows/eat the bread of humiliation; the breath of life/the breath of nostrils; a brand from the fire/a brand from the burning; sift the grain from the chaff/sift the wheat from the chaff; the four corners of the earth/the four corners of the world; drain the cup of bitterness to the dregs/drain the cup of humiliation to the dregs; as deaf as an adder/as deaf as a post/as deaf as a stone; a drop in the ocean/a drop in the bucket; one's countenance fell/one's face fell; find favour in smb's eyes/find favour in smb's sight; a fisher of men/a fisher of souls.*

Контекстуальное употребление вариантов:

1. *She laughed. "I wish I could help in some way," she mused. "I'd willingly plunge all my earnings into the estate, but I suppose it would be a drop in the ocean." What an extraordinary offer," he said, as the tantalising aroma of freshly brewing coffee reached her nostrils (BNC).*
2. *Female speaker: "We get a lot more requests for funding than we can fund, and we have to develop priorities. It's important to put Oxfam's work into perspective, we are a drop in the ocean but an important drop in the ocean". Voice over: "Back in Bolivia it's women like Serapia con Quispe who pray that the Oxfam funding continues" (BNC).*
3. *They are going through that cost-benefit analysis and saying, "I can earn this amount of money", which is a drop in bucket compared to the cost of college, or be focused on what I want to study in college and be a more valuable candidate at college with a greater chance for earning scholarships (BNC).*

1.1.2 Препозитивные варианты, например: *to bury one's talents under a bushel/to bury one's talents in a napkin; in the sweat of one's brow/by the sweat of one's face; to be a*

law **into** oneself/to be a law **unto** oneself.

4. She had not thought it possible that Eugene could lose his position. He had always seemed so powerful to her, so much a **law into himself** (Th. Dreiser, 'The 'Genius', book III, ch. XXII // Academic.ru).
5. Gramps has always been a **law unto himself**. Heaven knows what he'll do (E. S. Gardner, 'The Case of the Smoking Chimney', ch. 15 // Academic.ru).
6. All six rooms in the flat in my halls count as one household, but I have mates in other halls. People are just going to try and find who they know, and hang out with them. "# Jo said: "I think students are going to **be a law unto themselves** (BNC).

1.1.3 Препозитивно-субстантивные варианты: to shake the dust **from** one's feet/to shake the dust **off** one's feet; to set one's face **to** something/to set one's face **towards** something; to be a law **into** oneself/to be a law **to** oneself/to be a law **unto** oneself; balm **in** Gilead/balm **of** Gilead; a brand **from** the fire/a brand **out of** the fire; **To** everything there is a season/**For** everything there is a season; sufficient **unto** the day is the evil thereof/sufficient **for** the day is the evil thereof; live **on** the fat of the land/live **off** the fat of the land; proclaim **from** the house-tops/proclaim **upon** the house-tops; a millstone **about** smb's neck/a millstone **round** smb's neck; to call into question/to call **in** question; a reed shaken **by** the wind/a reed shaken **in** the wind/a reed shaken **with** the wind; to take on one's own shoulders/to take upon one's own shoulders; **by** the skin of one's teeth/**with** the skin of one's teeth; **by** the strong arm/**with** the strong arm; to let not the sun go down **on** your wrath/to let not the sun go down **upon** your wrath; **by** the sweat of one's brow/**in** the sweat of one's brow; **beyond** the veil/**within** the veil; to be a scorn **to** smb/to be the scorn **of** smb; **in** thought, word and deed/**by** thought, word and deed; to fall **into** good ground/to fall **on** good ground, etc.

Контекстуальное употребление вариантов:

7. He made this money **with the sweat of his brow** (Reverso Context).
8. But will you take advantage of a man's him out of the price of his own daughter, what he's brought up... fed and clothed **by the sweat of his brow**... till she's growed big enough to be interestin' to you two gentlemen? (Reverso Context).
9. A big thanks goes to (...) for organising the evening. From (...) – Thank you to every one who came to the rock' n'roll evening at the end of October. I certainly had a good time and judging **by the sweat on everyone's brow** as they worked to perfect their routines I think it was generally thought to be enjoyable and worthwhile. # Social Report # Many thanks to (...) for organising the trip to Droitwich Spa baths (BNC).

1.1.4 Атрибутивные варианты: to rule with a **heavy** hand/to rule with a **high** hand, the **great** enemy/the **last** enemy; to go to one's **last** home/to go to one's **long** home; to

have **no** part nor lot in smth/to have **neither** part nor lot in smth; a **double-edged** sword/a **two-edged** sword, etc.

Контекстуальное употребление атрибутивных вариантов:

10. And what happens from district to district, region to region, is sometimes as far apart as John Major and the British people. We know the reason local bargaining is being encouraged, it's to lower wages and conditions and give rich financial benefits to the few. There is a rule for a central research point but again colleagues, more is needed in the regions. Our union has been, without doubt, the **shining light** in terms of what we offer to members. And we must continue to improve and better the information that is provided. The easiest way is to channel resources into the regions (BNC).
11. A man Vancouver's Robinson credits as US coaching's **leading light**. The man who led the United States national team to an inspiring Confederations Cup final in 2009. Who coached the Egyptian national team amid trying circumstances to the brink of World Cup qualification. Granted, both national team stints ended sourly. The US job was curtailed after a familiar Gold Cup defeat to Mexico (NOW).
12. Another **leading light** for those taking a break from the slopes in Graubünden, Zum Bergfuhrer (sertigtal.ch) looks every inch a classic piece of Switzerland. It holds its nerve at 6,105ft (1,861m), a restaurant lovingly slotted into a 400-year-old stone house. It serves filling comfort food for icy days – slabs of cheese and homemade cakes, as well as grilled fish and gourmet charcuterie boards. You can travel to this cosy bolthole – which can seat 100 people – by road or, in the snowy season, adventurous souls can even make the journey by crosscountry ski excursion or winter hike. Zum Bergfuhrer (NOW).
13. Despite United's struggles this season, Cristiano Ronaldo, who returned to the club last summer, has been a **shining light**. He has netted 24 goals in all competitions and Ten Hag, according to reports, wants to include within his plans next season (NOW).
14. Now the vegan Essex lad who's more likely to be found surfing and snowboarding than preening on Towie, has gone from the Black Death for bands to **the shining light** for the UK in Eurovision (NOW).
15. UK tour shining light on "quiet Beatle" stopping in Cumbria UK tour **shining light** on The Beatle's George Harrison stopping in Millom # A new music show highlighting the incredible talent of the late Beatle George Harrison is set to embark on a national tour after being premiered in Liverpool – and its stopping in South Cumbria (NOW).

1.1.5 Глагольные варианты: to **cast** the first stone at smb/to **throw** the first stone at smb; to **add** one's mite/to **contribute** one's mite; to **drink** the bitter cup/to **drain** the bitter cup; to **be** in seventh heaven/to **feel** in seventh heaven; **act**

the fool/**play** the fool; **scare out** of one's wits/**frighten out** of one's wits; to **pluck by** the beard/to **take by** the beard; to **have** one's foot on smb's neck/to **put** one's foot on smb's neck/to **set** one's foot on smb's neck; to **trample** under foot/to **tread** under foot; to **put** one's hand to the plough/to **set** one's hand to the plough; to **take** smth (close) to heart/to **lay** smth (close) to heart; to **lift up** one's heel against smb/to **raise** one's heel against smb; to **put** one's house in order/to **set** one's house in order; ask for bread and **be given** a stone/ask for bread and **receive** a stone; to **bind** smb hand and foot/to **tie** smb hand and foot; be **unworthy to loose** smb's shoe latchet/to **unloose** smb's shoe latchet; to **put** smb's teeth on edge/to **set** smb's teeth on edge; one's tongue **cleaved** to the roof of one's mouth/one's tongue **clove** to the roof of one's mouth/one's tongue **glued** itself to the roof of one's mouth; to **cast** pearls before swine/to **throw** pearls before swine, It is easier for a camel to **pass** through the eye of a needle than.../It is easier for a camel to **go** through the eye of a needle...; to be **tearing** one's hair [out]/to be **pulling** one's hair [out], etc.

Контексты с вариантами фразеологизмов:

16. *I am late – and please pay attention to my performance of humbly not wishing to be paid attention to; i.e. Here's me entering as unostentatiously as I know how – so you can see how much I regret my rudeness!*" A comparable version of this is the face made by someone who barges into a room unannounced expecting to speak to a friend, only to find that this friend is engaged in an intimate professional consultation with another colleague. Although a verbal apology would probably fit the bill, the offender may feel constrained **to act the fool** he expects to be accused of being. Hence an otherwise unintelligible grimace. Or the actor who stumbles over his words for the second time at a rehearsal. He will often apologise by overplaying the spastic idiot everyone around must suspect him of being. There are also, I think, concealed apologies included in the otherwise straightforward rituals of farewell (BNC).
17. "... I expect he is scared," she said reasonably. "Weren't you, at his age?" I'd already been away since I was nine," Philip retorted. "We kept him at home and mollycoddled him, that's the trouble. Oh, no, darling, I'm not blaming you. You wanted him to settle down and accept you, and then Claire came along – I was furious with him for upsetting her like that- and he was allowed to slack and **play the fool** at that damned school till he was right behind. That's all there is to it. "It's not," she said, "and you know it. He feels alienated." Claudia, don't go quoting those bloody child psychology books at me! Alienated, my foot!" He reached forward and rattled the poker in the fire." You should talk to him about Eileen," she insisted." (BNC).
18. *Then I had an inspiration. I acted a little charade. His oriental slave. He likes me to **play the fool**. The stupidest things I do he calls witty. He has even got in the habit of joining in, stumbling after me (not that I'm*

very dazzling) like a giraffe. So I got him to let me write another letter. He looked in the envelope again. Then I talked him into going to London, as my plan requires (BNC).

19. *Blacks (perish the thought) now inhabit his old house and pitched battles between gangs and police make the streets untenable. But the trouble with the picture is that it does absolutely nothing with its various prognostications except **play the fool** with them. Joe Comerford's Reefer And The Model (Metro, 15) won the feature film prize at the Celtic Festival, the Europa Prize at Barcelona, and was nominated in three categories in last year's European Film Awards (the Guardian).*

1.2 Грамматические варианты

1.2.1. Морфологические варианты: *open the **door** to something/open the **doors** to something; the **flesh-pot** of Egypt/the **flesh-pots** of Egypt/**fleshpots** of Egypt; old wives' **tale**/old wives' **tales**; out of the **mouth** of babes and sucklings/out of the **mouths** of babes and sucklings; the **power** of darkness/the **powers** of darkness; the **fruit** of one's labour/the **fruits** of one's labour; a mote in **one's** eye/a mote in the **eye**; to change **one's** spots/to change **its** spots; gall and wormwood/**the** wormwood and **the** gall (желчь и горечь); bone of **one's** bone and flesh of **one's** flesh/bone of **the** bone and flesh of the **flesh**; the breath of life/the breath of **one's** life; if the blind **lead** the blind, both shall fall into the ditch/if the blind **leads** the blind, both shall fall into the ditch; the blind **leading** the blind/the blind **lead** the blind; Every **fool** will be meddling/**Fools** will be meddling; strengthen smb's **hand**/strengthen smb's **hands**; to make broad one's **phylactery**/to make broad one's **phylacteries**; the **sings** of the times/a **sing** of the times; to bury one's **talent** in a napkin/to bury one's **talents** in a napkin; the valley of the **shadows**/the valley of the **shadow** of death; to be in deep **water**/to be in deep **waters**.*

Контекстуальное употребление:

20. *In the beginning of time, the Great Creator Reason, made the earth to be common treasure... The work we are going about is this, to dig up George's Hill and the wasteland thereabouts, and to sow corn, and to eat our bread together **by the sweat of our brows**, and to lay the foundations of making the earth a common treasury for all, both rich and poor... (BNC).*
21. *It's the start of a thing that's sweet," he told Tom one evening drawing on a long pipe filled with the first pluckings of their own tobacco." Now, I don't know which is worse, the chigoes or the natives. They nip you here, bite you there, they creep in under your skin and lie curled there. Till they suddenly wake, and – nip! – another man gone, another musket. "But Kit," Tom reminded him, barely a year ago, we hardly knew that this paradise existed. And think of it, when our ship returns, we could shoe our horses with silver! If we had horses. (By the way, next voyage, let's have some*

shipped.) *We don't have to live **by the sweat of our brow**. Others may be obliged to. Not us. We can stand by and watch the crops ripen and grow. Sunshine by day, sweet dew by night, the soft wind. I tell you, this is the original garden God forgot to close.*" (BNC).

1.2.2. Морфолого-синтаксические варианты: *to follow in **the footsteps of smb**/to follow in **smb's** footsteps; lay something to **somebody's** charge/lay something to the charge **of somebody**; clay in **somebody's** hands/clay in the hands **of somebody**; **Solomon's** wisdom/the wisdom **of Solomon**; **Blind leaders** of the blind/the blind **leading** the blind; to have one's foot on **smb's** neck/to have one's foot on **the** neck of smb; strengthen **somebody's** hand/strengthen the hand **of somebody**; **Solomonian** judgment/ **Solomonian** decision/**Solomon's** wisdom; under **smb's** wind/under the **wind of smb**; the promised land/the land of promise, etc.*

Контексты:

22. *She thought about Dick, standing there on Fleet Moss, offering her his **promised land**. But it was not for her* (BNC).
23. *Earlier in the year fittingly, during Passover, the festival which celebrates the Israelites' escape from Egypt and the beginning of the journey which eventually took them to **the Promised Land** – Rabbi Moishe announced with quiet satisfaction that their contributions had mounted up to a sum sufficient to buy three hundred dunams of land in Palestine, that the purchase was in the process of being arranged on their behalf by the Jewish National Fund, and that he himself would lead an advance party of settlers from Cork before the end of 1920* (BNC).
24. *Ward must have been thinking along the same lines, for as the road flattened out and the mist began to glimmer with a strange brightness, he said something about **the Promised Land**. The road dipped and we picked up speed* (BNC).
25. *From the borders of **the Land of Promise** they must go back almost to where they came from. They said it would be better to go back to Egypt* (BNC).

Заключение

Проведенное исследование вариантности библейской фразеологии как в теоретическом, так и практическом отношении, на материале английского языка позволяет заключить следующее:

1. Существование вариативных изменений во фразеологизмах библейского происхождения доказывает, что изучаемые фразеологизмы не являются статичными, они представляют собой постоянно изменяющийся языковой материал, который широко используется в живом современном языке. Благодаря вариативности происходит развитие фразеологической системы языка. Первоначаль-

но появляясь в речи, варианты библейских фразеологических единиц с течением времени фиксируются в языке.

2. Все виды установленного узувального варьирования библейской фразеологии происходят в рамках самой библейской фразеологической единицы, не нарушая ее тождества, при сохранении ее структурно-семантического инварианта, то есть в данном случае не происходит образования новых фразеологических единиц.
3. С одной стороны, такие характеристики и свойства библейских фразеологических единиц, как компонентный и раздельнооформленный состав этих единиц, взаимозависимость компонентов, специфика их структуры, определяют их способность к варьированию. С другой стороны, вариативность библейских фразеологизмов обусловлена существованием огромного количества переводов Священного Писания, которые обогащают фразеологическую систему языка типичными вариантами фразеологических единиц библейской этимологии.
4. Выделены следующие типы вариантов библейских фразеологических единиц: варианты первого уровня: узувальные варианты, окказиональные варианты; варианты второго уровня: узувальные и окказиональные варианты подразделяются на лексические грамматические, количественные и комплексные, семантические варианты (включая структурно-семантические варианты и стилистические варианты); варианты третьего уровня: узувальные лексические и окказиональные лексические подразделяются на субстантивные, глагольные, атрибутивные, препозитивные, препозитивно-субстантивные. Узувальные грамматические и окказиональные грамматические представлены такими типами вариантов, как морфологические, морфолого-синтаксические. Узувальные количественные (включая компаративные варианты) и окказиональные количественные включают типы вариантов с усечением компонентов (включая усечение субстантивных, глагольных, атрибутивных, а также начальной и конечной частей фразеологизма, состоящей из более чем одного компонента), варианты с добавлением компонентов).

Наиболее распространенным типом вариативности проанализированных английских фразеологических единиц библейского происхождения является лексический тип, наблюдающийся в 44% случаев вариантности, тогда как грамматическая вариантность характерна всего лишь для 16% проанализированных единиц. Количественные варианты составляют 22% случаев вариантности, тогда как комплексные – 18%.

Варьирование субстантивного компонента лекси-

ческих вариантов исследуемых английских фразеологических единиц распространено в 45% исследуемых лексических вариантов, глагольного компонента – в 28% лексических вариантов, препозитивного компонента фразеологических единиц – в 17%, атрибутивного компонента – в 10% случаев лексического варьирования.

Грамматические варианты исследуемых фразеологических единиц библейского происхождения допускают морфологическое, морфолого-синтаксическое варьирование компонентов. Морфологическая вариантность (зачастую это возможность изменения грамматической

формы компонента-существительного) распространена в 45% случаев грамматической вариантности, морфолого-синтаксическая – в 23% случаев вариантности.

5. Проблема фразеологической вариативности сохраняет свою актуальность вследствие развития и изменяемости фразеологизмов, продиктованной необходимостью адаптироваться к условиям контекстов различных видов дискурса, в которых они крайне частотны в последнее время. Прагматическая специфика библейской фразеологии, мощный прагматический потенциал исследуемых единиц обуславливает фразеологическое варьирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О / авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019а. 288 с. – ISBN 978-985-568-502-0.
2. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 2: П–Я / авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019б. 308 с. – ISBN 978-985-568-503-7.
3. Багана Ж. Языковая вариативность английского языка Великобритании, США и Канады [Текст]: монография / Ж. Багана, А.Н. Безрукая, Е.Н. Таранова. – Москва: ИНФРА-М, 2014. 122 с. – ISBN 978-5-16-009502-8.
4. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Дисс. ... докт. филол. Наук. – М., 1964. 1229 с.
5. Праведникова Э.Б. Вариативность фразеологизмов библейского происхождения в английском языке / Э.Б. Праведникова // Вестник Башкирского университета, 2013. № 4. С.1175–1178.
6. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания, 1984. №2. С.31–37.
7. Телия В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиум / под ред. В.Л. Архангельского. Тула: Тульский гос. педагогич. ин-т, 1972. С. 30–69.
8. Федуленкова Т.Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т.Н. Федуленкова, Е.В. Мартюшова, М. Боннемарк; Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова», Северодв. фил. – Архангельск: Поморский университет, 2008. 167 с. ISBN 5-7536-0328-9.
9. Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 146 с. ISBN 978-5-91327-364-2.
10. Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. – М.: Изд. Дом Академии Естествознания, 2018. 220 с. ISBN 978-5-91327-541-7
11. Федуленкова Т.Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т.6, №2, 2020. С. 83–96 Research result. Theoretical and Applied Linguistics, 6 (2). 2020. P. 83–96.
12. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системой языка // Вопросы языкознания, 1983. № 5. С. 17–24.
13. Fiedler S. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German // Research on Phraseology Across Continents. 2013.
14. Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English / A. Langlotz. – Amsterdam, 2006. 325 p.
15. Mieder W. "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs // Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen / T. Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk; München, 2018. Pp. 74–97.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 15.07.2022)
2. News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 15.07.2022)
3. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения 8.05.2022).
4. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 15.08.2022)
5. Academic.ru. URL: http://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 15.08.2022).

© Бакина Анна Дмитриевна (heart-anna@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРОНИМОВ СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ¹

Бекоева Ирина Давидовна

к.ф.н., доцент, Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, Южная Осетия, irina.beckoeva@yandex.ru

Баликоева Марта Ибрагимовна

к.п.н., доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), Владикавказ, РСО-А, balikoi@yandex.ru

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF ORONYMS IN NORTH AND SOUTH OSSETIA

**I. Bekoeva
M. Balikoeva**

Summary: The study aims to study the structural and semantic features of Ossetian oronyms and their translation correspondences. The object of this study is the ways of reflecting the motivation of onyms by means of translating languages. The structural types of oronyms and their translation correspondences are considered. The relevance of the study is due to the lack of systematization of the ways of transferring Ossetian onyms, the need to determine a unified approach to their translation.

Structural, lexico-semantic and translational analysis of Ossetian oronyms confirms the importance of the linguocultural component in determining the strategy and methods of translation. As a result of the study, we have identified the following structural types of South Ossetian oronyms: 1) one-component; 2) two-component; 3) three-component. In turn, the two-component oronyms of both North and South Ossetia can be divided into two subgroups: 1) qualitative descriptor + appellative; 2) possessive descriptor + appellative.

The results of a comparative analysis of North Ossetian oronyms point to the similitude case as the main way of their formation. In addition, a number of North Ossetian oronyms contain elements of the Turkic vocabulary. However, the presented results of the translation analysis show that the semantic motivation and internal form of both North and South Ossetian oronyms are not transferred to the translating languages, even in cases where the semantics of the component is obvious. Russian and English languages are transcription and transliteration. In a single case, a mixed method of translation is resorted to, combining: 1) the method of morphogrammatic adaptation 2) the method of explication. This oronym was translated into English using transcription, transliteration and explication.

Keywords: oronyms, structural analysis, handle, one-, two-, three-component oronyms, translation correspondences.

Аннотация: Исследование ставит своей целью изучение структурно-семантических особенностей оронимов Осетии и их переводческих соответствий. Объектом данного исследования являются способы отражения мотивированности ономов средствами переводящих языков. Рассматриваются структурные типы оронимов и их переводческие соответствия. Актуальность исследования обусловлена несистематизированностью способов передачи осетинских ономов, необходимостью определения единого подхода к их переводу.

Структурный, лексико-семантический и переводческий анализ осетинских оронимов подтверждает важность лингвокультурного компонента при определении стратегии и способов перевода. В результате проведенного исследования, нами выделены следующие структурные типы югоосетинских оронимов: 1) однокомпонентные; 2) двухкомпонентные; 3) трехкомпонентные. В свою очередь, двухкомпонентные оронимы как Северной, так и Южной Осетии можно разделить на две подгруппы: 1) качественный дескриптор + аппеллатив; 2) possessивный дескриптор + аппеллатив.

Результаты сопоставительного анализа североосетинских оронимов указывают на уподобительный падеж как основной способ их образования. Кроме того, ряд северо-осетинских оронимов содержит элементы тюркской лексики. Однако, представленные результаты переводческого анализа показывают, что семантическая мотивированность и внутренняя форма как северо-, так и югоосетинских оронимов не передаются в переводящие языки, даже в тех случаях, когда семантика компонента очевидна. В ходе работы установлено, что основными способами перевода осетинских оронимов на русский и английский языки являются транскрипция и транслитерация. В единичном случае прибегают к смешанному способу перевода, объединяющему: 1) способ морфограмматической адаптации 2) способ экспликации. На английский язык данный ороним передан с помощью транскрипции, транслитерации и экспликации.

Ключевые слова: оронимы, структурный анализ, дескриптор, одно-, двух-, трехкомпонентные оронимы, переводческие соответствия.

Введение

Современный подход к изучению имен собственных предполагает их рассмотрение в качестве называющих лексических единиц, в отличие от имен на-

рицательных, которые определяются как обозначающие единицы. Принципиальным отличием ономов от аппеллативов является то, что у ономов на первый план выступает номинативная или назывная функция, направленная на различения однотипных объектов друг от друга.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07004.

Функция нарицательных имен – сообщать значение.

Вербализация имен собственных в общественно-политической коммуникации и в специфических коммуникативных контекстах давно привлекает внимание ученых, однако подходы к изучению данного явления разнятся. Выделяются несколько исследовательских направлений: структурно-семантическое, грамматическое, стилистическое, собственно ономастическое, лингвокультурологическое, когнитивно-дискурсивное и т.д.

Переводческая ономастика исследует принципы и методы передачи онимных единиц средствами других языков, объединяя как изучение ряда вопросов общей ономастики, затрагивающих смысловую сторону онимов, проблемы мотивированности/ немотивированности онимов, так и вопросы сопоставительных и собственно переводческих аспектов передачи онимной лексики.

Базовым признаком адекватности перевода является коммуникативно-функциональная равнозначность текстов на исходном и переводящем языках. Задача переводчика заключается в нахождении максимально точных языковых средств для передачи информации на языке перевода. В теории перевода существует представление о том, что перевод не может быть ограничен формальным перекодированием, то есть передачей плана содержания исключительно лингвистическими средствами переводящего языка (далее – ПЯ) без учета экстралингвистического фактора, определяющего особенности коммуникативной ситуации, в рамках которой осуществляется перевод.

Оставаясь интерпретатором прагматической составляющей семантики переводимого сообщения, переводчик становится еще и активным интерпретатором его этнокультурной, функционально-стилистической специфики и коммуникативной направленности [Цатурян, 2007, с. 323- 324].

Особую проблему всегда составляет различие фоновых знаний у носителей исходного языка (далее – ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Переводчик же должен обладать двойным объемом знаний, с тем чтобы представлять и правильно интерпретировать текст, продуцируемый носителем ИЯ.

Объектом настоящего исследования являются лексико-семантические и структурные характеристики осетинских оронимов и способы отражения их мотивированности средствами переводящих языков. Актуальность выбора темы обусловлена отсутствием систематизации при выборе способов перевода осетинских онимов в целом, и оронимов в данном случае, что зачастую приводит к путанице в самих географических объектах, и следовательно, к нарушению коммуникации.

Материалы, методы, обзор

Адекватность перевода обуславливается коммуникативно-функциональной равнозначностью текстов на ИЯ и ПЯ. В этом смысле одной из главных проблем в процессе перевода становится проблема соотношения имплицитности и эксплицитности в текстах ИЯ и ПЯ [Яковенко]. Выявление эффективных способов передачи имен собственных (далее – ИС) средствами переводящих языков, их классификация, систематизация и регулирование, объективное отражение репрезентации онимов в процессе межкультурной коммуникации общественно-политической направленности требуют углубленного изучения: 1) базовых проблем ономастики; 2) переводческих и сравнительно-сопоставительных аспектов общей ономастики, касающихся соотношения плана содержания и плана выражения; 3) трансформационных переводческих процессов и определения единиц перевода; 4) лингвокультурологических факторов, влияющих на адекватность передачи ИС средствами ПЯ; 4) способов сохранения мотивированности при переводе имен собственных.

Наиболее репрезентативными среди всех видов онимов являются группы антропонимов и топонимов, которые не являются первичными, по своему происхождению, лексическими единицами, так как образованы от нарицательных имен [Виноградов, 2001, с. 102-103]. Проблема наличия значения у онимной единицы и возможности передачи этого значения средствами переводящих языков не утрачивает своей актуальности. Одной из наиболее важных задач перевода является сохранение мотивированности элементов, составляющих онимную единицу, при передаче ее средствами переводящих языков, а также выбор способа перевода. Мотивированность определяется как наличие открытой семантической структуры онима, делающей возможным разложение онимной единицы на лексические морфемы [Ахманова, 1966, с. 246].

В настоящем исследовании представлены оронимы – разновидность топонимов (собственные названия любых объектов поверхности земли) [Подольская, 1978, с. 104]. Оронимы в свою очередь подразделяются на две подгруппы – макро- и микрооронимов. К разряду микрооронимов относятся наименования гор, холмов, и иных объектов, преимущественно форм возвышенного рельефа, известных жителям конкретного узколокального региона. Географические апеллативы занимают значимое место в лексике любого языка, являясь предметом пристального интереса ученых в различных аспектах, затрагивающих их значения, принципы словоупотребления, роль географических апеллативов в формировании имен собственных, смысловые сдвиги, имеющие место при переходе апеллативной единицы в класс онимов, процессе, называемом онимизацией [ОРС, с. 95-96].

Особую сложность при переводе иностранного текста представляют имена собственные, интерес к переводу которых никогда не ослабевал, находя свое отражение в ряде современных исследований как отечественных (Алексеева 2014; Гарбовский 2007; Горшкова 2012; Ермолович 2005), так и западных ученых (P. Bloom 2001; D. Hein 2020; L. Fernandes 2006; M. Gibka 2019; E. Levinaz 2003; J. D. Martin 2019; J. Szersunowicz 2017).

В качестве материала исследования послужили данные сплошной выборки из Интернет-ресурсов, топонимических словарей, путеводителей, документов, содержащих топонимические данные.

Результаты и обсуждение

Однокомпонентные оронимы

Южная Осетия состоит более чем на 80 процентов из горных хребтов высотой более 1000 м. Горный пейзаж и отдельно взятые горы всегда были значимым компонентом языковой картины мира осетин, именно этим обусловлен прагматический интерес к переводческому аспекту оронимики. В результате сплошной выборки был выявлен 81 ороним. Внутренняя структура осетинских оронимов преимущественно двухчастна и образована непосредственным названием формы рельефа и апеллятивными компонентами: 1) *хох* 'гора'/'mountain' (*Акассенхох*); 2) *рагъ* 'гряда'/'ridge' (*Астаурагъ*), 3) *кадзæх* 'скала, утес, хребет'/'rock, cliff, ridge, range' (*Баерзондкадзæх*), 4) *баерзонд* 'вершина'/'peak' (*Дзыуары Зæнджы Баерзонд*), 5) *фарс* 'сторона, склон'/'slope, hillside' (*Уæллагфарс*), 6) *фæтæн* 'ширина, равнина, плато'/'width, plain, plateau' (*Годахыфæтæн*), 7) *æфцаг* 'горный перевал'/'Mountain pass' (*Сыбайыæфцаг*), 8) *хæцæн* 'ручка, рукоятка, рычаг, поручень'/'handle, lever, handrail' (*Маехæмæтыхæцæн*), 9) *мæсыг* 'башня, вышка'/'tower' (*Баерзондмæсыг*), 10) *ком* 'ущелье'/'gorge' (*Урсдоньком*), 11) *цъупп* 'вершина, верхушка'/'top' (*Нæзытыцъупп*), 12) *гонн* 'лука седла'/'pommel of a saddle' (*Саргъыгонн*), 13) *сæрвæт* 'выгон, пастбище'/'pasture' (*Стырсæрвæт*), 14) *гæсæн/кæсæн* 'зеркало', 'наблюдательный пункт'/'mirror', 'observation post' (*Фæлгæсæн*), 15) *къахыр* 'щербина, зазубрина, выемка, углубление', 'расщелина в горах'/'notch, groove', 'crevice in the mountains' (*Фæскъахыр*), 16) *цъити* 'ледник'/'glacier' (*Лæгъзыцъити*); 17) *къумтæ* 'углы', 'тупики'/'corners, dead ends' (*Дыркъуымтæ*) (см. таблицы 2, 3) [Абаев, 1958, Ахманова, 1966, ОРС, с. 95-96, Цатурян, 2007, Цховребова, 2013].

Анализ выявленных переводческих соответствий однокомпонентных оронимов (см. таблицу 1) показывает, что базовыми способами перевода данной группы микропонимов являются транслитерация и транскрипция. Только в одном случае применен смешанный способ перевода, объединяющий: 1) способ морфограмматиче-

ской адаптации (при переводе с осетинского на русский язык – *Лет* 'Летский' – к основе *Лет* прибавляются формальные показатели русского языка (суффикс -ск и флексия -ий); 2) способ экспликации (*Лет* 'Летский перевал'). Основа *Лет* 'Летский' передана средствами русского языка способами транскрипции и транслитерации, важным при этом остается принцип сохранения звукового образа и графической формы. Средствами английского языка данный ороним передан способами транскрипции, транслитерации и экспликации – *Лет* 'Let Pass'.

Таблица 1.

Однокомпонентные оронимы и их переводческие соответствия

№	ИЯ	ПЯ1 →	ПЯ2
1.	<i>Къутых</i>	Кутх	K'utykh
2.	<i>Куырфытæ</i>	Курфута	Kuyrftyta
3.	<i>Лет</i>	Летский перевал	Let Pass
4.	<i>Мудзых</i>	Мудзых	Mudzykh
5.	<i>Мусау</i>	Мусау	Musau
6.	<i>Рибис</i>	Рибис	Ribis
7.	<i>Рыхæн</i>	Рыхан	Rykhan
8.	<i>Цанацах</i>	Цанацах	Tsanatsakh
9.	<i>Цъли</i>	Цил	Ts'li

Рассмотрим репрезентации двухкомпонентных оронимов, реализуемых в текстах Интернет-ресурсов, и их переводческие соответствия. *Халаца притягивает к себе любителей гор со всего света. Это самая высокая вершина в Республике Южная Осетия. Высота <...> 3938 метров, она украшает Главный Кавказский хребет и находится на самой границе Южной и Северной Осетии. Название горы переводится с осетинского как как «покрытая инеем»* [Десять..., 2018].

Высшая отметка республики – вершина *Халац-хох (Иней-гора, Халаца)*. С осетинского ороним буквально переводится как «гора в инее». Она играла особую роль в жизни южных, да и северных осетин (ведь противоположный ее склон выходит на территорию РФ. Здесь <...> устраивались дзуары – осетинские языческие святилища, возможно восходившие еще к аланским временам [Горы..., 2019; Южная..., 2018]

Ороним *Бурхох* (одна из самых известных вершин на территории Южной Осетии) имеет исторические варианты *Бруцабзели* [Вахушти, 1976; Гильденштедт, 2002]; *Бурсамдзели, Хурбадæны хох* [Цховребова, 2015]. *13 сентября я за день проделал путь от Сурама до Крцхинвала <...>. На этом пути, частью у самой дороги, частью по обе стороны от нее, мне встретились местечки <...> откуда <...> видна большая вершина горы, покрытая снегом, — Бруцабзели <...>* [Гильденштедт, 2002]. *29 августа в Осетии, на святой горе Бурсамдзел был водру-*

жен святой православный крест. Гора **Бурсамдзел** – это одна из самых высоких гор Южной Осетии, которая в отличие от других гор находится в середине Осетии, и считается священной горой [Отец..., 2019; На горе...2019].

Священная гора **Бурхох (Бурсамдзел)**, высотой 3662 метра, находится в Дзауском районе Южной Осетии. Наши предки верили, что именно на этой горе обитают божественные существа <...> Группа югоосетинских альпинистов совершила восхождение на вершину **Бурхох**. Согласно осетинским традициям, альпинисты вознесли молитву Всевышнему о помощи народу Южной Осетии, о защите ее жителей от коронавируса <...> [Югоосетинские..., 2020]. Ороним **Бурсамдзели** или **Бурхох** (Бур ‘желтый’ +хох ‘гора’) передается средствами переводящих языков способами транскрипции и транслитерации. Как показал анализ выявленных репрезентаций оронима, семантическая мотивированность и внутренняя форма оронима не находят отражения в переводящих языках.

Двухкомпонентные и трехкомпонентные оронимы и их переводческие соответствия

По лексико-семантическим характеристикам двухкомпонентные оронимы можно разделить на две подгруппы: 1) квалитативный дескриптор + апеллатив; 2) посессивный дескриптор + апеллатив.

Квалитативные дескрипторы можно подразделить на подгруппы по трем видам квалитативности: 1) цветовой (*Саухох* ‘Саухох’/‘*Saukhokh*’ – Сау ‘черный’ + хох ‘гора’, досл. ‘Черная гора’; *Сырххох* ‘Стырхох’/‘*Syrkhkhokh*’ – Сырх ‘Красная’ + хох ‘гора’, досл. ‘Красная Гора’; *Саукæдзæх* ‘Саукадзах’/‘*Sauk’adzakh*’ – Сау ‘Черный’ + *кæдзæх* ‘скала, утес, хребет’, досл. ‘Черный утес или Черная скала’); 2) субстанциональной (*Лæггъзцъити* ‘Лажзцити’/‘*Lagh’zts’iti*’ – Лæггъз ‘гладкий, скользкий’ + *цъити* ‘ледник’, досл. ‘Скользкий ледник’); 3) дименсиональной (объем, размер) (*Стырхох* ‘Двалетский перевал’/‘*Styrkhokh*’ (Dvalet Ridge) – *Стыр* ‘большая’ + хох ‘гора’, досл. ‘Большая гора’; *Тæпæнрагъ* ‘Тапанрах’/‘*Tapanragh*’ – *Тæпæн* ‘плоская’ + *рагъ* ‘гряда’; *Зилгæхох* ‘Зилгахох’/‘*Zilgakhokh*’ – Зилгæ ‘вращающаяся’ + хох ‘гора’, досл. ‘Вращающаяся гора’; *Хъилхох* ‘Килхох’/‘*Kh’ilkhokh*’ – *Хъил* ‘вертикальная стоящая’, ‘прямая’ + хох ‘гора’, досл. ‘Прямая’/ ‘стоящая прямо’/ ‘устремленная ввысь гора’; *Астæурагъ* ‘Астаурах’/‘*Astauragh*’ – *Астæу* ‘срединная’/ ‘промежуточная’ + *рагъ* ‘гряда’, досл. ‘Срединная гряда’; *Цъунпрагъ* ‘Цупрагъ’/‘*Ts’uppr’agh*’ – *цъунп* ‘вершина, кончик, острие’, ‘заостренный’ + *рагъ* ‘гряда’, досл. Заостренная гряда).

Посессивный дескриптор выражает разные виды принадлежности: 1) по названию святилища *Билуртайы* хох ‘Билуртахох’/‘*Bilurtaukhokh*’, *Билурта*+флексия род. падежа -йы + хох досл. ‘гора святилища Билурта’; 2) по

названию озера *Къозыхох* ‘Козыхох’/‘*K’ozykhokh*’, *Къоз* + флексия род. падежа -ы+ хох, досл. ‘гора озера Къоз’ – досл. ‘гора’; 3) по названию села *Гудисыхох* ‘Гудисыхох’/‘*Goodisykhokh*’, *Гудис* + флексия род. падежа -ы + хох – досл. ‘гора села Гудис’; 4) по названию ущелья *Куыдарырагъ* ‘Кударырах’/ ‘Кударский перевал’/ ‘*Kuydaryragh*’/ ‘*Kuydar Pass*’ *Куыдар* + флексия род. падежа -ы+ рагъ – досл. ‘гора Кударского ущелья’; 5) по названию плато *Хъелыхох* ‘Кельыхох’/‘*Kh’elykhokh*’, *Хъел* + флексия род. падежа -ы + хох – досл. ‘гора Кельского плато’; 6) по фамилии патронимии, проживающей в данной локальности *Козатырагъ* ‘Козатырах’/ ‘*Kozatyragh*’ *Коза* + суффикс-показатель множественного числа + -т- + флексия род. падежа -ы + рагъ – досл. ‘гора фамилии Козаевых’.

Репрезентативная выборка североосетинских оронимов количеством 64 единицы позволила выявить несколько групп, одну из которых составляют оронимы, образованные прибавлением флексии уподобительного падежа -ау.

Продолговатая пещера с тесным входом в окрестностях с. Дзивгис Северной Осетии носит название *Фындыхуынкъау* ‘ноздre подобный’, ‘похожий на ноздрю’ (*фындзыхуынкъау* < *фындз* ‘нос’+*хуынкъ* ‘дыра’+окончание уподобительного падежа -ау). *Асхарходау* – горная вершина в Северной Осетии, находится в правобережье р. Ираф. Ороним переводится с осетинского, как ‘подобный металлическому шлему’. *Æсхъæр* – железный, металлический + *ходæ* диг. ‘шапка’+ флексия уподобительного падежа -ау.

Скалы с множеством вершин и пастбищных полянок за местностью Бакъотае в окрестностях с. Харисджин Северной Осетии называются *Хъилтæ* ‘вертикальностоящие’, ‘поднятые вверх, вознесенные вверх’. (*хъилтæ* — им. п. мн. ч.< *хъил* + показатель множественности -тæ ‘поднятый’, ‘вертикальностоящий’ ‘шесты’).

Ахсинта (*Æхсинттæ*) – гора, в переводе с дигорского ‘сизые/темно-серые’ (вершины). Этимологически восходит к древнеиранскому *axsaina*. Старое иранское обозначение темно-серого или темно-синего цвета, частью вытесненное, частью существующее рядом с субстратным *цъæх*. [Абаев, 1958, с. 220]

Ороним переводится с осетинского, как ‘сабельный удар’, по аналогии с характерным вырезом или иссечением в средней части вершины. В соответствии с преданием, некогда в горах Дигории находились месторождения соли. Однажды прилетел орел и украл соль, и главное осетинское божество *Уасгерги*/ *Уастырджи* (покровитель мужчин), которому принадлежали эти месторождения, кинулся за ним вдогонку, но не догнал его. *Уасгерги*/ *Уастырджи* сорвал злость тем, что ударил саблей по горе, отчего кусок от нее отвалился [Цагаева,

Таблица 2.

Двухкомпонентные оронимы и их переводческие соответствия

№	ИЯ	ПЯ1 →	ПЯ2
Дескриптор + компонент хох 'гора' / 'mountain'			
1.	<i>Акасәәнхох</i>	Акасанхох	Akasankhokh
Дескриптор + компонент рагъ 'гряда' / 'ridge'			
	<i>Кәартырагъ</i>	Картырах	Kartyragh'
Дескриптор + компонент кәдзәх 'скала, утес, хребет' / 'rock, cliff, ridge, range'			
	<i>Бәрзондкәдзәх</i>	Барзондкадзах	Barzondkadzakh
Дескриптор + компонент фцаг / әфцаг 'горный перевал' / 'Mountain pass'			
	<i>Мамысоныфцаг</i>	Мамысоныфцаг	Mamysonyftsag
Дескриптор + компонент фарс			
	<i>Уәллагфарс</i>	Ванигпарс	Uallagfars
Дескриптор + компонент фәндаг			
	<i>Бәхфәндаг</i>	Бахфандаг	Bakhfandag
Дескриптор + компонент цъупп			
	<i>Нәзытыцъупп</i>	Назтыцуп	Nazytyts'upp
Дескриптор + компонент фәтәән			
	<i>Годахыфәтәән</i>	Годахыветен	Godahyfatan
Дескриптор + компонент кәсәән / гәсәән			
	<i>Фәлгәсәән</i>	Фалгасан	Falgasan
Дескриптор + компонент гопп			
	<i>Саргъыгопп</i>	Сархыгопп	Sargh'ygopp
Дескриптор + компонент ком			
	<i>Хъәуыком</i>	Кауком	Kh'awykhom
Дескриптор + компонент мәсыг			
	<i>Бәрзондмәсыг</i>	Барзондмасыг	Barzondmasyg
Дескриптор + компонент цъити			
	<i>Ләгъзцъити</i>	Лахзцити	Lagh'zts'iti
Дескриптор + компонент хәцәән			
	<i>Мәхәәмәтәхәцәән</i>	Махаматыхацан	Makhamatyhotsan
Дескриптор + компонент сәрвәет			
	<i>Стырәсәрвәет</i>	Стырсарват	Styrsarvat
Дескриптор + компонент къахыр			
	<i>Фәскәахыр</i>	Фаскахыр	Fask'ahyr
Дескриптор + компонент къуымтә			
	<i>Дыркъуымтә</i>	Дыркумта	Dyrk'uymta

Таблица 3.

Трехкомпонентные оронимы и их переводческие соответствия

№	ИЯ	ПЯ1 →	ПЯ2
Посессивный дескриптор + квалиативный дескриптор + компонент Бәрзонд			
	<i>Дзыуары Зәнджы Бәрзонд</i>	Дзыуар-Занджы-Барзонд	Dzyuary Zandzhy Barzond
Посессивный дескриптор + квалиативный дескриптор + компонент Рәгъ			
	<i>Къавкъазы Сәйраг Рәгъ</i>	Кавказы Сайраг Рах (Главный Кавказский Хребет)	K'avk'azy Sayiryag Ragh' (Main Caucasian Ridge)

1975, с. 298]. Данный топоним образован сложением усеченной основы *æхсар(гард)* – ‘сабля’ и апеллятива *цæф* ‘удар’, при этом имеет место перебой *ц < дз* (*цæф < дзæф*). Этимологически восходит к *æхсаргард* – меч, jп древнеиранского *xsafrā- боевая доблесть и кард- нож, меч) [Абаев, 1989, с. 224].

Сау къуыбыртæ ‘Черные бугры’ (основа *къуыбыр* + показатель множественности *тæ*, *къуыбыр* ‘бугор’, ‘выступ’) [Цагаева, 1975, с. 10]. Ороним *Суандагъ* ‘сплошная гора’, ‘сплошная складка’, представляет собой складчатый утес в окрестностях с. Даргавс Северной Осетии. Ороним образован сложением двух апеллятивов – дескриптора *суанг* ‘сплошной’ + *дагъ* ‘гора’, ‘складка’) [Цагаева, 1975, с. 10].

Фæнычы рындз ‘утес золы’. *фæнычы* – основа *фæнык* ‘зола’ + формальный показатель родительного падежа *-ы*, перебой *к > ч*). Гора в окрестностях сел. В. Кани. из камня светлой породы, напоминающего золу.

Фæтæны рæбын ‘у широкого подножья’ (основа *фæтæн* ‘широкий’, «просторный» + формальный показатель родительного падежа *-ы*).

Бартуй –хох (*Бартуй хонх*) – гора *Барту*, по названию ледника и реки. <...>. *На западе просматриваются верховья ледника Бартуй в окружении снежных вершин Бартуй-хох, Каин-хох, Геби. На востоке и юго-востоке видны вершины, окружающие Караугомское плато* <...> [Туристические..., 2015]. В данном фрагменте переводческие соответствия оронима *Бартуй –хох* (*Бартуй хонх*) представлены транслитерацией и транскрипцией.

Саухох ‘черная гора’. Гора в окрестностях с. Даргавс. С названием абсолютно белой от льдов и снега вершиной связана история <...> связана анекдотическая история. *Ведь Шаухох* (*Саухох* <...>) означает ‘Черная гора’ [Бродилки..., 2016]. В анализируемом фрагменте ороним *Саухох* переводится гибридным способом – дается транскрипция и транслитерация оронима на ПЯ и дополняется калькированным переводом.

Саудор-Хох – горная вершина в Северной Осетии; находится в верховьях р. Скатином, в северном отроге Главного Кавказского хребта, в верховьях р. Ассы. Переводится дословно с осетинского, как ‘черная скальная вершина’ (*сау* – ‘черный’ + *дор* – ‘камень’ + *хох* ‘вершина’).

Цъæритты цъити ‘Царитовых ледник’. (основа *Цъæрит* + флексия *-ты* формальный показатель род. п. мн. ч. фамильного имени *Цъæриттæ* ‘Царитовы’ + компонент *цъити* ‘ледник’). *Цырагъдзаутæ* ‘идушие за лучиной’. (основа *цырагъгъ* ‘лучина’ + *дзау* (от *цæуæг*) ‘идуший’ + показатель множественности *-тæ*. В композите наблюдается перебой *ц > дз*. Гора в окрестностях с. В. Кани. На этой горе имеются сосновые рощицы. Сюда обычно шли жители со всего ущелья за сосновыми чурбаками для лу-

чин. В горной местности, в былые времена, лучина могла быть единственным источником освещения.

В оронимии Северной Осетии очевидно прослеживаются элементы тюркской лексики: *Айхы-Баши* – горная вершина в Дигорском хребте, в верховьях. Хазнидон. находится в Северной Осетии, Ороним переводится с тюркского, как ‘медвежья гора’, *айхы* – ‘медвежий’, *баши* – ‘вершина’. *Ак-Су-Пик - Ак-Су-Пик* – вершина в западном отроге Дигорского хребта, находится в верховьях одноименной реки. Такое же наименование имеют: ледник, стекающий с юго-восточных склонов вершины, речка, берущая начало из этого ледника и ущелье, по которому протекает речка. В верховьях р. Шхельда (приток р. Адыл-су) находится гора *Ак-Су-Пик*, перевал, расположенный западнее вершины и ледник, стекающий с северных склонов вершины, а также ущелье, по которому движется этот ледник. Ороним переводится с балкарского, как ‘белая вода’, где *акъ* – ‘белый’, *су* – ‘вода’ (балк.) [Ак-Су-Пик..., 2011].

Заключение

В результате проведенного исследования, нами выделены следующие структурные типы югоосетинских оронимов: 1) однокомпонентные; 2) двухкомпонентные; 3) трехкомпонентные. Из 81(100%) микротопонима, выявленного в ходе исследования, 20 (24, 7%) оронимов имеют однокомпонентную структуру; 59 (72,8%) – двухкомпонентную; 2 (2,5%) – трехкомпонентную. Двухкомпонентные оронимы, в свою очередь, представлены в количественном отношении следующими группами онимных единиц, содержащих апеллятивные компоненты: 1) *хох* – 25 (42,4%); 2) *рагъ* – 11 (18,6%); 3) *фцаг* – 6 (10,2%); 4) *къæдзæх* – 3(5,1%); 5) *ком* – 2(3,4%); 6) *бæрзонд* – 1 (1,7); *гопп* – 1 (1,7); *кæсæн/гæсæн* – 1 (1,7); *къахыр* – 1 (1,7); *къуымтæ* – 1 (1,7); *мæсыг* – 1 (1,7); *сæрвæт* – 1 (1,7); *фарс* – 1 (1,7); *фæтæн* – 1 (1,7); *хæцæн* – 1 (1,7); *цъити* – 1 (1,7); *цъупп* – 1 (1,7). Проведенный анализ материалов, содержащих репрезентации осетинских оронимов показал, что вне зависимости от контекста, в котором они употребляются, мотивированность микротопонимов никак не отражена в переводческих соответствиях. Способы перевода ограничены транскрипцией и транслитерацией. Внутренняя форма оронимов не актуализируется в переводах на ПЯ1 и ПЯ2. Несмотря на эксплицитность формы, даже в тех случаях, когда форма оронима ярко выражена, и семантика компонентов очевидна, это не находит отражения в переводческих соответствиях на русский и английский языки. Внутренней форме оронима, включающей как онимные, так и апеллятивные компоненты, не придаются качественные и оценочные функции, таким образом, внутренняя мотивированность оронима остается нереализованной при переводе оронимов средствами ПЯ1 и ПЯ2, оставаясь внутри структуры самого онима, предназначенного для называния конкретных объектов рельефа поверхности, а не для актуализации их лексического значения.

Двухкомпонентные оронимы, в лексико-семантическом отношении, подразделяются на две разновидности: 1) квалитативный дескриптор + апеллатив; 2) посессивный дескриптор + апеллатив. Дескрипторы можно классифицировать по следующим видам квалитативности: 1) цветовой; 2) субстанциональной; 4) дименсиональной.

Из числа исследованных оронимов Северной Осетии – 64 (100%): 1) значительная часть – 12 (18,8 %); образована с

помощью формального показателя уподобительного падежа -ау; 2) 7 оронимов (10,9%) представлены существительными во множественном числе; 3) наиболее продуктивными в образовании оронимов являются компоненты -дор 'камень' и – хох/ хонх 'гора'– 9 (14,1 %) и 10 (15,6 %); 4) оронимы-композицы с менее продуктивными нарицательными компонентами (кæдзæх, ком, къуыбыртæ, рагъ, цъити, цъунп и т.д) составляют 19 (23,4%); 5) 7 оронимов (10,9%) имеют тюркскую этимологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах]/ В. И. Абаев. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР. 1958. – Т.1. А-К. 656 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах]/ В.И. Абаев. Ленинград: Наука, 1973. – Т. 2. L-R. 448 с.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах]/ В.И. Абаев. Ленинград: Наука, 1979. – Т. 3. S-T. 358 с.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах]/ В.И. Абаев. Ленинград: Наука, 1989. – Т. 4. U-Z. 325 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
6. Ак-Су-Пик https://kavkaz_toponyms.academic.ru/132/Ак-Су-Пик. (дата обращения 12.09.2022).
7. Бродилки по природным достопримечательностям среднегорья Северной Осетии. Часть 4. Шаухох, Цата и цветочки. URL: <https://kozandrevna.livejournal.com/67474.html> (дата обращения 12.09.2022).
8. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу. URL: <https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XVIII/1760-1780/Gildenstedt/text4.php> (дата обращения 14.01.2022).
9. Горы Южной Осетии. URL: <https://gotonature.ru/1771-juzhnaja-osetija-alanija-zakavkazskaja.html>(дата обращения 14.01.2022).
10. Десять причин увидеть Южную Осетию своими глазами. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20180421/South-Ossetia-dostoprimechatelnosti-6233940.html> (дата обращения 14.01.2022).
11. На горе Бурсамдзел в Южной Осетии воздвигли Крест. URL: <http://osinform.org/16221-na-gore-bursamdzjel-v-juzhnoj-osetii-vozdvigili.html>
12. ОРС - Осетинско-русский словарь / Бигулаев Б.Б., Гагкаев К.Е., Кулаев Н.Х., Туаева О.Н. – Орджоникидзе: Ир. 1970. 720 с.
13. О присвоении наименований географическим объектам в Республике Южная Осетия. URL: <http://osinform.org/38671-o-prisvoenii-naimenovanij-geograficheskim-obektom-v-respublike-yuzhnaya-osetiya.html> (дата обращения 14.01.2022).
14. Отец Яков о крестном ходе на вершину горы. URL: <http://osinform.org/16220-otec-jakov-o-krestnom-khode-na-vershinu-gory.html> (дата обращения 14.01.2022).
15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; Отв. ред. А.В. Суперанская; М.: Наука, 1978. 198 с.
16. Туристические маршруты Осетии-Дигории. URL: <http://komanda-k.ru/отчет-о-походе/туристические-маршруты-осетии-и-дигории> (дата обращения 12.09.2022).
17. Югоосетинские альпинисты совершили восхождение на священную гору Бурхох. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20201020/Yugoosetinskie-alpinisty-sovershili-voskhozhdenie-na-svyaschennuyu-goru-Burkhokh-11305859.html> (дата обращения 14.01.2022).
18. Южная Осетия – страна гор. URL: <https://south-ossetia.info/yuzhnaya-osetiya-strana-gor-2/> (дата обращения 14.01.2022).
19. Ахвледиани Г.С. Грамматика осетинского языка. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963. 368 с.
20. Вахушти Багратиони История царства Грузинского [Текст] / Вахушти Багратиони; Пер., снабдил предисл., словарями и указ. Н.Т. Накашидзе; [АН ГССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили]. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 339 с.
21. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)/ В.С. Виноградов. – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
22. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. [в 2 ч.] Орджоникидзе: Ир, 1971. Ч 1. 238 с.
23. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. [в 2 ч.] Орджоникидзе: Ир, 1975. Ч 2. 560 с.
24. Цатурян М.М. Проблемы передачи реалий в процессе перевода / М.М. Цатурян // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар, 2007. Вып. 1.
25. Цховребова З.Д. Топонимия Южной Осетии. Дзауский район. Топонимия Южной Осетии [в 3 т.] / З.Д. Цховребова, Ю.А. Дзиццойты – М.: Наука, 2013. – Том 1. 603 с.
26. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии Знаурский район; Цхинвалский район. [в 3 т.] / З.Д. Цховребова, Ю.А. Дзиццойты – Топонимия Южной Осетии в 3 т. – М.: Наука, 2015. – Том 2. 603 с.
27. Яковенко Т.И. Имплицированный смысл онима и проблема перевода. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implisitnyy-smysl-onima-i-problemy-perevoda> (дата обращения 14.01.2022).

© Бекоева Ирина Давидовна (irina.beckoeva@yandex.ru), Баликоева Марта Ибрагимовна (balikoi@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В 2022 Г.

Беседина Ангелина Павловна

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
ang-besedina@yandex.ru

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF OFFICIAL INFORMATION RESOURCES OF LEADING RUSSIAN UNIVERSITIES IN 2022

A. Besedina

Summary: The purpose of this study is to collect and study data on the dynamics of the growth of the audience of Russian universities in social networks in 2022, to determine the ratio of the popularity of social networks used by universities for the implementation of strategic communications and to collect data on the popularity of websites of leading Russian universities.

The study conducted a qualitative and quantitative analysis of the dynamics of official information resources of leading Russian universities, as well as a comparative analysis of the popularity of websites of Russian universities.

The conducted research showed that in 2022 universities reoriented from conducting foreign social networks to domestic ones, excluded social networks blocked on the territory of the Russian Federation from the list of official information resources indicated on the website. By the beginning of 2023, universities prefer to maintain pages on social networks VKontakte, Telegram, YouTube. The number of subscribers in the main social networks is steadily increasing, but so far the increase in the audience on the pages in the main social networks does not exceed the number of the audience remaining on the pages removed from the list of official pages in social networks due to the change in the status of these social networks.

Keywords: social networks, strategic communications, university, scientific communications, Internet communications.

Аннотация: Целью данного исследования является сбор и изучение данных динамики прироста аудитории российских вузов в социальных сетях в 2022 г., определение соотношения популярности социальных сетей, используемых вузами для реализации стратегических коммуникаций и сбор данных о популярности сайтов ведущих российских университетов.

В ходе исследования проведен качественный и количественный анализ динамики официальных информационных ресурсов ведущих российских университетов, а также сравнительный анализ популярности сайтов российских вузов.

Проведенное исследование показало, что в 2022 году университеты переориентировались с ведения зарубежных социальных сетей на отечественные, исключили из списка официальных информационных ресурсов, указанных на сайте, заблокированные на территории РФ социальные сети. К началу 2023 г. вузы предпочитают вести страницы в социальных сетях ВКонтакте, Telegram, YouTube. Количество подписчиков в основных социальных сетях стабильно увеличивается, однако пока что прирост аудитории на страницах в основных социальных сетях не превышает количество аудитории, оставшейся на страницах, удаленных из списка официальных страниц в социальных сетях в связи с изменением статуса данных социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, стратегические коммуникации, университет, научные коммуникации, интернет-коммуникации.

Введение

В 2022 году российская сфера высшего образования начала претерпевать ряд изменений. По указу Президента Российской Федерации Владимира Путина на территории всей страны стартовал проект по популяризации науки – Десятилетие науки и технологий, одними из основных акторов которого стали высшие учебные заведения. Запуск проекта Десятилетия науки и технологий показывает, что развитие науки и технологий, а также привлечение в эту сферу молодежи входит в число приоритетов внутренней государственной политики, а исследование деятельности современных университетов становится важным для выбора наиболее перспективного курса развития в последующее десятилетие – Де-

сятилетие науки и технологий. Помимо старта проектов и инициатив Десятилетия науки и технологий, которые охватывают разные стороны развития и популяризации науки, технологий и образования: от мер поддержки ученых и развития исследовательской инфраструктуры до научного волонтерства и научно-популярного туризма, – российская сфера высшего образования приняла ряд ключевых решений для обеспечения суверенитета в развитии. Так, весной 2022 года была начата работа по выходу России из Болонской системы, в которой Россия находилась практически 20 лет, начиная с 2003 года, и разработка Национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок, которая позволяет ученым в меньшей степени ориентироваться на зарубежные стандарты оценки их деятельности.

В условиях запуска новых федеральных проектов, организационных изменений, а также необходимости конкурировать за наиболее перспективных абитуриентов (по данным Росособнадзора, в 2022 году большая часть абитуриентов сразу знала, в какой университет она собирается поступать – 66% абитуриентов подавали заявления на поступление в один вуз, а 17% – в два вуза) университеты оказываются в ситуации, когда необходимо выстраивать свою коммуникационную работу в соответствии с обозначенными тенденциями. **Актуальность исследования** стратегических коммуникаций ведущих российских университетов в 2022 году заключается в необходимости выявить появившиеся тенденции в продвижении университетов, чтобы на основе этой информации университеты могли наиболее эффективно формировать бренд успешного образовательного учреждения и посредством этого привлекать к своей деятельности разнообразные группы стейкхолдеров – абитуриентов, сотрудников и потенциальных сотрудников, бизнес-партнеров, государственные органы и др.

В 2022 году в дополнение к изменениям, произошедшим в сфере высшего образования в России, изменения происходили в медиасистеме: целый ряд организаций, ранее встроенных в систему коммуникаций, был признан экстремистским или отнесен к списку иностранных агентов. В частности, в марте 2022 года произошло значимое для сферы социальных сетей – Meta Platforms Inc. была признана экстремистской организацией, ее деятельность была запрещена на территории Российской Федерации, также экстремистскими признаны принадлежащие Meta Platforms Inc. социальные сети Facebook и Instagram, также в России был заблокирован Twitter. Соответственно, подобные значительные изменения в медиасистеме накладывают отпечаток на стратегические коммуникации университетов как одних из участников процесса коммуникаций и добавляют актуальности исследованию стратегических коммуникаций вузов в 2022 году для последующей адаптации к изменениям и выстраивания эффективной коммуникационной стратегии на основе полученных результатов.

В статье **впервые** осуществляется комплексное исследование стратегических коммуникаций ведущих российских университетов за 2022 год, учитывающий данные прироста аудитории российских вузов в социальных сетях в 2022 г., изменения в популярности различных социальных сетей, количественный анализ и выделение наиболее популярных тематик публикаций в СМИ о ведущих российских университетах в 2022 году.

В перспективе проведенное исследование позволит сформулировать основные рекомендации для продвижения университетов в 2023 году и в Десятилетие науки и технологий, которое в России продлится до конца 2031 года. Данные рекомендации будут полезны как для

университетов, обладающих «особым статусом», среди которых – национальные университеты, федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, глобальные университеты, опорные университеты, а также для образовательных организаций высшего образования, не обладающих подобным статусом. Кроме того, полученные в ходе исследования научные данные по 10 ведущим российским вузам могут быть в дальнейшем использованы для более глубокого исследования продвижения каждого из них в отдельности. Указанные перспективы обосновывают **научную значимость** проведенного исследования.

Основная **цель исследования** заключается в сборе и изучении данных динамики прироста аудитории российских вузов в социальных сетях в 2022 г., определении соотношения популярности различных социальных сетей, использующихся вузами для реализации стратегических коммуникаций, выделении наиболее популярных тем публикаций о ведущих российских университетах 2022 года в средствах массовой информации и сбор данных о популярности сайтов ведущих российских университетов для выведения комплексных рекомендаций при продвижении университетов.

В основу исследования легла **методология** изучения социальных сетей и сайтов в составе современных медиакоммуникаций российских вузов, предложенная А.Н. Гуреевой для исследования коммуникаций вузов в 2014–2015 гг. [1, 157]. В данном исследовании стратегические коммуникации вузов изучались на основе количественного сбора данных объема аудитории официальных социальных сетей за период с 8 марта 2022 года до 8 января 2023 г., было проведено исследование сайтов с по двум международным показателям Page Rank (рейтинг от 1 до 10 где 10 – самый высокий уровень), Alexa Traffic Ranks in Russia (показатель рассчитывается как место по количеству посетителей среди остальных сайтов, соответственно, чем меньше показатель, тем сайт популярнее). В исследовании изучались данные сайтов и социальных сетей 10 ведущих российских университетов, входящих в Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2021 год (так как на момент начала исследования – март 2022 года – рейтинговым агентством собраны и опубликованы данные только за предыдущий 2021 год).

Проведенное исследование базируется на широком круге теоретической базы. Понимание структуры, особенностей и видов коммуникаций базируется на работах таких авторов, как Д. Маккуэйл [2], Г. Лассуэлл [3], П. Лазарсфельд, Р. Мертон [4], теории медиа – Е.Л. Вартанова [5], И.В. Кирия [6], А.А. Новикова [7], стратегических коммуникаций и теории связей с общественностью – В.М. Горохова, С.В. Кравченко, В.А. Простяковой [8], Т.Э. Гринберг [9] и других. На выбор методологии и способ работы с полученными данными оказали влияние

работы по исследованию медиакоммуникаций университетов А.Н. Гуреевой, Э. Самородовой, В. Кузнецовой [10] и оценке эффективности сайтов вузов Д.А. Шевченко, Ю.В. Локтюшиной [11]. Для изучения комплексных методов продвижения вузов представляются важными работы ряда медиаисследователей-представителей данных вузов. Так, например, изучением построения бренда Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина занимается А.Н. Фаустов [12], Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина – А.В. Прохоров [13] и другие. Также для комплексного изучения стратегических коммуникаций университетов значимы работы В.В. Тулупова [14], А.М. Шестериной [15] и др.

При оценке работы университетов в социальных сетях, на сайте и в онлайн-СМИ важно также учитывать и общий объем аудитории в сети Интернет. Согласно данным Mediascope, в апреле 2022 интернетом в России пользовалось 80% населения в возрасте старше 12 лет или 97,5 миллионов человек. Соответственно, для привлечения целевых аудиторий к деятельности университета и ведения эффективных стратегических коммуникаций, современными вузам необходимо делать упор на развитие интернет-коммуникаций при помощи основных площадок – сайта, социальных сетей и онлайн-СМИ, так как они помогают донести информацию до широкого круга пользователей Интернета, в который в значительной части входят и представители целевых аудиторий.

Социальные сети российских вузов в 2022 году

Согласно исследованиям медиапотребления молодежи, подавляющее большинство целевой аудитории вуза – абитуриенты и студенты – в качестве основных источников информации используют мессенджеры и социальные сети, притом активно взаимодействуют с разными площадками [16]. Соответственно, для привлечения этой части аудитории университету особенно важно вести регулярную работу по развитию своих страниц в социальных сетях.

Регулярное измерение динамики количества подписчиков в социальных сетях ведущих российских вузов показывает, что в отличие от 2015 г., [1] в 2022 году все вузы, занимающие 1-10 позицию в Рейтинге лучших вузов России RAEX-100, имеют официальные аккаунты в социальных сетях и ссылку на них, расположенную на главной странице сайта вузов.

Для оценки уровня реализации стратегических коммуникаций университета в социальных сетях можно использовать различные критерии – качественные и количественные. К числу качественных метрик можно отнести качество текстового и аудиовизуального контента, качество комментариев и ответы на них. Список

количественных метрик более широкий. К ним можно отнести количество подписчиков, охваты публикаций, количество просмотров, вовлеченность, количество положительных реакций, количество опубликованного контента, частота публикаций и другие. В данной работе для анализа динамики развития социальных сетей вузов измерялся количественный показатель – количество подписчиков, так как этот показатель представляется наиболее широким, испытывающим влияние качественных и указанных качественных метрик и позволяет оценить, какие виды социальных сетей и какие группы вузов в социальных сетях оказывают влияние на наибольшее количество целевой аудитории.

По данным на 8 марта 2022 г. количество подписчиков вузов в социальных сетях было следующим: МГУ имени М.В. Ломоносова («ВКонтакте» – 67433, Instagram – 30,4 тыс., YouTube – 15, 6 тыс., Twitter – 4421), МФТИ («ВКонтакте» – 42577, Instagram – 12, 6 тыс., YouTube – 21, 9 тыс., Twitter – 4325, Flickr – 41), НИЯУ «МИФИ» («ВКонтакте» – 15543, Instagram* – 6158, Youtube – 299 тыс., Twitter – 2164, Telegram – 898), СПбГУ («ВКонтакте» – 68481, Instagram – 18, 2 тыс., YouTube – 16 тыс., Twitter – 5216, Telegram – 695), НИУ ВШЭ («ВКонтакте» – 96433, Instagram – 32, 2 тыс., YouTube – 88, 5 тыс., Twitter – 15, 7 тыс., Flickr – 45), МГТУ имени Н.Э. Баумана («ВКонтакте» – 50645, Instagram – 19, 1 тыс., YouTube – 6,09 тыс.), МГИМО МИД России («ВКонтакте» – 41618, Instagram – 27, 8 тыс., YouTube – 48, 2 тыс.), Томский политехнический университет («ВКонтакте» – 29475, Instagram – 15 тыс., YouTube – 3, 19 тыс., «Одноклассники» – 1250, Twitter – 2149, TikTok – 16, 8 тыс., Telegram – 4181), СПбПУ («ВКонтакте» – 50325, Instagram – 13,9 тыс., YouTube – 17, 6 тыс., Twitter – 1148, Telegram – 5283), РАНХиГС («ВКонтакте» – 70037, Instagram – 27, 6 тыс., YouTube – 16, 1 тыс., Twitter – 3110, TikTok – 1414, Telegram – 2720) [17].

Важно отметить, что в рамках данной работы измерялось количество подписчиков в официальных социальных сетях, которыми считались социальные сети, на которые есть ссылки на официальных сетях университетов. Измерения проводились 8 марта 2022 г., 8 апреля 2022 г., 8 мая 2022 г., 8 июня 2022 г., 8 июля 2022 г., 8 сентября 2022 г., 8 января 2022 г.

По данным на 8 января 2023 г., количество подписчиков вузов в социальных сетях было следующим: МГУ имени М.В. Ломоносова («ВКонтакте» – 84558, YouTube – 17,7 тыс., Дзен – 10,1 тыс., Telegram – 4322), МФТИ («ВКонтакте» – 48 тыс., YouTube – 22,8 тыс., Flickr – 43, Telegram – 5106), НИЯУ «МИФИ» («ВКонтакте» – 18 793, Youtube – 342 тыс., Telegram – 2487, RuTube – 84, Одноклассники – 1573), СПбГУ («ВКонтакте» – 76150, YouTube – 17,1 тыс., Telegram – 959, RuTube – 39), НИУ ВШЭ («ВКонтакте» – 110 148, YouTube – 93 тыс., Twitter – не доступен, Flickr – 47, Telegram – 22 558), МГТУ имени Н.Э. Баумана

(«ВКонтакте» – 58 404, YouTube – 6,89 тыс., RuTube – 135, Telegram – 7385), МГИМО МИД России («ВКонтакте» – 47 919, YouTube – 112 тыс., RuTube – 31, Telegram – 5415), Томский политехнический университет («ВКонтакте» – 33 083, «Одноклассники» – 1391, Telegram – 5320, Дзен – 5,3 тыс., TikTok – 19,1 тыс., RuTube – 8, YouTube – 3, 69 тыс.), СПбПУ («ВКонтакте» – 56 444, YouTube – 28 тыс., Telegram – 7 222), РАНХиГС («ВКонтакте» – 119 283, YouTube – 40,7 тыс., TikTok – 1955, Telegram – 6248, Дзен – 5, 3 тыс.).

Сопоставление полученных данных позволяет сделать вывод о том, что значительно изменилось соотношение наименований социальных сетей, выбранных университетами для продвижения. Если в марте 2022 г. все 10 вузов вели страницы в ВКонтакте, Instagram, YouTube, также почти все вузы, кроме МГИМО МИД России, имели на официальных сайтах ссылки на Facebook, то к январю по-прежнему все вузы из Топ-10 ведут официальные страницы в ВКонтакте, YouTube, но ни на одном сайте не сохранилось ссылок, ведущих на Instagram и Facebook. При этом в январе 2022 г. все вузы и списка имеют официальные каналы в Telegram, в то время как в марте официальные каналы в Telegram были только у 6 вузов из 10. Заметно и возрастание роли российского аналога YouTube – RuTube (в марте на сайтах вузов не было ссылок на страницы в RuTube, в то время как к январю половина вузов создала официальные страницы на RuTube, одна-

ко данные страницы в социальной сети остаются непопулярными: количество подписчиков более 100 человек достигает только страница Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета).

Сравнение совокупных объемов аудитории университетов в социальных сетях показывает, что отказ от части площадок в социальных сетях компенсировался приростом аудитории в аккаунтах в других социальных сетях.

Динамика развития сайтов российских вузов в 2022 г.

Сайты и социальные сети являются взаимодополняющими информационными каналами для российских университетов. В отличие от социальных сетей, сайты российских университетов преимущественно нацелены на коммуникацию не с молодежной частью целевой аудитории – абитуриентами и студентами, а на коммуникацию с родителями студентов и абитуриентов, сотрудниками, партнерами.

Изучение сайтов вузов представляется значимым ввиду того, что динамика популярности сайтов косвенно свидетельствует об увеличении или снижении популярности самого университета.

Таблица 1.

Рейтинг сайтов российских вузов (по данным за март 2022 г. – январь 2023 г.)

Название вуза	Адрес сайта	Рейтинговый показатель по системе Page Rank (март 2022 г./ январь 2023 г.)	Рейтинговый показатель по системе Alexa Traffic Ranks in Russia (март 2022 г./ январь 2023 г.)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	https://www.msu.ru/	7,6 / 7,21	9,607 / 11,593
Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)	https://mipt.ru/	8 / 6,1	60,931 / 52,93
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»	https://mephi.ru/	6,04 / 5,88	44,916 / 91,017
Санкт-Петербургский государственный университет	https://spbu.ru/	7,44 / 6,88	23,439 / 25,319
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	https://www.hse.ru/	6,92 / 6,72	8,366 / 8,365
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)	https://bmstu.ru/	6,1 / 6,32	76,772 / 72,887
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ	https://mgimo.ru/	6,24 / 5,78	41,068 / 62,233
Национальный исследовательский Томский политехнический университет	https://www.tpu.ru/	9 / 5,69	24,114 / 22,332
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	https://www.spbstu.ru/	6,15 / 6,14	42,437 / 40,92
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	https://www.ranepa.ru/	6,13 / 5,93	14,726 / 13,728

Важно отметить, что в практике и в теоретических исследованиях пока не выработан единый подход к определению эффективности работы университетов в социальных сетях и на сайте. Существует целый ряд методик и критериев, опираясь на которые, возможно создать систему оценки качества ведения официальных информационных ресурсов.

В число одних их систем оценки входит предложенные Министерством науки и высшего образования Российской Федерации показатели эффективности работы вуза с сайтом для составления рейтинга медиаактивности вузов. Данные учитывают такие факторы, как аудитория сайта, время, которое пользователи проводят на нем, количество посещений сайта за месяц, а также показатели отказов. А российский исследователь Д.А. Шевченко предлагает методику, основанную на оценке дизайна, навигации, контента, интерактивности и видимости сайта в интернете [18].

Для анализа динамики развития сайтов российских университетов, занимающих 1-10 позицию в Рейтинге лучших вузов России RAEX-100, использовался регулярный мониторинг положения сайтов по двум международным показателям: Page Rank (рейтинг от 1 до 10 где 10 – самый высокий уровень), Alexa Traffic Ranks in Russia (показатель рассчитывается как место по количеству посетителей среди остальных сайтов, соответственно, чем меньше показатель, тем сайт популярнее).

Данные исследования показали, что среди изученных сайтов лидирующие позиции занимают сайты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. При этом заметно снижение популярности сайтов вузов для посещений. Положительная динамика в сторону увеличения количества популярности сайта для посетителей по Alexa Traffic Ranks in Russia зафиксирована у Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Национального исследовательского Томского

политехнического университета, Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского физико-технического института.

Выводы

Проведенное исследование показало, что несмотря на значительные изменения, произошедшие в системе медиасистемы, особенно сильно затронувшие социальные сети, университеты продолжили развивать официальные информационные ресурсы. При этом вузы оперативно отреагировали на происходящие изменения и переориентировались на ведение страниц преимущественно российских. Наибольшее количество подписчиков и наибольшее количество вузов из рассмотренных в исследовании отдают предпочтение ведению страниц в социальных сетях ВКонтакте, Telegram, YouTube. Российские университеты исключили из списка официальных информационных ресурсов, указанных на сайте, заблокированные на территории РФ социальные сети. При этом важно отметить, что количество подписчиков в основных социальных сетях стабильно увеличивается, однако пока что прирост аудитории на страницах в основных социальных сетях не превышает количество аудитории, оставшейся на страницах, удаленных из списка официальных страниц в социальных сетях в связи с изменением статуса данных социальных сетей.

Динамика развития сайтов показывает, что сайты университетов не пользуются большой популярностью для посещения пользователями интернета, однако при сравнении показателей посещения у большей части изученных сайтов вузов был зафиксирован рост в части показателей посещения. Помимо количественных изменений, наблюдается и качественное развитие вузов: по сравнению с 2015 годом, сайты всех изученных вузов имеют работающие ссылки на социальные сети и понятную навигацию, что также позволяет сделать вывод о том, что вузы совершенствуют коммуникационную деятельность и улучшают качество работы сайтов, социальных сетей и принимают меры для взаимного обмена аудиторией между своими основными информационными площадками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуреева А.Н. Медиатизация научно-образовательной деятельности в Интернете: сайт российского вуза/ А.Н. Гуреева – EDN YTOBOR// Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – №3. – С. 58-88
2. McQuail D. Mass Communication Theory. 6th ed. London, Sage, 2010. 632 p.
3. Lasswell H. Structure and function of communication in society// Mass Communications / Schramm W. (ed). Urbana, 1960.
4. Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication, popular taste and organized social action / Brison A. (ed.) // The Communication of Ideas. N.Y: Harper &Brothers, 1948.
5. Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. – Москва: Факультет журналистики МГУ. Издательство Московского университета, 2019. – С. 224
6. Кирия И.В. Онлайн-образование и «креативная мифология»: феномен массовых открытых онлайн-курсов через призму критической теории медиа //

- Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 1. – 2019. – С. 3–24
7. Кирия, И.В., Новикова, А.А. История и теория медиа: учебник для вузов / И.В. Кирия, А.А. Новикова. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 423
 8. Горохов В.М., Кравченко С.В., Простякова В.А. Стратегические коммуникации: императив медиатизированного общества // Меди@льманах. 2021. №4 (105). С. 22–27
 9. Горохов В.М., Гринберг Т.Э. Связи с общественностью: векторы развития в медиатизированном обществе // Медиаскоп. 2018. Выпуск 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2507>
 10. Gureeva A., Samorodova E., Kuznetsova V. Media communication activities of Russian universities: Dynamics of the development and evaluation of social network efficiency // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies, March 2020. P. 30–49
 11. Шевченко Д.А., Локтюшина Ю.В. Эффективность веб сайтов высших учебных заведений. Методика оценки конкурентоспособности сайта вуза в Интернет // Москва: ННОУ «МИПК», 2014.
 12. Фаюстов А.В. Создание и развитие бренда федерального университета в условиях медиатизации науки и образования: на примере Уральского федерального университета: дис. ... к. филолог. наук. Воронеж. – 2021. – С. 225
 13. Прохоров А.В. Медиасреда регионального вуза (на примере Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина) // Коммуникативные исследования. №2. – 2021. – С. 368–380
 14. Тулупов В.В. Практика редизайна сайта структурного подразделения вуза / В.В. Тулупов, И.А. Щекина, Л.А. Браславец // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 1. – С. 135–138.
 15. Шестерина А.М. Потенциал научно-популярных передач в формировании имиджа вуза / А.М. Шестерина, А.А. Самбулова // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – 2019. – № 3–4. – С. 48–51.
 16. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Гуреева А.Н., Вартанов С.А. Мотивация использования медиакоммуникационных каналов российскими студентами / Д.В. Дунас, А.В. Толоконникова, А.Н. Гуреева, С.А. Вартанов // Вопросы теории и практики журналистики. Издательство Байкальский государственный университет (Иркутск). – 2021 – Т. 10, № 2. 2021. – С. 285–301.
 17. Беседина А.П. Изменение объема аудитории информационных ресурсов ведущих российских университетов в контексте событий марта 2022 г. // «Коммуникация в современном мире». Материалы Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью. 20–21 мая 2022 г.
 18. Шевченко Д.А. Конкурентоспособность вуза: методика оценки эффективности сайта вуза в системе Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2015. №3 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-vuza-metodika-otsenki-effektivnosti-sayta-vuza-v-sisteme-internet-1> (Дата обращения: 19.01.2023).
 19. Shevchenko D.A., Loktyushina Yu.V. Efficiency of web sites of higher educational institutions. Methodology for assessing the competitiveness of the university website on the Internet // Moscow: NNOU "MIPK", 2014.
 20. Fayustov A.V. Creation and development of a brand of a federal university in the conditions of mediatization of science and education: on the example of the Ural Federal University: dis. ... k. philologist. Sciences. Voronezh. – 2021. – P. 225
 21. Prokhorov A.V. The media environment of a regional university (on the example of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin) // Communicative Research. No. 2. – 2021. – P. 368–380
 22. Tulupov V.V. The practice of redesigning the website of the structural unit of the university / V.V. Tulupov, I.A. Shchekina, L.A. Braslavets // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. – 2018. – No. 1. – P. 135–138.
 23. Shesterina A.M. The potential of popular science programs in shaping the image of the university / A.M. Shesterina, A.A. Sambulova // Accents. New in mass communication. – 2019. – No. 3–4. – P. 48–51.
 24. Dunas D.V., Tolokonnikova A.V., Gureeva A.N., Vartanov S.A. Motivation for the use of media communication channels by Russian students / D.V. Dunas, A.V. Tolokonnikova, A.N. Gureeva, S.A. Vartanov // Questions of theory and practice of journalism. Baikal State University Publishing House (Irkutsk). – 2021 – Т. 10, No. 2. 2021. – P. 285–301.
 25. Besedina A.P. Changes in the volume of the audience of information resources of leading Russian universities in the context of the events of March 2022 // Communication in the Modern World. Materials of the International scientific-practical conference of researchers and teachers of journalism, advertising and public relations. May 20–21, 2022
 26. Shevchenko D.A. Competitiveness of a university: a methodology for evaluating the effectiveness of a university website in the Internet system. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Control. Right", 2015. No. 3 (146).

© Беседина Ангелина Павловна (ang-besedina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА КОНСТРУКТИВНО-КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДОВ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА)

MODELING AS A BASIS
FOR CONSTRUCTIVE-CRITICAL ANALYSIS
OF LITERARY TRANSLATION (ON THE
BASIS OF GERMAN TRANSLATIONS
OF A.P. CHEKHOV'S STORIES)

*S. Gorbachevskaya
T. Merkish*

Summary: The article discusses one of the possible models of constructive-critical analysis of the translation of short stories developed by the authors, which is tested on the material of published German translations of A.P. Chekhov's stories. The proposed conceptual-interpretative model is pragmatically oriented towards the disclosure of the three main categories of this genre in the context of a comparative translation analysis – the author, the chronotope and the dynamics.

Keywords: translation model, translation criticism, literary translation, short stories, text categories.

Горбачевская Светлана Ивановна

*к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова
sgaeiou@yandex.ru*

Меркиш Татьяна Алексеевна

*преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
tania.merkish@gmail.com*

Аннотация: В данной статье рассматривается разработанная авторами одна из возможных моделей конструктивно-критического анализа перевода художественных текстов жанра короткого рассказа, которая апробируется на материале опубликованных немецких переводов рассказов А.П. Чехова. Предлагаемая концептуально-интерпретативная модель сориентирована прагматически на раскрытие в ходе сравнительно-переводческого анализа трех основных категорий этого жанра – автора, хронотопа и динамики.

Ключевые слова: модель перевода, критика перевода, художественный перевод, короткий рассказ, категории текста.

Научная критика перевода так же важна для развития и совершенствования теории и практики переводческой деятельности, как и литературная критика для развития литературы. Профессиональный переводчик должен уметь объективно и грамотно оценивать качество и своего, и чужого перевода, однако, как показывают исследования, теоретическое осмысление критического анализа перевода как одного из аспектов переводоведения в настоящее время только начинается, и пока в этой сфере больше вопросов, чем ответов.

Как утверждают переводоведы, «о процессе перевода известно лишь немного. Его наиболее существенный этап — умственные действия — протекает в голове переводчика и практически недоступен наблюдению. Поэтому при рассмотрении процесса перевода приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями. Однако даже сделанные на этой ограниченной основе заключения имеют определенную ценность, как для теории перевода, так и методики его преподавания» [7, с. 152].

Мы присоединяемся к тем, кто предлагает «осмыслить переводческий процесс» [14, с. 251] через моделирование, то есть создание теоретического аналога оригинала, отражающего его основные структуры. Как правило, при моделировании сначала формируется гипотеза о внутреннем строении и функционировании оригинала, которая затем проверяется по заранее определенным параметрам [9, с. 14-15].

Произведения художественной литературы сложнее всего представить в виде некоей абстрактной формулы или конструкции, поскольку полный, адекватный перевод художественного текста предполагает передачу не только основных сюжетных линий и связи событий и действующих лиц внутри оригинала, но и его функционально-прагматических связей с внешним миром. Именно для художественного стиля важна «передача внеязыковых элементов коммуникации (Umsetzung von außersprachlich Vorgegebenem)» [15, с. 31]: эпохи, культурной среды, в которой живет автор текста и которая определяет его идиостиль. Художественные тексты, хотя и подчиняются некоторым общепринятым нормам организации, все же сохраняют значительную долю «активного бессознательного», которое нередко «взрывает

правильность и влияет на характер организации высказывания» [3, с. 25]. И в этом отношении переводоведение находится все еще на стадии сбора и анализа практического материала как основы дальнейшего теоретического осмысления проблем художественного перевода.

Автор сам моделирует в своем произведении ситуацию реальной действительности. Переводчик старается увидеть эту фиктивную жизнь, но передает ее, преломляя через свое мировидение. То есть художественный перевод – всегда сотворчество, и его множественность и вариативность имеют объективный характер [12, с. 139-159]. Таким же вариативным, вероятнее всего, будет переводческое моделирование, а разработка некоей комплексной модели деятельности литературного переводчика остается актуальной задачей.

В целом, модель художественного перевода как процесс можно представить в виде следующих этапов: 1) *анализа-интерпретации* текста оригинала; 2) *определения и поиска решения* прагматических, конвенциональных и языковых проблем перевода; 3) *определения стратегии* перевода как целенаправленного когнитивного поведения переводчика, то есть более или менее осознанного плана решения конкретных переводческих проблем; 4) создания *структурно-смыслового инварианта* текста; 5) *анализа текстообразующих прагматических связей* текста; 6) *оформления* текста перевода на основе принципа репрезентативности, то есть «репрезентации оригинала средствами иного языка» [11, с. 150], который позволяет сохранить в окончательном тексте перевода важнейшие черты оригинала; 7) *апробации* текста перевода; 8) *редактирования* и шлифовки текста перевода [5, с. 136-137]. Эта универсальная модель может одинаково использоваться как основа для анализа текста переводчиком, а также как метод критики готового перевода.

Объект нашего исследования – жанр короткого рассказа. В качестве одной из основных характеристик нами была выделена монотематичность сюжета, так как чаще всего в рамках произведения выделяется и раскрывается одна тема. Важную роль, однако, играет и вневременной характер описываемых проблем, что делает произведение актуальным для целого ряда поколений. Для короткого рассказа также характерны отсутствие преамбулы и незавершенность сюжетного действия, что создает ощущение «запрыгивания в движущийся поезд и выпрыгивания из него». У читателя фактически не остается времени на предвкушение проблемы, он сразу же погружается в круговорот событий. Данный факт интересным образом сказывается на дистанции между читателем и автором, которая может быть охарактеризована как незначительная. Моментальное погружение в происходящее, сжатый характер хронотопа и напряженная динамика повествования, характерные для короткого рассказа, создают ощущение сопровождения читателя

на протяжении всего повествования автором, выступающим в роли некоего проводника.

Представляется необходимым подчеркнуть, что объем произведения, его формальная краткость, не выступает в качестве основополагающего критерия определения этого жанра, так как рассказы могут расширяться за счет включенных в них описаний (пространства, состояния души героев, их переживаний и т.п.) и перечислений (событий, фактов и т.п.). Сейчас критики, литературоведы и лингвисты говорят о «кинематографичности» художественного текста и связывают эту тенденцию к синтезу литературы и кино, который «отражает совокупность общих свойств киноискусства и литературы и соответствует характеру современного культурного развития, а также особенностям мировидения писателя» [10, с. 5], с бурным ростом потока информации и ускорением темпа жизни. Эта кинематографичность, фрагментарность была свойственна короткому рассказу еще до появления кинематографа и, может быть, в свою очередь, наложила отпечаток на формат кинотекста.

Описывая отдельный случай из повседневной жизни обычного человека, писатель детально рассматривает влияние события на героя, особо подчеркивая тот факт, что все современники персонажа могут столкнуться с похожей проблемой.

С учетом особенностей короткого рассказа мы предлагаем концептуально-интерпретативную модель, основанную на реализации в процессе перевода некоей концепции, сформулированной в голове переводчика. Наша концепция предполагает раскрытие в ходе переводческого анализа и передачу в переводе основных категорий этого жанра – автора, хронотопа и динамики. Определению требований к их эквивалентной репрезентации в тексте перевода и конструктивно-критическому подходу к сравнительному анализу параллельных текстов, а также наиболее четкому выявлению несоответствия содержания текста оригинала и имеющегося текста перевода способствует интерпретация данных категорий [4, с. 103].

Образ автора – «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [2, с. 118]. Он определяется как сосредоточение основных черт его творчества и выражается в индивидуальной словесно-речевой структуре, которая отображается в строе всего текста и определяет существующие между его элементами связи [2, с. 113-151].

Представляется необходимым отметить многозначность термина «автор» в литературоведении. Б.О. Кор-

ман выделяет три возможных значения, которые мы рассмотрим далее. Во-первых, это биографический автор – реально существующий человек, создатель текста. Во-вторых, автор рассматривается как художественный образ рассказчика, передающий определенный взгляд на действительность, который находит свое выражение во всем произведении. Основой художественного образа писателя являются его картина мира, идейная и творческая позиции. В-третьих, данный термин используется для обозначения явлений, которые характеризуют и определяют жанры и роды художественной литературы. Исследователи говорят о частом смешении данных трактовок, так как нередко предполагается, что события из жизни биографического автора влияют на созданный им художественный образ, и наоборот. Однако это является нежелательным, приветствуется четкое разграничение [6, с. 8]. Основопологающим в данном аспекте является факт художественной обработки любого жизненного опыта в тексте, характер которой определяется идеей самого произведения.

Художественным изменениям могут быть подвержены не только факты биографии, но и внутреннее состояние биографического автора. Ответ на вопрос о возможности такого четкого разграничения представляется нам неоднозначным, так как имеющиеся фоновые знания во многом определяют восприятие, понимание и интерпретацию реципиентом любого текста, в том числе и художественного. В данном вопросе мы склоняемся к детальному изучению биографии писателя и структурированному анализу произведений для предельного, насколько это возможно, разграничения разных типов «автора». То есть мы обязательно включаем в категорию автора его биографические данные и отталкиваемся от них.

М.М. Бахтин говорил, что реципиент чаще всего встречает автора в композиции произведения, последний является актором, создателем, а не созданным объектом. По этой причине Бахтин выражает некоторые сомнения относительно корректности понятия «образ автора». Читатель, по его мнению, имеет возможность создать некий образ автора, основываясь на изучении различных источников информации. Несмотря на то, что такой подход будет способствовать прочтению и пониманию литературного текста, он не может быть включен в «образную ткань произведения» [1, с. 403-405]. О субъективизме образа автора писал и В.В. Виноградов, так как таковой создается исследователем, заинтересованным в творчестве автора, является «творческим отпечатком» второго и, одновременно, отображает объективные характеристики стиля и личности самого писателя [2, с. 156].

При анализе художественного текста реципиент уделяет большее внимание объекту речи – всему, что описано в произведении (герои, их действия, хронотоп и др.), особую важность играет и субъект речи – тот, кто пове-

ствует и описывает (повествователь, рассказчик, нарратор). Данная форма выбирается автором, и в ней он проявляется так же ярко и четко, как и в других структурных единицах текста. По этой причине обнаружение субъекта и его описание необходимы для анализа категории «автора» как интегративной составляющей всего художественного произведения. При ее изучении необходимо определить три точки зрения носителя речи: физическую, временную и идейно-эмоциональную [6, с. 20-32].

Степень проявленности писателя в произведении различна. Иногда автор стремится к тому, чтобы его не узнали, он как бы отстранен. Это связано с его желанием достичь максимальной объективности изображения действительности [2, с. 178]. То есть для коротких рассказов характерна, с одной стороны, максимальная дистанцированность, а с другой – абсолютная вовлеченность, которая достигается за счет сокращения физической и временной дистанций между автором и читателем.

Вслед за М.М. Бахтиным мы понимаем под хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234]. Время и пространство являются естественными формами существования нашего мира. Однако художественный мир всегда в той или иной степени условен: он есть некий созданный автором образ действительности. По этой причине мы можем определить время и пространство в литературе так же – как условные. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1, с. 235]. Художественный текст дает возможность рассматривать, например, события, происходящие одновременно, но в разных местах, расстояние между которыми измеряется сотнями тысяч километров. Также просты и естественны в произведении переходы из одного временного плана в другой – скачки из настоящего в прошлое и наоборот, возможность не воспроизводить весь поток времени, а выбирать из него наиболее существенные фрагменты, обозначая пропуски формулами определенного типа. То же актуально и для пространства, так как мгновенная смена пространственно-временных координат позволяет редуцировать описание намеренно пропущенного промежуточного пространства.

Путешествие по произведению всегда есть путешествие в пространстве и времени, единственными координатами которых выступают маркеры, искусно расставленные писателем и образующие несколько условные рамки произведения. Для короткого рассказа, однако, характерно то, что его рамки полупрозрачны и не ограничивают реципиента, а лишь направляют его. Реципиент не мыслит лишь в рамках рассказа, зачастую он практически вынужден самостоятельно воссоздавать

несуществующие на бумаге фрагменты. Важным, на наш взгляд, является тот факт, что направляется он автором произведения, однако не всегда одним рассматриваемым произведением, но целым рядом тематически объединенных текстов одного писателя.

Основой каждого произведения является сюжет – ход событий, заданный автором в конкретной полноте; цепь событий, изображенная в литературном произведении, жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах, то есть сюжетное развитие или динамика повествования. Она включает в себя не только те события, которые непосредственно развиваются в произведении, но и события духовной жизни автора и персонажей: их размышления, переживания по ходу повествования, то есть все лирические отступления, ремарки, диалоги и монологи героев и др. Двигателем сюжета почти всегда является описываемый конфликт. Примечательно, что в коротких рассказах он редко носит характер завершенности. Зачастую именно это подталкивает реципиента к размышлениям вне рамок произведения, самостоятельному поиску ответов, некоторому внутреннему диалогу с автором.

Динамика является универсальной, имманентной текстовой категорией и связана как с порождением, так и с восприятием содержания текста. Само порождение текста – динамический процесс. «...Образ содержания текста, как любой предметный образ, принципиально динамичен. Он не есть, он становится, и лишь в постоянном становлении – его бытие» [8, с. 24]. Динамика может проявляться как в языковых формах, так и способах подачи информации, в развитии сюжета и поведении действующих лиц. Это не только развертывание текста во времени, но и ощущение внутреннего взаимодействия, подвижности, воздействия, столкновения, борьбы составляющих его компонентов. В качестве элементов сюжета как части композиции выступают следующие: экспозиция, завязка, развитие действия (перипетии), кульминация, развязка и дистанцирование. Динамика текста рассматривается нами как явление, включающее в себя данные аспекты.

Мы выделили следующие элементы динамики: а) движение – развитие во времени и пространстве, подробное описание, аргументированное объяснение заданной темы, которое хорошо подчеркивается временными формами; б) торможение – сомнение, уступка, новая информация, риторические вопросы; в) борьба – альтернативные оценки и аргументы; г) перемена – развитие новой темы, неожиданное заключение; д) статика – констатация фактов, ситуаций, событий. Их детальное рассмотрение позволяет сделать некоторые общие выводы о выражении данной категории в коротком рассказе. Пролог и эпилог обычно не включены в сюжетную ли-

нию, но бывают исключения, когда они выделены лишь графически, а на самом деле их события начинают или продолжают сюжет произведения. Для коротких рассказов характерно, однако, и редуцирование некоторых основополагающих элементов, перечисленных выше. Это обусловлено эффектом «движущегося поезда», который мы уже упоминали: действие начинается до того, как читатель искусно помещается писателем в произведение, развязка же зачастую существует лишь в форме домыслов, а не самого текста.

Анализируя имеющиеся переводы, мы сначала составляем свою модель деятельности переводчика, а затем, сравнивая возможные цели, этапы и результаты этой деятельности со своим моделированием, пытаемся аргументированно обосновать свою критику. Таким образом соприкасаются модель перевода и модель анализа перевода. Учитываются такие характеристики, как непротиворечивость, исчерпывающий характер описания объекта и возможность перенести эту модель на другие подобные объекты и явления.

Материалом исследования стали переводы рассказов А.П. Чехова на немецкий язык. Были выбраны те рассказы, которые можно назвать короткими, исходя из выше названных критериев. Мы проанализировали по два варианта переводов рассказов «Студент», «Крыжовник» и «Случай из практики» и хотели бы рассмотреть с критической точки зрения несколько примеров вариативности переводческих решений.

Рассказ «Студент» был опубликован в 1894 г. Главный герой, сын дьячка студент духовной академии Иван Великопольский, возвращается с охоты. Ему холодно, он подходит погреться к костру, который развели на своем огороде две вдовы – мать Василиса и дочь Лукерья. Вечер Страстной пятницы вызывает у Ивана ассоциацию с евангельским событием, когда так же в холодную ночь грелся у костра апостол Павел. И он рассказывает об этом этим двум простым, грубым, забитым женщинам. Рассказ оказывает такое сильное эмоциональное воздействие на всех троих, что Василиса начинает рыдать, ее дочь застывает в сильном напряжении, а сам молодой двадцатидвухлетний рассказчик вдруг ощущает, что их всех в этот момент посетило некое откровение о единстве времени и непрерывной связи прошлого с настоящим. И жизнь кажется ему чудесной и полной высокого смысла.

Из воспоминаний родных и И.А. Бунина известно, что «Студент» был любимым рассказом А.П. Чехова. В нем автор присутствует как сочувствующий, сопереживающий, одухотворяющий природу рассказчик, который открывает нам духовную связь прошлого и настоящего в их простой обыденности. Потрясающе выразительным является описание предпасхального холодного, уют-

ного состояния природы и душевного уныния студента в начале рассказа, когда он «думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре и что при них была точно такая же лютая бедность, голод; такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше» [13-Т7, с. 366-367]. В переводе (16) это состояние размышления подчеркнута модальностью необходимости – студент не может не думать об этом: *Der Student ... musste nun daran denken, dass genau der gleiche Wind zu Rjuriks Zeiten geweht hatte, dann auch zu den Zeiten des grimmen Iwan, auch unter dem Zaren Peter, und dass unter diesen Fürsten genau das gleiche Elend und der Hunger herrschten; auch damals – dieselben durchlöcherten Strohdächer, Unbildung, dumpfer Kummer; dieselbe Öde ringsum, die gleiche Finsternis; das Gefühl, unter einem ewigen Druck dahinzuleben – alle diese fürchterlichen Dinge waren, sind und werden sein, und wenn auch tausend Jahre darüber vergehen, das Leben wird nie besser werden* [16, S. 62-63].

Такую же безысходность почувствовал и другой переводчик (17) (*Und jetzt) ... musste der Student daran denken, dass ... all diese Schrecken gab es, gibt es und wird es immer geben, und davon, dass noch einmal tausend Jahre vorübergehen, wird das Leben nicht besser werden* [17, S. 106-107]. Но он отмечает евангельские события использованием плюсквамперфекта, как бы противопоставляя одну временную ось другой, а переводчик (16), употребляя стержневые глаголы в претерите, связывает эти события в одну ткань повествования.

Хотелось бы отметить, что плюсквамперфект не всегда несет только временную нагрузку в тексте. Семантика завершенности действия, присущая этой временной форме, помогает выразить результативность, начало, окончание, моментальность действия, констатировать сам факт его совершения, то есть состояние. Например, процесс перехода состояния души своего героя от уныния к радости автор передает через повтор предложений с «если», показывая логику его мышления как движение от неуверенности к уверенности: «...если она заплакала, то, значит, все, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение... если Василиса заплакала, ...Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра» [12-Т7, с. 369]. Этот оттенок перехода в речи от модальности сомнения к модальности уверенности наиболее точно передан в интерпретации и переводе (17), где для этого использованы глагол *müssen* и конструкция плюсквамперфекта, которая больше подчеркивает дистанцированность давно прошедших событий, а вневременное значение констатации свершившегося факта:

Wenn sie zu weinen begonnen hatte, so musste doch all das, was sich in jener schrecklichen Nacht mit Petrus ereignet hatte, eine Beziehung zu ihr haben...dass, wenn Wassilissa in Weinen ausgebrochen...war, seine Erzählung von vorhin über das, was vor neunzehn Jahrhunderten geschehen war, offensichtlich in einem Bezug zur Gegenwart stehen musste... Wenn die alte Frau geweint hatte, dann nicht, weil er es verstanden hatte, ergreifend zu erzählen, sondern deshalb, weil Petrus ihr nahe war und weil sie sich mit ihrem ganzen Wesen in das versetzt hatte, was in Petri Seele vor sich gegangen war [17, S. 109]. Плюсквамперфект помогает сосредоточить внимание читателя на эмоциональном состоянии героя.

В переводе (16) хронотоп рассказа максимально сжат, пространство и время благодаря претериту воспринимаются как единое целое. Описываемый в сюжете временной промежуток очень невелик, всего несколько минут, но, используя плюсквамперфект только один раз, автор делает при этом огромный временной скачок, соединяя свой мир с евангельским миром: *...wenn sie weinte, so bedeutete das, dass alles, was sich in jener schrecklichen Nacht mit Petrus zugetragen hatte, in irgendeiner Beziehung zu ihr stand... wenn Wassilissa weinte und ihre Tochter verlegen wurde... Wenn die Alte weinte, so geschah es nicht darum, weil er es verstand, rührend zu erzählen, sondern darum, weil ihr Petrus nahe war und weil sie mit ihrem ganzen Wesen mit erlebte, was in der Seele des Petrus vorging* [16, S. 65].

Речь главного героя, внешняя и внутренняя, богатая эмоциональными оттенками, определяет динамику развития действия. Она динамично противопоставлена речи женщин. Василиса произносит всего две коротких фразы, а Лукерья выражает свои чувства только мимикой и жестами. Если сравнить два перевода фразы: «Ах, какая-то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!» [13-Т7, с. 367], то очевидно, что второй переводчик (17), используя и знаки препинания, и парцелляцию, и причастную конструкцию модального глагола, передал эту динамику точнее и глубже: *Ach, was war das für eine schreckliche Nacht, Mütterchen! Eine unbeschreiblich trostlose, nicht enden wollende Nacht!* [17, S. 107]. Вариант перевода (16) менее эмоциональный: *Ach, was war das doch für eine furchtbare Nacht, Großmutter, eine überaus drückende, lange Nacht* [16, S. 63].

Рассказ «Крыжовник» был опубликован в 1898 г. В начале повествования Чехов передает разговор между героями, один из которых рассказывает собеседникам о своем брате и его страстном желании приобрести себе хоть маленькое, но свое поместье в деревне и посадить там свой крыжовник. В детстве братья и жили в деревне, но после смерти отца их поместье «оттягали за долги» [13-Т8, с. 302]. Однако остались воспоминания о счастливом детстве, и брат стремился вернуть это утраченное счастье. Он всю жизнь упорно работал, на всё экономил, жил впроголодь и, наконец, купил себе

имение, посадил там кусты крыжовника и превратился в типичного ленивого, толстого как поросенок («щеки, нос и губы тянутся вперед, – того и гляди хрюкнет в одеяло» [13-Т8, с. 304]) и недалёкого обывателя, думающего лишь о тарелке крыжовника к ужину. От лица рассказчика Чехов так описывает процесс поедания его братом еще неспелых, жестких и кислых ягод, что становится совсем не смешно, а горько и даже страшно видеть, в кого превратился этот человек: «Николай Иванович засмеялся и минуту глядел на крыжовник молча, со слезами, – он не мог говорить от волнения, потом положил в рот одну ягоду, поглядел на меня с торжеством ребенка, который, наконец, получил свою любимую игрушку, и сказал: – Как вкусно!» Мы до мелочей можем представить себе всю эту сцену, и именно в деталях ощущается кинематографичность короткого рассказа как жанра. Если сравнить критически перевод (17) 1978 г. и перевод (18) 2016 г., сделанный почти сорок лет спустя, то можно отметить, как изменились в немецком языке средства репрезентации текста оригинала. Легкий, простой, лаконичный язык Чехова до сих пор, то есть, больше ста лет является образцом современного русского языка. Перевод (17): *Nikolaj Iwanjtsch lachte und schaute wohl eine Minute lang schweigend – vor Rührung konnte er nicht sprechen – und mit Tränen in den Augen auf die Beeren, dann nahm er eine von ihnen in den Mund, blickte mich mit dem triumphierenden Gesichtsausdruck eines Kindes, das endlich sein Lieblingsspielzeug bekommen hat, an und sagte „Wie schmackhaft!“* [17, S. 174] – представляется более тяжеловесным, слащавым и структурно запутанным по сравнению с переводом (18), выполненным Ульрикой Ланге (Ulrike Lange): *Nikolaj Iwanjtsch lachte und schaute lange auf die Stachelbeeren, schweigend, mit Tränen – vor Erregung konnte er nicht sprechen –, dann steckte er sich eine Beere in den Mund. Schaute mich triumphierend an wie ein Kind, das endlich sein Lieblingsspielzeug bekommen hat, und sagte: „Wie köstlich!“* [18, S. 246]. Здесь репрезентативно представлены, как структуры, так и выбор лексических эквивалентов. Выражение «от волнения» так и переводится дословно *vor Erregung*. Существительное *Rührung*, использованное в переводе (17), означает «растроганность, умиление» – эмоциональное чувство, больше свойственное барышням, чем молодым людям.

В конце рассказа Иван произносит знаменитые чеховские слова о «человечке с молоточком», которые так часто цитируются, что стали у нас прецедентным текстом: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но человечка с молоточком нет, счастливый живет себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и все обстоит

благополучно» [13-Т8, с. 307]. Это позиция самого автора. Модальность желательности передана в обоих переводах конъюнктивом, но в (17) использован опатив, мягко выражающий призыв автора: *Es wäre gut, wenn vor der Tür eines jeden zufriedenen und glücklichen Menschen jemand mit einem Hämmerchen stünde und ihn durch ein Klopfen ständig daran erinnerte, dass es Unglückliche gibt...* [17, S. 175]. Модальный глагол перевода (18) сильнее по своей прагматике долженствования и больше подходит для публицистического стиля писателя: *Vor der Tür eines jeden zufriedenen, glücklichen Menschen müsste jemand mit einem Hämmerchen stehen und ihn ständig durch Klopfen daran erinnern, dass es Unglückliche gibt...* [18, S. 247].

Хронотоп определен композицией рассказа, где одна история описывается внутри другой истории, что помогает логично связать его с двумя другими рассказами «маленькой трилогии» – «Человек в футляре» и «О любви». Перечисляются события, связанные с описываемым событием, и несколько часов воспоминаний общения с братом. Все это время идет дождь – и в начале: «Еще с раннего утра все небо обложили дождевые тучи...» [13-Т8, с. 299], и в конце рассказа: «Дождь стучал в окна всю ночь» [13-Т8, с. 309]. В обоих переводах репрезентация на лексическом уровне почти одинаковая, но в (17) начало *Schon seit dem frühen Morgen bedeckten Regenwolken den ganzen Himmel...* [17, S. 166] передано более полно, чем в (18): *Bereits seit dem frühen Morgen bedeckten Regenwolken den Himmel...* [18, S. 237].

Динамика, как и в других чеховских рассказах, связана с переменами. Оба брата изменились: один стал обывателем, другой вдруг воспрянул духом и стал по-иному оценивать понятие человеческого счастья. Его охватила жалость и досада на себя: «Я уже стар и не гоюсь для борьбы, я неспособен даже ненавидеть. ... Ах, если б я был молод!» [13-Т8, с. 307] ... «Если б я был молод!» [13-Т8, с. 308]. Эмоционально-экспрессивно окрашенные монологи с призывами: «...не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!... Делайте добро!... Господи, прости нас грешных!» [13-Т8, с. 308-309] – также динамичны по своей природе.

В немецких переводах (17) и (18) эти части монолога переданы почти одинаково, но в раннем и более эмоциональном переводе (17) в значении «бодры» появляется слово *Courage*: *Ich bin schon alt und taugt nicht für den Kampf, nicht einmal für den Hass bin ich geschaffen... Ach, wenn ich nur jung wäre! ... lassen Sie sich nicht einschläfern! Werden Sie nicht müde, Gutes zu tun, solange Sie jung und stark sind und Courage haben!... Tun Sie Gutes!... Herr, vergib uns Sündern!* [17, S. 177]. ... *Herr, vergib uns Sündern!* [17, S. 178]. Существительное *Courage* пришло в немецкий язык в начале XIX в. из французского и обозначало не просто «мужество», как слово *Mut*, а особое мужество для того, чтобы сделать то, что и не очень

хочется, и боишься делать, но надеешься на удачу. Оно и сейчас используется в языке, но не в обыденном, а в возвышенном стилевом регистре. В переводе (18) дается дословный вариант «бодры» – *munter: Werden Sie nicht müde, Gutes zu tun, solange Sie jung, stark und munter sind... Tun Sie Gutes!...* [18, с. 249]. Нам представляется, что в данном случае для немного высокопарного, но для искреннего стиля монолога чеховского героя – рупора идей автора – больше подошло бы слово *Courage* со всем своим богатством его смысла и оттенков.

Главный герой рассказа «Случай из практики» (1898) – молодой врач-ординатор Королев, которого вызвала владелица фабрики госпожа Ляликова к своей дочери Лизе. Девушка была больна, но никто не мог поставить диагноз, и она смирилась со своей болезнью. Все события увидены глазами врача, который сразу чувствует какой-то диссонанс и в доме, и на фабрике, похожей на «чудовище с багровыми глазами» [18, с. 345-346], и в природе. После разговора с Лизой он понимает, что болезнь девушки – это одиночество и непонимание. Все, живущие на территории фабрики, страдают – девушка, ее мать, рабочие. Довольна только гувернантка, которая «жила здесь в свое полное удовольствие» [13-Т8, с. 344]. Врач советует Лизе бежать из этого жуткого места, но, как всегда в коротком рассказе, финал остается открытым и непредсказуемым.

Как и в других рассказах писателя, основной сюжетный мотив здесь – это преображение. Душевное состояние акториального автора меняется от неприязненной тревоги в начале рассказа до радости в конце, от равнодушной констатации, что в болезни Лизы нет ничего серьезного и можно уезжать, до желания как-то помочь девушке, поддержать ее. Вдруг исчезло «впечатление существа убогого и некрасивого», и он увидел «мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно...» [13-Т8, с. 341]. Русское слово общеславянского происхождения «убогий» имеет три основных значения: 1) калека, 2) нищий и 3) несовершеннолетний, невыразительный. В переводе (17) оно передано прилагательным *armselig: der Eindruck eines armseligen, unschönen Wesens verschwand...* [17, S. 194]. Оно глубже и адекватнее передает это понятие, чем просто слово *arm*, использованное переводчицей (18): *Der Eindruck eines armen, hässlichen Wesens war im Nu verschwunden...* [18, S. 291]. То же самое можно отметить при передаче подобранных Чеховым определений для описания выражения лица девушки – мягкое страдальческое, разумное и трогательное. Перевод (17) сохраняет такое же впечатление: *...er nahm einen sanften leidenden, so verständlichen und rührenden Ausdruck an ihr wahr...* [17, S. 194]. В переводе (18) оно пропадает: *...er sah den leidenden weichen Ausdruck der so vernünftig und ruhig war...* [18, S. 291].

Доктору «хотелось успокоить ее не лекарствами, не

советом, а простым ласковым словом» [13-Т8, с. 342]. И он сказал не прямо, а «окольным путем», что их дети и внуки будут знать, что делать. Устаревшее русское слово «окольный», то есть, не прямой, связанный с уловками, в обоих переводах передано одинаково: *... sagte... auf Umwegen...* [17, S. 202, 18, S. 300]. Потом доктор добавляет: «Очень рад, что познакомился с вами... Вы славный, интересный человек» [13-Т8, с. 349]. Многозначное понятие «славный» имеет два основных значения – 1) прославившийся и 2) очень хороший, располагающий к себе. Переводчик (17) посчитал подходящим эквивалентом слово *prächtigt* «роскошный» [17, S. 203], а переводчица (18) – *großartig* – «великолепный» [18, S. 301]. И то, и другое определение преувеличивают это понятие. Здесь больше всего подошло бы слово *nett* – милый, приятный.

Хронотоп рассказа – это несколько часов в ограниченном пространстве, где территория фабрики и сам дом ее владелицы похожи на тюрьму, «и на всем какой-то серый налет, точно от пыли» [18, с. 340]. Но это гнетущее впечатление от всего окружения вечером и ночью, а утром меняется девушка, и меняется позитивно картина вокруг нее. И в голове доктора появляются другие мысли «о том времени, быть может, уже близком, когда жизнь будет такую же светлой и радостной, как это тихое, воскресное утро...» [18, с. 350]. Оба переводчика почти одинаково передали это важное в смысловом плане предложение так же, как и многие другие, что естественно для качественных переводов.

Подводя итог проведенной апробации нашей модели категориально ориентированного конструктивно-критического анализа перевода жанра короткого рассказа, хотелось бы, в первую очередь, подчеркнуть важность раскрытия и адекватной передачи средств выражения категории автора, которая определяет эмоциональный фон и все оттенки модальности текста, что особенно важно при учете его особой чеховской публицистичности. Хронотоп рассказов, как правило, сжат и в пространстве, и во времени, и ограничивается какими-то внешними рамками. Категория динамики в чеховских текстах представлена часто в кинематографичном переплетении фрагментов рассказа в рассказе или реплик героев.

Переводчики отражали эти категории в целом адекватно, но не всегда репрезентативно, если брать во внимание современное состояние немецкого языка и лингвокультурную ситуацию. Однако мы отдаем себе отчет, что в рамках выбранной модели наша оценка может быть только тогда достаточно объективной, когда будет проработано большое количество эмпирического материала. Кроме того, именно художественный перевод предполагает множество вариантов, поскольку вариативность – это основа восприятия и интерпретации художественного текста.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о принципиальной возможности теоретического обоснования действий переводчика художественной литературы, необходимых для осуществления этого способа человеческой коммуникации, то есть создания пере-

водного текста, прагматически адекватно отражающего структуру и содержание оригинала. Моделирование может стать как отправной точкой поиска релевантных переводческих эквивалентов, так и конструктивно-критического анализа имеющегося художественного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. 7-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 144 с.
4. Горбачевская С.И., Меркиш Т.А. Уровни переводческого анализа текста короткого рассказа (из опыта перевода рассказов В. Борхерта на русский язык). // Вестник Московского университета, Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, №3. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. – С. 97-105
5. Горбачевская С.И., Меркиш Т.А. Модель и стратегия перевода текста короткого рассказа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки, №2-2. – М.: 2021. – С.134-141
6. Корман Б.О. Изучение Текста художественного произведения. – М.: Просвещение, 1972. – 111 с.
7. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания: Учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.
8. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: КГУ, 1979. С. 18 – 30.
9. Марчук Ю.Н. Модели перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2010. – 176 с.
10. Можаяева Т.Г. Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте (на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этвуд). Автореф. . . канд. филол наук. 10.02.04 – германские языки. – Барнаул, 2006. – 22 с.
11. Тюленев С.В. Теория перевода: Учебное пособие / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
12. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть: учеб. пособие. – Магадан: Изд. СВГУ, 2008. – 182 с.
13. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 7, 8. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
14. Шадрин В.И. Университетское переводоведение: учебник / В.И. Шадрин. – СПб.: ВВМ, 2017. – 292 с.
15. Fix, U.; Poethe, H.; Yos, G. Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. 3. Auflage. – Frankfurt am Main: Lang, 2003. – 236 S.
16. Tschechow A.P. Rothschilds Geige. Erzählungen. Aus dem Russischen übersetzt und herausgegeben von Reinhold von Walter. – Freiburg im Breisgau: Verlag Herder KG, 1960. – 195 S.
17. Tschechow A. Erzählungen. Übersetzung von Kay Borowsky. – Stuttgart: Verlag Reclam, 1978. – 334 S.
18. Tschechow A. Die Dame mit dem Hündchen. Erzählungen 1896 – 1903. Aus dem Russischen neu übersetzt von Vera Bischoitzky u.a. – München: Verlag dtv, 2016. – 522 S.

© Горбачевская Светлана Ивановна (sgaeiou@yandex.ru), Меркиш Татьяна Алексеевна (tania.merkish@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СЕМАНТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ НАРЕЧИЯ ПО-ДЕВИЧЬИ И ФИКСАЦИИ ЕГО В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Ерёмин Александр Николаевич

Доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. К.Э. Циолковского
eremin.an55@yandex.ru

ON THE SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE ADVERB MAIDENLY AND ITS FIXATION IN THE EXPLANATORY DICTIONARY

A. Eremin

Summary: The present article is devoted to a description of the semantics and pragmatics of the adverb maidenly and its representation in modern explanatory dictionaries. This extends to similar adverbs: masculine, feminine, fraternal...

Some reflections on this have already been expressed by us [Eremin 2022: 18ff].

The author comes to the following conclusions:

- 1) the interpretation of this word is given in a referential way, as syntactic derivatives are usually described [On syntactic derivation, which Dokulil called transposition, see Dokulil 1962: 129 - 149]. This, from our point of view, is not controversial;
- 2) such an interpretation is not informative enough, on the other hand, it leads to errors in its use in specific communicative situations;
- 3) the word girl as a motivator of the adverb maidenly denotes a stereotypical girl, whose image is created by artistic discourse;
- 4) pragmatic characteristics of a stereotypical girl (such as: skinny, slim, pretty, affectionate, shy, with delicate features, slim build, ringing carefree laughter, pure and naive in her ideas about the world, light and graceful in movement, etc.) it is desirable to note in the pragmatic zone. Moreover, it is also desirable to record that such connotations are very dynamic in time. And some of them are clearly obsolete and false linguistic material (timid, naive in ideas about the world, etc.) [See about it: Xu Shanshan: 2017. № 11. p. 3. - P. 159-163.]

Keywords: semantics, pragmatics, lexical norm, lexical and syntactic derivation.

Аннотация: Настоящая статья посвящена описанию семантики и прагматики наречия *по-девичьи* и репрезентации его в современных толковых словарях. Это распространяется на аналогичные наречия: *по-мужски, по-женски, по-братски*...

Некоторые размышления по этому поводу уже высказаны нами [Еремин 2022: 18 и след.].

Автор приходит к следующим выводам:

- 1) толкование этого слова дано отсылочным способом, как обычно описываются синтаксические дериваты [О синтаксической деривации, которую Dokulil называл транспозицией, см.: Dokulil 1962: 129 - 149]. Это, с нашей точки зрения, небесспорно;
- 2) такое толкование недостаточно информативно, с другой стороны, это приводит к ошибкам в использовании его в конкретных коммуникативных ситуациях;
- 3) слово *девушка* как мотиватор наречия *по-девичьи* обозначает стереотипную девушку, образ которой создан художественным дискурсом;
- 4) прагматические характеристики стереотипной *девушки* (такие, как: худенькая, стройная, хорошенькая, ласковая, робкая, с нежными чертами лица, тонким станом, звонким беззаботным смехом, чистая и наивная в представлениях о мире, легкая и грациозная в движении и др.) желательно отметить в прагматической зоне. Более того, желательно зафиксировать и то, что такие коннотации очень динамичны во времени. И часть из них явно устарела и является ложным языковым материалом (*робкая, наивная в представлениях о мире* и др.) [См. об этом: Сюй Шаньшань: 2017. № 11. ч. 3. - С. 159-163.].

Ключевые слова: семантика, прагматика, лексическая норма, лексическая и синтаксическая деривация.

Наречия типа *по-девичьи* в норме не объясняются в толковых словарях. Они отсылаются к формальному мотиватору – и все.

Сравни авторскую позицию составителей Словаря синонимов:

«§ 6. Вопрос о производных словах решается на основе соотношения смысловых структур производных и «производящих» слов: если производные слова отличаются от производящих лишь грамматической категорией и при этом повторяют их синонимические отношения, т. е. образуют такие же синонимические ряды по своему составу, они не включаются в Словарь.

Поэтому, как правило, отдельно не разрабатываются

следующие категории производных слов:

- а) относительные прилагательные со значением чистой относительности, если в Словаре даются соответствующие ряды синонимов-существительных;
- б) наречия на -о, -е, -ски, по- . . . ски, если в Словаре имеются соответствующие прилагательные...» [Александрова 2003, т. 1: 15].

Отметим, что «наречия на -о, -е, -ски, по- . . . ски» не синтаксические дериваты, как вытекает из приведенного выше рассуждения. Это лексические дериваты, включающие фразеологически обусловленные семантические включения.

Мы не получаем необходимой рациональной и оце-

ночной информации. Многие наречия такого рода вообще не упоминаются в толковом словаре.

Шведова 2011:

ДЕ'ВУШ КА, -и, ж. 1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности, к зрелости. Юноши и девушки. 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак.

Наречия *по-девичьи* в словаре нет.

Не отмечено оно и В.И. Далем.

В БАС оно есть, но к нему дано одно разъяснение – «наречие».

Так, как же это *по-девичьи*?

Большой современный толковый словарь русского языка, 2012, размещенный в Интернете, дает такое определение:

ПО-ДЕВИЧЬИ, нареч. качеств.-обстоят. разг.

Так, как характерно для д'евиц, для девушек.

Что значит «характерно для девушек»?

Более того, *по-девичьи* 'так, как свойственно девушке', в общем-то, небесспорно.

Толкование может быть таким: 'так, как свойственно девушке - в стереотипном ее представлении'.

И желательны привести коннотации для этого стереотипа: худенькая, стройная, хорошенькая, ласковая, робкая, с нежными чертами лица, тонким станом, звонким беззаботным смехом, чистая и наивная в представлении о мире, легкая и грациозная в движении и др.

Ср.: «Она была невысока ростом, но казалась высокой — так строен был ее тонкий стан. Она была смугла, но нетрудно было догадаться, что днем у ее кожи появлялся чудесный золотистый оттенок, присущий андалускам и римлянкам. Маленькая ножка тоже была ножкой андалуски, — так легко ступала она в своем узком изящном башмачке. Девушка плясала, порхала, кружилась на небрежно брошенном ей под ноги старом персидском ковре, и всякий раз, когда ее сияющее лицо возникало перед вами, взгляд ее больших черных глаз ослеплял вас, как молнией. Взоры толпы были прикованы к ней, все рты разинуты. Она танцевала под рокотанье бубна, который ее округлые девственные руки высоко вносили над головой. Тоненькая, хрупкая, с обнаженными плечами и изредка мелькавшими из-под юбочки стройными ножками, черноволосая, быстрая, как оса, в золотистом, плотно облегавшем ее талию корсаже, в пестром раздувавшемся платье, сияя очами, она казалась существом воистину неземным...»

Речь идет об Эсмеральде из романа «Собор Парижской Богоматери» (Виктор Гюго)

Также:

В Ташкенте она получила письмо из Москвы от своей

подруги, которая обращалась к ней *по-девичьи* ласково: «Дорогая Кисуля!» [И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)].

А из-под этой парижской шляпы на меня смотрело лицо русского херувима с пасхально-румяными щечками и *по-девичьи* нежными голубыми глазами, в которых, впрочем, я заметил присутствие опасных чёртиков, нечто насторожённое: он как бы пытался понять, кто я ему буду — враг или друг? [В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)].

Не горюйте, девушка, возможно, все не так трагично, возможно, что с жилплощадью у вас проблемки нет, а вы просто запамятовали *по-девичьи*. [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)].

Оставив застывшую на месте Клодин наедине с ее чувствами,

Мария *по-девичьи* легко выбежала в сад. [Вацлав Михальский. Храм Согласия (2008)].

Думает не о себе, а о нем. И как *по-девичьи* застенялась!

Чем-то мы друг на друга похожи. Нет, правда, не скажешь, что взрослая женщина, жена набычившегося ревнивца. [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008].

Или отчаянию, *по-девичьи* надрывному и *по-девичьи* мимолетному. [Денис Быстров.

Слишком тонко для цирка. На Australian Open не осталось россиян // «Известия», 2003.01.22]

В свои года она оставалась *по-девичьи* свежа и полна такого обаяния, такого благоухающего соблазна, что имела все шансы прельстить не только медных клодтовских парней, но и их жеребцов в придачу. [Павел Крусанов. Укус ангела // «Октябрь», 1999].

И всегда, потупив взор и вдруг вспыхнув *по-девичьи*, с молодым негодованием и одинаковым ударением она фыркала... [Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик (1997-1998)].

Дед изнеженности и вычурности не признавал до конца своих дней. Бабка была *по-девичьи* восторженна и чиста. Больше на «вторниках» они не появлялись. [Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик (1997-1998)].

Простыня соскользнула с ее плеч, обнажая худенькое, но привлекательное тело с небольшими, *по-девичьи* острыми грудями. [Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)].

Я так давно не разговаривала с вами, даже по СДФ. Вам надолго разрешили уйти? Родис рассмеялась *по-девичьи* звонко и беззаботно. - Никто не разрешал, как и посадку дискоида. [И.А. Ефремов. Час быка (1968-1969)].

Посмотрим на соотношение слов *девушка* и *по-девичьи*. Они в определенной мере семантически обособились друг от друга: (Таб1.)

Приведенные выше примеры и таблица свидетельствуют о том, что наречие *по-девичьи* опирается на стереотипные свойства девушки, выработанные художественным дискурсом XIX – XX вв, которые, во многом, архаичны.

Данные национального корпуса русского языка таковы:

Таблица 1.

Сочетание слова девушка с именами прилагательными	Отсутствие дублирования наречием <i>по-девичьи</i> семантики прилагательного из словосочетаний левой колонки
1. Вероятно, хорошая строгая девушка; он отвинтил флягу и сделал крупный глоток. Л. Проскурин. Исход. Части I-II (1967)	1. *По-девичьи строга(о).
2. Депп всегда относился к ней как Хищник к добыче, а его охотничий инстинкт ленивая Дженнифер не развивала. Она была расчетливой, недоверчивой сплетницей. К тому же за внешним спокойствием девушки скрывались нервозность и агрессия, она часто выпивала вместе с Джоном, а потом закатывала ему скандалы по любому поводу. В постели с Джоном Деппом // Аргументы факты, 2001.	2. *По-девичьи расчетлива(о).
3. Кровная связь — кровное дело. Она, кажется мне, смелая девушка. — Да, мне тоже так кажется Н.А. Островский. Рожденные бурей (1934-1936)	3. *По-девичьи смела (о)
4. [DraGuLiNa] И вот откуда пошли мировые идеи создания сериалов про девушку-дурнушку, которая очень умная. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006-2010)	4. *По-девичьи умна(о)
5. Что знал я тогда о Гале — добрая, некрасивая, молчаливая, внимательная девушка; немного нервная, но спокойная, способная на неслыханное самоотвержение Н. Н. Пунин. Дневник. 1913 год (1913)	5. *По-девичьи некрасива(о), молчалива(о), нервная, спокойна(о)

по-девичьи (основной подкорпус – он же и художественный -123 вхождения; устный подкорпус – 3 вхождения).

В качестве заключения приведем возможный вариант представления слова *по-девичьи* в толковом словаре:

ПО-ДЕВИЧЬИ, нареч., качеств.-обстоят., разг. Так как свойственно девушке, стереотипный образ которой создан художественным дискурсом.

Pragm. Свойства стереотипного образа девушки: *худенькая, стройная, хорошенькая, ласковая, робкая, с нежными чертами лица, тонким станом, звонким беззаботным смехом, чистая и наивная в представлениях о мире, легкая и грациозная в движении и др.*

Обычно не говорят: *по-девичьи умная, глупая, смелая, трусливая, расчетливая, ветреная и др.*

ЛИТЕРАТУРА

1. БАС: Словарь современного русского литературного языка. [Текст] – 1-е изд. АН СССР, Москва – Ленинград, 1950–1965. – Т. 1-17
2. Большой современный толковый словарь русского языка, 2012 [Электронный ресурс: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>]
3. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1 – 4. Даль В.И. – М.: Рус. яз., 1982 – 1984
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. – М.: «Советская энциклопедия», 1935–1940
5. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». - 1175 с.
6. Толковый словарь русской разговорной речи: выпуск 1-5 / отв. ред. Л. П. Крысин; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва: Языки славянской культуры, 2014 – 2021
7. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка в двух томах Справочное издание. — М.: Астрель: АСТ, 2003. — 681 с. + 702 с.
8. Ерёмин А.Н. Лексическая семантика в речи и в современном толковом словаре (актуальные вопросы): Монография. А.Н. Ерёмин. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2022. – 122 с.
9. Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru>].
10. Сюй Шаньшань. Трансляция гендерных стереотипов в современной публицистике (на материале анализа наречий по-женски и по-мужски) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11. ч. 3. – С. 159–163.
11. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. – 263 s.

© Ерёмин Александр Николаевич (eremin.an55@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЗИДАЕМЫЙ МИР В ВОДИТЕЛЬСКОМ ЖАРГОНЕ (ЛЕКСИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Ерёмин Александр Николаевич

Профессор, Доктор филологических наук, Калужский
государственный университет им. К.Э. Циолковского
yereminan@tksu.ru

Потапова Валерия Витальевна

Студент, Калужский государственный университет им.
К.Э. Циолковского
potapova.lerchen@gmail.com

THE CREATIVE WORLD IN THE DRIVER'S JARGON (LEXICO-PRAGMATIC ANALYSIS)

**A. Eremin
V. Potapova**

Summary: This paper examines the semantics and pragmatics of the lexemes of the driver's jargon, which are called cars. The relevance of the work is due to the active development and replenishment of the lexical composition of the language in the automotive sector. The article shows that the jargon words formed as a result of mimicry of official car names to the usual commonly used words of the Russian language are the largest number. According to the authors of the article, the use of personal proper names for the nomination of cars reflects the subconscious perception of the driver of the car as a comrade and friend. There are a lot of metaphors among jargonisms, which are often formed on the basis of visual associations. Metonymic designations of cars are more rare. The paper uses methods of direct observation and comparison of the described tokens, methods of application and critical understanding of theoretical propositions to the material under study, etc.

Keywords: jargon and jargonisms, lexical mimicry, metaphor, metonymy, construction of reality.

Аннотация: В данной работе рассматривается семантика и прагматика лексем водительского жаргона, которые называют автомобили. Актуальность работы обусловлена активным развитием и пополнением лексического состава языка в автомобильной сфере. В статье показано, что слов-жаргонизмов, которые образованы вследствие мимикрии официальных названий автомобилей к обычным общепотребительным словам русского языка, наибольшее число. По мнению авторов статьи, использование личных имен собственных для номинации автомобилей отражает подсознательное восприятие водителем автомобиля в качестве товарища и друга. Немало среди жаргонизмов метафор, которые часто образуются на основе визуальных ассоциаций. Метонимические обозначения автомобилей более редки. В работе использованы методы непосредственного наблюдения и сопоставления описываемых лексем, методы приложения и критического осмысления теоретических положений к исследуемому материалу и др.

Ключевые слова: жаргон и жаргонизмы, лексическая мимикрия, метафора, метонимия, конструирование действительности.

Современный русский язык – активно развивающаяся система, лексический состав которой постоянно пополняется. Одной из сфер, которая способствует обогащению лексического состава русского языка, является автомобильная сфера. Несмотря на то, что первый автомобиль в России появился ещё в конце XIX века [1], широкое распространение эти транспортные средства получили только в XX веке. Совершив революцию в технологическом мире, автомобили не могли не дать толчок к изменениям в словарном составе языка.

Как показало исследование Э.В. Шаламовой, русская автомобильная лексика продолжает активно развиваться: «Наиболее активные процессы динамических изменений характерны для автомобильной лексики начала XXI века» [11]. Автомобильная лексика формируется не просто как самостоятельный пласт, а как целая развитая система, которой присущи синонимия, наличие метафорических и метонимических наименований, а также фразеология.

Исследованию водительского жаргона в отечественной лингвистике посвящен целый ряд работ [4], [6], [11].

Изучение жаргонных номинаций в той или социаль-

ной среде любопытно во многих отношениях:

1. в собственно номинативном – раскрывается потенциал порождения новых значений;
2. в эмоциональном – говорящий испытывает эмоции от словотворчества;
3. 3) в ином видении внеязыковой действительности: жаргонный лексикон творит новый мир (и этот сотворенный мир неоднороден, так как отражает неоднородность языкового сознания носителей жаргона);
4. наконец, исследуя жаргон в речи водителей, среди которых немало лиц с высшим образованием, можно видеть формирование новой структуры разговорной речи русского языка.

«Фактически массовая коммуникация производит новое членение, стратификацию литературного языка. Сохраняя прежнюю оппозицию «литературное-нелитературное», она меняет в общественном сознании отношение к этой оппозиции, смягчая оценку «нелитературного» – не как запретного, а как возможного, но ограниченного средства. Результат изменения языкового сознания – расширение границ литературного языка. Понятие литературности сохраняется, но оно становится

более гибким, широким, демократичным». [8, с. 11 – 12].

Наибольшее число номинаций-жаргонизмов, обозначающих автомобиль, порождено фонетической мимикрией форм официального обозначения автомобилей по отношению к общеупотребительным словам, часто синкретично выражающим игровую сниженную оценку объекта именованного или ироническое отношение к нему.

Как известно нам из школьного курса биологии, изначально термин «мимикрия» был введен в зоологию для обозначения особого случая имитации, при котором существо, обычно с целью защиты, принимает облик иного животного или растения, или даже полностью неодушевленного объекта [3].

Позже данный термин стал использоваться в других областях, в том числе и в лингвистике. Термин же «фонетическая мимикрия» используется в контексте изучения русско-иностранной лексики для обозначения одного из способов словотворчества посредством перехода слова из одного языка в другой. Фонетическая мимикрия – это искажение по созвучию чужого слова с исконным либо своего слова с чужим. Нередко внимание при этом уделяется графическому содержанию исконного слова [2].

В.В Химик пишет: «В массовом просторечии, и особенно в речи молодежи, широко распространена переделка экзотических наименований путем так называемой ассоциативно-фонетической мимикрии: экзотический прототип, иноязычное (и вообще непонятное) слово заменяется русским на основе случайного внешнего сходства при полном расхождении смыслов...» [9, с. 84 - 85].

Фонетическая близость названий из сферы источника номинации и из сферы порожденных номинаций могут быть различной, но узнаваемой.

Таким образом возникает мир людей – женщин и мужчин, животных, насекомых, предметов, мир оценок и др.

В качестве источников примеров мы используем материал автомобильных форумов и порталов, а также материал, собранный из устной речи автомобилистов.

По числу примеров нашей небольшой картотеки мы пришли к выводу, что можно выделить следующие иерархически выстроенные по мере убывания группы жаргонизмов:

а) представительницы прекрасного пола и мир, связанный с ними: Toyota SPRINTER Marino – *Маринка*; Toyota NADIA – *Надюшка*; Nissan GLORIA – *Глаша*; Nissan TEANA – *Таня*; Mazda LUCE – *Люся*; MERCEDES CLK – *Целка*;

б) представители сильного пола и мир, связанный с ними: VOLKSWAGEN VW BORA – *Боря*; Ford TAURUS – *Та-*

рас; Renault KOLEOS – *Колюня*; Toyota AVENSIS – *Веня, Венечка*; Nissan PATROL – *Петруха*.

Любопытно, что иностранные марки автомобилей нередко обозначаются именами лиц, особенно женского пола, а также именами качеств, относящихся к девушкам.

Очевидно, помимо мимикрии как внешнего основания становления значения, здесь отражается смутное восприятие водителем своего автомобиля как подобного себе существа.

Приведенный материал свидетельствует и том, что до сих пор главным носителем жаргона являются лица мужского пола, хотя представительницы прекрасного пола все чаще заявляют о себе во всех сферах языка.

Наконец, здесь сказывается недостаточное различие водителями понятий грамматического рода и биологического пола.

д) название разного рода оценок: Honda PRELUDE – *Приблуда*; Honda ASCOT – *Скотина*; Nissan QUASHKAI – *Какашка*; Nissan BLUEBIRD – *Белиберда*; Suzuki ESCUDO – *Паскуда*; Honda BALLADA – *Балда*.

В водительском жаргоне при номинации автомобилей широко представлена метафора, основанная преимущественно на визуальных ассоциациях:

Toyota Camry/Vista 1992-93 г. в. – *Бегемот* – За фигурный капот, «дутую» решетку радиатора и выпуклые фары; VA3-2120 «Надежда» – *Безнадега* – За оптимистичное название и малый выпуск;

Москвич-21406 – *Колхозник* – за простую комплектацию;

VA3-2131 – *Крокодил* – За характерную внешность и зеленый цвет;

Audi 80 – *Бочка* – За округлую форму кузова;

Mercedes E-Class – *Глазастый* – За большие передние фары;

VA3-2108 – *Зубило* – За сходство со слесарным инструментом;

ИЖ-2715 «Москвич» – *Каблучок* – за форму, напоминающую туфлю; а также *Пирожок* – потому что эту машину использовали хлебные и кондитерские заводы для перевозок продукции;

UA3-452 – *Буханка* – За узнаваемую прямоугольную форму, похожую на хлебное изделие;

Автобус ЛиАЗ 677М – *Скотовоз* – за малое количество сидячих мест в салоне;

ZA3-965 – *Горбатый* – За округлую форму...

Нередко исходными сферами метафоры является животный и предметный мир:

а) мир животных (в широком смысле): Audi 80 – *Селедка*; BMW 5XX (E28) – *Акула*; Honda JAZZ – *Хомяк*; Nissan PRIMERA – *Дельфин*; Subaru DOMINGO – *Бешеный ослик*;

MMC DELICA – *Свинья, Поросенок*; Infiniti FX35 – *Лягушка*; ГАЗ-69 (УАЗ-469) – *Бобик, Козел, Воронок*; Mercedes-Benz 600 (W100) – *Кабан*;

б) предметный мир: Audi 80 – *Бочка*; Audi 100 – *Сигара*; Audi A6 – *Мыльница*; Audi A8 – *Авоська*; Toyota CAMRY – *Ванна*; Volvo 740 – *Чемодан*; ГАЗ-24 «Волга» – *Баржа, Волнорез*;

в) наименование-оценка автомобиля со стороны функционального состояния: *калоша, катафалк, калымага, тарантас, пылесос, чемодан* 'о старом автомобиле'; *броневик* 'старый автомобиль, типа «Победа», кузов которого изготовлен из более толстого листа металла'; *корыто* 'о старом или разбитом автомобиле';

г) оценочные номинации автомобиля специального назначения: *канарейка, мелодия, синица, синичка, синеглазка* 'машина ГИБДД';

д) окказиональные производные, называющие автомобиль и опирающиеся на метафоры-мотиваторы: *говновоз* 'машина для вывозки мусора; милицейская или правительственная машина'; *ментовоз, цементовоз, мусоровоз* 'милицейская машина';

Значительно реже представлены метонимии, в том числе номинативно-оценочные: *железо* 'чаще о старом автомобиле'; BMW 3XX – *Трешка, Треха*; BMW 5XX – *Пя-*

терка; BMW 7XX – *Семерка* (по серии выпуска);

е) Игровые, альтернативные официальным, расшифровки аббревиатур: *АЗЛК* 'автозавод имени Ленинского комсомола' – о плохом автомобиле – аббревиатура расшифровывается так: 'автомобиль, заранее лишенный качества'; машина марки *БМВ* 'боевая машина вымогателей'.

Таким образом, общие выводы могут быть такими: современный жаргон водителя в целом, в обозначении автомобилей в частности, представлен десятками слов. Слов-жаргонизмов, образованных вследствие ассоциативно-фонетической мимикрии к официальным названиям автомобилей обычных слов русского языка, наибольшее число. Чаще это слова – женские имена собственные, мужских имен меньше.

По мнению авторов статьи, использование личных имен собственных для номинации автомобилей отражает подсознательное восприятие водителем автомобиля в качестве товарища и друга.

Немало жаргонизмов-метафор, чаще на основе визуальных ассоциаций. Метонимические обозначения автомобилей более редки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев И. Первый в России URL: <https://www.zr.ru/archive/zr/1981/12/muziei-za-ruliem> (дата обращения 4.12.22).
2. Бирюков Н.Г. Молодёжный сленг в призме фонетической мимикрии URL: <https://pandia.ru/text/80/194/1634.php> (дата обращения 9.01.22).
3. Диксон Д. После человека: зоология будущего URL: http://www.sivatherium.narod.ru/library/Dixon/main_ru.htm (дата обращения 9.01.22).
4. Еремин А.Н. Современный жаргон водителя // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Вып. XXVI. – М.: Прометей, 2004. – С. 49-54
5. Кузнецов Л. От «горбатого» к «ушастому»: автомобили Запорожец советского периода URL: <http://avtoinetolko.ru/2014/08/ot-gorbatogo-k-ushastomu-avtomobili-zaporozhec-sovetskogo-perioda/> (дата обращения 4.12.22).
6. Румеус Н.А. Репрезентация концепта «автомобиль» (на материале терминов и жаргонизмов русского и китайского языков) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2 (27). – С. 105–108.
7. Румеус Н.А. Языковое своеобразие интернет-форумов автомобилистов: семантико-структурный и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Румеус Н.А.; Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2021. – 21 с.
8. Солганик Г.Я. Введение // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – С. 8-26
9. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2000. – 272 с.
10. Шаламова Э.В. Профессионализмы и профессиональный жаргон в автомобильной лексике URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizmy-i-professionalnyy-zhargon-v-avtomobilnoy-leksike/viewer> (дата обращения 4.12.22).
11. Шаламова Э.В. Автомобильная лексика в современном русском языке (состав, функционирование, тенденции развития). Диссерт. канд. филол. наук, 2018. М., 2018 – 260 с.
12. Шаламова Э.В. К вопросу о терминах, профессионализмах и жаргонизмах (на материале автомобильной лексики русского языка) // Финансовые проблемы оздоровления экономики государства и предприятий в рыночных условиях: Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и аспирантов (16–17 апреля 2008 г.). Ч. 1. – М.: ИЭАУ, 2008. – С. 104–109

© Еремин Александр Николаевич (yereminan@tksu.ru), Потапова Валерия Витальевна (potapova.lerchen@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА АНГЛИЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Зяблова Ольга Александровна

Доктор филологических наук,
Дипломатическая академия МИД России
oaziablova@mail.ru

THE SYSTEM OF ENGLISH PERSONAL NAMES AND METHODS OF THEIR TRANSLATION IN RUSSIAN

O. Ziablova

Summary: The main subject of the article is the system of English personal names (also known as anthroponyms) in the aspect of theory and practice of translation. The language sources of the emergence of this system are under consideration as well as, the factors that influence its development. The analysis of some structural features of English proper names are also given. It has been established that the contemporary system of English personal names allows for a fairly wide variability. That fact is reflected in the basic methods of its translation that are listed and discussed here. As a result, it considers both transcription and transliteration as methods of highest importance.

Keywords: proper name, anthroponym, translation methods, transcription, transliteration, system of English personal names.

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье является система английских имен собственных людей (антропонимов) в аспекте теории и практики перевода. Анализируются источники формирования данной системы, факторы, влиявшие на ее развитие, а также структурные особенности строения английского имени собственного. Установлено, что современная система английских личных имен допускает достаточно широкую вариативность, что отражается на особенностях ее перевода. Перечислены основные способы перевода английских личных имен на русский язык. Среди них в качестве наиболее часто употребляемых выделены транскрипция и транслитерация.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, способы перевода, транскрипция, транслитерация, система английских имен собственных.

В настоящее время в практике перевода не выработаны общеконвенциональные правила перевода и передачи собственных имен. Это касается, в частности, и личных имен. Выработка подобного рода свода норм или правил затруднена еще и из-за того, что в категорию имен собственных входят классы слов, имеющие различное происхождение, а также спецификой самого класса имен собственных, который в ряде исследований выделяется даже в качестве отдельной категории лексических единиц (например, специфичным является маркирование именем собственным национальной и локальной принадлежности того объекта или индивида, который использует данное имя).

В рамках настоящего исследования представляется необходимым дать определение личного имени человека (антропонима) и осмыслить его специфику в сравнении с другими классами слов. Так, О.С. Ахманова, что антропонимика представляет собой особый раздел лексикологии, предметом изучения которого являются собственные имена людей [1, с. 50]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что антропоним – это собственное имя, принадлежащее человеку.

Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун относят к классу антропонимов широкий спектр языковых единиц [2, с. 96]: личные имена в их полной форме и уменьшительной формах, а также официальные и неофициальные формы личных имен, отчества, фамилии, вторые имена, прозви-

ща людей и т.п. Таким образом, исходя из такой категоризации, можно видеть, что антропонимы представляют собой комплексный языковой феномен, включающий в себя различные составляющие.

Н.В. Подольская также указывает [3, с. 36], что антропоним является средством именованности людей, выделяя при этом различные их классы (официальные, неофициальные, личные, фамилии, прозвища и т. п.), а также определяя антропонимию как совокупность антропонимов. При этом исследовательницей подчеркивается специфика антропонимии, заключающаяся в индивидуализации именованности [там же]: очевидно, что каждый человек обладает своим собственным именем, при этом сам репертуар личных имен ограничен, что заставляет прибавлять к номинации дополнительные компоненты, например, фамилию и отчество.

В исследовании К.И. Кропачевой говорится о том [4, с. 40], что антропоним является «заместителем» именованного объекта, т. е. отдельно взятого человека. Антропоним «как бы» репрезентирует именованное лицо в знаковом пространстве определенного языка. Отсюда следует, что личные имена людей, как и остальные языковые единицы, обладают, очевидно, знаковой природой.

Система имен собственных английского языка (здесь и дальше для ее обозначения будет использоваться термин «антропонимикон») имеет различное происхож-

дение. В нее входят имена собственные германского происхождения, причем, как западногерманского (англосаксонского), так и северогерманского (скандинавского), кельтского, франко-нормандского, латинского, древнегреческого, древнееврейского. Три последние группы имен вошли в английский язык благодаря христианизации англосаксов. Многие из таких имен являются очень древними: например, мужское имя *Abraham* известно уже на протяжении почти 4000 лет (с библейских времен), но в англоязычных странах оно употребительно на протяжении нескольких последних веков.

Англоязычные имена собственные можно разделить также на исконно английские (восходящие еще к англосаксонскому антропонимикону) и заимствованные, традиционные и вновь образованные (последние представляют собой своеобразные «ономастические неологизмы»), новые и имеющие архаичное происхождение.

В англосаксонский период развития английского языка антропонимикон был устроен достаточно просто, находя параллели в системе имен собственных других древнегерманских племен. Англосаксонское имя обладало простой морфологической структурой, состоя из одного корня: примерами могут служить такие имена как *Froda* 'поэт', *Joy* 'радость'. Позднее, из-за особенностей древнеанглийского языка, в котором, как и в прочих германских языках получило особое развитие корнесложение, многочисленными стали двучленные имена собственные: примером может служить имя *Godwin*, состоящее из двух компонентов: *god* 'бог' и *win* 'защитник', а также некоторые другие имена.

Продуктивность такой модели образования антропонимов объясняется еще и тем, что она отображала веру древних германцев в словесную магию, их представления о том, что имя влияет на судьбу носителя, а также их использования с целью табуирования, например, защиты носителя от сил зла [5, с. 9-12].

На антропонимическую систему английского языка (как и любого другого) оказывала также влияние и литература. Она продолжает оказывать на нее влияние и по сей день. Литература является мощным фактором изменения и пополнения системы англоязычных имен собственных, поскольку она служит отображением соответствующих социокультурных и социально-политических процессов, происходящих в обществе. В литературных произведениях был создан ряд персонажей, имена которых остаются популярными в англоязычной ономастической культуре и в настоящее время. Здесь можно привести следующие примеры:

- *Pamela* – персонаж романа Ф. Сиднея «Аркадия» (1590);
- *Stella* – героиня цикла сонетов Ф. Сиднея «Астрофель и Стелла» (1591);

- *Vanessa* – имя героини поэмы Дж. Свифта «Каденус и Ванесса» (1726).

Благодаря популярности исторических романов В. Скотта, а также цикла поэм А. Теннисона «Королевские идиллии» значительную популярность приобрели такие, уже начавшие выходить из моды имена, как *Amy*, *Enid*, *Gareth*, *Guinevere*, *Guy*, *Lancelot*, *Nigel* и др. Имя *Alice*, которое во второй половине XIX в. уже рассматривалось как вышедшее из моды и практически забытое, приобрело новую популярность благодаря выходу книги Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» в 1865 г.

Как отмечается в различных лингвистических исследованиях, например, в работе [2, с. 96], в каждой лингвокультуре есть традиционная устойчивая структура имен собственных. В Великобритании, а также и в других англоязычных странах структура полной формы антропонима содержит три основных компонента. Первый компонент – это так называемое первое имя (оригинальные термины – *first name*, *christian name*, *given name*). Второй компонент носит, соответственно, название второго имени (*middle name*), третьим компонентом является фамилия (*name*, *surname*, *last name*).

Первый и второй компонент англоязычного имени собственного достаточно вариативны: в их функции могут использоваться не только элементы традиционного антропонимикона, но также имена и фамилии родственников, исторических деятелей или известных лиц, имена разного рода знаменитостей, самостоятельно изобретенные имена-прозвища, элементы апеллятивной лексики, которые имеют символическую значимость для носителя имени и т.д.

Современное британское законодательство в области антропонимики допускает выбор в качестве имени собственного практически любого апеллятива, что обеспечивает весьма широкий спектр вариативности у антропонимов. Так, определенное распространение в английском языке имеют многокомпонентные имена, которые в ряде случаев получают дети, родившиеся в смешанных браках. Одним из компонентов такого имени может быть фамилия матери либо отчество отца: примерами могут служить следующие антропонимы – *Александра Джейн Михайловна Симпсон*, *Лара Александра Коппин Коллинс*. Количество компонентов, входящих в сложный антропоним, потенциально неограниченно: в качестве примера можно привести полное имя английского музыканта *Брайана Эно*, которое звучит как *Брайан Питер Джордж Сент-Джон ле Бэптист де ля Салль Эно*.

Вариативность современной английской антропонимики обеспечивается за счет того, что имена собственные могут также переходить из одного класса в другой. Примером здесь может служить сын Виктории и Дэвида

Бэкхемов, который был назван *Бруклином*. Изначально *Бруклин* – это название одного из районов Нью-Йорка, т. е. топоним. Мальчик получил свое имя (антропоним) по названию того района города, в котором он родился.

Таким образом, вслед за С.Н. Смольниковым можно отметить тот факт, что система английской антропоники, по аналогии с русской, характеризуется двойственностью [6, с. 23-24]: в ней имеются имена собственные, которые могут быть соотносимы с широким кругом людей, могущих так именоваться (например, *Brian*), а есть такие имена собственные, которые служат именованием конкретного человека (например, *Brian Eno*).

Популярность в Великобритании набирают антропонимы романского происхождения, а именно французского, итальянского и испанского. Это проявляется, в том числе, в использовании написаний иноязычного происхождения, которые заимствуются в английский язык наряду с уже существующими антропонимами. Таким образом, создаются дублетные антропонимы, восходящие, в конечном итоге, к одной и той же основе. Здесь можно привести следующие примеры: получили распространение написания и формы имен *Marie* вместо *Mary*, *Katrina* вместо *Catherine*.

В ряде случаев орфография имени может быть сознательно изменена (например, родителями) с целью придать имени большую оригинальность. Можно привести следующие орфографические варианты таких имен: *Alivia* – традиционное написание *Olivia*, *Alysha* – традиционное написание *Alicia*.

Представленные выше орфографические и фонетические трансформации имен собственных могут также создавать ряд переводческих трудностей, связанных, прежде всего, с переводом иноязычной документации: доверенностей, уведомлений, судебных решений и т.д. Кроме того, расхождения или ошибки в написаниях могут создать значительные проблемы при оформлении российских виз иностранными гражданами, при их пребывании на территории страны, а также во время пограничного контроля. Кроме того, различия в написании имен собственных может усложнять ряд процедур, связанных с получением гражданства, а также, например, при удостоверении акта рождения ребенка.

Примером здесь могут служить разночтения при передаче на русский язык антропонима *Jacqueline*, который представлен как в английском, так и во французском языках. При переводе с французского языка это имя чаще всего передает как *'Жаклин'* (и такой способ передачи чаще всего и представлен в русском языке вне зависимости от исходного языка). Между тем, при переводе с английского это имя может быть передано в виде *'Джеклин'*. В подобных случаях рациональным является

использовать устоявшуюся для данной языковой традиции практику передачи имен собственных на русский язык либо использовать руководства по практической транскрипции для данного языка. Допустимо также обращение к лексикографическим источникам по каждому конкретно взятому исходному языку, в частности, к словарям имен собственных.

В настоящее время в практике перевода представлена тенденция использовать **транскрибирование**. Сущность этого приема заключается в том, что при помощи кириллической орфографии записывается звучание имени на языке оригинала с как можно большей точностью. Основная цель данного приема – сохранение точности звучания на переводящем языке оригинального имени собственного. Это позволяет исключить ряд как субъективных, так и объективных ошибок при переводе антропонимов.

Правильная передача англоязычных антропонимов на русский язык с использованием транскрипции представляет собой достаточно сложную задачу, связанную с особенностями современной английской орфографии и ее историческим развитием (об этом более подробно будет еще сказано ниже). Кроме того, следует учитывать различия в фонетике русского и английского языков, в частности, тот факт, что и в первом, и во втором языках имеются нечитаемые буквы и буквосочетания.

Вместе с тем, следует заметить, что в английском языке нечитаемые буквы и их сочетания преобладают, поскольку английская орфография сохраняет множество консервативных написаний. По этой причине в некоторых случаях общие правила транскрипции могут варьироваться, исходя из особенностей русской фонетики и фонологии (либо другого переводящего языка), что позволяет приблизить к ним переводимый антропоним и сделать перевод более естественным.

Следует различать особенности передачи англоязычных антропонимов на русский язык и в обратном направлении. Для перевода и передачи англоязычной антропоники используется, как правило, способ транскрибирования, в то время как русская антропонимика передается на английский с использованием **транслитерации**.

Этот прием, как правило, и используется для передачи имен собственных различного типа (в том числе, антропонимов, географических названий и т.д.) с одного языка на другой [7, с. 195-196]. Правила транслитерации русских имен собственных на английский язык задаются при помощи специальной таблицы соответствий.

Различия в используемых переводческих решениях связаны с различиями в принципах написания, исполь-

зуемых в современном английском и в современном русском языках: современная английская орфография основана преимущественно на традиционном и этимологическом принципах [8, с. 47], в то время как современная русская орфография – преимущественно на морфологическом с использованием отдельных элементов фонетико-фонологического [9, с. 447]. Это облегчает, таким образом, передачу фонетического облика слова при переводе, поскольку традиционные написания в современном русском языке составляют меньшую часть.

В ряде случаев при переводе русского антропонима на английский язык для того, чтобы подчеркнуть особенности фонетики исходного языка, можно воспользоваться методом транскрибирования. Этот метод позволяет продемонстрировать верное чтение антропонима на переводящем языке, близкое к тому, что можно видеть на исходном языке. Здесь могут быть приведены следующие примеры:

- Настя – *Nahstya* (а не *Nasty*);
- Горбачёв – *Gorbachov* (а не *Gorbachev*);
- Шут – *Shoot* (а не *Shut*).

Некоторые русские антропонимы сохраняют традиционные написания при переводе на английский язык. В качестве примера здесь можно привести фамилию известного русского композитора П.И. Чайковского, фамилия которого передается на английский в форме *Tchaikovski* (а не *Chaykovskiy*).

Необходимо также учитывать и особенности заимствования антропонимов из одного языка в другой. Так, в индоевропейских языках Европы (романских, германских, славянских и др.) имя собственное зачастую прямо переносится без изменений из одной языковой традиции в другую. При этом сохраняются орфографические особенности данного антропонима, которые представлены в исходном языке. Следует заметить, что такой прямой перенос антропонима из одного языка в другой не всегда представляет собой оптимальное переводческое решение, поскольку орфография имени не всегда дает возможность определить правильное чтение этого имени как на исходном, так и на переводящем языках.

Таким образом, при переводе иноязычных антропонимов следует использовать какие-либо из вышеприведенных способов перевода имен собственных. При этом необходимо учитывать прагматику перевода, прагматику переводящего текста, а также цель перевода данного текста. В случае, когда в данной языковой традиции не существует конвенциональной практики перевода, переводчик может сам выбирать тот или иной вариант перевода, используя показанные выше способы перевода, при этом учитывая упомянутые критерии. Как базовые переводческие решения здесь могут использоваться транскрипция имени собственного, его транслитерация, а также сохранение оригинального написания имени собственного (в латинской графике) в переводящем тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 576 с.
2. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. №2. С. 96-102.
3. Подольская Н.В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 36-37.
4. Кропачева К.И. Антропоним как знак в языке и речи (на примере антропонимического пространства английского языка) // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 4-5. С. 37-50.
5. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность, формы, развитие. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 280 с.
6. Смольников С.Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. 2005. №2. С. 23-35.
7. Латышев Л.К. Технология перевода. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с.
8. Бархударов, Л.С., Беляевская, Е.Г., Загорулько, Б.А., Швейцер, А.Д. Английский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000. С. 43-87.
9. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Русский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 444-513.

© Зяблова Ольга Александровна (oaziablova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТЕРЕОТИПИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПРОСА

STEREOTYPED IDEAS ABOUT GREAT BRITAIN ON THE BASIS OF A SOCIOLINGUISTIC SURVEY

E. Ignatenko
A. Chernobrov

Summary: The article deals with the issue of the emergence and change of stereotypes about British culture in Russia. The study was conducted on the basis of a sociolinguistic survey, which revealed the stereotypical perception of reality by informants, despite the large amount of reliable information about Britain and the possibility of easy access to it. Article materials can be embedded in several concept spheres for a more complete understanding of such dichotomies as «friend or foe», «friend-enemy», etc.

Keywords: picture of the world, association, stereotype, mentality, Britain, British culture, background knowledge.

Игнатенко Екатерина Николаевна

Преподаватель, Новосибирский государственный
университет экономики и управления
kaleidomathmaticalgirl@gmail.com

Чернобров Алексей Александрович

д-р филол. наук, профессор, Новосибирский
государственный педагогический университет
a.chernobrov@bk.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о появлении и изменении стереотипов о британской культуре в России. Исследование проводилось на материале социолингвистического опроса, который выявил стереотипное восприятие действительности информантами, несмотря на большой объем достоверной информации о Британии и возможность легкого доступа к ней. Материалы статьи могут быть встроены в несколько концептосфер для более полного понимания таких дихотомий как «свой-чужой», «друг-враг» и т.д.

Ключевые слова: картина мира, ассоциация, стереотип, менталитет, Британия, британская культура, фоновые знания.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью рассмотрения стереотипов о британской культуре в ситуации быстро меняющихся отношений между Россией и Британией и появлением большого массива информации об этой стране. Главный вопрос, на который необходимо ответить – отразилась ли текущая экстралингвистическая ситуация на лингвистическом уровне. На концептологическом уровне стереотипизированные представления о Британии входят в концептосферу *свой\чужой, друг\враг* и т.д. На дискурсивном уровне они входят в профанный дискурс или дискурс масс и отличаются от дискурса власти. В статье ставится цель рассмотреть степень отражения явлений британской культуры и ее наследия в русском сознании, а также определить, в какой форме влияние британской лингвокультуры коснулось современного русского менталитета. Именно стереотипизированные представления формируют фоновые знания об объекте. Те, в свою очередь, влияют на формирование денотативных и, в особенности, коннотативных компонентов значения слова. В дальнейшем стереотипизированные представления могут проявляться на концептологическом, текстологическом и дискурсивном уровнях.

Рассмотрим философский и терминологический базис нашей работы. Со времен Т. Куна понятие научной парадигмы стало применяться не только в естественных, но

и в гуманитарных науках. Т. Кун ввел этот термин в конце 1950-х гг. и определил его как «модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» [9, с. 29]. Считается, что в современном языкознании преобладающей является антропоцентрическая парадигма, с точки зрения которой человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», и это дает ему право «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», определяющий его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [11, с. 6–7]. Однако это не отменяет факта существования других исследовательских парадигм, которые, скорее, дополняют, чем исключают друг друга, и каждая из них в большей степени подходит для описания различных фактов и явлений. Одним из основных понятий, рассматриваемых в данной статье, является понятие картины мира, которое мы будем исследовать в рамках антропоцентрической парадигмы, так как эта картина связана с его личностным восприятием, а в свою очередь антропоцентрическая парадигма исследует факты и явления, исходя из восприятия реальности.

Термин «картина мира» введен в филологический оборот главой неогумбольтианской школы Й.-Л. Вайсгербером [3, с. 180]. У самого В. Гумбольдта этот термин не встречается. Понятие картины мира также важно для лингвистической философии Л. Витгенштейна, которо-

му принадлежит знаменитое высказывание: «границы моего языка – это границы моего мира» [4, с. 180]. Термин можно понимать как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека». Картина мира как «субъективный образ объективной реальности, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одном из них» [12, с. 21]. Естественно, что картины или образы мира в разных культурах существенно различаются, особенно, если они географически удалены друг от друга. Различия восточной и западной картин мира проанализированы, например, в книге В.Б. Касевича [7]. Следует провести границу между научной и наивной картинами мира. «Научная картина мира – это особая форма научного теоретического знания, репрезентирующая предмет исследования науки соответственно определённой стадии её исторического развития, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска» [13, с. 16].

Наивная картина мира наиболее ярко проявляется на лингвистическом уровне и по-другому именуется языковой картиной мира. Языковую или наивную картину мира принято интерпретировать как «отражение профанных, обывательских представлений о мире» [1, с. 357]. Подобная картина называется наивной, так как в ней элементы и понятия научной картины мира представлены в искаженном виде, с измененным объемом и содержанием. Понятие картины мира продолжает активно использоваться в современной лингвистике, но как правило, не само по себе, а в приложении к какому-либо концепту, как например в диссертации [10] и многих других. Считается, что концепты существуют в сознании в виде фреймов и скриптов, как в диссертации [5] или гештальтов [8]. Данный тезис все еще имеет статус гипотезы, а не полностью доказанной теории. Доказанным можно считать тот факт, что два вида дискурса, профессиональный и профанный, смешиваются, при этом профессиональный дискурс стилистически снижается, а профаны зачастую стараются имитировать профессионалов. Рассматриваемые в статье результаты опроса подтверждают данную точку зрения и иллюстрируют смешение элементов научного и профанного дискурсов. Широкий доступ к информации и стремительное развитие информационно-технологической сферы не влияют на данную ситуацию, а наоборот изолируют пользователей, побуждая их искать и присоединяться к сообществам единомышленников, придерживающихся своей точки зрения без ее объективного подтверждения. Подобная ситуация способствует появлению и укреплению стереотипов и стереотипизированного сознания.

Большой психологический словарь дает следующее

определение: «Стереотип – это устойчивое, категоричное и крайне упрощенное представление (мнение, суждение) о каком-либо явлении, группе, исторической личности, распространенное в данной социальной среде; усваивается индивидом в процессе социализации» [2, с. 473]. Повторим, что стереотип не обязательно является истинной формой знания об объекте, однако входит в сферу фоновой информации. Термин «фоновые знания» был введен Дж.Р. Серлем [14]. Термин основан на двойном значении этого английского слова: 1) фон, задний план; 2) образование. Фоновые знания в отличие от научного знания, которое основано на рациональности, характеризуются прагматичностью и универсальностью и претендуют на общезначимость. Эти знания выражают коллективные представления о явлениях, что приводит в лучшем случае к упрощению этих представлений, а в худшем – к их мифологизации. Всё же стереотипы не обязательно отрицательны либо ложны, как мы увидим из результатов опроса. Укоренение стереотипа в общественном сознании происходит ввиду частотности встречаемой информации, а также видео- и аудиоподкрепления. Появление стереотипов о британской культуре в России – явление интересное, так как, несмотря на длительную историю русско-британских отношений, эти отношения большей частью находились в сфере «государство-государство», с XV в. и по сей день можно наблюдать негативную тенденцию изменений отношений от дружественных до враждебных. Но это относится к уже упомянутой сфере дискурса власти, а что касается сферы «человек-человек» или «общество-общество», то более близкое знакомство с британской культурой началось во второй половине XX в. Советские СМИ формировали определенные образы Британии, и эти обобщенные образы легли в основу стереотипизированных представлений. В новом веке появились возможности (посредством интернета) погрузиться в британскую культуру и, возможно, избавиться от некоторых стереотипов, однако как мы увидим из результатов опроса, язык проявляет свою консервативность, и стереотипы тяжело поддаются переосмыслению, несмотря на меняющуюся обстановку в стране и мире.

Для достижения цели была составлена анкета для сбора данных среди опрашиваемых в возрасте от 15 до 25 лет. В опросе участвовало 144 человека, причем они не могли пользоваться сторонними источниками информации. Опрос должен был выявить фоновые знания опрашиваемых. Относительно первого вопроса была сделана установка на быстроту реакции, относительно других вопросов опрашиваемые должны были воспользоваться своими фоновыми знаниями и попытаться дать максимально полный ответ. При необходимости после ответов информантов даётся краткий лингвострановедческий комментарий. В пояснениях подчеркнуты явные ошибки информантов, то есть случаи приписывания Британии небританских реалий. Комментарии даны курсивом в скоб-

ках. Арабскими цифрами в скобках указано количество повторяющихся ответов. Ответы даны через запятую в порядке убывания частотности. В целях экономии места мы отказались от табличного представления данных.

1. Назовите пять ассоциаций, которые возникают у Вас с понятием Англия:

Английский чай (81), Английская королева (67), Биг-Бен (64), Двухэтажный автобус (41), Джентльменская/Рыцарская культура (34), Лондон (29), Английский язык (21), Футбол, Телефонная будка (19), Парламентская монархия (12), Юнион Джек (британский флаг) (10), Морская держава, Особая архитектура, Гвардия/Красная форма с мундиром, Бульдоги (7), Букингемский дворец, Колонизация, Туманы/Дожди (6), Европа, Шерлок Холмс, Оксфорд (5), Замки, Империя (4), Тауэр, Чопорность/Закрытость, Толерантность/Свобода (3), Разводные мосты, Красный цвет, Фастфуд, Санкции, Музыка 1960–70-х, Гарри Поттер, Риджентс парк (один из главных королевских парков Лондона), Корги (породы пастушьих собак, происходящие из Уэльса), Гольф, Кепка/Берет, Такси, Фунты стерлингов, Левостороннее движение, США, Кофе (2)

Чизкейк, Лондонский глаз (колесо обозрения, построенное в Лондоне к празднованию миллениума), Килт (предмет мужской шотландской национальной одежды), Детективы, Томас Шелби (вымышленный персонаж, родившийся в 1890 году в Бирмингеме в Англия, и главный герой криминальной драмы «Острые козырьки»), Джек Потрошитель, Война с Ирландией (вооружённый конфликт в виде партизанских действий между Ирландской Республикой и Великобританией в 1919–1921 годах), Стейк, Регби (контактный командный вид спорта, возникший в XIX веке в Англии), Бенедикт Камбербетч (британский актёр), Кровавая Мэри (алкогольный коктейль на основе водки и томатного сока), Викинги, Доктор Кто (британский научно-фантастический телесериал компании BBC об инопланетном путешественнике во времени, известном как Доктор), Принцесса Диана, Лев, Газон, Промышленная революция, Джеймс Бонд (секретный агент британской разведки MI6 и носит кодовое имя 007), Макс Купер (лондонский продюсер электроники и техно), Рождество, Эльфы, Альбион, Рыба, Деловой стиль одежды, Монокль, Скотланд Ярд, Принц Чарльз, Автопром (1)

2. Назовите три слова, которыми можно описать специфику английской культуры.

Чай (24), Утонченность (12), Этикет, Вежливость (11), Традиции, Толерантность (9), Английский юмор, Королева (7), Английский язык, Чопорность (6), Интеллигентность, Древняя/классическая история, Спокойствие (5), Уникальность, Разнообразие, Аристократичность, Замки/архитектура (4)

Мода, Гордость, Биг-Бэн, Сложная, Богатство, Завоевания, Воспитание, Приветливость, Королевство/монархия, Современная, Интересная, Красота, Глобальность (3), Отзывчивость, Музыка, Порядок, Литература, Искусство, Графство, Аккуратность, Рыцарство, Труд, Сдержан-

ность, Армия (2)

Скинхеды (представители одной из молодёжных субкультур, зародившихся в Великобритании в 1960-х), Панки (субкультура, возникшая в конце 1960-х — начале 1970-х годов в Великобритании, США, Канаде и Австралии), Магия, Футбол, Дресс-код, Красные мундиры (парадная форма британской пехоты), Принцесса, Мосты, Своенравие, Техника, Соблюдение личных границ, Развитие, Кухня, Театр, Самодостаточность, Рациональность, Пабы, Фунты стерлингов, Автобусы, Особый менталитет, Харизма (1)

3. Назовите три предмета, изобретенные или открытые в Англии или англичанами.

Паровой двигатель (Джеймс Уатт создал универсальную паровую машину двойного действия. Изобретения Уатта запустили процесс промышленной революции в Англии, а затем и во всём мире) (26)

Футбол (футбол в его современном понимании возник в 1863 году в Лондоне, когда была создана Футбольная ассоциация Англии, ставшая первой футбольной ассоциацией в мире) (13)

Автомобиль (Карл Бенц запатентовал трехколесный автомобиль, известный как Motorwagen, в 1886 г. Таким образом, изобретение современного автомобиля восходит к немецким инженерам) (12)

Велосипед (немецкий профессор барон Карл фон Дрез в 1817 г. создал прототип современного велосипеда) (11)

Компьютер (в 1822 году английский изобретатель Чарльз Бэббидж выпустил счетную машину, которая стала прототипом первого компьютера, доработанного американскими инженерами) (9)

Телевизор (изобретение телевизора длительный и сложный процесс, в котором приняли участие инженеры из разных стран, включая Великобританию) (7)

Чай (Великобритания занимает третье место по потреблению чая на душу населения после Турции и Ирландии. Родиной чая считается Юго-Западный Китай), Телефон, Антибиотики, Законы Ньютона, Фотография (первое устойчивое фотографическое изображение было создано в 1822 году французским изобретателем Жозефом Ньепсом) (6)

Лампочка (патент на изобретение электрической лампочки получил американский инженер Томас Эдисон), Интернет (изобретение американских инженеров по заказу Министерства обороны США) (5)

Железная дорога (4), Самолет (конструирование и постройка американских братьев Райт), Зубная щетка (первый патент на зубную щётку был получен американцем Г.Н. Уодсвортом в 1850 г.), Двухэтажный автобус, Метро, Монокль, Корабль (намек на Британию как морскую державу, возможно, на пароход. Первый успешно использовавшийся пароход сконструировал американец Р. Фултон в начале XIX в.) (3)

Танк, Электромагнит, Пылесос (первые пылесосы были изготовлены в США в 1869 году), Деньги (намек на главен-

ство денег при капитализме) (2)

Телефонная будка (первые сведения о платных телефонах, по которым мог поговорить любой желающий, появились в 1878 году в штате Коннектикут), Трость (трость была изобретена в 1931 году французом Гиём д'Эбермоном и первоначально распространялась среди французских ветеранов Первой мировой), Элементарные частицы, Цилиндр, Радио (7 мая 1895 года российский ученый Александр Попов представил прибор для регистрации электромагнитных всплесков при грозовых разрядах), Кинематограф (изобретателями кинематографа считают французских фотографов братьев Люмьер), Электричество, Пистолет Томпсона (американский пистолет-пулемёт, изобретённый в 1918 году Джоном Томпсоном), Английское прощание, Рентген (в 1895 году немецкий физик Вильгельм Конрад Рентген открыл X-лучи), Мобильный телефон (сотовую связь, а также мобильный телефон придумал и реализовал американец доктор Мартин Купер), Шнапс (напиток начали делать австрийцы в 16 веке), Конституционная монархия, Эволюционизм, Стиральная машина, Стереозвук, Анестезия (изобретение американского стоматолога и хирурга Уильяма Мортон), Фонограф (изобретен американским инженером Томасом Эдисоном), Вакцина от оспы, Фастфуд (как индустрия возник в 1920-е годы в Америке), Покер, Двигатель (был изобретен французским инженером Этьеном Ленуаром), Гребной винт, Регби, Кленовый сироп (первыми людьми, которые начали делать кленовый сироп, были коренные американцы, проживавшие в северо-восточной части Северной Америки) (1)

4. Какие фильмы и сериалы, посвященные истории Англии, вы знаете?

Острые козырьки (британский сериал о криминальном мире Бирмингема 20-х годов прошлого века), Шерлок (13), Елизавета (6), Корона (исторический сериал, иллюстрирующий жизнь королевы Великобритании) (5), Гарри Поттер, Паддингтон (сказочная история медведя Паддингтона, прибывшего из Перу в Лондон), Кингсмен (британско-американская франшиза, основанная на приключениях агентов *Kingsman*, вымышленной секретной организации), Тюдоры (4), Спенсер (3)

Мэри Поппинс, Властелин Колец, Один дома (действие фильма происходит в Чикаго), 101 далматинец (американский фильм, действие которого происходит частично в Лондоне), Король Артур, Герцогиня (историческая драма о жизни и судьбе герцогини Девонширской Джорджианы Кавендиш), День расплаты (исторический фильм об Англии XIV в.), Еще одна из рода Болейн, Пираты карибского моря, Питер Пэн, Ричард Львиное сердце, Храброе сердце (действие фильма происходит в 1280 году в Шотландии), Отец Браун (детективный сериал телеканала BBC One по рассказам Г.К. Честертона о священнике, ведущем расследования в небольшой английской деревне), Титаник, Доктор Кто (сериал), Хоббит, Меч короля Артура, Джентльмены (фильм британского

режиссера), Белая королева (британский исторический сериал производства BBC, о событиях войны Алой и Белой розы), Столпы земли (фильм о строительстве кафедрального собора в вымышленном средневековом английском городке Кингсбридж), Рокетмен (художественная биография британского музыканта Элтона Джона), Король (исторический фильм об Англии начала XV века), Игра в имитацию (драма о криптографе военного времени Алане Тьюринге, который взломал код немецкой шифровальной машины «Энигма» во время Второй мировой войны), Ход королевы (американский драматический мини-сериал о вымышленном шахматисте-гении, который вдохновлен биографией Бобби Фишера), Дюнкерк (фильм основан на событиях Дюнкеркской операции — эвакуации морем английских, французских и бельгийских частей, блокированных у города Дюнкерк немецкими войсками в 1940 году), Морские дьяволы (российский сериал о боевой группе «Смерч»), Братья по оружию (патриотический сериал о героических достижениях американских солдат), Рим (британский сериал о правлении Цезаря), До встречи с тобой (британская мелодрама), Патрик (британский семейный фильм-комедия), Круэлла (история Круэллы Де Вилль из франшизы «101 далматинец»), Легенда (фильм о близнецах Реджи и Ронни Крэй, культовых фигурах преступного мира Великобритании 1960-х), Две королевы (фильм о борьбе за власть Марии Стюарт и Елизаветы I), Убийство в восточном экспрессе, Вильгельм Завоеватель, Красная королева (сериал о трагической судьбе манекенщицы из СССР Регины Збарской), Эмили в Париже (американский комедийно-драматический телесериал), Наследники (американская вымышленная история о семье Рой, владельцах медиаконгломерата «Уэйстар Ройко»), 1917 (военная драма о двух британских солдатах, которым поручено доставить важное послание об отмене запланированного наступления) (1)

5. Назовите пять англичан, которые внесли наибольший вклад в мировую историю и культуру.

Уинстон Черчилль (27), Исаак Ньютон (25), Королева Елизавета, Уильям Шекспир (24), Чарльз Дарвин (21), Принцесса Диана (8), Джон Леннон (6), Джон Толкин (4), Королева Виктория, Queen (британская рок-группа) (3), Принц Чарльз, Джеймс Кук, Том Харди (английский актёр, продюсер и сценарист), Битлы, Майкл Фарадей, Оливер Кромвель, Бенедикт Камбербетч, Чарльз Чаплин (2)

The Clash (одна из первых и наиболее известных британских групп исполнителей панк-рока), Slaves (английская панк-рок-группа), Arctic Monkeys (британская рок-группа), Гай Фокс, Ричард Тревитик (британский изобретатель), Алан Тьюринг (английский математик, логик, криптограф, оказавший существенное влияние на развитие информатики), Конан Дойль, Джон Бэрд (шотландский инженер, получивший известность за создание первой механической телевизионной системы), Том Холланд (английский актёр), Дэниел Рэдклифф

(английский актёр, продюсер. Известен как исполнитель роли Гарри Поттера в серии фильмов), Том Фэлтон (британский актёр, певец и гитарист), Генрих VIII, Гай Ричи (британский кинорежиссёр, сценарист, продюсер), Джордж Байрон, Морис Уилкинс (английский физик и молекулярный биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине), Пол Маккартни, Джейн Остин, Фредди Меркьюри, Дэвид Боуи (1)

Небританцы:

Никола Тесла (3), Христофор Колумб, Джек Лондон (2), Джордж Вашингтон, Томас А. Эдисон, Коко Шанель, Людвиг ван Бетховен, Оскар Уайлд, Тоби Макгуайр (*Человек-паук*) (1)

Как видим, ответы информантов в основном выступают в двух формах: 1) названия предметов и явлений и 2) характеристики или описания. При этом первый тип заметно преобладает. Характеристики также представлены в субстантивной форме (*чопорность*). Ответы и ассоциации почти всегда прямые, то есть отсутствуют опосредованные намёки на что-либо. Это объясняется тем, что наш опрос не был свободным ассоциативным экспериментом, а содержал некоторые предварительные установки и условия. Свободные ассоциативные эксперименты, проведённые нами ранее, давали большое количество адъективных, предикативных, опосредованных и фонетических реакций.

Итоги исследования выявили следующие свойства ассоциативного поля:

1. Высокий процент стойких ассоциаций. Наиболее популярные ответы не являются оригинальными и существуют несколько десятилетий.

2. Высокий процент ошибочных референций, например *Никола Тесла, Братья по оружию, компьютер* и т.д.
3. Слабое влияние политической конъюнктуры.
4. Большая процент фантазийных компонентов, например книги Джона Толкина и Джоан Роулинг в качестве книг по истории Британии.
5. Большое значение визуальных подкреплений многих ассоциаций, например, среди значимых для истории Британии личностей фигурирует много селебрити, а среди ассоциаций указано много достопримечательностей, о которых можно узнать и увидеть посредством телевидения или интернета.
6. Не наблюдается негативных ассоциаций, существует идеализация британской культуры, что выражается в таких ассоциациях, как *утонченность, этикет, вежливость*.

Стереотип является довольно ригидной формой осмысления действительности. Несмотря на то, что средства массовой информации транслируют образы, которые зачастую не соответствуют старым стереотипам, необходимо длительное время, чтобы эти образы породили новые коллективные ассоциации. Несмотря на довольно ригидную форму основных ассоциаций, мониторинг данного ассоциативного поля следует продолжать и расширять. Полученная информация может стать частью более крупной работы. Выявленные культурные компоненты могут быть встроены в несколько концептосфер, например, «свой-чужой», «друг-враг», «цивилизация-варварство», «запад-восток» и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2-х т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 769 с.
2. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 811 с.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
4. Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
5. Гарипова Г.Р. Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках: на материале фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.20). Уфа, 2010. 23 с.
6. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 36–44.
7. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 288 с.
8. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. статей под редакцией Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 107–109.
9. Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
10. Макшанцева А.Л. Смысловое наполнение и языковое воплощение концепта «удача» в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021. 207 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2001. 208 с.
12. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212 с.
13. Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.
14. Searle John R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. Cole P., Morgan J.L. (eds.). New York; San Francisco; London: Academic Press, 1975. P. 59–82.

© Игнатенко Екатерина Николаевна (kaleidomathmaticalgirl@gmail.com), Чернобров Алексей Александрович (a.chernobrov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИФ О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА

Курьянова Валерия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
kuryanova_v@mail.ru

THE MYTH OF LEO TOLSTOY IN THE CREATIVE MIND OF I. A. BUNIN

V. Kuryanova

Summary: The article, based on the material of I.A. Bunin's work, examines the elements of the Tolstoyan text as a nominal supertext of literature. It is argued that the basis of this text is the myth of L.N. Tolstoy, which has been actively developing for a century and a half until today, but at the beginning of the 20th century, when Tolstoy's tragic departure from his own home became popular, it became especially relevant. The structure of the Tolstoyan myth is analyzed, the mythologies associated with it (mythologized constant representations) created and reproduced by Ivan Bunin in accordance with his own artistic worldview, personal attitude to the work and personality of L.N. Tolstoy. In the light of the problem posed, the author's works of fiction, his articles and memoirs are examined. Attention is focused on the originality of the Tolstoy text in the creative heritage of Bunin, based on the proximity of worldviews, the sacralization of the image of the great writer, rejection of criticism and profanation of the image of Tolstoy in contemporary art, journalism and memoirs.

Keywords: supertext, Tolstoyan text, nominal text, biographical myth, myth of L. N. Tolstoy, Russian literature of the 20th century, I.A. Bunin.

Аннотация: В статье на материале творчества И.А. Бунина рассматриваются элементы толстовского текста как именного сверткста литературы. Утверждается, что основой этого текста является миф о Л.Н. Толстом, который активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX века в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведённые И.А. Буниным в соответствии с собственным художественным мировидением, личным отношением к творчеству и личности Л.Н. Толстого. В свете поставленной проблемы рассматриваются художественные произведения писателя, его статьи и воспоминания. Акцентируется внимание на своеобразии толстовского текста в творческом наследии Бунина, основанном на близости мировоззрений, сакрализации образа великого писателя, неприятии критики и профанирования образа Толстого в художественном творчестве, публицистике и мемуарах современников.

Ключевые слова: сверткст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, миф о Л.Н. Толстом, русская литература XX века, И.А. Бунин.

На протяжении XX века в обществе и искусстве все более и более подвергается сомнению уверенность в существовании некоей незыблемой истины, принятой всеми. Вера в прогресс, в нравственное совершенствование человека колеблется год от года, поэтому мифологизация становится определяющей в окружающем человека мире. Неомиф начинает занимать такое же важное место в жизни социума, как в свое время архаичный миф. В поле зрения исследователя-литературоведа попадают большие сверткстовые структуры, которые собираются воедино благодаря цементирующему этот сверткст началу в виде мифологизированных константных представлений. Значимость исторической личности для той или иной эпохи, несомненно, коррелирует со значительностью и масштабностью мифа о ней создаваемого, то есть чем значимее для воспринимающего сознания фигура, тем значительнее ее миф.

Первая попытка описать топический сверткст осуществлена в работе В.Н. Топорова «Петербургский текст» [32], в которой исследователь убедительно доказал, что в основу Петербургского текста положен миф о городе Санкт-Петербурге. Этот труд дал толчок многочисленным

исследованиям Крымского текста [22; 15], Московского [25], Лондонского [28], Венецианского [14], Пермского [1] текстов и т.п. На сегодняшний день литературоведческая наука выделяет уже не только топический сверткст, но также событийный и именной, в зависимости от общности референта [21].

Не каждый топос, событие или личность являются мифопорождающими. Для возникновения необходимой мифогенности местность, явление, персона должны иметь концептуальный характер, то есть быть настолько смыслово наполненными и распространенными в культурном пространстве, чтобы быть понятным как авторскому сознанию, так и воспринимающему. Такой фигурой и становится Лев Николаевич Толстой, тревожащий умы века XIX, XX и не оставляющий равнодушным XXI век. Таким образом, толстовский текст в литературе представляет собой «семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых константных представлений (мифологем) о нём и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писателя и закрепленных в произведениях русской литературы. Толстовский текст

оформляется и «прочитывается» обязательно и только с помощью единого для воспроизводящего и воспринимающего сознания интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [16, с. 181–182].

Индивидуально-авторское сознание каждого художника транслирует биографический миф либо в охранительном направлении, либо в профанном. В первом случае автор относится к исследуемой личности с особенным трепетом и пиететом, стремясь, как ему кажется, оградить и очистить биографию своего героя от слухов и искажений. Профанируя же образ, писатель намеренно пытается лишить его святости и высмеять. Но несмотря на разные задачи и тот, и другой вектор «работает» на дальнейшую мифологизацию и распространение мифа.

Толстой благодаря подробным объемным дневникам, автобиографичности своих произведений становится первым творцом мифа о себе. Затем рассказы о нем распространяются в многочисленных воспоминаниях родственников, друзей, секретарей, врачей, последователей, активно публикуется его переписка, в газетах выходят заметки о его передвижении и состоянии, изменениях. Большой интерес вызывает его фигура у современников-писателей, так или иначе ориентировавшихся на талант и популярность.

Цель данной статьи – выявить, что представляет собой и как проявляется толстовский миф, формирующий толстовский текст в художественных, публицистических произведениях и мемуаристике И.А. Бунина. Проблемы восприятия и преемственности писателем философии творчества Л.Н. Толстого вполне успешно разрабатывались в отечественном литературоведении [23; 18; 20; 3; 26; 29; 30; 13], но в настоящей статье исследуется вклад Бунина в создание мифа о Толстом в русской литературе первой половины XX века.

Восхищение личностью Л.Н. Толстого сопровождало Бунина на протяжении всей жизни. Познакомившись впервые с произведениями «великого Льва» в юном возрасте, он не расставался с ними до самой смерти, даже возле смертного одра лежал томик Толстого. Несмотря на художественную и земляческую близость (Бунин любил выражение «одних квасов») начинающий писатель не рассчитывал на особенное общение с Толстым. Бунин чувствовал эту близость со многими известными писателями, родившимися в средней полосе России: «Жуковский и Толстой – тульские, Тютчев, Лесков, Тургенев, Фет, братья Киреевские, братья Жемчужниковы – орловские, Анна Бунина и Полонский – рязанские, Кольцов, Никитин, Гаршин, Писарев – воронежские. Даже и Пушкин с Лермонтовым отчасти наши, ибо их родичи, Воейковы и Арсеньевы, тоже из наших мест, из наших квасов, как го-

ворят у нас» [6, с. 11]. В поздних своих воспоминаниях Бунин критикует замечания А.Б. Гольденвейзера о каких-то исключительных особенностях речи Л.Н. Толстого, он видит в этом особенности языка жителей конкретной местности России, замечая, что и сам также произносит слова.

В ранней юности Бунин предпринимает поездку в Ясную Поляну, но, сильно переволновавшись, переутомившись, засыпает на лавке в городском саду попутного городка Ефремов, а утром дальнейшую поездку в поместье Толстых уже не продолжает, а, загнав лошадь, возвращается домой [7, с. 53]. Писатель сам говорит о некоем образе автора «Войны и мира», который он сам себе нарисовал и влюбился в него: «томил меня мечтой увидеть его наяву» [7, с. 53]. Рассказчик в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» восхищен, что он современник Толстого и, мало того, его сосед [5, с. 138]. Уже в юном возрасте Бунин создает в своем сознании авторский толстовский миф.

Приехав в Полтаву, он попадает в общество толстовцев и примыкает к нему, занимаясь бондарным делом («Для чего мне нужны были эти обручи? Для того опять-таки, что они как-то соединяли меня с Толстым, давали мне тайную надежду когда-нибудь увидеть его, войти в близость с ним» [7, с. 56]), в дальнейшем Бунин распространяет книжки издательства «Посредник» в надежде на встречу с Толстым.

Наконец начинающий писатель книги «Освобождение Толстого» едет к своему кумиру в Хамовники. В предвкушении долгожданной встречи уже сам дом Толстых представляется сказочным заколдованным местом: «над ним тихо играющие разноцветными лучами сказочно-прелестные зимние звезды. Да и все вокруг сказочное. Какой особый сад, какой необыкновенный дом, как таинственны и полны значения эти освещенные окна: ведь за ними – Он!» [7, с. 57]. Даже сегодня современный посетитель дома-музея, оказавшись зимой в Хамовническом переулке, невольно попадает под обаяние этого старинного простого дома в тихом закоулке центра Москвы. Что уж говорить про автора-эмигранта, вдали от родины восстанавливающего свои воспоминания молодости.

Облик Толстого, впервые увиденного рассказчиком, вполне характерен для мифологизированного опрощенного образа писателя: шаровары, «мешковатая блуза из серой бумази», затем также характерные для толстовского мифа эпитеты: «быстрый, легкий, страшный, остроглазый, с насупленными бровями» [7, с. 58]. Быстроту и легкость гения русской литературы отмечали многие до самых последних лет его жизни, об остроте глаз, которые с легкостью считывали каждого человека, также широко известно. О страхе перед Толстым упоминают мало, чаще всего это страх быстро проходящий, только пугающий до ближайшего знакомства, до «мягкого пожатия»

большой руки и «ласковой очаровательной улыбки». При ближайшем рассмотрении оказывается, что глаза «вовсе не страшные и не острые, а только по-звериному зоркие» [7, с. 58]. Подробнейшим образом описывает Бунин и бороду Толстого: сухая, легкая, неровная, сквозная борода дополняет образ, но не носит у автора книги специального мифологизированного характера, в отличие от многих писателей и поэтов XX века, использующих в своих текстах как мифологему (ср. например, у В. Маяковского: ««На стене / росла / у Маркса // под Толстого / борода» [17, с. 161]). Хождение толстовского мифа в русском обществе отмечает и сам Бунин, подчеркивая, что «не было тогда дома в Москве, где бы не обсуждали проповедей Толстого, не бранились по поводу него, не рассказывали о том, как он, в своей бекешке, с седой бородой, с жесткими и умными глазами под нависшими бровями, пробегает то там, то здесь по московским улицам и бульварам» [7, с. 68].

Затем он встречается Толстого несколько раз уже в издательстве «Посредник», в присутствии других людей. И завершаются реальные встречи рассказчика со своим героем случайным столкновением на Арбате: также зимняя Москва, холод, «посиневшее старческое лицо», «ледяная рука», «что-то вязаное на голове, похожее на старушечий шлык», – такой опрошенный, даже несколько комичный образ все-таки заставляет опять впасть в ступор молодого писателя перед величием личности Л.Н. Толстого. Возможно, «горестность», которую снова подчеркивает в глазах Бунин говорит не только о боли писателя за весь страдающий мир, но и собственные переживания о регулярном эффекте, вызывающем скованность других людей перед величием «Льва русской литературы», такая реакция неприятна Толстому. На станции Астапово умирающий писатель произносит: «на свете есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва» [31, с. 275]. Освобождение Толстого, вынесенное Буниным в заглавие книги, значило в том числе, по мысли автора, и уход (в том числе трагический) от колоссального внимания к личности мыслителя большого количества людей.

Толстовский портрет кисти Репина висит в комнате героини рассказа «Чистый понедельник». С одной стороны, это примета времени, как концерт Шаляпина или лекция Белого, которые посещают персонажи произведения. Но говорит такое почитание перед кумиром автора-Бунина и о неординарности и глубине сознания девушки, что и проявится в раскрытии характера героини в финале произведения. В описании комнаты наличие портрета вызывает сомнение: «зачем-то висел портрет босого Толстого» (курсив мой – В. К.) [11, с. 190], это связано с непониманием героя своей возлюбленной (интерьер представлен читателю с точки зрения героя), выявляется подчеркнутая Буниным разобщенность персонажей с первых страниц. Исследователь О. Лекманов

вполне убедительно доказывает, что портрет босого Толстого на стене героини говорит не только о ее увлеченности русской философией и литературой, а о том, что она представляет собой толстовский тип: от музыкальных пристрастий до ухода [19; 4].

Главный герой романа «Жизнь Арсеньева» перечисляет все мифы, ходившие вокруг фигуры Толстого, в кругах разночинцев и мелкопоместных помещиков конца XIX века: «Толстого всячески поносят за «постыднейшую и вреднейшую проповедь неделания», за то, что он «носит с Богом как с писаной торбой» и, поиграв в пахаря или сапожника, садится за «роскошный» стол, в то время, как тот же яснополянский мужик, в любви к которому он так распинается, «пухнет с голоду» [5, с. 146]. Именно такие мифологемы профанного вектора толстовского мифа расходились тогда в российском обществе и за его пределами. В романе у молодого Алеши Арсеньева подобные разговоры вызвали возмущение, он чувствует лицемерие провинциальных сплетен, поэтому он, охваченный идеями толстовства, все более чувствовал правоту «великого Льва». Бунин глубоко убежден в том, что «все легенды» о Толстом «создавались прежде всего по его собственной вине – на основании его резких, крайних самооценок» [7, с. 129]. Толстой сам создатель биографического мифа о себе, а благодаря глубочайшей исповедальности и открытости, постоянной самокритике, уличении себя в пороках, создатель прежде всего профанного вектора собственной мифологии.

Впервые образ Толстого появляется в раннем рассказе Бунина «Учитель» (1894). Герой произведения полусирота, сын дьякона, отчаянно пытающийся заработать себе на пропитание, но сумевший только лишь получить себе должность земского учителя, Турбин находится в состоянии полуголодных мечтаний о будущей сытой жизни. Местный аристократ, Линтварев, пожалев учителя, приглашает его к себе на святочный праздник, Турбин видит в этом приглашении возможность наконец найти необходимый для себя круг общения. Герой зашивает дырявый сапог, надевает позаимствованную чужую рубашку и идет на прием, ожидая увидеть удивительную роскошь, но встречает его довольно простая обстановка, радушные ласковые хозяева. Одной из примет простоты и вместе с тем просвещенности Линтарева становится облик Толстого: «долго стоял перед камином, рассматривал большой портрет Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себе» [8, с. 323].

В рассказе Бунин использовал мифологему опрошения Толстого: личность писателя играет значительную роль в жизни семьи Линтарева – его большой портрет занимает центральное место в столовой дома. Хозяин дома – богатый успешный молодой человек – проявляет жалость и интерес к бедному учителю, потому что христианские толстовские идеи ему близки. Но русская

действительность, бедность, голод, тоска, неуверенность и водка не могут быть побеждены только лишь жалостью и лаской, что подтверждается грязной хмельной кабацкой попойкой учителя и похмельным приговором неудачливому «педагогу» завершающими рассказ. Использование толстовского мифа дает возможность автору показать безнадежность и беспросветность русской деревни и провинции, проблему, которая станет одной из магистральных в творчестве Бунина.

Мифологема Толстого об опрощении в творческом наследии Бунина обозначена выражением «келья под елью» («На даче» [8, с. 358], «Жизнь Арсеньева» [5, с. 177]). Русская народная пословица «Найдешь келью и под елью» [27, с. 85] помещена В.И. Далем в раздел «Достаток – Убожество» в ряду других подобных («И месяц светит, когда солнца нет», «Сена нет, так и солома съедома» и т.п.), обозначающих способность человека жить в любых условиях, даже самых скромных. То есть пословица в полной мере передает идею опрощения писателя: пресекать всякую избыточность, использовать только тот минимум, который необходим здесь и сейчас, поэтому и под елью ты найдешь себе жилище и будешь в гармонии с самим собой.

В связи личностью Толстого пословица используется впервые Н.К. Михайловским в статье «Еще о гр. Л.Н. Толстом» (1880). Критик возмущен толстовскими идеями и образом жизни, о чем свободно высказывается: «выстроил себе «келью под елью», куда разрешается ходить всем на поклонение и откуда сам он презрительно выглядывает на весь божий мир <...> все – трын-трава, лишь бы старца в келье под елью слушали, да злу не противились <...> а он... он в келье под елью сидит!..» [24]. Михайловский вносит в пословицу дополнительную коннотацию, келья начинает оттягивать на себя все метафорическое значение, то есть символизировать некое отдаленное место, жилище отшельника, одинокого пути духовных исканий. «Келья под елью» в интерпретации известного критика скорее напоминает «башню из слоновой кости», то есть оторванность от реальной жизни, самоизоляция, даже снобизм и замкнутость.

Бунин же, имея некоторый опыт толстовства и общаясь с Толстым, пишет именно об опрощении, о единении с природой. В рассказе «На даче» пока еще с насмешкой, еще не осознавший свой путь, главный герой называет жилище Каменского «кельей под елью». Зайдя в дом, он видит осознанную простоту в убранстве, именно в этот момент он задумывается, видит библию и начинает читать, в этой самой «келье» что-то новое открывается ему.

Свой эксперимент толстовства Бунин подробнее всего раскрывает в главке воспоминаний «Толстой». Начинаящий поэт едет в Полтаву и там приобретает к коммуны, но воспоминания об окружающих его людях

отнюдь не самые радужные «в общем это был совершенно несносный народ» [12, с. 48]. Ярким, видимо, человеком был Клопский «хитрый нахал и плут, неутомимый болтун, вечно всех поучавший, наставлявший» [12, с. 48], его также можно встретить на страницах повести «Учитель жизни» Н.Е. Каронина-Петропавловского, «Моих университетах» М. Горького. Все остальные толстовцы в описании Бунина также были лицемеры и глупцы. Даже знаменитый доктор А.А. Волкенштейн, по воспоминаниям столь уважаемый всеми человек, разделивший впоследствии судьбу своей бывшей жены Л.А. Волкенштейн, сосланную на Сахалин по приговору «Процесса четырнадцати» над народовольцами, изображен писателем как человек невыдержанный, например, закусывающий себя: «я опять дал волю своей похоти и очень страдаю от этого, но все же борюсь с собой и все же знаю, что не пирожки владеют мной, а я ими: я не раб их, хочу – ем, хочу – не ем» [12, с. 50].

Герой повести «Деревня» (1910) Кузьма в свойственном этому произведению темному блужданию по России оказался и под влиянием толстовского учения, «с год не курил, в рот не брал водки, не ел мяса, не расставался с «Исповедью», хотел переселиться на Кавказ, к духоборам» [10, с. 332]. Но вся его праведная жизнь, попытка выбраться из темноты деревни Дурновки, не приводит ни к чему, он заражен этой русской болезнью черноты, безысходности, он такой же «живорез», как и все остальные крестьяне, не пожалеет он никого, как и его никто не пожалеет на Руси. Мифологема толстовства и «непротивления злу насилием» использована Буниным как еще одна примета безысходности. Тема деревни, жестокий ее лик – нищая и разоряющаяся Россия воплощена и в невозможности использовать идеи Толстого, поэтому вырождение русской деревни неминуемо, как в понятной судьбе Тихона, так и в судьбе его более просвещенного брата самородка Кузьмы.

Очень важной для себя книгой считал Бунин «Освобождение Толстого» (1937), написанной в основном для зарубежных читателей (сам автор отмечает аудиторию в письме к архимандриту Киприану в Москву от 31 июля 1944 года [12, с. 133]), но получившей признание и популярность как среди русской эмиграции, так и позднее в России, потому что написана с необыкновенной любовью и трепетом к своему герою. Книга является итогом многолетних размышлений над творчеством и судьбой Толстого, а также осмыслением его ухода из Ясной Поляны в 1910.

Главной мифологемой этого философского произведения становится величие Л.Н. Толстого. Бунин подерживает идею исключительности писателя, он ставит его в один ряд с Буддой, отдавая его от жизни и судьбы обычного человека, обозначив путь схожий с героями

архаических мифов. Прежде всего писатель замечает стремление великого мыслителя выйти из координат человеческой судьбы, только тогда появится возможность освободиться и существовать на ином, духовном уровне: «пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть (все) бóльшее и бóльшее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них» [7, с. 15]. Бунин активно цитирует дневники и произведения Л.Н. Толстого, компилируя выдержки из них согласно своей идеи «освобождения», подразумевая недостаточную погруженность в толстовские материалы европейского читателя. Сущность человека «вне временных и пространственных форм», она смешана «с комарами да оленями» [7, с. 36], слита с природой, без всякого человеческого превосходства.

Толстой был настолько велик, что не мог поместиться в человеческом жилище: «потому, что «тесна жизнь в доме, место нечистоты есть дом», как говорил Будда» [7, с. 22]. Сбежал он именно из-за тесноты, невозможности так существовать далее, ему необходимо было чувствовать себя свободным, свободным, как зверь, свободным, как птица. Он должен был перейти «из «Бывания в Вечное», говоря буддийскими словами» [7, с. 38]. Поэтому и место, по мысли Бунина, выбрано такое, чтобы находилось вне обычного времени и пространства: у Будды – это «роща Уравеллы», у Толстого – станция Астапово [7, с. 41].

У Бунина был «его» Толстой не тот общественный Толстой, портрет которого в день смерти разместили во всех газетах: «чернел всему миру известный портрет старого мужика в мешковатой блузе, с горестно-сумрачными глазами и большой косою бородой» [7, с. 34] (по всей

видимости Бунин имел в виду портрет кисти И. Крамского 1873 года), а «худой загорелый юнкер», шагающий в лесу над Терекком. Для писателя его кумир был всегда юн, он был частью его собственной молодости, живущий в бунинских ранних мечтах.

Освобождение Толстого Бунин увидел как переход в некое духовное состояние, где нет пространства и времени, нет ничего материального, нет никаких связей с человеческой личностью, нет никаких потребностей и желаний, есть только «истинное Я» [7, с. 52].

Близость личности Толстого, бунинские ощущения неизменного присутствия писателя на протяжении всей жизни И.А. Бунина выразил в письме к Т.Л. Сухотине-Толстой 27 апреля 1934 г.: «Ведь вы, Толстые, истинно как родные были мне всю жизнь» [12, с. 483]. Бунин создает свой собственный миф о «великом Льве», включающий как образ остроглазого человека с нахмуренными бровями в холодной снежной Москве, так и распространенные мифологемы о толстовстве и опрощении Толстого (выраженной художником эвфемизмом «келья под елью»). Будучи современником своего кумира, Бунин подчеркивал родство гения, сумевшего от тщательного самоанализа личных дневников перейти в своих текстах к удивительно глубокому раскрытию психологии человека вообще. Толстовство же Буниным воспринято и проанализировано подробно в силу собственного опыта работы в коммуне. Поэтому несмотря на использование мифологемы «Толстой как кумир» восприятие Буниным своего предшественника представляло собой «отчетливое стремление максимально сократить расстояние между собой и Толстым – вплоть до включения его в собственный, бунинский, историко-биографический миф» [2, с. 97].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века Пермь: Кн. изд-во, 2008. 404 с.
2. Анисимов К.В. Толстовские претексты в прозе Бунина: на границе прапамяти и историзма // Лев Толстой и время. 2010. Вып. 5. С. 94–105.
3. Бабореко А.К. Бунин о Толстом // Яснополянский сборник. Статьи и материалы. Год 1960-й. Тула, 1960. С. 129–146.
4. Богданова О.В. «Чистый понедельник» И. Бунина как художественная версия «Освобождения Толстого» // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. No 4. г. Санкт-Петербург 2017. 59 с. С. 20–22.
5. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006 – 480 с. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье дерево. Рассказы (1927–1931).
6. Бунин И.А. К воспоминаниям о Толстом // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 584 с. Т. 10. Портреты; Критика; Слово о Буине.
7. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 544 с. Т. 8. «Это самая наша Русь!» Любимые имена; Из «Великого дурмана». Публицистика (избранное).
8. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 576 с. Т. 1. Стихотворения (1888–1911). Рассказы (1892–1901).
9. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 640 с. Т. 12. Письма И.А. Бунина 1901–1904 гг.; Малоизвестное. Переписка И.А. Бунина с Архимандритом Киприаном (Керном) 1940–1948 гг.; В.Н. Муромцева-Бунина «Беседы с памятью»; Г.Н. Кузнецова «Грасский дневник».
10. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 592 с. Т. 2. Стихотворения (1912–1952). Повести, рассказы (1902–1910).
11. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 488 с. Т. 6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938–1953); Рассказы последних лет (1931–1952); «Окаянные дни» (1935).

12. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. 592 с. Т. 9. «Воспоминания»; «Дневник 1917–1918 гг.»; «Дневники 1881–1953 гг.»; «Первые литературные шаги»; «Перед грозой».
13. Кулабухова М.А., Кулабухов Д.А. Л.Н. Толстой в судьбе и художественном мире И.А. Бунина // Наука. Искусство. Культура. 2022. Вып. 2 (34). С. 18–36.
14. Кунусова А.Н. Венецианский текст в русской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Астрахань, 2011. 189 с.
15. Курьянов С.О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: ИНФРА–М, 2019. 312 с.
16. Курьянова В.В. Толстовский текст и миф о Л.Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Научный диалог. 2019. № 1. С. 179–194.
17. Курьянова В.В. Толстовский миф в творчестве В.В. Маяковского // Litera. 2018. № 4. С. 152–167.
18. Кучеровский Н.М. «Мундир толстовства»: (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XIX века: Сб. статей. Калуга, 1966. С. 110–132.
19. Лекманов О. «Зачем-то?». Лев Толстой в «Чистом понедельник» Бунина // Литература. 2003. № 23 (647). – URL: <https://lit.1sept.ru/index.php?year=2005&num=23>.
20. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М., 1989. 175 с.
21. Лошаков А.Г., Шушарин И.А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. No 5. С. 117–127.
22. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
23. Михайлов О.Н. Бунин и Толстой // Лев Николаевич Толстой: Сб. ст. о творчестве: [В 2 вып.] / Московский гос. ун–т им. М.В. Ломоносова; Под ред. Н.К. Гудзия. М. 1959. Вып. 2. С. 203–216.
24. Михайловский Н.К. ... Еще о гр. Л.Н. Толстом. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/mihajlovskij-esche-o-tolstom.htm>
25. Москва и «московский текст» русской культуры: сб. ст. / под. ред. Г.С. Кнабе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 229 с.
26. Пономарев Е.Р. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 256 с.
27. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 2 т. / вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 431 с. Т. 1.
28. Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2005. 20 с.
29. Салманова И.Ф. И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: К проблеме целостного осмысления жизнетворчества Л.Н. Толстого // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: научные доклады, статьи, тезисы, очерки / отв. ред. Е.А. Ширина. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. Вып. 5. С. 152–155.
30. Сливичкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. Москва, 2004. 270 с.
31. Толстая А.Л. Жизнь с отцом. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 280 с.
32. Топоров В.Н. Петербургский текст. Москва: Наука, 2009. 820 с.

© Курьянова Валерия Викторовна (kuryanova_v@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

«ИСЧЕЗАЮЩИЕ» ЮКАГИРСКИЕ ЯЗЫКИ: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

Лукина Маргарита Петровна

к.филол.н., Н.с., Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского
отделения Российской академии наук
margarita-lukina@yandex.ru

"ENDANGERED" YUKAGHIR LANGUAGES: TO THE PROBLEM OF LANGUAGE SHIFT

M. Lukina

Summary: The article deals with the issue of the loss of the Yukaghir languages by the "tundra" and "forest" Yukaghirs. As a result of folklore-linguistic expeditions from 2011-2015. it was concluded that the "tundra" Yukaghirs mainly speak Russian, Yakut, Even languages, i.e. are bilingual; Only about 50 people who know their native Yukaghir language remain. Only about 10 people speak the language of the "forest" Yukaghirs, while the rest are monolingual, i.e. speak only Russian. So, the Yukaghirs, at the present time, are in the process of a language shift. However, along with a sharp decrease in the speakers of the language and culture of the Yukaghirs, there is an increase in ethnic self-identification, an ever deeper awareness of the importance of the native culture and language. The question is raised: given the fact of the growth of ethnic self-identification, as well as the growth in the number of Yukaghirs in recent decades (the restoration of their nationality), is it possible to revive the Yukaghir languages and cultures?

Keywords: Yukaghir languages, language of "tundra" Yukaghirs, language of «forest» Yukaghirs, language shift, language situation.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос утраты юкагирских языков «тундрными» и «лесными» юкагирами. В результате проведенных фольклорно-лингвистических экспедиций сотрудниками ИГиПМНС СО РАН с 2011 -2015 гг. сделан вывод о том, что «тундрные» юкагиры, в основном, разговаривают на русском, якутском, эвенском языках, т.е. являются двуязычными; знающих родной юкагирский язык остается всего около 50 человек. На языке «лесных» юкагиров разговаривают всего около 10 чел., остальные же являются моноязычными, т.е. разговаривают только на русском. Так, юкагиры, в данное время, находятся в процессе языкового сдвига. Однако, наряду с резким уменьшением носителей языка и культуры юкагиров, отмечается рост этнической самоидентификации, все более глубокое осознание важности родной культуры и языка. Ставится вопрос: учитывая факт роста этнической самоидентификации, а также роста численности юкагиров в последние десятилетия (восстановления своей национальности), возможно ли возрождение юкагирских языков и культуры?

Ключевые слова: юкагирские языки, язык «тундрных» юкагиров, язык «лесных» юкагиров, языковой сдвиг, языковая ситуация.

Юкагиры проживают в Республике Саха (Якутия), Магаданской области и в Чукотском автономном округе Российской Федерации.

Юкагирский язык внесен в Атлас языков мира ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения и в Красную книгу языков народов России – всего осталось чуть более 50 человек говорящих на двух юкагирских языках. В Республике Саха (Якутия), юкагиры представлены двумя локальными группами – «лесные» и «тундрные» юкагиры. «Лесные» юкагиры компактно проживают на территории Республики Саха (Якутия) в Верхнеколымском районе. Большинство «тундрных» же юкагиров компактно проживают на территории Республики Саха (Якутия) в Нижнеколымском районе.

По данным переписи 2010 г. общая численность юкагиров, проживающих в Российской Федерации, составляла 1603 чел., из них в Республике Саха (Якутия) – 1281 чел. Основными районами проживания являются Нижнеколымский (390 чел.), Верхнеколымский (304 чел.), Аллаиховский (78 чел.) районы и г. Якутск (204 чел.) [14].

В Республике Саха (Якутия), государственными языками являются русский и якутский, а языки коренных

малочисленных народов имеют статус официальных языков, которые в той или иной степени используются в различных социальных и коммуникативных сферах в местах проживания малочисленных народов.

Таблица 1.

Численность юкагиров в Российской Федерации
и в Республике Саха (Якутия)
по данным переписи населения 2010 г.

Территория	Юкагиры
Российская Федерация	1603 чел
Республика Саха (Якутия)	1281 чел
Нижнеколымский р-н	390 чел
Верхнеколымский р-н	304 чел
Аллаиховский р-н	78 чел.
г. Якутск	204 чел.
др. районы РС (Я)	ост. часть

Юкагирский язык, ранее был определен как изолированный, не имеющий родственных связей ни с одним из известных в науке языков мира, и был условно отнесен к группе «палеоазиатских» языков. Однако, исследования,

проведенные по юкагирскому языку со второй половины XX века, показали, что некоторые грамматические и лексические элементы языка являются общими с финно-угорскими и самодийскими языками. Так, была выдвинута гипотеза об отдаленном родстве юкагирского языка с уральскими языками, минуя самодийские и финно-угорские языки, – юкагирский язык был включен в уральскую группу языков отдельной семьей.

Сегодня существует проблема статуса юкагирских языков. Исследователи юкагирского языка обращают внимание на серьезные грамматические, лексические и фонетические различия сохранившихся двух диалектов. Исследователь юкагирского языка Е.А. Крейнович считал и первым поднимал вопрос о возможности квалификации их как самостоятельных языков [4]. Г.Н. Курилов также считает, что языки верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров являются двумя самостоятельными языками, а их носители – двумя родственными народами [6]. В настоящее время, в науке принято называть – язык тундренных юкагиров и язык лесных юкагиров.

Сегодня, языковая и этнокультурная ситуация у юкагиров характеризуется как крайне неблагоприятная. В местах их компактного проживания отсутствует юкагирская языковая среда, уходят из жизни последние знатоки языка, фольклора и традиционной культуры юкагиров, – так, языки «тундренных» и «лесных» юкагиров находятся под угрозой, в состоянии языкового сдвига.

С целью сохранения и фиксации языка и культуры юкагирского народа, сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, были проведены несколько фольклорно-лингвистических экспедиций с выездом в места компактного проживания юкагиров в Верхнеколымский, Нижнеколымский районы Республики Саха (Якутия), а также в Магаданскую область РФ [8,9,10,11]. В ходе полевых работ сотрудниками отдела северной филологии собраны фото-, аудио-, видео материалы по культуре и по двум, ныне почти исчезнувшим, языкам юкагиров.

В июле 2011-2012 гг. были проведены фольклорно-лингвистические экспедиции к лесным юкагирам – в с. Нелемное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия) и в пос. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. Носителей языка «лесных» юкагиров оставалось всего несколько человек: в с. Нелемное – в 2011 г. единственным носителем оставалась Шадрина

Акулина Егоровна, человек преклонного возраста; в пос. Зырянка – Шпак Людмила Борисовна, в Угольном – Демина Любовь Борисовна. В 2012 г. в пос. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области оставались всего 3 носителя языка «лесных» юкагиров: Буданова Валентина Борисовна, Чернецова Евгения Борисовна и Борисова Дарья Петровна [7, С.197].

В 2014-2015 гг. были проведены фольклорно-лингвистические экспедиции к «тундренным» юкагирам в с. Колымское и пос. Черский Нижнеколымского района РС (Я). Всего было опрошено 8 информантов: из с. Колымское – В.И. Ходьяло, М.И. Курилова, А.Д. Слепцова, А.Я. Каургина; из пос. Черский – А.И. Стручкова, Д.Н. Бегунов, Н.В. Ягловский, М.С. Курилов. В ходе полевых исследований записаны на юкагирском и русском языках фольклорные тексты (песни, сказки), воспоминания, биографии, сведения по духовной и материальной культуре «тундренных» юкагиров [8, С.157].

Для выявления языковой ситуации, сотрудниками ИГИИПМНС СО РАН, в с. Колымское (2015 г.) были проведены интервьюирование и встречи с и.о. главы администрации наслега В.В. Слепцовой, директором Колымской общеобразовательной средней школы М.Н. Маликовой, учителями родных языков В.Г. Дьячковой, О.А. Ходьяло, в результате которых получены следующие данные: из 803 жителей с. Колымское юкагиров насчитывается – 56 человек, в школе из 114 учащихся, из них 11 составляют юкагиры; изучают родной язык 9 детей-юкагиров. Работа с носителями юкагирского языка в с. Колымское, проведена впервые.

По полевым данным языковая и этнокультурная ситуация у «тундренных» юкагиров характеризуется как критическая, а у «лесных» юкагиров как крайнекритическая, где отсутствует юкагирская языковая среда.

В лучшем положении находится язык «тундренных» юкагиров, сохранению которого способствовало функционирование языка: 1) в одноязычных производственных коллективах у жителей Олеринской тундры-оленьеводов; 2) в семейном, бытовом общении лиц старшего и отчасти среднего поколения. Языком «тундренных» юкагиров владеют на различном уровне всего около 50 человек, в основном, люди старшего поколения – от 55 и старше.

Языком «лесных» юкагиров владеют в разной степе-

Таблица 2.

Численность юкагиров в с. Колымское Нижнеколымского р-на Республики Саха (Якутия) по данным фольклорно-лингвистической экспедиции сотрудников ИГИИПМНС СО РАН 2015 г. [11]

Территория	Всего населения	Юкагиры	Количество учеников в школе	Дети-юкагиры	Дети-юкагиры, обучающие родной язык в школе
с.Колымское, Нижнеколымский р-н	803 чел.	56 чел.	114 чел.	11 чел.	9 чел.

ни менее 10-ти человек, из них 3 чел. живут в Верхнеколымском улусе Республики Саха (Якутия). Однако, наряду с резким уменьшением носителей языка и культуры «лесных» юкагиров, отмечается рост этнической самоидентификации, все более глубокое осознание важности родной культуры и языка.

Преподавание юкагирских языков в детских садах и школе сопряжено со значительными трудностями, связанными с отсутствием учебных пособий, нехваткой квалифицированных педагогических кадров из числа юкагиров, проживающих в регионах традиционного проживания, а также очень слабой мотивацией к освоению языка детьми-юкагирами и отсутствием поддержки пользования юкагирским языком в семье.

Таблица 3.

Численность юкагиров в РФ по данным фольклорно-лингвистических экспедиций сотрудников ИГиИПМНС СО РАН 2011-2015 гг. [8,9,10,11]

Территория	Численность юкагиров, владеющих родным языком
Нижнеколымский р-н Республики Саха (Якутия)	50 чел.
с. Колымское	4 чел.
п. Черский	менее 10 чел.
с. Андриюшкино	прибл. 35 чел.
Верхнеколымский р-н Республики Саха (Якутия)	менее 10-ти чел.
С. Нелемное	1
Зырянка	3
Угольное	1
Магаданская область Российской Федерации	3
п. Сеймчан	3

В последние годы, часть сильно ассимилированных и утративших родные языки коренного населения Усть-Янского района – сел Казачье, Усть-Яна, Юкагир, Депутатский, Тумат, Хайыр, сменили записанную в паспорте национальность с «русский», «якут», «эвен» на «юкагир». Это объясняется ростом национального самосознания, а также немаловажную роль играет государственная политика РФ по возрождению языков и культур народов Севера. Так, в Усть-Янском улусе, в селах Казачье, Тумат, Хайыр, Юкагир, Усть-яна, Депутатский по инициативе самих юкагиров была создана ассоциация юкагиров и Совет проекта экспериментального возрождения родного языка и культуры юкагиров – проведение внеучебных занятий по изучению разговорного юкагирского языка, литературы, культуры. В 2016 г. в с. Казачье впервые был проведен восстановленный юкагирский праздник «Солохидьибэ», создан юкагирский танцевальный кружок «Йанги».

Итак, по данным экспедиций в места компактного проживания юкагиров 2011-2015 гг., наблюдается утеря родного языка. Однако, в местах компактного проживания юкагиров в Республике Саха (Якутия) наряду с резким уменьшением носителей юкагирского языка и массовым переходом на русский, якутский языки общения, наблюдается дву-многоязычие, а также отмечается рост этнической самоидентификации юкагиров и все более глубокое осознание важности родной культуры и языка.

Анализ вопросников по современной этнокультурной ситуации юкагиров, проведенных во время фольклорно-лингвистических экспедиций с 2011-2015 гг., позволяет сделать вывод об определенной сохранности традиционной культуры и верований юкагиров, которая передается молодому поколению; помимо того, что этническая культура сохраняется, в ней присутствует языковой массив, т.е. национальные языки функционируют именно в традиционной культуре.

Вопрос: при резком уменьшении носителей юкагирского языка, т.е. массовым переходом на русский, якутский языки общения, в условиях дву-многоязычия и при росте этнической самоидентификации юкагиров с более глубоким осознанием важности родной культуры и языка, возможно ли возрождение юкагирских языков и культур?

Заметим, что в с. Андриюшкино Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия) из коренных народов совместно проживают якуты, эвены, юкагиры, чукчи. В селе много смешанных браков; дети с рождения могут слышать вокруг себя 3-4-5 языков, но, в зависимости от разных жизненных ситуаций, дети вырастают моно- (русскоязычными) или двуязычными (русско/якутоязычными), в ущерб родному. К примеру, дети до 3-х лет, живя с бабушкой и дедушкой, разговаривают по-юкагирски, а потом, с поступлением в среднюю общеобразовательную школу, в основном начинают разговаривать по-русски и по-якутски, хотя понимают кое-что и по-юкагирски. Нельзя ведь утверждать, что при изменении обстоятельств они не начнут восстанавливать родной язык. Необходимо учитывать также тот факт, что наблюдается рост численности юкагиров при этнической самоидентификации.

Динамика роста численности юкагиров в Республике Саха (Якутия) с 1989-2002 гг. составляет – 57,3%.

Надо понимать, что возрождение национальных языков происходит тогда, когда возникает мотивация, возрастает престиж родного языка. Человек может захотеть говорить на родном языке для того, чтобы подчеркнуть свою этническую идентичность, чтобы выделить себя среди других народов. Именно этот процесс сейчас в

Таблица 4.

Динамика численности юкагиров Республики Саха (Якутия) с 1959-1989 гг. [3, С.127].

Национальность	Численность, чел.				Прирост численности, %			
	1959	1970	1979	1989	1959-1970	1970-1979	1979-1989	1959-1989
Юкагиры	285	400	526	697	140,4	131,5	132,5	244,6

Таблица 5.

Динамика численности юкагиров Республики Саха (Якутия) с 1989-1996 гг. [13, С. 31].

Национальность	1989		1996	
	Численность, тыс. чел.	% от всего населения	Численность, тыс. чел.	% от всего населения
Юкагиры	0,7	0,1	0,8	

Таблица 6.

Численность юкагиров в Российской Федерации и в Республике Саха (Якутия) по данным переписей населения [12, С. 110]

	1959	1970	Прирост, % 1959-1970	1979	Прирост, % 1970-1979	1989	Прирост, % 1979-1989	2002	Прирост, % 1989-2002	2010	Прирост, % 2002-2010
РФ	442	615	39,1	835	35,8	1112	33,1	1509	35,7	1603	6,2
РС (Я)	276	400	44,9	526	31,5	697	32,5	1097	57,3	1281	16,7
Верхне-колымский	127	161	26,8	180	11,8	186	3,3	304	63,4	304	0
Нижне-колымский	77	128	66,2	193	50,8	263	36,2	310	17,8	390	25,8

местах компактного проживания юкагиров в Республике Саха (Якутия) и происходит.

Хочется верить, что юкагирские языки, как, когда-то, Г.Н. Курилов еще в 90-е годы, писал: «Народ, утративший язык предков, перестает функционировать как само-

стоятельный этнос... Ныне положение с сохранением родного языка таково, что если сегодня же не будут предприняты эффективные и радикальные меры по приостановлению процесса утраты языка, то в самом начале XXI века этот древнейший народ прекратит свое многострадальное существование» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
2. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 4. С. 301-309. ISBN 5-86007-298-8.
3. Игнатъева В.Б. Республика Саха (Якутия): Ретроспектива этнополитической истории. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 143 с. ISBN 5-02-032272-5.
4. Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. – Л., 1968. – Т. V. – С. 435 – 452.
5. Курилов Г.Н. О системе непрерывного обучения юкагирскому языку // Малочисленные народы севера Якутии: состояние, проблемы. Якутск: ИПМНС, 1993. С. 67-69.
6. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.
7. Лукина М.П. Юкагирский язык: материалы фольклорно-лингвистических экспедиций/ научный журнал / Современное педагогическое образование, №12. – М., 2019. С. 195-196. ISSN 2587-8328.
8. Полевые материалы Лукиной М.П. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2011.
9. Полевые материалы Лукиной М.П. Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2012.
10. Полевые материалы Лукиной М.П. Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2014.
11. Полевые материалы Лукиной М.П. Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), 2015.
12. Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1991 гг. Книга первая: Социогуманитарные направления / А.А. Сулейманов. — Новосибирск: Наука, 2021. - 348 с. ISBN 978-5-02-041485-3.
13. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы / В.Б. Игнатъева, С.В. Абрамова, А.А. Павлов и др. – Новоси-

бирск: Наука, 2000. – 277 с. ISBN 5–02–032318 –7.

14. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%BF%D0%BE_%D1%81%D1%83%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BC_%D0%A0%D0%A4 [обращение 15.11.22].

© Лукина Маргарита Петровна (margarita-lukina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

СОПОСТАВЛЕНИЕ МИФОВ О СОЗДАНИИ МИРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ И ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Люй Вэньсинь

студент, Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай,
1310622249@qq.com

Ван Ган

Доктор филологических наук, доцент, Китайский центр исследований языков Северо-Восточной Азии Даляньский университет иностранных языков, Китай, г. Далянь,
66743771@qq.com

COMPARISON OF CREATION MYTHS ANCIENT CHINA AND ANCIENT RUSSIA

**Lv Wenxin
Wang Gang**

Summary: Article is devoted to the description of origins of myths about world creation of Ancient China and Ancient Russia. The scientific novelty of the work is the association of myths around a central image and comparison of the myths of ancient China and ancient Russia. The author stops in detail on different versions of an origin of the world. As a result of comparison the author comes to a conclusion that in mythology of Ancient China and Ancient Russia there are plots about an origin of a life on the Earth which supplement each other.

Keywords: Ancient China, Ancient Russia, myth, creation of the world, cosmogonic myths.

Аннотация: Статья посвящена описанию происхождений мифов о создании мира Древнего Китая и Древней Руси. Научной новизной работы является объединение мифов вокруг центрального образа и сопоставление мифов Древнего Китая и Древней Руси. Автор подробно останавливается на разных версиях происхождения мира. В результате сопоставления автор приходит к выводу, что в мифологии Древнего Китая и Древней Руси есть сюжеты о происхождении жизни на Земле, которые дополняют друг друга.

Ключевые слова: Древний Китай, Древняя Русь, миф, создание мира, космогонические мифы.

Введение

Важнейшим явлением в культурной истории человечества является мифотворчество. Продуктом мифотворчества являются мифы, представляющие собой мнения людей о мире, о богах и героях, о возникновении жизни на Земле. Представления жителей Древнего Китая и Древней Руси о создании мира и жизни на нашей планете являются актуальной формой поиска решения противоречий человеческого бытия.

Целью данной работы является анализ и систематизация мифов о создании мира Древнего Китая и Древней Руси.

Практическая значимость статьи заключается в том, что материалы статьи могут использоваться при изучении теоретических курсов «Мифология», «История Древней Руси», «Древний Китай» в высших и средних учебных заведениях.

Мифы о создании мира Древнего Китая

В работе С. Георгиевского отмечается, что китайцы представляют себе мир не сотворенным, а самообразовавшимся [3, с. 23].

Исследователи выделяют несколько версий происхождения мира:

1. Возникновение мира из хаоса «хуньдунь», который не имеет формы или напоминает форму яйца. Предметы видимой природы в этом случае могли дифференцироваться из бесформенной субстанции или появиться из расколовшегося яйца [3, с. 23]. В некоторых легендах Хуньдунь представляет собой дикого зверя, похожего на собаку и бурого медведя, у которого были глаза и уши, но он ничего не видел и не слышал, передвигался с большим трудом [8, с. 29]. Другая версия описана в притче, в которой Владыка Южного моря Шу и владыка Северного моря Ху просверлили у своего друга владыки центра Хуньдуна «Хаоса» семь отверстий для глаз, носа, рта и ушей. Опечаленный Хуньдунь стал символизировать быстротечность времени, из которого возникли Вселенная и Земля [4, с. 42; 8, с. 29]. Как отмечает Юань Кэ, Вселенная и Земля возникли после смерти Хуньдуна [8, с. 29].
2. Началом мироздания «кайпи» послужило раскрытие яйца, из обломков которого были созданы небо и земля. Повлияв на землю, небо создало сына-творца – сына Неба «Паньгу», который был человеком или фантастическим существом с телом змеи и головой Дракона. Время его жизни неиз-

¹ Данная статья издана при поддержке проекта новации и создания дела для студентов в 2023 году «Перевод и исследование «Картина мира в мифах древнего Китая»» (202310172E010).

вестно. После смерти Паньгу из его дыхания были созданы ветер и облака, его голос стал громом, левый глаз – солнцем, а правый – луной, части его тела – сторонами света и **五岳** – священными горами Китая. Реки появились из крови, земля возникла из мышц, почва из мяса, звезды из волос, а люди под действием ветра стали следствием изменения сущности паразитов [3, с. 23; 6, с. 6-7; 4, с. 42-43]. По другой версии у Паньгу была жена, которая родила ему детей. Но этот образ оказался не фантастическим, поэтому он не очень распространен в китайской мифологии [8, с. 35]. В работе Ма Чжэня Паньгу рос очень медленно, поэтому небо и земля отделялись друг от друга постепенно, когда он выпрямлялся. Через 18 тыс. лет после раскола яйца Паньгу стал гигантом, сумевшим отделить небо от земли на 90 тыс. ли [6, с. 7].

3. Создание мира богиней-прародительницей Нюйва, одним из самых сложных образов древнекитайской мифологии. Нюйва представлялась как мать-тотема, богиня плодородия, демиург, богиня любви и брака [4, с. 45-46]. В качестве доказательства этой версии происхождения мира можно привести рельефы храма У. Лян, в котором она изображена со своим предком Фуси. Нюйва имели очертания получеловека-полузмеи, вместо ног у нее был змеиный хвост [9, с. 122]. Нюйва была младшей сестрой владыки Фуси [6, с. 10]. Когда она ступила на землю, ее сердце растаяло, она была ошеломлена величием мира. Перед ней летали птицы, статно пробегали олени, но не хватало звуков, было очень тихо. Нюйва захотела общения и слепила из глины себе игрушку, которая назвала ее «мама». Услышав речь, богиня стала лепить новые создания, которых назвала людьми и провозгласила себя «матерью людей» [6, с. 12]. Создание людей из глины было для нее утомительным занятием, поэтому она сорвала висящую у пруда лиану, помещала ее в пруд, а из глины, которая оседала на ветвях, получались человечки. Эти люди не могли жить долго, поэтому умирали. И тогда Нюйва соединила одного человека с другим, заставляя их самих продолжать свой род [4, с. 46]. Есть и другая версия происхождения людей, зафиксированная в книге Ли Жуна «Описание неповторимого и странного», в которой Нюйва и ее брат Фаси вступили в брак и создали большую семью [8, с. 38].
4. Отделение небо от земли Великим (Чжунюном) и Черным (Ли). Этот миф был обнаружен в «Каталоге гор и морей». В этом представлении Чжун поднял небо, а Ли опустил землю. Однако роль Великого и Черного в создании мира имеет разные толкования в научной литературе. Это связано с неясностью значения лексем «сяньшан» и «анся» [9, с. 138].
5. Интерес представляет миф о Гуй-му, матери бесов.

Она имеет голову тигра, а глаза и ноги дракона. Она смогла породить небо, землю и чертей, которых сама же съедала. Этот образ является неэтичным в мифологии Древнего Китая, поэтому получил название «матери бесов» [8, с. 31].

Получается, что мифы о создании мира в Древнем Китае не сводятся лишь к астрономии. Китайцы более глубоко понимали историю происхождения жизни. В одной из версий возникновения мира под ногами у Паньгу стояла черепаха, что было отражено на рисунках или статуях. Кроме этого, чтобы появился Паньгу, должно было расколоться яйцо, а нечто бесформенное – дифференцироваться. Распределение хаоса могло произойти в результате выделения Янь и Инь, взаимодействие которых породило видимую часть природы и определило ход ее возникновения.

Обратимся к характеристике мифов возникновения мира в понимании древних славян.

1. Мир был сотворен из воды. Суша постепенно появлялась из-под вод, которые ее покрывали [1, с. 7].
2. Мир сотворен из ила или песка. Его создателем стало божественное существо в виде птицы или зверя, которое ныряло в первородный океан и доставало оттуда землю. В других вариантах творцами выступают Бог и черт. Сначала возникло яйцо, из которого появились Бог и черт. Бог создавал ровные дороги и землю, а черт – горы и пригорки [2, с. 23]. Мир возник в результате взаимодействия чистой и нечистой силы. Чистая сила являлась прообразом создателя, а нечистая – разрушителя. Оба божества были участниками творческой деятельности природы: темная сторона олицетворяла дожди и грозные тучи, а светлая сторона низводила дождевые потоки и освещала землю солнечными лучами [1, с. 7].
3. Бог-громовержец Перун выезжает на огненной колеснице, поражая огненными стрелами демонов, засеивает землю разными культурами. Из самоцветных камней он достает светила. Создав солнце, он дает миру ясные дни. Перун представлялся в славянской мифологии как немолодого мужчину, имеющего голову деревянного идола, серебряную седину и золотые усы. Бог Перун – главный герой мифов о грозе, молнии и плодородном дожде [1, с. 305].
4. Идея происхождения мира, созданного единым творцом. Считалось, что главное светило Солнце произошло из огня. Древние славяне верили в то, что Бог создал мир в открытом пространстве. Ему удалось воссоздать небо, землю, море и звезды [2, с. 33].
5. Мир был создан из дуба или «перунова дерева», который является создателем и объединяющей частью неба, ада и земли [5, с. 32].

6. Причиной возникновения мира может стать брак между небом и землей. В качестве подтверждения этой позиции приводятся мифы о Свароге – боге неба и властителя Вселенной.
7. Мир появился после свадьбы Солнца и месяца. Эта легенда является менее популярной в славянской мифологии, поскольку этот союз мог бы породить новое Солнце, которое наполнит планету неповторимым жаром [7, с. 32].

Таким образом, в мифологии Древнего Китая и Древней Руси есть сюжеты о происхождении жизни на Земле, которые дополняют друг друга:

1. Происхождение мира из яйца. Сначала появилось яйцо, которое раскололось, и в результате появились божества, способные сотворить все сущее (Паньгу в Древнем Китае, Бог в Древней Руси).
2. Мир был создан в результате работы чистой и нечистой силы (отделение неба Великого Чжуна от земли Черного Ли, взаимодействие Бога и черта).
3. Создание мира одним божеством (Богом в Древней Руси и богиней Нюйвой в Древнем Китае).

Следует отметить, что в Древнем Китае и в Древней Руси мир происходит из глины. Человек очень близок к небу и земле, поэтому в китайской мифологии глиняных человечков лепит богиня Нюйва, а в русских мифах – Бог

и черт. Роль Бога и творца в мифах Древней Руси и Древнего Китая различается. Необходимо начать с того, что внешность великих творцов была различна: дикий зверь Хуньдунь, фантастическое существо Паньгу, получеловек-полузмея Нюйва, мужчина Перун на огненной колеснице, Бога с внешним обликом человека. Эти творцы в мифологии наделялись высшими силами, с помощью которых они могли создать Солнце, луну, месяц и людей. В Древнем Китае божественные сущности не имеют человеческого облик, оно являются промежуточным звеном между животными и человеком.

В Китае мифы о происхождении жизни на планете Земля не сводятся лишь к космогоническим. В них происходит раскол яйца, деформация бесформенного. В Древней Руси есть несколько происхождений мифов космогонического содержания: из воды, из ила и песка, из дуба, после свадьбы Солнца и месяца. Эти мифы объединяет наделение природных явлений необычайной волшебной силой, способной породить все живое на планете.

Таким образом, при рассмотрении мифов о происхождении мира в Древнем Китае и в Древней Руси нами были выделены общие и различные черты. Каждая из древних стран отдает предпочтение мифу о создании мира из яйца, скорлупы, божественной сущности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В.В. Мифы и предания славян. М.: Лаборатория знаний, 2020. 256 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. 309 с.
3. Георгієвскій С. МиѠическія воззрѣнія и миѠы китайцевъ. С.-Петербургъ: Типографія И.Н. Скороходова (Надеждинская, 43), 1892. 117 с.
4. Ежов В.В. Мифы Древнего Китая. / Предисл. И.О. Родина. М.: Издательство «Астрель», 2004. 496 с.
5. Славянская мифология: энциклопедический словарь / Колл. авторов. Худ. оформление А.Е. Смирнова. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1995. 417 с.
6. Чжэнь Ма. Мифы и легенды Китая. / Пер. с кит. Поверинова Н.О. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2020. 143 с.
7. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / авт.-составитель А.А. Кононенко; ил. В.А. Кононенко; худож.-оформитель Л.П. Вировец. Харьков: Фолио, 2013. 798 с.
8. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. / Пер. с кит. Б.Л. Рифтина. Худ. Л.П. Сычев. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1987. 527 с.
9. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.

© Люй Вэньсинь (1310622249@qq.com), Ван Ган (66743771@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА НИКОЛАСА СПАРКСА «СПЕШИ ЛЮБИТЬ»)

THE USE OF GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (BASED ON NICHOLAS SPARKS' NOVEL "A WALK TO REMEMBER")

**A. Pushkina
L. Krivoshlykova**

Summary: The article is devoted to the analysis of grammatical transformations in the translation of a literary text. The material of the study is N. Sparks' novel «A walk to remember» and its translation by V. Sergeeva. The conducted analysis showed that the competent use of such transformations contributes to the achievement of adequacy in translation. The results of the study enrich translation practices, help to minimize cases of literalism that can lead to a loss of meaning conveyance.

Keywords: translation transformations, grammatical transformations, adequacy in translation, translation equivalence, literary translation.

Пушкина Анна Владимировна

*К.п.н., доцент, Российский университет дружбы народов,
г. Москва
pushkina4@yandex.ru*

Кривошлыкова Людмила Владимировна

*К.ф.н., доцент, Российский университет дружбы народов,
г. Москва
lvk1404@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу грамматических трансформаций при переводе художественного произведения. Материалом исследования послужил роман Н. Спаркса «Спеши любить» (N. Sparks «A walk to remember») и его перевод, выполненный В. Сергеевой. Проведенный анализ показал, что грамотное применение таких трансформаций способствует достижению адекватности в переводе. Результаты исследования обогащают переводческие практики, способствуют минимизации случаев буквализмов, что может привести к потере передачи смысла.

Ключевые слова: переводческие трансформации, грамматические трансформации, адекватность в переводе, эквивалентность перевода, художественный перевод.

Художественный перевод – это особое искусство письменного перевода литературных работ с языка оригинала на иной язык, при этом важным нюансом является не только передача основного смысла произведения, но и сохранение уникального авторского стиля, всего богатства языковых средств, передача юмора, игры слов, характера, настроения, характеризующих текст оригинала [11, с.76].

Перевод художественной литературы является сложным и многогранным видом деятельности переводчика, так как в переводе совмещаются разные культуры, разные личности и складывания мышления, разные эпохи, разные уровни развития [12, с.69]. Недостаточное понимание культурных кодов переводчиком чаще всего приводит к ошибочной интерпретации переводимого текста и, как результат, «к искажению языковых единиц в другой социальной, культурной и языковой среде» [7, с. 382]. Поэтому отличительной чертой перевода художественных текстов от других видов перевода, например, научно-технического или синхронного, является способность сохранить эмоционально-эстетическую направленность исходного текста [10, с.76].

Таким образом, художественный перевод – это не просто преобразование исходного текста под восприятие переводчика, а сохранение содержания, стилистических, стилевых, коммуникативных, художественных особенностей подлинника [14, с.54].

В этой связи, адекватность и сохранение максимальной эквивалентности перевода является первостепенной задачей, для достижения которой при выполнении перевода используются специальные средства – переводческие трансформации. При этом пользоваться переводческими трансформациями переводчик должен аккуратно и умело, чтобы избежать излишнего буквализма или, наоборот, вольности перевода. Одной из разновидностей таких трансформаций являются грамматические трансформации, которые влекут за собой значительные изменения структуры предложения исходного текста в соответствии с нормами переводящего языка.

Цель статьи заключается в исследовании применения грамматических трансформаций для достижения адекватности на примере перевода художественного романа Николаса Спаркса «Спеши любить», выполнен-

ного переводчиком В.С. Сергеевой.

Важно отметить, что использование переводческих трансформаций позволяет переводчику: избежать буквализмов – ошибок, заключающихся в том, что вместо подходящего для данного случая значения слова используется главное или самое известное значение; приблизить перевод к нормам языка перевода; преодолеть межъязыковые различия в оформлении однородных членов предложения; избежать несвойственных переводящему языку словообразовательных моделей; избежать неестественности, громоздкости и нелогичности перевода; сохранить для читателя важную фоновую информацию или убрать избыточную; сохранить уникальную игру слов, образность и другие стилистические элементы оригинала.

В теории перевода термин «переводческая трансформация» интерпретируется по-разному.

Я.И. Рецкер определял переводческие трансформации, как «приемы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным (лексические трансформации) и преобразование структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводящего языка (грамматические трансформации)» [8, с.118].

Под переводческими трансформациями В.Н. Комиссаров понимал «способы перевода, применяемые в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста» [2, с.74].

Л.С. Бархударов, в свою очередь, утверждал, что «трансформации – это межъязыковые преобразования, используемые для достижения переводческой эквивалентности вопреки расхождению в формальных и семантических системах двух языков» [1, с.176].

По мнению А.Д. Швейцера термин «переводческая трансформация» применяется «в метафорическом смысле, на самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы другой» [9, с.89].

Таким образом, несмотря на множество определенных термина «переводческие трансформации», все они едины в том, что: трансформация – это способ достижения эквивалентности языка подлинника, которая происходит за счет изменения языковых единиц и помогает максимально полно передать информацию, заложенную в языке оригинала, с соблюдением всех норм переводящего языка.

Для достижения адекватного перевода переводчику необходимо преодолеть несоответствие между

языком подлинника и языком перевода, поэтому перевод невозможен без применения грамматических трансформаций.

По определению, данному языковедом Я.И. Рецкером, «грамматические трансформации применяются для преобразования структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода» [4, с.184].

То есть, грамматические трансформации – это трансформации за счет изменения структуры предложения исходного текста в соответствии с требуемыми нормами родного языка. Существуют полные грамматические трансформации, при которых структура предложения полностью меняется, и частичные трансформации, при которых структура предложения изменяется частично.

Имеется несколько точек зрения о том, какими бывают грамматические трансформации.

Так, например, В.Н. Комиссаров под грамматическими трансформациями понимает членение предложений, объединение предложений, синтаксическое уподобление, грамматические замены (части речи, формы слова, члена предложения) [2, с.65].

Л.С. Бархударов называет следующие виды грамматических трансформаций: морфологические и синтаксические замены, перестановки, добавления, опущения [1, с.171].

А.Д. Швейцер выделяет синтаксические трансформации: «преобразование грамматической структуры высказывания при постоянстве его лексического наполнения» [5, с.124]. При этом более подробно данные трансформации он не рассматривает.

Таким образом, грамматические трансформации – это, во-первых, перестройка предложения и, во-вторых, синтаксические и морфологические замены. Причины использования грамматических трансформаций заключаются прежде всего в различии в строе языков. Синтаксическая функция предложения, лексический смысл предложения, его смысловая структура, контекст предложения – все это влияет на грамматические трансформации.

Если сравнить грамматические категории и формы языка оригинала (английского) и языка перевода (русского), то можно обнаружить следующее:

- отсутствие той или иной категории в одном из языков;
- частичное совпадение;
- полное совпадение.

Грамматические трансформации применяются при отсутствии категорий в переводящем языке и частичном совпадении. В русском языке в отличие от

английского языка отсутствуют следующие грамматические категории: артикль, герундий, инфинитивные и причастные комплексы, абсолютная номинативная конструкция. Несовпадение категории числа, частичное несовпадение в формах пассивной конструкции, неполное совпадение форм инфинитива и причастия, некоторые различия в выражении модальности в русском и английском – все это требует применения грамматических трансформаций.

В качестве теоретической основы для нашего исследования выберем классификацию переводческих трансформаций, разработанную В.Н. Комиссаровым, и рассмотрим более подробно виды грамматических трансформаций из этой классификации.

Под грамматическими трансформациями В.Н. Комиссаров понимает:

- синтаксическое уподобление (синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру языка перевода);
- членение предложений (синтаксическая структура предложения оригинала трансформируется в две или более предикативные структуры языка перевода);
- объединение предложений (из нескольких простых предложений образуется одно сложное);
- грамматические замены (формы слова, части речи, членов предложения, типов предложения) (грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением [2]).

Общими причинами, требующими применения грамматических трансформаций, по мнению В.Н. Комиссарова, являются: различная частота использования тех или иных конструкций и морфологических форм в языке оригинала и языке перевода; различия в способах построения предложений; отсутствие той или иной категории в языке оригинала и переводящем языке; несовпадение в способах тема-рематического членения [2, с.65].

В качестве материала для практического исследования грамматических трансформаций, используемых при переводе иностранного текста на русский язык, был выбран роман Николаса Спаркса «Спешите любить» в переводе В.С. Сергеевой.

Николас Спаркс является современным всемирно известным американским писателем, его романы на темы любви, судьбы, христианства и человеческих отношений переведены на 45 языках. Одиннадцать произведений Николаса Спаркса экранизированы.

Роман «Спешите любить» (1999 г.) не стал исключением и занимает одно из первых мест в рейтинге самых ро-

мантических любовных произведений современности, в 2002 г. он был экранизирован под названием «Памятная прогулка». Выбор романа в качестве предмета для изучения применения грамматических трансформаций при переводе неслучаен.

Это мелодраматическая книга о первой любви, трогательной и глубокой, воспоминания о которой главный герой пронесит через всю свою жизнь. В конце произведения автор приходит к выводу, что жить надо так, чтобы не жалеть ни об одной потраченной минуте; никогда не бояться открыто проявлять свои настоящие чувства.

В 2009 г. роман Николаса Спаркса был переведен на русский язык Валентиной Сергеевной Сергеевой – профессиональным переводчиком с английского, французского и польского языков, кандидатом филологических наук, специалистом по истории зарубежной литературы.

Для данного исследования были выбраны пролог и первые две главы романа на английском языке и их перевод на русский язык, выполненный В.С. Сергеевой, общим объемом печатных знаков 50 944 и 47 465 соответственно. В примерах, отобранных методом сплошной выборки, были выявлены и проанализированы 48 случаев применения грамматических трансформаций на основе классификации переводческих трансформаций, разработанной В.Н. Комиссаровым, и была проведена оценка частотности использования синтаксического уподобления (дословного перевода), членения и объединения предложений, грамматических замен разного вида.

Рассмотрим примеры грамматических трансформаций, используемых В.С. Сергеевой в процессе перевода романа на русский язык.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод)

В процессе работы переводчик достаточно часто использует прием синтаксического уподобления при переводе неосложненных простых предложений, коротких диалогов и реплик героев. Это обусловлено тем, что в исходном тексте и в русском языке имеются параллельные синтаксические структуры. Например:

«I closed the yearbook» [13, с.28] – «Я захлопнул ежедневник» [6, с.38].

«First you will smile, and then you will cry. Don't say you haven't been warned» [13, с.7], – «Сначала вы будете улыбаться, а потом плакать – и не говорите, что вас не предупреждали» [6, с.7].

«We Carters always win» [13, с.23] – «Мы, Картеры, выигрываем всегда» [6, с.32].

Как видно из примеров, синтаксическая структура оригинального предложения сохраняется, порядок

слов существенно не меняется, однако в соответствии с нормами русского языка опущены артикли и соблюдены правила пунктуации. Кроме этого, синтаксическое уподобление иногда сопровождается другими переводческими трансформациями, как, например, приемами лексического добавления («и», «что»), конкретизации (закрыл – «захлопнул») и др.

Членение предложений

В связи с особенностями грамматической структуры, смысловой структуры словосочетаний, жанрово-стилистическими особенностями английских предложений В.С. Сергеева при переводе романа Николаса Спаркса применяет прием *членения предложений*, разбивая сложные многокомпонентные предложения оригинала на два и более самостоятельных предложения русского языка.

Например, предложение «*Jamie Sullivan was a senior in high school, just like me, and she'd already been chosen to play the angel, not that anyone else even had a chance*» [13, с.17] переведено двумя предложениями «*Джейми Салливан училась в одном классе со мной, и ей предстояло играть ангела. Не то чтобы у какой-нибудь другой девушки был шанс*» [6, с.22] с целью передачи стилистической особенности предложения, в данном случае для передачи иронии.

В следующем примере во избежание избыточных придаточных конструкций переводчик использует два простых предложения вместо одного сложносочиненного: «*I had to ask Jamie to the dance, and I paced around the room thinking of the best way to ask her*» [13, с.28] – «*Придется пригласить Джейми на танцы. Я принялся расхаживать по комнате, изобретая наилучший способ*» [6, с.38].

Объединение предложений

При переводе небольших по объему, но близко связанных по смыслу предложений исходного текста переводчик активно использует грамматическую трансформацию объединения, при которой два предложения оригинала преобразуются в одно сложное предложение с бессоюзной или сложноподчинительной/сложносочинительной связью, что способствует более целостному восприятию информации.

Так, предложения «*Not that I was a bad student. I just didn't focus on my studies, and my grades weren't exactly up to snuff for the Ivy Leagues*» [13, с.23] из-за тесной смысловой связи переведены одним сложным предложением: «*Не то чтобы я учился плохо – просто не уделяя учебе особого внимания и получал недостаточно высокие баллы для того, чтобы претендовать на поступление в один из университетов «Лиги плюща»*» [6, с.31].

Простые предложения оригинала «*I open my eyes and pause. I am standing outside the Baptist church...*» [13, с.7] с целью более целостного восприятия объединены в одно сложноподчиненное русское предложение с помощью подчинительного союза «что» – «*Я открываю глаза и понимаю, что стою перед дверью баптистской церкви...*» [6, с.7]. Однако, на наш взгляд, данный перевод относится к переводческим неудачам. Для автора важно передать читателю свои эмоции, когда, подняв глаза на фронтон церкви, он снова чувствует себя семнадцатилетним юношей, заново испытывает волнения первой любви. Поэтому он не просто понял, что стоит перед дверью, а замер (pause), ведь на него нахлынуло столько воспоминаний. В следующем примере: «*He was a sneaky bastard, that guy. You couldn't trust him even for a minute*» [13, с.29] – «*Подлый ублюдок*» [6, с.40] переводчик действительно использует одно предложение вместо двух. Но синтаксической трансформацией это можно назвать лишь формально, поскольку второе англоязычное предложение необоснованно опущено. На наш взгляд, предложения можно перевести таким образом: «*Какой же подлый ублюдок! Ему вообще нельзя доверять!* Для автора важно передать эмоциональное состояние героя, а именно возмущение подлым поступком «приятеля», а не констатировать факт. Поэтому, это злоупотребление переводчиком приемами опущения привело к вольностям и утрате образности.

Грамматические замены

Автор перевода активно использует в своей работе самый распространенный вид грамматических трансформаций – грамматические замены, а именно:

- *замены формы:*

Наиболее часто по стилистическим причинам переводчик подвергает замене категорию числа имени существительного.

Так, в предложении «*I had no idea what trouble it would eventually lead me to*» [13, с.25], переведенном как «*Я понятия не имел, какие неприятности это сулит*» [6, с.35], английскому существительному в единственном числе – «trouble» (неприятность) соответствует существительное во множественном числе – «неприятности». Это связано с тем, что в русском языке слово «неприятности» в сочетании с глаголами «сулить», «ждать», и тд, употребляется во множественном числе.

В предложении «*...I see my hair changing from gray to brown*» [13, с.6], переведенном как «*...волосы делаются из седых каштановыми*» [6, с.7], существительное «hair», используемое в оригинале всегда только в единственном числе переведено в соответствии с нормами русского языка существительным множественного числа – «волосы». Переводчик также опу-

стил активную конструкцию «I see» и притяжательное местоимение «my».

Достаточно часто при переводе В.С. Сергеева под-вергает замене падежи местоимений.

- замены частей речи:

Замена частей речи – одна из наиболее распростра-ненных замен, используемых переводчиком В.С. Серге-евой при переводе в связи с различными нормами со-четаемости в английском и русском языках.

Так, например, при переводе предложения «*When I was a junior I went steady with a girl named Angela Clark*» [13, с.26] – «*За год до того я начал встречаться с девушкой по имени Анжела Кларк*» переводчик в соответствии с нормами сочетаемости слов в русском языке заменяет причастие «named» на существительное с предлогом «по имени» [6, с.35].

В предложении «*The next morning, magically, the music box is underneath the tree...*» [13, с.11] – «*На следующее утро под елкой чудесным образом оказывается музыкальная шкатулка...*» [6, с.13] английское наречие обра-за действия *magically* в переводящем языке заменяется на русское словосочетание, состоящее из прилагатель-ного и существительного – чудесным образом.

В следующем примере существительное с предлогом «in silence» (в тишине) переводится русским наречием «молча»: «*Jamie didn't respond, and we sat in silence for a few moments*» [13, с.32]. – «*Джейми не ответила, мы несколь-ко секунд сидели молча*» [6, с.43].

Для английского языка характерно активное употре-бление сочетаний типа «глагол+существительное» как в устной так и в письменной речи (to take a step, to take a nap, to have a look, etc). В связи с отсутствием аналогич-ных сочетаний в русском языке в переводе используется глагол (шагнуть, вздремнуть, взглянуть и тд.) Так, при пе-реводе предложения «*In his mind Scrooge was a heathen, who came to his redemption only because he saw ghosts, not angels and who was to say whether they'd been sent by God, anyway?*» [13, с.9] сочетание «came to his redemption» передается глаголом «раскаялся»: «*В представлении Хег-берта Скрудж был язычником, который раскаялся лишь потому, что увидел призраков, не ангелов, – а где сказа-но, что они снизошли с небес?*» [6, с.10].

- замены членов предложения:

При переводе романа широко распространена заме-на членов предложения с последующей перестройкой его синтаксической схемы построения.

Так, например, в предложении «*His slogan every oth-*

er year during the election season was «Worth Carter rep-resents ---,»» [13, с.12], подлежащее «slogan» (лозунг) в переводе выступает в качестве дополнения: «*Каждый год во время избирательной кампании он выбрасывал лозунг «Уорт Картер представляет...»*» [6, с.15]

В предложении «*...as I leave my house, I glance around*» [13, с.6] переведенном как «*...выходя из дому, я оглядыва-юсь*» [6, с.7] по стилистическим соображениям проведена замена активной конструкции «I leave» деепричастным оборотом. Кроме этого, с целью избежания тавтологии, опущено притяжательное местоимение «my» и наречие «around».

- замены типов предложений:

Замену типов предложения переводчик использует из-за различий в способах построения высказываний в английской и русской речи, а также в стилистических со-ображениях.

Данная замена применяется В.С. Сергеевой при пере-воде простых предложений со специфическими англий-скими конструкциями.

Например, предложение, содержащее Complex object (сложное дополнение), «*You see, Hegbert wanted young people to perform the play seniors in high school, not the theater group*» [13, с.11] в связи с отсутствием аналогич-ной конструкции в русском языке переведено сложно-подчиненным предложением с союзом «чтобы»: «*Видите ли, Хегберт хотел, чтобы в пьесе участвовали не про-фессиональные актеры, а обычные школьники*» [6, с.14].

В соответствии с синтаксическими нормами постро-ения предложений в русском языке английское предло-жение «*He sat in the front row and raised his hand every time the teacher asked a question*» [13, с.25] переведено сложно-подчиненным русским предложением (с помощью союз-ного слова «когда») – «*Он сидел в первом ряду и поднимал руку каждый раз, когда учитель задавал вопрос*» [6, с.34].

Кроме того, замену типов предложения переводчик применяет и при переводе сложных бессоюзных и союз-ных предложений оригинального текста.

Анализ примеров показал, что при переводе были ис-пользованы все виды грамматических трансформаций и в большинстве случаев была достигнута адекватность перевода, сохранены стилистические особенности худо-жественных текста на переводящем языке. Кроме того, при переводе большинства предложений одновремен-но используется несколько приемов грамматической трансформации. То есть разного рода грамматические трансформации сочетаются друг с другом, например, замена членов предложения сочетается с заменой грам-матических категорий, объединение предложений соче-

тается с заменой части речи.

В заключении подчеркнем, что только уместное и грамотное применение переводческих трансформаций способствует достижению адекватности в переводе, излишнее количество трансформаций может привести к вольности в переводе, а недостаточное количество – к

буквализму. Неправильное понимание адекватности и эквивалентности в переводе может привести, с одной стороны, к буквальному копированию текста оригинала, а с другой стороны, «стремясь избежать буквализмов», переводчик может «пойти по пути вольного перевода, результатом которого может стать большое количество произвольных немотивированных трансформаций» [3, с.86].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Наука, 2013. – 238 с.
2. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Наука, 2006. –165 с.
3. Латышев Л.К. Практический курс перевода. М.: Феникс, 2014. – 232 с.
4. Левый И.В. Искусство перевода. М.: Прогресс, 2011. – 311 с.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Наука, 1996. – 297 с.
6. Николас Чарльз Спаркс. Спешите любить/ Пер. с англ. В. Сергеева. [Электронный ресурс] URL: <https://knigopoisk.com/files/2016/10/speshi-lyubit.a6.pdf> (дата обращения: 29.09.2022).
7. Пушкина А.В., Кривошлыкова Л.В., Меркулова А.П. Сравнительный анализ перевода реалий в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 382-387.
8. Рецкер Я.И. Основы теории перевода. М.: Наука, 2012. – 240 с.
9. Швейцер А.Д. Теория и практика перевода. М.: Наука, 2001. – 324 с.
10. Biber D. Typology of English texts. Linguistics. Boston, 2011. – 180 p.
11. Catford J. Linguistic theory of translation. Oxford, 2009. – 168 p.
12. Chesterman A. Memes of translation: The spread of ideas in translation theory. Amsterdam: Benjamins, 2010. – 154 p.
13. Nicholas Sparks. A Walk to Remember. [Электронный ресурс] URL: https://www.kkoworld.com/kitablar/Nicolas_Sparks_A_Walk_to_remember_eng.pdf (дата обращения: 29.09.2022).
14. Savory A. The art of translation. Boston, 2013. – 187 p.

© Пушкина Анна Владимировна (pushkina4@yandex.ru), Кривошлыкова Людмила Владимировна (lvk1404@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ НОВЕЛЛЫ (НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛЛЫ О. ГЕНРИ «ГРАФ И СВАДЕБНЫЙ ГОСТЬ» НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

CLASSIFICATION APPROACH TO THE STUDY OF VOCABULARY IN NOVELLA TEXT (ON THE EXAMPLE OF O. HENRY'S NOVELLA "THE COUNT AND THE WEDDING GUEST" IN ENGLISH AND RUSSIAN)

**S. Semenova
L. Aksyutenkova
A. Savchenko**

Summary: The purpose of the article is to identify terms, polysyllabic words and words formed with the help of suffixes in novella text. To achieve the goal set in the work, the following tasks have been solved: 1) the terms are highlighted; 2) the calculation and systematization of the results obtained in the table is made; 3) the analysis of the conducted research is given. The following methods were used: 1) component analysis; 2) quantitative calculation; 3) percentage calculation; 4) classification; 5) interpretation; 6) continuous sampling of vocabulary. The scientific novelty is that for the first time a study of the texts of O. Henry's work "The Count and the Wedding Guest" in two languages is being conducted.

Keywords: suffixes, table, interpretation, quantity, geographical terms, "The Count and the Wedding Guest", O. Henry.

Семенова София Новиковна
Кубанский государственный университет
sofiya.semenova75@yandex.ru

Аксютенкова Людмила Геннадьевна
Кубанский государственный университет
ludmila100@mail.ru

Савченко Анна Александровна
Кубанский государственный университет
bugaeva_anna@inbox.ru

Аннотация: Цель данной статьи заключается в выявлении терминов, многосложных слов и слов, образованных при помощи суффиксов в тексте новеллы. Для достижения поставленной в работе цели решены следующие задачи: 1) выделены термины; 2) произведен подсчет и систематизация в таблице полученных результатов; 3) дан анализ проведенного исследования. Используются такие методы как: 1) компонентного анализа; 2) количественного подсчета; 3) процентного подсчета; 4) классификационный; 5) интерпретационный; 6) сплошной выборки лексики. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится исследование текстов произведения О. Генри "The Count and the Wedding Guest" («Граф и свадебный гость») на двух языках.

Ключевые слова: суффиксы, таблица, интерпретация, количество, географические термины, «Граф и свадебный гость», О. Генри.

Введение

В 2022 году отмечалась всей мировой литературной общественностью очередная круглая дата – 160 лет со дня рождения О. Генри – создателя бессмертных художественных и социальных образов. В этой связи нами проведено исследование новеллы автора "The Count and the Wedding Guest" на английском языке [5] (из сборника "The Trimmed Lamp" («Горящий светильник»)) и переводную версию «Граф и свадебный гость» на русском языке [2].

О. Генри или Уильям Сидни Поттер (настоящее имя автора) – американский писатель-прозаик и специалист по созданию новелл. Изучив жизненный путь автора, мы узнали, что первая его работа была связана с аптечной сферой. Затем он работал в должности чертежника в Главном земельном управлении Техаса. Там же он и начал писать статьи для газет и журналов. Позже он начал писать свои работы для юмористической газеты "The

Rolling Stone". У него было прекрасное чувство юмора, которое передается всем читателям после прочтения его оригинальных статей и произведений. В 1905 году О. Генри создает новеллу "The Count and the Wedding Guest" («Граф и свадебный гость»), выбранную нами в качестве материала для проведения анализа.

Итак, для любой научной области необходимо и важно определение границ, которые характеризуют направления исследований, поставленных задач, методов и проблем.

Цель данной статьи заключается в выявлении терминов, многосложных слов и слов, образованных при помощи суффиксов в тексте новеллы.

Для достижения поставленной в работе цели решены такие задачи как: 1) выделены различные термины; 2) произведен подсчет и систематизация в таблице полученных результатов; 3) дан анализ проведенного исследования.

В процессе изучения выбранного материала использованы такие методы как: 1) компонентного анализа; 2) количественного подсчета; 3) процентного подсчета; 4) классификационный; 5) интерпретационный; 6) сплошной выборки лексики из текстов новеллы.

Методологическая база данной работы состоит из некоторых теоретических и практических положений нижеперечисленных ученых, использованных нами в процессе исследования, выбранного материала, так:

1. О.Ю. Авдевина в научной статье описывает различные формы психологического феномена восприятия на эстетические системы писателей [1, с. 45];
2. С.Л. Михеева в своем труде определяет взаимосвязь каузальных отношений, выражаемых прилагательными, как одной из основных смыслов содержащих видов художественного текста [3, с. 19–24];
3. С.Н. Семенова изучает массив несхожих текстов, в составе которых преобладают термины различных предметных областей и рекомендует классификацию и анализ отобранного материала в зависимости от полученных результатов [4, с. 62–69].

Научная новизна статьи заключается в том, что впервые проводится исследование текстов новеллы О. Генри "The Count and the Wedding Guest" («Граф и свадебный гость») на двух языках. В результате полученные данные и выводы будут скромным вкладом в лингвистическую науку в сфере изучения текстов различных жанров художественной литературы зарубежных авторов.

Описание проведения исследования и полученные результаты

Итак, первый этап работы состоял в выделении при-

меров слов, терминов, отобранных методом сплошной выборки из текстов новеллы О. Генри "The Count and the Wedding Guest" («Граф и свадебный гость») на двух языках, в составе которых присутствуют суффиксы. Согласно полученным данным составлена таблица (табл. 1), демонстрирующая примеры.

Таким образом к группе примеров с суффиксом *-ly* относятся наречия; с суффиксами: *-al, -less, -ful, -ive, -able* – имена прилагательные; с суффиксами: *-ness, -ion, -ity* – имена существительные.

Второй этап работы был направлен на выделение многосложных слов (в новелле выделены только двусложные). Приведем примеры: *Downtown* (центр города), *handkerchief* (носовой платок), *fine-looking* (красивый), *kinetoscopic* (кинетоскопический), *moonlight* (лунный свет), *deuce-high* (двойка), *highball* (–) (в данном примере отсутствует вариант слова на русском языке).

На третьем этапе при изучении материала были найдены примеры географических терминов и понятий, использованных О. Генри в рассказе. Например: *Italy* - (Италия), *New-York* - (Нью-Йорк), *evening* - (вечер), *boarder* - (пограничный), *week* - (неделя), *street* - (улица), *park* - (парк), *time* - (время), *way* - (путь), *square* - (сквер), *weather* - (погода), *city* - (город), *town* - (городок), *spring* - (весна), *house* - (дом), *Sunday* - (воскресенье), *afternoon* - (день), *month* - (месяц), *day* - (день), *country* - (страна), *East River* - (–), *side* - (сторона), *air* - (воздух), *time* - (время), *weather* - (погода), *evening* - (вечер), *minute* - (минута).

Благодаря терминам, относящимся к различным предметным областям, на наш взгляд, писателям удается описать события так, как будто мы (читатели) можем

Таблица 1.

Виды суффиксов

Виды	Примеры	Количество	%
-ly:	<i>scarcely</i> (едва), <i>suddenly</i> (внезапно), <i>quickly</i> (быстро), <i>highly</i> (высоко), <i>friendly</i> (дружелюбно), <i>certainly</i> (безусловно), <i>awfully</i> (ужасно), <i>exactly</i> (точно), <i>finally</i> (наконец), <i>reverently</i> (благоговейно), <i>pensively</i> (задумчиво), <i>lightly</i> (легко), <i>sadly</i> (печально), <i>rapidly</i> (быстро), <i>melancholy</i> (меланхолично), <i>successfully</i> (успешно), <i>lovingly</i> (с любовью), <i>heartily</i> (сердечно), <i>wisely</i> (мудро)	12	40
-al:	<i>judicial</i> (судебный), <i>cynical</i> (циничный), <i>final</i> (окончательный), <i>political</i> (политический)	4	13,3
-ness:	<i>sadness</i> (печаль)	1	3,3
-less:	<i>heartless</i> (бессердечный)	1	3,3
-ful:	<i>beautiful</i> (красивый), <i>awful</i> (ужасный)	2	7
-ion:	<i>expression</i> (выражение), <i>consideration</i> (внимание), <i>position</i> (позиция), <i>admiration</i> (восхищение), <i>diminution</i> (умаление), <i>invitation</i> (приглашение)	6	20
-ity:	<i>gravity</i> (гравитация)	1	3,3
-ive:	<i>unobtrusive</i> (ненавязчивый), <i>relative</i> (относительный)	2	7
-able:	<i>agreeable</i> (приятный)	1	3,3
ИТОГО:		30	100

погрузиться на самом деле в происходящие действия в произведениях, и попытаться вместе с героями решить проблемы, и понять их поступки.

Выводы

Таким образом, возвращаясь к содержанию текста прокомментируем главную идею новеллы, состоящую в том, что вначале с помощью завуалированной информации О. Генри описывает события, происходящие со всеми участниками этой короткой, но захватывающей внимание читателей истории. Так главная героиня (Мэгги) завидовала своим знакомым и решила придумать историю о графе, который за ней ухаживал и который вскоре был убит. Узнав «эту» новость Мэгги начала носить одежду и все аксессуары в черном цвете. Далее на основе этой лжи она познакомилась с молодым человеком и через месяц они объявили о помолвке, но существовал один нюанс, чтобы лживая история походила на правду, девушка купила и решила показать главному герою (Доновану) портрет какого-то графа. Им оказался, как выясняется в конце рассказа, друг Донована, но он прощает ее и все заканчивается благопо-

лучно. Как видим главная героиня новеллы оказалась неопытной обманщицей, при этом доброй и любящей. Она предприняла попытку быть счастливой и ей это, к счастью, удалось.

Подводя итоги подчеркнем то, что язык новеллы писателя прост, интересен и предсказуем. Каждый может для себя найти в ней (новелле) похожее событие, которое с ним, возможно, случилось в жизни.

Заключение

В заключении отметим, что лингвистика текста относительно новое направление, которое дает ряд возможностей для исследования различных жанров художественной литературы, позволяя проследить особенности структуры текста и использованные языковые средства выражения в общей системе произведения. В перспективе планируется попытка заглянуть в творчество О. Генри на примере других его трудов и определить общие / отличающиеся черты исследуемых нами работ его юмористического творчества с когнитивно-прагматической точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеевнина О.Ю. Перцептивно-семантические доминанты в художественном стилеобразовании / О.Ю. Авдеевнина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. – №4. – С. 45–52.
2. Генри О. Граф и свадебный гость. [Электронный ресурс]. URL: <http://knigogid.ru/books/4857-graf-i-svadebnyy-gost/toread/page-4> (дата обращения: 09.01.2023).
3. Михеева С.Л. Имя прилагательное в причинно-следственном континууме художественного текста (на материале повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей») / С.Л. Михеева // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 19–24. – DOI: 10.17223/15617793/455/3.
4. Семенова С.Н. Когнитивно-прагматические характеристики стихотворения как жанра (на материале произведения М.Ю. Лермонтова «Бородино» на русском и английском языках) / С.Н. Семенова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2021. – № 4. – С. 62–69. – DOI: 10.20339/PhS.4-21.062.
5. [Электронный ресурс]. URL: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/the-count-and-the-wedding-guest.pdf (дата обращения: 09.01.2023).

© Семенова София Новиковна (sofiya.semenova75@yandex.ru), Аксютенкова Людмила Геннадьевна (ludmila100@mail.ru), Савченко Анна Александровна (bugaeva_anna@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЕГО ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА УВЕ ТИММА «ЖАРКОЕ ЛЕТО»)

Силаева Екатерина Михайловна

Аспирант, Московский педагогический государственный
университет
emsilaeva@yandex.ru

Шипова Ирина Алексеевна

Доктор филологических наук, Московский педагогический
государственный университет
schipowa@mail.ru

**FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF
EVIDENTIALITY AND ITS PRAGMATIC
FUNCTIONS IN A LITERARY TEXT (BASED
ON THE TEXT OF UWE TIMM'S NOVEL
"HOT SUMMER")**

**E. Silaeva
I. Shipova**

Summary: This article is devoted to the consideration of the functional-semantic field of evidentiality, its components and the pragmatic functions that they perform in a postmodern German literary text. The material for the study was the novel of the German writer Uwe Timm «Hot Summer». The authors of the article assume that evidentiality in the German language can be expressed not only by grammatical, but also by other means, which implies the expansion of the area of constituents of the functional-semantic field of evidentiality due to such phenomena as, for example, intertextual inclusions, which are one of the types of the citative (quotative evidentiality). Analyzing the functional-semantic field of evidentiality, the authors of the article show how different types of evidentiality affect the perception of a literary text by the recipient, how they enrich it, what additional content they can bring to it.

Keywords: evidentiality, literary text, intertextuality, quotative, citative, inferentive.

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению функционально-семантического поля эвиденциальности, его компонентов и тому, какие прагматические функции они выполняют в постмодернистском немецкоязычном художественном тексте. Материалом для исследования послужил роман немецкого писателя Уве Тимма «Жаркое лето». Авторы статьи исходят из того, что эвиденциальность в немецком языке может быть выражена не только грамматическими, но и другими средствами, что подразумевает расширение области конститuentов функционально-семантического поля эвиденциальности за счёт таких явлений, как, например, интертекстуальные включения, представляющих собой один из видов цитатива (квотативной эвиденциальности). Анализируя функционально-семантическое поле эвиденциальности, авторы статьи показывают, каким образом различные виды эвиденциальности воздействуют на восприятие художественного текста, как обогащают его, какое дополнительное содержание могут ему придать.

Ключевые слова: эвиденциальность, художественный текст, интертекстуальность, квотатив, цитатив, инферентив.

Суть прагматического подхода в лингвистике можно очертить рамками исследования языковых элементов в контексте их использования в конкретной коммуникативной ситуации. Категория эвиденциальности, кодирующая в высказываниях источник информации говорящего [de Naan, 1999, с. 84], имеет, по мнению М.Ю. Григоренко [Григоренко, 2011, с. 26], прагматическую направленность, «так как любое высказывание с эвиденциальными показателями ориентировано на адресата и предполагает определённое воздействие на него».

Есть мнение, что эвиденциальность по-разному проявляется в различных функциональных стилях [Бабёр, 2012, с. 79], а следовательно, и в различных типах текста. В художественном тексте эта категория предопределяется задачами, которые продуцент текста – его автор – ставит перед собой в процессе его написания.

Функционально-семантическое поле эвиденциальности негетогенно. Большинство учёных выделяют прямую и косвенную эвиденциальность, в зависимости от того, каков источник передаваемой информации. По типу источников информация может быть прямой, косвенной, непрямой, опосредованной и непосредственной [там же, с. 18]. При прямой эвиденциальности субъект речи сам был свидетелем того, о чём сообщает, и информация может быть получена посредством: 1) чувственного восприятия факта, 2) логического умозаключения по некоторым внешним признакам [Козинцева, 2007, с. 16]. Косвенная эвиденциальность предусматривает «сообщения о факте со стороны другого лица или лиц» [там же]. Различные виды классифицируются детально: когда говорящий приходит к выводам о событии опосредованно, то эвиденциальность обозначается как инферентивная; при получении сообщения о фактах от третьих лиц, речь идёт о цитативе (квотативной эви-

денциальности). При получении опосредованной информации «могут различаться средства передачи слов конкретного лица ('X сказал, что ...'), обобщённого, неспецифицированного или неизвестного говорящего ('говорят, слышно') и, наконец, сведения из так называемого общего фонда знаний ('как известно, ...')» [Плунгян, 2000, с. 324–325].

В немецком языке эвиденциальность выражается различными способами. Как грамматическая категория она имеет лишь периферийное значение, поэтому мы не ограничиваемся лишь грамматическими средствами эвиденциальной маркировки, что в некоторой степени поддерживает и Анна Зоцка, критикующая ограничение данной семантической области лишь уровнем грамматики [Socks, 2008, с. 376]. Однако доминантой функционально-семантического поля эвиденциальности большинством исследователей [Москалёва, 1984; Шакирова, 1988; Балабаева, 2009 и др.] признаётся конъюнктив I и II, поскольку эти формы наиболее регулярно используется для выражения «значения засвидетельствованности на морфологическом уровне» [Шакирова, 1988, с. 3]. Кроме того, отмечается, что в том же секторе находятся сложноподчинённые предложения, в составе которых содержатся глаголы или отглагольные существительные речемыслительной деятельности. Ближайшую периферию функционально-семантического поля эвиденциальности составляют конструкции *accusativus cum infinitivo* с глаголами зрительного, звукового, чувственного и т.п. восприятия (*sehen, hören, fühlen ... + Infinitiv I*), глаголы *scheinen, meinen, glauben + zu-Infinitiv I/II, sollen, wollen+Infinitiv I/II* [Москалёва, 1984; Шакирова, 1988; Балабаева, 2009: 145 и др.]. К компонентам данного поля относят модальные слова и словосочетания типа *angeblich, meines Erachtens, meiner Meinung nach* и т.п.

Всё перечисленное хорошо изучено в лингвистике на сегодняшний день, добавим только, что «функционально-семантическое поле эвиденциальности относится к полям полицентрического типа» [Григоренко, 2011, с. 177], поскольку внутри него выделяются также поля пересказывательности, инференциальности и адмиративности» [Козинцева, 2000, с. 227], которые, в свою очередь, могут выражаться «формально разными, непересекающимися способами» [Григоренко, 2011, с. 238]. Кроме того, большинство германистов указывает на связь эвиденциальности и эпистемичности, выражающей оценку степени вероятности истинности пропозиции в высказывании. Обобщая известные точки зрения, отметим, что в «основе данной категории лежит как личный опыт говорящего и свидетельствование описываемого события, так и цитирование, пересказ услышанной, полученной от третьих лиц информации [Козловский, 2019, с. 18]. Таким образом, мы приходим к выводу, что можно отказаться от строгих рамок в подходе к трактовке эвиденциальности, и рассматривать эту категорию

достаточно широко, именно на данную позицию мы опираемся в нашем исследовании.

В качестве объекта нашего исследования мы выбрали текст романа Уве Тимма «Жаркое лето» (1974), что обусловлено несколькими факторами: книга описывает события не столь далёкого прошлого и повествует о конце 60-х годов XX века в Западной Германии. Роман рассказывает о периоде студенческих волнений, происходивших во всей Западной Европе и в ФРГ, и о многих связанных с ними исканиях и заблуждениях молодежи того времени. В связи с этим отметим лингвокультурологическую значимость текста, в котором представлен ряд лингвокультурных кодов, которые определяются как символы значимых событий, объектов, известных личностей и т.п., являющихся объектами осмысления и оценки в контексте соответствующей культуры и включающих в себя культурную интерпретацию, явленную в «оболочке языкового образа» [Телия, 2010, с. 8]. Эти годы воспринимаются как переломный период немецкой истории, приведшей к демократизации общества ФРГ и к постепенному отказу от политики конфронтации с другим немецким государством – ГДР, что в некоторой степени способствовало в дальнейшем объединению обоих государств.

В романе представлена история студента-германиста Ульриха Краузе, который не может найти своё место в жизни, меняет род занятий, выступает активным участником политических акций, внезапно теряет к ним интерес, не в состоянии понять, что надо делать и зачем. Такое содержание предопределяет своеобразную структуру текста, так как в нём накладываются друг на друга несколько повествовательных планов.

Важно сказать несколько слов и об особенностях техники повествования писателя: это монтаж авторского повествования, прямой, косвенной, несобственно-прямой и пересказанной речи, интертекстуальных включений, многочисленных ретроспективных фрагментов, прерывающих хронологический ход событий, что побуждает читателя к постоянным поискам их взаимосвязи.

Поскольку мы предполагаем расширить область конститuentов функционально-семантического поля эвиденциальности, о чём будет сказано далее, то рассматриваем ряд фрагментов как эвиденциально маркированные, поскольку протагонист фиксирует в речи своё восприятие происходящего, размышляет, планирует, сомневается и страдает в форме несобственно-прямой речи, имеющей признаки эвиденциальности. В неё включены авторская и косвенная речь, которая, в свою очередь, содержат в себе мнения, реакции, комментарии и мысли других действующих лиц. Повествование сочетается со всевозможными цитатами, содержащими фрагменты стихотворений, текстов песен, произведений

научной и художественной литературы, а также газетных статей и радиопередач. Все это кодируется как источник информации говорящего/пишущего, т.е. автора текста.

Прозаический повествовательный текст, определяемый также как нарративный, может рассматриваться как функциональная среда эвиденциальности [Шестухина, 2009, с. 10]. Источником информации художественного текста выступает сам писатель. Однако художественный текст содержит «сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие её развитие и придающие ей целостность и законченность» [Брандес, 2004, с. 74], определяемые как композиционно-речевые формы повествования, включающие повествование, описание и рассуждение. Хотя примеры в чистом виде по этой типизации встречаются редко (обычно они смешанные) [Sowinski, 1999, с. 83], маркеры эвиденциальности чаще проявляются в повествовании и описании, чем в рассуждении. Особое значение в этом отношении придаётся всем видам передачи чужой речи, которые мы, в данном случае, предлагаем рассматривать как различные типы эвиденциальности. При этом прямая речь, внутренний монолог и авторская речь содержат в себе так называемую прямую эвиденциальность. С другой стороны, косвенная, несобственно-прямая и пересказанная речь содержат косвенную эвиденциальность, будь то инферентив или квотатив. Относительно понятий «прямая/косвенная эвиденциальность» профессор Храковский поясняет, что прямая эвиденциальность обычно не маркируется и воспринимается как таковая, как оппозиция косвенной эвиденциальности [ср. Храковский, 2007, с. 608].

В нашем анализе мы исходим из того, что, с прагматической точки зрения, каждый текст имеет своей целью выражение определённого идейно-художественного содержания, и используемые языковые элементы выступают средством её реализации. Поэтому маркеры эвиденциальности в названном романе, на наш взгляд, встраиваются в систему текста для выполнения определённых прагматических задач. В подтверждение этого приведём мнение А. Хольцапфельн о том, что пропозициональное содержание текста в эвиденциальном статусе приобретает черты психологического или прагматического свойства [Holzapfel, 2003, с. 202].

Рассмотрим элементы, традиционно воспринимаемые в немецком языке как компоненты функционально-семантического поля эвиденциальности и представим нашу трактовку их прагматических функций.

К ядру этого поля относится презентный конъюнктив, который встречается в тексте романа. Интересно отметить специфику его использования, predeterminedенную прагматическими задачами данного повествования:

(1) Ja, sagte Ullrich, aber ihm *sei* heute Nacht einiges *klar*

geworden. (1a) Ungeheuerlich. (1b) Dass es uns hier so gut *geht*, das *liegt* daran, dass es den unterentwickelten Ländern so dreckig *geht* (55).

В примере (1) сказуемое в форме презентного конъюнктива маркирует косвенную речь (*sei... klar geworden*), которую автор комбинирует с прямой речью (*Ja, sagte Ullrich u m.ä.*). Это противоречит общепринятым правилам употребления наклонений для выражения прямой эвиденциальности. Фрагмент продолжает эллиптическое предложение (1a), которое в этом плане вообще не маркировано. Эллипсис подготавливает читателя к смене глагольного наклонения в следующем далее сегменте. Предложение (1b) – прямая речь, на что и указывает индикатив глагола и местоимение *uns*, реализующее обращение к говорящему и его окружению. Таким образом, возникает противопоставление маркированной и немаркированной эвиденциальности, противоречащее целостности фрагмента. С прагматической точки зрения, прямая речь обладает наибольшей степенью аутентичности. Косвенная речь – форма дистанцированного представления речи человека [Sowinski, 1999, с. 83]. Исходя из этого, можно предположить, что говорящий в цитируемом фрагменте меняет своё отношение к предмету речи: личное (мысли, тревоги и сомнения) отступает на второй план перед вопросами моральной ответственности человека, живущего благополучной жизнью, перед теми, кто испытывает лишения.

Структуры с глаголом «*scheinen*» также выделяются как один из элементов функционально-семантического поля эвиденциальности, они создают в тексте атмосферу неопределённости. В примере (2) предложение (2a) с глаголом «*scheinen*» воспринимается как «дополнительный эвиденциальный компонент» [Diewald, 2004, с. 246], поскольку он выражает неуверенность в оценке фактичности пропозиции. В предложении (2) дано указание на прямой акустический знак, на который никто не реагирует. Таким образом, речь идёт об инферентивной эвиденциальности, маркированной косвенным показателем фактичности ситуации.

(2) Er hörte das schrille Klingen auf dem Gang. (2a) Niemand außer ihm *schien* in der Wohnung zu sein (43).

Приведём еще один пример, в котором эвиденциальная семантика выражена косвенно:

(3) Ulrich saß in seinem Zimmer vor seinem Schreibtisch und *hörte* das Picken von Lothars Schreibmaschine. (3a) Jemand ging über den Gang ins Bad und schlug die Tür zu. An dem anhaltenden aufdringlichen Husten *erkannte* Ulrich den Kühlschrank – Vertreter, der *offensichtlich* von seiner Reise zurückgekommen war. Unten auf der Straße fuhr ein Auto an, die Räder *quietschten*. (3b) Ulrich versuchte sich auf die Gliederung zu konzentrieren (3c) (45).

Фрагмент текста (3) состоит из трёх частей, образу-

щих единое целое: описание ситуации (авторская речь – 3), слуховое восприятие главного героя (*hörte, quietschten*) с вытекающими оттуда выводами (несобственно-прямая речь – 3а, 3б) и собственно его намерение, о котором снова сообщает автор (авторская речь – 3с). Маркеры эвиденциальности представлены в этом отрывке в виде сигналов слухового восприятия (*hörte, quietschten*), глаголом мышления (*erkennen*) и модальным словом *offensichtlich*, которые указывают на инферентивную эвиденциальность. С прагматической точки зрения, автор намеревается показать разлад во внутреннем состоянии главного героя, который, с одной стороны, должен писать свой реферат о Гёльдерлине, а с другой, периодически отвлекается на любые мелочи.

В примере (4) мы обратили внимание на модальный глагол *müssen*, который Буссманн [Busmann, 2002, с. 206] рассматривает как сильный инферентивный маркер («starke Inferential-Kennzeichnung»), в этом фрагменте возникает неоднозначная комбинация эвиденциальности и эпистемики:

(4) Er versuchte sich vorzustellen, wie Walter sie *gesehen haben musste*, Renate in dem langen schwarzen Schlabberkleid ihrer Großmutter, Nottker in der bestickten Weste und Ullrich in seinem, langen schwarzen Django-Mantel mit Schlapput. (4a) Wie exotische Vögel *müssen* wir für ihn *ausgesehen haben* (245).

Придаточное дополнительное в примере (4) содержит глагол *müssen* с Инфинитивом II, указывающий, прежде всего, на эпистемическую семантику предположения, однако, в (4) содержится косвенный вопрос, что окрашивает всё высказывание эвиденциально. Пример (4а) даёт ответ на вопрос, обнаруживающий определённую оценку достоверности высказывания. Предположительно, причина такой оценки говорящего в ещё одном источнике информации, т.е. в (4а) речь идёт об инферентивной эвиденциальности. Прагматически текст вскрывает два повествовательных плана: помимо авторского повествования возникает другая перспектива, сам герой критически оценивает себя и своё окружение.

Эвиденциальная семантика глагола *sollen* вписывается в рассматриваемое функционально-семантическое поле. При этом речь идёт о кватативной эвиденциальности, которая подчёркивает цитатный характер сообщаемой информации. Оценка фактичности действия, если она выражена, всегда принадлежит непосредственно говорящему, в то время как цитирующий говорящий от неё воздерживается [Socks, 2008, с. 382]. Проиллюстрируем это примером (3):

(5) Taubenfeld ... hat schon an der Olympiade 1936 teilgenommen, [...]. In der österreichischen Nationalmannschaft, und zwar im Slalom. Er *soll* eine sehr gute Medaillenchance gehabt haben, ist aber gestürzt (48).

В примере (5) речь идёт об информации, достоверность которой, на наш взгляд, не нуждается в проверке, потому что она нерелевантна для содержания романа.

В то же время глагол *sollen* можно рассматривать как маркер эвиденциальности в косвенном побуждении. Если, например, указание исходит из источника, который упоминается в тексте, высказывание с *sollen* представляет собой своего рода косвенную эвиденциальность. Подтверждений этому в романе предостаточно, когда автор описывает протестные действия студентов и подготовку полиции к противостоянию с ними:

(6) Der Einsatzleiter bespricht sich nochmals mit den Kommissaren der Bereitschaftspolizei. (6a) Es bleibt bei der Entscheidung, dass in der Speckstrasse der Durchbruch versucht werden *soll*. (6b) Zwei Hundertschaften *sollen* mit Schlagstöcken gegen die Demonstranten vorgehen. (6c) Zwei Zehnerschaften *sollen* währenddessen die Barrikade räumen (201).

Фрагмент (6) состоит из четырёх предложений (6, 6а, 6б и 6с), которые мы считаем эвиденциальными, поскольку они содержат информацию, передаваемую руководителем подразделения подчинённым, хотя и без прямой ссылки на её источник. Сказуемое *bespricht* в (6) указывает на то, что последующие (6а, 6б и 6с) содержат инструкции для полицейских, маркированные глаголом *sollen*. Прагматически автор добивается эффекта некоторой отчуждённости: люди, отдающие приказы, дистанцируются от предстоящих действий. Напряжённость ситуации смягчается косвенностью императива и отстранённостью пересказанной речи, напоминающей деловой функциональный стиль.

Сходными по своей прагматической функции являются структуры в примерах (7), (8), (9), вводящие различные приказы с помощью глаголов с косвенной семантикой речевой деятельности (*verfügen – распорядиться, abriegeln lassen – приказывать оценить, den Befehl geben – отдать приказ*). Они маркируют кватативную эвиденциальность в предложениях, сказуемые которых содержат косвенные признаки речевой деятельности и репрезентируют функциональные оттенки императивно окрашенных сигналов к действию.

(7) Der Polizeipräsident *verfügt* die genaue Beobachtung des Universitätsgeländes und insbesondere des SDS (188).

(8) Der Einsatzleiter hat den gesamten Gebäudekomplex mit Absperrgittern *abriegeln lassen* (200).

(9) Dann *gibt er den Befehl*, eine weitere Zehnerschaft zur Verstärkung an die Absperrgitter Speckstrasse zu schicken (202).

Такая форма кодирования информации остаётся эмоционально нейтральной, одновременно она погружает читателя в атмосферу событий того времени.

В романе полиции противостоит студенческая мо-

лодежь, возглавляемая Социалистическим союзом немецких студентов – CCHC (*Sozialistisch-demokratischer Studierendenverband – SDS*). Его лидеры пытаются выработать успешную стратегию уличных боёв, инструкции для которых мы трактуем как эвиденциальные включения. В этом случае автор использует пассивные структуры, смысловой глагол в которых указывает на речемыслительную деятельность: *beschließen – решать, festlegen – определять, erwägen – обдумывать*, как это мы видим в примерах (10), (11), (12):

(10) *Es wird eine Aktion gegen das Springer-Haus beschlossen*

(11) *Es wird festgelegt, wo Barrikaden errichtet werden sollen.*

(12) *Es wird erwogen, Redaktionen und Druckereien zu stürmen* (193).

Стилистически такие элементы текста отличаются от собственно повествования, характер кодирования источника информации схож с оформлением официальных документов. Это особенно заметно на фоне описания боевых акций и действий их участников как, например, в (13):

(13) *Ullrich versucht, Conny anzurufen. Niemand meldet sich. Er läuft nach Hause. Seit Mittag hat er nichts mehr gegessen. Eine Scheibe einschmeißen. Diese Schweine. Diese verdammten Schweine. Hass* (194).

Несоответствие в языковом оформлении фрагментов, которые передают инструкции и предписания в форме квотативной эвиденциальности (7-12), и экспрессивно-эмоциональных контекстов с описанием действий протестующей молодежи как в (13), создаёт эффект возрастающего внутреннего напряжения, придающего тексту определённую динамичность.

В отрывки, где описываются демонстрации, включаются фрагменты правил CCHC. В их формулировках присутствуют императивные инфинитивные предложения. Выделенные курсивом, мы рассматриваем их как форму квотативной эвиденциальности, поскольку они передают информацию из известного источника о том, как действовать в данных обстоятельствах.

(14) *2. In Entscheidungssituationen diszipliniert und ruhig sein, damit sich Meinungen bilden können* (189).

(15) *3. Jeder muss Informationen und Anweisungen weitergeben!*

Polizisten durch falsche Informationen verwirren! (190)

Всего таких правил девять, они пронумерованы и распределены в текстовом пространстве, описывающем происходящее на улицах. Такой монтаж позволяет писателю сделать текст многослойным. В описание актуальных действий включается инородный элемент инструкции из известного источника, что придаёт тексту документальный характер за счёт таких интертекстуальных вставок.

На наш взгляд, интертекстуальность допустимо рассматривать как один из вариантов квотативной эвиденциальности. Её маркировка производится особым способом: в тексте романа это стилизованная окраска и курсив. Интертекстуальные фрагменты не связаны непосредственно с содержанием текста, а представляют собой цитаты, создающие своеобразный подтекст без отсылки к конкретному автору. Они передают информацию, которая исходит из источника, не принадлежащего тексту автора, они вступают с этим текстом в прагматически обусловленные отношения. Несмотря на дискуссионность нашей позиции, мы считаем возможным говорить об эвиденциальном характере интертекстуальности в целом. Приведём примеры:

В романе встречаются фрагменты литературоведческих трудов, которые протагонист читает в библиотеке, так как пытается написать реферат о Гёльдерлине:

(15) *Auch Achim ist bewusstseinsabwesend, weil völlig gefühlsarm, ohne jeden Kontakt mit dem, was um ihn geschieht, nichts hörend ...* (126)

С точки зрения прагматики, эти цитаты отражают соответствующее внутреннее состояние главного героя в разных частях романа.

В тексте романа цитируются политические манифесты, сочинения Ленина, известные высказывания К. Маркса и изречения Мао Цзэдуна и др.

(16) *Mao sagt: Wir können ein Ding nur ergreifen, wenn wir es fest packen, ohne Griff auch nur im Mindesten zu lockern* (292).

Такие элементы создают политико-идеологический фон повествования, в который вполне вписывается и философия движения хиппи, имевшего в эпоху 60-х годов XX века особое распространение в западной культуре. Это находит своё отражение в романе через отсылку к музыке и текстам песен Боба Дилана и Битлз.

(17) *What do I do when my love is away.* (104)

Мы рассматриваем подобные включения как проявление эвиденциальности в широком смысле слова, поскольку такие тексты явным образом соотносятся друг с другом и при этом не только передают атмосферу эпохи, но и привносят в текст дополнительное содержание, принадлежащее другому источнику информации. Данные цитаты и реминисценции призваны показать чувства персонажей, передать их внутреннее состояние и тем самым создать определённую полифонию описания происходящего.

В нарративном тексте эвиденциальность реализуется в рамках ситуативно-эвиденциальных речевых блоков, образующих целые сегменты текста. Мы обозначаем их как эвиденциальные блоки, которые строятся по-разному.

Пример (18) иллюстрирует реализацию одного из косвенно-эвиденциальных блоков:

(18) Ulrich *sah* zum Fenster *hinaus*. (18a) Auf dem Vorplatz der Universität *hatten* überall diskutierend Studenten und Studentinnen *herumgestanden* (56).

Главный герой является свидетелем происходящего, о чём он повествует в форме несобственно-прямой речи. Информация получена через чувственное восприятие факта и благодаря логическому умозаключению по некоторым внешним признакам, о чём свидетельствуют временные формы глагола. В (18) и (18a) они не совпадают: т.е. событие уже имело место, когда главный герой начал наблюдать за происходящим. Временной континуум распадается на два пласта: момент наблюдения (*sah hinaus* – претерит/Präteritum) и то, что было ранее (*hatten herumgestanden* – плюсквамперфект/Plusquamperfekt). Таким образом, фиксируется некий зазор между исходной точкой наблюдения, о которой сообщается, и выводом размышляющего о продолжительности события, которое началось ранее.

С прагматической точки зрения речь идёт о расщеплении текста на две позиции (позицию автора и позицию персонажа), которые способствуют усилению образности текста через неоднозначный временной континуум.

В качестве маркеров ситуативно-эвиденциальных речевых блоков может выступать курсив, которым отмечены почти все интертекстуальные вставки в романе, и косвенная речь персонажа. В (19) цитата из философско-критической книги Герберта Маркузе о развитии промышленной цивилизации прерывается косвенной речью главного героя, что реализует своеобразное столкновение разных сфер жизни персонажей: идеологические основы студенческого движения и повседневные потребности сменяют друг друга, как если бы они были единым содержательным целым:

(19) ...*Der Glücksanspruch hat einen gefährlichen Klang in einer Ordnung, die für die meisten Not, Mangel und Mühe bringt.*

(19a) Die Frikadelle sei gut, sagte Ulrich begeistert, er habe noch nie eine so gute Frikadelle gegessen. (127)

Таким образом, эвиденциальным блоком становится монтаж цитаты (19) и косвенной речи (19a), который производит эффект многоголосия. Презентный конъюнктив передаёт в форме косвенной речи момент повествования, а цитата, маркированная курсивом, является способом объяснения возбуждённого состояния главного героя, который воспринимает действительность через призму своих идеологических убеждений.

Возможностью графического обозначения эвиденциальности в ситуативно-эвиденциальном речевом блоке являются скобки, что мы видим в примере (20):

(20) Conny hatte die Pfanne auf die Flamme gestellt (richtig kochen kann man nur auf Flamme, Elektro geht nicht) und legte Speck hinein (155).

В высказывание вводится вставка в скобках (*richtig kochen kann man nur auf Flamme, Elektro geht nicht*), которая подаётся как своеобразный комментарий. По всей вероятности, это мнение или речь названного персонажа. Содержание предложения в скобках ни в коей мере не связано с содержанием романа и может быть опущено, но для автора оно имеет определённое значение, поскольку там даётся имплицитная характеристика Конни: это человек, разбирающийся в кулинарном искусстве. Посредством графического обозначения (скобок) этот комментарий выделяется на фоне текста, что позволяет воспринимать его эвиденциально и рассматривать как цитатив.

В своей статье об эвиденциальности «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» Роман Якобсон упоминает сны как один из возможных источников информации. «Говорящий сообщает о событии, основываясь ... на снах ...» [Якобсон, 1972, с. 101]. В литературоведении существует много исследований техники сновидений, но для лингвистики это не имеет особого значения, потому что основное внимание уделяется не содержательной, а языковой стороне. Но на одном примере описания сновидений из романа «Жаркое лето» нам бы хотелось остановиться подробнее, во-первых, потому что эти сновидения встречаются в тексте несколько раз, а во-вторых, потому что в нём интересны те эвиденциальные маркеры, на которые они указывают.

(21) Ullrich schlürfte den Jasmintee und aß ein Stück Schafskäse.

(21a) Ich hab geträumt. Ich trieb auf einer Luftmatratze durch riesige schwarze Röhren. Ein Kanalsystem *offenbar*. Ich suchte jemanden. Wen, weiß ich nicht mehr. ... (210).

Описание сна дано без комментариев, в форме 1-го лица ед. ч. и включает в себя то, что снилось главному герою. В качестве формы повествования используется претерит (das Präteritum), маркером инферентивной эвиденциальности выступает модальное слово *offenbar*. Следовательно, определённые маркеры эвиденциальности могут присутствовать и в описании сновидений, причём прагматическое значение этих маркеров в тексте подчинено идее отражения психических процессов, переживаемых персонажем, и определяется общим содержанием произведения.

Несколько слов скажем об упомянутой во введении линии лингвокультурологической значимости данного текста: присутствующие в нём лингвокультурные коды: имена классиков немецкой литературы (Фридрих Гёльдерлин, Ахим фон Арним и др.), великие и известные музыканты (Л.В. Бетховен, Б. Дилан и др.) политические деятели (К.Г. Кизингер, Мао Цзэдун, В.И. Ленин, Р. Дучке и

мн. др.), описание исторических событий прошлого и современности отсылают читателя к различным источникам информации, позволяющим не только проследить, как развивается повествование в книге, но и расширить свои знания в различных гуманитарных областях. Весьма спорная, но всё-таки не лишённая оснований позиция состоит в том, что все эти элементы, присутствующие в тексте, также кодируют источник информации, которые эти коды в себе заключают.

В заключение хотелось бы сказать, что наш анализ весьма дискусионен, однако представляет собой попытку не только найти и определить возможные формы эвиденциальности в конкретном тексте, но и интерпре-

тировать их прагматические функции, показать, как они обогащают текст, какое дополнительное содержание могут ему придать. Анализ также позволяет констатировать, что различные виды эвиденциальности по-разному воздействуют на восприятие текста, расширяют его смысловую составляющую. Роман Уве Тимма относится к постмодернистским художественным текстам, о чём свидетельствуют его структурные особенности и поддерживаемые доминанты. В значительной степени это отражается и на характере выбранных автором эвиденциальных стратегий. Анализ, подобный тому, который мы представили, может в конечном итоге помочь лучше понять и интерпретировать не только этот, но и подобный художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабёр Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. — 227 с.
2. Балабаева Ю.Е. Автореферентные эвиденциальные конструкции немецкого языка с глаголом *scheinen* (к проблеме межкультурных различий маркеров эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2009. — №1 (3). — С. 23-26.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. — 416 с.
4. Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2011. — 211 с.
5. Козинцева, Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92–104.
6. Козловский Д.В. Реализация авторской эвиденциальности в современном художественном дискурсе // Филологические науки Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Международный научный журнал 2019 №4. — С. 17-24
7. Москалева И.П. Система средств выражения некоторых скрытых категорий современного немецкого языка: Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР №15823. — Калуга: Калужский государственный педагогический институт им. К.Э. Циолковского, 1984. — 27 с.
8. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. / Ред. В.А. Плунгян (отв. ред.), В.Ю. Гусев, А.Ю. Урманчиева. — М.: Гнозис, 2008. — С. 7-34.
9. Телия В.Н. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. Тула, — 2010. Т. 1. — С. 5-16.
10. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН. — Спб., 2007. — С. 600–632.
11. Шакирова Р.Д. Эпистемический статус высказывания (на материале современного немецкого языка). Монография. — Набережные Челны: Набережно-челнинский госпединститут, 2005. — 199 с.
12. Шестухина И.Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект. Автореферат дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2009. — С.18.
13. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 95-113.
14. Bussmann Hadumod. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1983. — S. 275.
15. Diewald Gabriele. Faktizität und Evidentialität: Semantische Differenzierungen bei den Modal und Modalitätsverben. In: LEIRBUKT, ODDLEIF (ed.): Tempus/Temporalität und Modus/Modalität im Sprachvergleich. Tübingen (=Eurogermanistik 18), 2004. — S. 231-256.
16. Holzapfel Anne. Evidentialität im Japanischen. Tübingen Ostasiatische Forschungen. Tuebingen East Asian Studies Bd. 6, 2006. — 224 S.
17. Sowinski Bernhard. Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen. — Stuttgart, Weimar, 1999. — 375 S.
18. Socka A. Die Konstruktion würde + Infinitiv als evidentieller Ausdruck des Deutschen URL: <https://www.researchgate.net/deref/http%3A%2F%2Fdx.doi.org%2F10.18778%2F2196-8403.2008.17; дата обращения 12.11.2022>

© Силаева Екатерина Михайловна (emsilaeva@yandex.ru), Шипова Ирина Алексеевна (schipowa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ «ВВЕРХ/ВНИЗ» В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: НА ПРИМЕРЕ «НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КОНФУЦИАНЦЕВ»

Фан Сюйлу

Магистрант, Юго-восточный университет

Misha_fang@163.com

A COMPARATIVE STUDY OF "UP/DOWN" SPATIAL METAPHORS IN CHINESE AND RUSSIAN: A CASE STUDY OF *THE SCHOLARS*

Fang Xulong

Summary: *The Scholars*, a masterpiece of ancient Chinese satire, has a strong traditional Chinese cultural flavor. This paper explores the mapping of the spatial metaphor of "up/down" to the domains of time, social status and characteristics, as well as the Russian translation, based on the Chinese-Russian bilingual text of *The Scholars*, with the aim of promoting intercultural communication.

Keywords: *The Scholars*, Chinese-Russian comparison, Spatial metaphors, language picture of the world.

Аннотация: «Неофициальная история конфуцианцев», как шедевр классической китайской сатирической художественной литературы, имеет сильный традиционный китайский культурный колорит. В данной работе мы используем китайско-русский двуязычный текст «Неофициальную историю конфуцианцев» в качестве основы, чтобы изучить сопоставление пространственных метафор «вверх/вниз» с областями времени, социального статуса и характеристик и их выражение в русских переводах, а также почувствовать культурные особенности и различия между Китаем и Россией ради лучшего содействия межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: «Неофициальная история конфуцианцев», китайско-русское сопоставление, пространственная метафора, мировая языковая картина.

Введение

Пространственные метафоры распространены в различных языковых картинах мира и используются для передачи абстрактных понятий, таких как время, эмоции и мораль. «Вверх/вниз (上/下)» часто используется в пространственных метафорах, которые мы можем разделить на три области: область времени, область социального статуса и область характеристик [1, с. 17]. В метафоре области времени китайские «вверх/вниз» обозначают полные временные области, такие как «上旬» и «下月». В русском языке нет эквивалентного перевода, а используются порядковые числительные, прилагательные и другие формы перевода, что приводит к симметричному дисбалансу. В области социального статуса китайский язык использует «вверх/вниз» для отражения различного социального положения, например, «上级» и «下士», а в русском языке также используется.

Произведение У Цзинцзы «Неофициальная история конфуцианцев», вершина древнекитайских сатирических романов, содержит большое количество пространственных метафор, а значения предложений, включающих «вверх/вниз», в основном используются для обозначения статуса и отношений власти, с богатым культурным подтекстом. Данная статья основана на китайской версии «Неофициальной истории конфуцианцев» и русской версии, переведенной российским синологом Воскресенским Д. Н. В данной статье в качестве

основного объекта исследования рассматривается понятие пространственной метафоры «вверх/вниз» и анализируются ее различные метафорические коннотации в китайском и русском языках с целью понимания практического применения пространственной метафоры в китайско-русском языковом ландшафте и содействия межкультурной коммуникации.

Основная часть

Роман «Неофициальная история конфуцианцев» состоит из пятидесяти шести глав. Согласно статистике, в тексте 1705 предложений с «上» и 1404 предложений с «下». Затем случайным образом были отобраны 500 предложений с «上» и 500 предложений с «下» для дальнейшего анализа. Анализ показал, что среди 1000 предложений 155 предложений со словом «上» или «下» имели метафорическое значение, что составляет 15,5% от всех предложений. Количество предложений со словом «上» составило 63, что составляет 40,6%, а количество предложений со словом «下» – 92, что составляет 59,4%.

Как видно из данных выборки, метафорических предложений, содержащих слово «下», в романе гораздо больше, чем предложений, содержащих слово «上». Это явление тесно связано с темами, выраженными в самом тексте. Роман содержит большое количество сильных персонажей, как положительных, так и отрицательных. Изображая антагонистов, автор У Цзинцзы стремится

представить персонажей с точки зрения их диалога, действий и манеры поведения, а используемые слова носят весьма ироничный характер. При таком намерении слово «下» является более выразительным и поэтому встречается чаще. 155 пространственных метафор «上» и «下», собранных в предыдущем разделе, были далее классифицированы по трем категориям: область времени, область социального статуса и область характеристик. Из 63 предложений, содержащих «上», 42 являются метафорой в области социального статуса, 17 – метафорой в области времени и 4 – метафорой в области характеристик. Из 92 предложений, содержащих «下», 64 являются метафорой в области времени, 26 – метафорой в области социального статуса и 2 – метафорой в области характеристик.

В области времени «вверх» относится к настоящему и прошлому, а «вниз» - к настоящему и будущему. В образце данных «Неофициальной истории конфуцианцев» имеется 81 предложение, содержащее метафоры в области времени, из них 17 предложений «вверх» и 64 предложений «вниз». Мы подсчитали следующие ключевые слова: Мы подсчитали частоту использования этих ключевых слов: «当下» (54, 66,7%), «晚上/下晚» (8, 10%), «早上» (5, 6,2%), «下午» (4, 4,9%), «上年» (3, 3,7%), «中上» (3, 3,7%), «半年之上» (1, 1,2%), «月上时分» (1, 1,2%), «下顿» (1, 1,2%), «下半年» (1, 1,2%).

Все пространственные метафоры «вверх/вниз» используются здесь в сочетании с временными словами, указывающими на ограниченный диапазон, например, «当下», «早上», «月上时分». Слова «当», «早» и «月» здесь определяют временные рамки «上». Слово «当» указывает на данный момент, а слова «早» и «月» ограничивают время временем, когда солнце или луна впервые появляются соответственно, и эти времена относительно фиксированы. Таким образом, эти квалификаторы объема объединяются в пару с «上», образуя метафорическую структуру в области времени.

В отличие от этого, в русском языке слова, обозначающие «выше» и «ниже», относительно независимы. Существуют также предлоги «на» и «под», которые имеют то же значение выражения. Когда речь идет об области времени, в русском языке существуют фиксированные выражения, большинство из которых являются односложными, например «утро», «вечер», «прошлый год» и т.д., которые не ассоциируются только со словами «вверх» и «вниз». Среди слов в образце есть слова с литературным подтекстом, такие как «月色未上» и «下晚», перевод которых требует от переводчика соответствующей переработки оригинального текста на основе понимания контекста.

Пример1: 到了下晚时候, 大街上虞四公子写个说帖来, 写道.....[2]

Перевод: Однако **под вечер** они получили пригласи-

тельную карточку от Юя Четвертого [3, с. 441].

В сорок пятой главе два господина из семьи Юй получают приглашение от четвертого сына Юя на вечер. Слово «下晚» здесь толкуется в китайском словаре как «близкие сумерки». Китайский предлог «下» используется здесь для обозначения времени, а русский эквивалент «под» также является предлогом «下», имеющим метафорическое значение Метафорическое значение - «почти... время». Слово «вечер» в русском языке означает период времени с 17:00 до 23:00. Перевод слова «下晚» как «под вечер» является точным переводом соответствующего отображающего домена на русском языке.

После выборки, 68 из 155 предложений пространственной метафоры «вверх/вниз» в «Неофициальной истории конфуцианцев» содержали метафоры социального статуса. Из этих предложений 42 предложения «上» и 26 предложений «下»: «门下» (16, 23,5%), «皇上» (7, 10,3%), «上人» (7, 10,3%), «在下» (7, 10,3%), «府上» (6, 8,8%), «上坐» (4, 5,9%), «献上» (4, 5,9%), «门上» (3, 4,4%), «在上» (3, 4,4%), «拜上» (3, 4,4%), «上司» (2, 2,9%), «头上» (2, 2,9%), «上去» (1, 1,5%), «下席» (1, 1,5%), «下陪» (1, 1,5%), «名下» (1, 1,5%).

Как видно, в древнем Китае существовала строгая система чиновничьих рангов, и эти иерархические отношения и понятия глубоко укоренились в сознании людей. Среди метафор области социального статуса есть слова, прямо указывающие на высокий или низкий социальный статус, такие как «皇上», «上人», «在下», «上司». Есть также слова, связанные с серией действий от человека более низкого социального статуса к более высокому, такие как «献上», «拜上», «名下» и т. д. Слова «上» и «下» здесь относятся не только к социальному статусу человека, посылающего действие, но скорее к высокому статусу получателя действия и уважению человека, посылающего его. В своих переводах Воскресенский Д. Н. обратил внимание на эти культурно значимые слова и точно перевел их прямым и перефразированным переводом.

Пример2: 余大先生首席, 唐二棒椎对面, 姚五爷上坐, 主人下陪 [2].

Перевод: Тот занял почетное место. Напротив него расположился Тан Дубинка, а Пятый Яо и хозяин **сели по бокам** [3, с. 524].

В древнем Китае порядок рассадки гостей определялся социальным статусом человека, причем положение «вверх/вниз» в значительной степени отражало социальный статус и уважение человека, а место почетного человека было «верхним местом». В данном случае слова «верхнее место» и «上席» имеют одинаковое значение, указывая на то, что мастер Яо - гость, имеющий более высокий статус и уважение, и должен сидеть на почетном месте. Соответственно, хозяин садится на «ниж-

нее сиденье» вместе с гостем. Слова «上» и «下» в тексте показывают разницу в социальном статусе, а слова «首席» и «对面» в первой половине предложения также относятся к пространственной сфере. В русском переводе переводчик использует слова «расположиться против» для описания, и «сесть по бокам», чтобы изображающий господина Яо и его хозяина, хотя и точно описывает конкретное место каждого человека, не отражает разницу в их взаимном социальном статусе, а просто передает буквальное значение посредством прямого и комбинированного перевода.

Однако слово «почетное место», которое модифицирует положение г-на Ю, лучше перевести, показывая социальный статус «首席» через парафраз. В русском языке есть слово «красный угол», которое имеет сходное значение с китайским словом «上座». Слово «красный» означает «красивый». Русский народ - православный, и в некоторых регионах в юго-восточном углу дома стоит стол с иконой, настолько важный и заметный, что гости замечают его с первого взгляда, когда входят в дом. Есть поговорка: «Без Бога ни до порога», которая означает, что сначала нужно уважать Бога, а потом хозяина. Так, термин «красный угол» воспринимается русскими как самое почетное место в доме [4, с. 32]. Когда русские читатели видят «почетное место», они легко ассоциируют слово «首席» с «красным углом» в своем собственном языковом ландшафте, достигая культурной эквивалентности.

В дополнение к области времени и области социального статуса, метафора «вверх/вниз» также может быть сопоставлена с метафорой области характеристик. Люди относятся к внешним вещам положительно или отрицательно, и в китайском языке считается, что хорошие вещи являются превосходными, в то время как обратное верно. В целом, в конфуцианстве мало метафор «вверх/вниз», которые затрагивают область характеристик: «上好» (2, 33,2%), «青史上留名» (1, 16.7%), «上进» (1, 16.7%), «比下来» (1, 16.7%), «下流» (1, 16.7%).

Результаты выборки показывают, что слово «вверх/вниз», обозначающее метафору области характеристик, встречается в «Неофициальной истории конфуцианцев» относительно нечасто, но это выражение не менее эффективно, чем другие метафоры, и в основном используется для выделения положительного и отрицательного образа кого-то или чего-то, например, «上好», «上进», «下流», «比下来» и т.д. Смысл, выраженный этими словами, должен быть выведен из контекста, а иногда оригинальные слова должны быть преобразованы с помощью перефразирования, чтобы соответствовать общению, переданному оригиналом.

Пример 3: 我只道你是想应考, 要上进的念头 [2].

Перевод: Я думал, сын мой, что ты хочешь сдать экзамены и **сделать карьеру** [3, с. 252].

Когда старый монах узнает о приверженности Ню к учебе, он решает предоставить ему место и условия для занятий, а также поговорить с ним. Слово «上进» здесь имеет два значения: во-первых, оно относится к превосходному качеству Ню Пулана - стремлению к прогрессу, а во-вторых, к стремлению к лучшему будущему в качестве чиновника. Переводчик переводит слово «上进» как «сделать карьеру», что в сочетании с предыдущим текстом переводится как «你想考中并且做官升职». В феодальном Китае таланты отбирались через систему императорских экзаменов, и многие литераторы достигли своих политических устремлений благодаря императорским экзаменам. В данном контексте тот факт, что Ню учился до третьей ночи, свидетельствует о его прогрессе, а то, что слово «上进» стоит после слова «应考», говорит о прогрессивной связи. В России не было экзаменационной системы как в Китае, и в своем переводе Воскресенский Д.Н. заменил само действие акта на его последствия и перевел его непосредственно как «продвижение в работе», что соответствует смыслу оригинала.

Подводя итог, можно сказать, что среди 155 метафорических предложений «вверх/вниз», отобранных в «Неофициальной истории конфуцианцев», метафора в области социального статуса встречается наиболее часто и имеет наиболее богатую формулировку, в то время в области времени и характеристик более однородны. С точки зрения лексического значения почти все слова используются в повседневной жизни, но значение таких слов, как «上去» и «上进», необходимо определять в контексте. В целом, перевод метафоры «вверх/вниз» в данном произведении почти полностью точен.

Заключение

Пространственные метафоры представляют собой различные способы восприятия мира для разных народов и отражают характеристики «антропоцентризма». Анализируя пространственные метафоры в разных языках, мы можем почувствовать духовность разных народов. В «Неофициальной истории конфуцианцев» имеется большое количество пространственных метафор, которые могут соответствовать различным метафорическим категориям, таким как область времени, область социального статуса и область характеристик. Каждый из них отражает свой смысл, а вместе они служат для достижения языковой выразительности и углубления подтекста текста. Из-за ограниченности места в данной статье используется выборочный подход к изучению пространственных метафор «вверх/вниз», и выбираются репрезентативные слова и фразы, которые являются универсальными по своей природе. Анализ показывает, что перевод «Неофициальной истории конфуцианцев», выполненный российским синологом Воскресенским Д.Н., очень хорошо справился с пространственной метафорой «вверх/вниз» и другими культурно нагруженными

ми словами и является хорошим примером успешного перевода китайской литературы.

Более того, из-за различий в языковом ландшафте России и Китая не все культурно нагруженные слова в китайском и русском языках имеют соответствие один к одному. Поэтому в процессе иностранного перевода китайских произведений слова с одинаковым значени-

ем на китайском и иностранном языках могут быть заменены напрямую, а когда значение частично совпадает или нет соответствующего слова, переводчику необходимо прибегнуть к транскрипции и перефразированию, чтобы максимально сохранить языковой и смысловый эффект оригинала, сделать перевод более приемлемым для читателей и способствовать международному распространению китайской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. 徐英平. 俄汉语“上、下”空间隐喻对称性考证[J]. 外语研究, 2006(01): 17-19.
2. 吴敬梓. 儒林外史[M]. 北京: 中华书局, 2019.
3. У Цзин-цзы, пер. с китайского Воскресенского Д. Н. Неофициальная история Конфуцианцев: [роман] / Москва: Гослитиздат, 1959.
4. Баранов Д.А., О.Г. Баранова и др. Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия / Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2004.

© Фан Сюйлуи (Misha_fang@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Юго-восточный университет

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ ЭРГОНИМИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РУСИСТИКЕ

Хохлова Анна Алексеевна

преподаватель, Самарский Государственный Технический
Университет
khokhlova.anna@mail.ru

ANALYTICAL REVIEW OF THE STUDY OF ERGONOMICS IN RUSSIAN LINGUISTICS

A. Khokhlova

Summary: The article is an analytical review of Russian ergonomy. Nine aspects of modern Russian ergonyms are characterized: communicative, semantic, historical, geographical, linguoculturological, lexicographic, sociolinguistic, pragmalinguistic, onomasiological. It is determined that a number of studies on ergonomy are complex, combining the study of several aspects at once. It is shown that pragmalinguistic aspect is divided into linguo-marketing, cognitive-pragmatic and functional-pragmatic ones.

Keywords: ergonym, ergonomy, ergonomics, ergonymics.

Аннотация: Статья представляет собой аналитический обзор исследований российской эргонимии. Дается характеристика основных девяти направлений современных российских исследований эргонимов: коммуникативный, семантический, исторический, географический, лингвокультурологический, лексикографический, социолингвистический, прагмалингвистический, ономасиологический. Определено, что ряд исследований по эргонимии носят комплексный характер, сочетая изучение нескольких аспектов сразу. Показано, что в свою очередь прагмалингвистический подразделяется на лингвомаркетинговый, когнитивно-прагматический и функционально-прагматический.

Ключевые слова: эргоним, эргонимия, эргонимика, эргонимикон.

Предметом рассмотрения в данной статье являются исследования в области современной русской эргонимии в различных аспектах. Цель статьи – осуществить аналитический обзор основных направлений изучения эргонимии в лингвистической русистике описать, раскрыть степень изученности проблем, относящихся к наименованиям предприятий и организаций. Актуальность работы обусловлена научным интересом к исследованию ономастической лексики в целом и эргонимам в частности. Задачи исследования – сбор и анализ исследований по эргонимии в лингвистической русистике.

Освещая историю изучения современных российских эргонимов, считаем важным выполнить краткую характеристику различных аспектов исследования эргонимов. Этот класс онимов изучается в различных аспектах. Перечислим основные выявленные нами аспекты: коммуникативный, семантический, исторический, географический, лингвокультурологический, лексикографический, социологический, прагмалингвистический, ономасиологический. Кроме того, в лингвистической русистике представлен комплексный подход изучения эргонимов, в котором представлены те или иные аспекты. Помимо названных выше это такие аспекты, как этнолингвистический, логический, семасиологический, семиотический, терминологический. Следует отметить, что выбранный исследователем аспект определяется целью, которую ставит перед собой ученый; часто работы содержат в себе сочетание нескольких аспектов.

Перейдем к характеристике основных аспектов исследования эргонимов и их разрядов. Коммуникативный аспект подразумевает изучение эргонимов в качестве

конкретных языковых единиц в условиях определенного коммуникативного акта. В данном аспекте исследуются различия в функционировании языковых единиц в разных коммуникативных условиях. Коммуникативный аспект находит свое отражение в работах [Курбанова, 2015], [Романова, 2008], [Шимкевич, 2002], [Шмелева, 2014].

Семантический аспект исследований и лингвистическая семантика как раздел лингвистики тесно связаны с такими науками как философия и логика. В данном аспекте изучается специфика эргонимов, значения, а так же отношение к таким явлениям как омонимия, полисемия, синонимия и антонимия. Исследованием лексико-семантических особенностей обнаруживается в следующих работах [Копорский, 1969], [Красильникова, 1988], [Канападзе, 1982].

Исторический аспект исследования устанавливает связи между появлением и функционированием эргонимов и определенным историческим периодом развития в связи с историей языка. К историческому аспекту относятся исследования эргонимов Е.С. Отина [Отин, 1999]. Исследование Н.А. Прокуровской связано с городскими онимами в историческом и региональном аспектах [Прокуровская, 1996]. Исторический аспект так же отражен в работах [Ворошилова, 2007], [Разумов, 2003].

Географический аспект устанавливает влияния географического фактора на эргонимы, выявляет местные, диалектные лексемы, фонемы, морфемы, определяет ареал распространения повторяющихся элементов (основ, формантов), типов, моделей. Региональная эргонимия и эргонимы зарубежных стран исследуются в рабо-

тах [Беспалова, 1984], [Дубровина, 1988], [Микина, 1993]. Эргонимия регионов России изучалась в следующих работах [Астафьева, 1996], [Николаева, 1997], [Корпункова, 1997], [Земскова, 1996], [Яловец-Коновалова, 1997], [Яковлева, 1999], [Козлов, 2000]. Исследования ономастического пространства регионов в географическом аспекте представлены в таких работах как [Амирова, 2011], [Беляева, 2010], [Вайрах, 2011], [Донскова, 2004], [Носенко, 2007], [Рабаданова, 2012], [Танаева, 2012] и другие.

Следует отметить, что для последних лет характерен рост научного интереса к исследованию региональной лингвокультуры. Лингвокультурологический аспект изучения эргонимов определяет обусловленность употребления общекультурными, ситуативными и индивидуальными нормами коммуникативного поведения. Данный аспект выявляет отражения культуры и исторической памяти народа в именах собственных, а так же мифологические представления данного народа, национальнокультурную семантику эргонимов, обладающих индивидуальной информацией. Изучение эргонимов, которые отражает национальные формы бытия, основанные на культурных ценностях конкретно-исторического языкового сообщества так же связаны с лингвокультурологическим аспектом. В рамках данного подхода выполнены исследования, [Григорьева, 2018], [Русанова, 2019], [Шаталова, Медведева, 2016], [Питина, 2013], [Романенко, Мизернюк, 2019]. Исследования эргонимов в лингвокультурологическом аспекте с разделением названий объектов на «транснациональные, национальные и региональные» проводит Н.И. Григорьева [Григорьева 2016]. Для региональных эргонимов характерна обусловленность историей, геолокацией, культурной конкретности территориального объекта. Национально-культурный компонент эргонимов исследуется в работах И.Ю. Русановой [Русанова 2019].

[Лексикографический аспект представляет собой лексикографическую инвентаризацию и исследование эргонимов и их разновидностей, давая характеристику современных российских эргонимов по историко-этимологическому, историческому, этимологическому и справочно-информативному признакам]. В зависимости от необходимости характеризовать тот или иной признак эргонимов, используется соответствующая методика и на ее основе создается словарь определенного жанра, как отмечает Е.С. Отин [Отин, 1999]. Так, «Словарь собственных имен русского языка» под редакцией Ф.Л. Агеенко содержит названия организаций, партий, движений, научных и учебных учреждений; названия промышленных предприятий, торговых фирм, корпораций, концернов, банков; названия театров, библиотек, музеев, концертных залов, картинных галерей, киностудий, археологических и архитектурных памятников; названия спортивных клубов, [Агеенко, 2010]. В лексикографическом аспекте иногда ставится задача составить сло-

вари эргонимов отдельных регионов, напр., [Крат, 2012].

Социолингвистический аспект (социономастика) – это исследование связи эргонимов с обществом, его историческим развитием, социальными изменениями. Воздействие на развитие эргонимов социальными, юридическими, историческими закономерностями, социологическими переменными так же соотносится с данным аспектом. Кроме того, влияния моды на имена собственные, идеологическая, культурологическая направленность общества на формирование эргонимов изучаются в рамках социолингвистического аспекта [Мадиева, 2015]. Социолингвистический аспект представлен в работах [Емельянова, 2007], [Носенко, 2007], [Алиева, 2008], [Врублевская, 2017].

Прагматический аспект представлен широко и в свою очередь подразделяется на различные линии: лингвомаркетинговый, когнитивно-прагматический, функционально-прагматический аспекты. Лингвомаркетинговый аспект исследования собственных имен предполагает изучение эргонимов с точки зрения их рекламного потенциала. Данный аспект выявляет возможности воздействия имен собственных на реципиента с точки зрения рекламы. [Мархеева, 2020]

Модель искусственной номинации в когнитивно-прагматическом аспекте и характеристика номинативных стратегий, тактик и частных моделей искусственного наречения освещены в монографии М.В. Голомидовой. В работе рассматривается взаимодействие искусственной онимической номинации с номинацией естественной, народной, и профессиональной. Кроме того, исследование выявляет архетипы именования, влияющие на процессы современного именотворчества [Голомидова, 1998].

В функционально-прагматическом аспекте выполнена работа Т.М. Шмелевой. Вводится понятие «урбаноним». Эргоним является подвидом урбанонима и трактуется согласно определению Н.В. Подольской. Классификация идет вглубь, появляются термины «фирмоним», «эмпороним», «трапезоним». Автор отмечает, что «можно соорудить такие термины, опираясь на известные нам латинские или даже русские корни, но это не решит проблему, ведь терминология должна выработываться и приниматься научным сообществом в ходе исследований и обсуждений» [Шмелева 2014, с. 11].

Ономастический аспект в изучении эргонимов находит свое отражение в работах В.М. Лейчика, который отмечает, «что на примере наименования фирм, предприятий и т.п. очень удобно показать различные способы называния объектов собственными именами и дать соответствующие рекомендации» [Лейчик 1992, с. 31]. С другой стороны, в работе анализируются функционирование эргонимов, воздействие на реципиента, устанавливаются отношения между эргонимом и его эф-

фективностью. Исследования эргонимов в ономазиологическом аспекте проводит [Носенко, 2007].

Комплексный подход в исследовании эргонимов является многоаспектным изучением языковых единиц. Целью комплексного подхода является целостный лингвистический анализ эргонимического материала. Так, русская коммерческая эргонимия изучается в прагматическом и лингвистическом аспектах [Шимкевич, 2002]. Эргонимия в структурно-семантическом и ономазиологическом аспектах исследуется в работе [Грибанова, 2002]. Семантический и прагматический аспекты представлены в работе [Трифанова, 2006]. Структурно-семантический и прагматический аспекты нашли свое отражение в работе [Носенко, 2007]. Характеристику эргонимов как микросистемы представляет [Алистанова, 2011]. Структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты эргоурбонимии даны в работе [Вайрах, 2011]. В работе [Рабаданова, 2012] эргонимы исследованы в структурно-семантическом, лингвокультурологическом и историческом аспектах. Работа [Курбанова, 2015]

выполнена в семантическом и прагматическом аспектах. Структурно-семантический, коммуникативный и прагматический аспекты раскрывает работа [Хоанг, 2018].

Подводя итоги, отметим, что современная русская эргонимическая лексика активно исследуется в различных аспектах. Осуществленный нами аналитический обзор позволил выявить девять основных аспектов изучения: коммуникативный, семантический, исторический, географический, лингвокультурологический, лексикографический, социолингвистический, прагмалингвистический, ономазиологический. При этом прагмалингвистический аспект, в свою очередь, представлен лингвомаркетинговым, когнитивно-прагматическим и функционально-прагматическими аспектами. Комплексный подход в изучении эргонимов так же широко представлен в отечественных исследовательских работах по эргонимии. Можно утверждать, что проведенный анализ выявил тенденции использования комплексных исследований и изучение эргонимов, сочетающих различные аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеенко Ф.Л. Словарь собственных имен русского языка: ударение, произношение, словоизменение. М: Мир и Образование, 2010. 877 с.
2. Алистанова Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук – Махачкала, 2011. – 23 с.
3. Алиева Г.Н. Эргонимы современного русского языка в лексикографическом аспекте / Г.Н. Алиева, Ф.Ф. Алистанова // Научное мнение. – 2011. – № 3. – С. 7-11.
4. Вайрах Ю.В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореферат дис. кандидата филологических наук: 10.02.01. - УУ;БГУ, 2011. - 24 с.
5. Врублевская О.В. Языковая мода в эргонимии как социолингвистическая проблема / О.В. Врублевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5(35). Ч. II. – С. 45–49
6. Голомидова М.В. Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ 1994. Екатеринбург: 1995. С. 76-86.
7. Горяев С.О., Бугешу А. Коммерческое имя в мировой ономастике: современное состояние // Коммуникативные исследования. 2018. №3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskoe-ima-v-mirovoy-onomastike-sovremennoe-sostoyanie> (дата обращения: 16.12.2022).
8. Григорьева Н.О. Проекция лингвокультуры: эргонимы в коммуникативном пространстве города // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. - Спб.; ОПРЯЛ, 2016. №5. С.142-145.
9. Донскова Г.А. Сравнительно-сопоставительная характеристика динамики эргонимической номинации Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. автореферат канд. филол. наук. Уральск, 2004. 246 с.
10. Земскова С.В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации: Авто-реф. дисс. канд. филол. наук. М.: РУДН, 1996. 20 с.
11. Кайгородова И.Н., Курбатова М.Г. К вопросу о функции языкового воздействия эргонимов // Гуманитарные исследования. - А.: АГУ, 2012. - №1 (41). - С.25-29.
12. Крат Д.А. Специальный словарь-справочник эргонимов правобережья города Красноярск с учетом интенций номинатора и оценок адресата / Д.А. Крат, Е.О. Пастарнакова, И.В. Ревенко // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-2. – С. 12-17.
13. Козлов Р.И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Р.И. Козлов. – Екатеринбург, 2000. – 23 с.
14. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 с.
15. Крыжановская В.А. Эргонимы с элементами графической трансформации (структурно-семантический и прагматический аспекты): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Крыжановская Валентина Александровна. – Краснодар, 2017. – 22 с.
16. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматик: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Курбанова Малика Гумаровна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. - Волгоград, 2015. - 24 с.
17. Мархеева Т.В. Лингвомаркетинговый подход в изучении эргонимии (на материале эргонимов г. улан-удэ) // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvomarketingovyy-podhod-v-izuchenii-ergonimii-na-materiale-ergonimov-g-ulan-ude> (дата обращения: 18.12.2022).

18. Николаева Т.И. Новые названия в старой Вятке / Т.И. Николаева, В. А. Коршунков // Русская речь. – 1997. – № 4. – С. 85-92.
19. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. д-ра филол. наук / М.Е. Новичихина. Воронеж, 2004. – 40 с.
20. Е.С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Москва; Донецк: А Темп; 2006. – 435 с.
21. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. 192 с.
22. Прокуровская Н.А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска) / Н.А. Прокуровская. – Ижевск, 1996. – 228 с.
23. Романова Т.П. Этнокультурный маркер в логотипах российских фирм как рекламный стимул адресата // Медиалингвистика. – СПб.; СПГУ, 2018. –Т. 5. – №4. – С. 521-533.
24. Русанова И.Ю. Проблемы выявления и описания национально-культурного компонента в структуре значения эргонима / И.Ю. Русанова // Ономастика Поволжья: Материалы XVII Международной научной конференции, Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года / Составитель и редактор В.Л. Васильев. – Великий Новгород: ООО «ТПК «Печатный двор», 2019. – С. 95-99. – DOI 10.34680/2019.onomastics.95.
25. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.
26. Шаталова Ю.Н. Нейминг в региональном аспекте (на материале названий продовольственных магазинов г. Белгорода) / Ю. Н. Шаталова,
27. Медведева А.Н. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 5-1 (59). С. 167-171.
28. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.0; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 22 с.
29. Шмелева, Т.В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелева. –Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 144 с.

© Хохлова Анна Алексеевна(khokhlova.anna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чжан Цуйцуй

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
cuicuz@yandex.ru

FIELD ORGANIZATION OF EMOTIONAL UNITS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Zhang Cuicui

Summary: The purpose of this article is to define the model of the field organization of emotive units in the modern Russian language. The author provides a brief description of studies that examine the relationship between language and emotions from the point of view of linguistics, and also analyzes the essence of the concept of «emotivity». The article also defines the concept of «emotive units» and analyzes their role in the organization of the language structure from the point of view of linguistics. As examples, such categories expressing emotions as interjections, ideophones and metaphors are considered. At the end of the article, an attempt is made to field organization of emotive units that reflect the emotion «fear» based on the methodology of the nominative-semantic field. The relevance of this study is justified by the increasing number of studies in the field of the emotional sphere of language, since emotions are a complex and complex concept, as a result of which their verbalization in the Russian language is quite diverse. The practical significance and scientific novelty of the study lies in the fact that its results can be used in modeling the field of basic human emotions in Russian on the basis of emotions explicitly nominated in speech, paradigmatic relations, as well as their semantic features.

Keywords: field, structure, linguistics, emotiveness, emotive units, Russian language.

Аннотация: Цель настоящей статьи – определить модель полевой организации эмотивных единиц в современном русском языке. Автором приводится краткая характеристика исследований, в которых рассматривается взаимоотношения языка и эмоций с точки зрения лингвистики, а также анализируется сущность понятия «эмотивность». В статье также определяется понятие «эмотивные единицы» и анализируется их роль в организации языковой структуры с точки зрения лингвистики. В качестве примеров рассматриваются такие категории, выражающие эмоции, как междометия, идеофоны и метафоры. В конце статьи проводится попытка полевой организации эмотивных единиц, отражающих эмоцию «страх» на основе методики номинативно-семантического поля. Актуальность настоящего исследования обоснована возрастающим количеством исследований в области эмоциональной сферы языка, так как эмоции представляют собой комплексное и сложное понятие, в результате чего их вербализация в русском языке достаточно разнообразна. Практическая значимость и научная новизна исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при моделировании поля базовых человеческих эмоций в русском языке на основе эксплицитно номинируемых в речи эмоций, отношений парадигматического характера, а также их семантических особенностей.

Ключевые слова: поле, структура, лингвистика, эмотивность, эмотивные единицы, русский язык.

В настоящее время большое количество исследователей-лингвистов уделяют большое внимание эмоциональной сфере языка, а также реализации эмоционального критерия в рамках коммуникативного процесса. Ввиду того, что эмоции представляют собой достаточно сложное и комплексное понятие, а их вербализация разнообразна, возникает необходимость исследования данной области.

Согласно давней и доминирующей точке зрения, язык является продуктом врожденного, универсального, предметно-ориентированного и инкапсулированного развития конкретного народа¹. В последние годы произошел отход от этой точки зрения, в результате чего исследователи ставят под сомнение многие из этих фундаментальных предположений. Лингвисты все

чаще обращаются к идеям эволюционной биологии для того, чтобы проводить анализ процесса эволюции в контексте изменения языка. Данный тезис выдвигает на первый план языковое разнообразие, подчеркнутое в недавней статье О.А. Кривцуна². Идея единой лежащей в основе лингвистической системы, отличающейся лишь внешней реализацией, кажется все более маловероятной.

Необходимо также отметить, что в настоящее время существует ряд вопросов, касающихся взаимодействия между эмоциями и языком, каждый из которых можно задать на разных уровнях языковой структуры, как предлагает Е.О. Опарина, который указывает следующее: «почти каждый структурный элемент любого языка, по крайней мере, потенциально кодирует

1 Павлова Л.П. Язык как средство коммуникации // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1 (52). С. 96-99.

2 Кривцун О.А. Эволюция языка искусства: культурные и художественные влияния // Художественная культура. 2019. №2. С. 2-16.

эмоции»³. При этом язык находится на стыке субъективного познания, с одной стороны, и культуры, с другой. Он представляет собой что-то личное, настолько переплетенное с мыслительным процессом, что кажется неотделимым, равно как и средство для осуществления коммуникативного процесса⁴. Таким образом, язык является идеальной основой для изучения выражения эмоций.

Необходимо также рассмотреть такое понятие, как «эмотивность». Данное понятие является основой экспрессивного характера языковой единицы и представляет собой выраженное в знаке языка субъективное и эмоциональное отношения человеку к конкретному предмету. Как отмечали А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, эмотивность – это эмоциональность, которая преломляется языком в процессе речевой деятельности⁵. При этом данное понятие также характеризует оценку объекта на уровне человеческих чувств, переживаний и настроений.

Соответственно, средством для выражения эмоций в языке являются эмотивные единицы, которые воспринимаются носителями языка и обобщаются на основе национального опыта⁶. Они также представляют собой совокупность фразеологических и лексических единицы, выражающих эмоции, в результате чего «эмоция» становится основой денотативного значения рассматриваемых языковых единиц. Однако при рассмотрении данной группы слов также необходимо понимать, что чувства и отношения человека, воспринимающего эмотивные единицы зависит от индивидуального сознания говорящего, что требует знаний в области антропологической лингвистики.

При этом если языки так отличаются друг от друга, то необходимо понять, как и почему. Это придает особое значение социолингвистике и лингвистической антропологии. В то же время между лингвистикой и психологией происходит все большее взаимодействие, в частности, через подотрасль психолингвистики. В результате в этой статье представлены основные направления исследований эмоций из лингвистических наук, равно как и полевой организации эмотивных единиц в русском языке.

Возможно, будет полезно глубже раскрыть по-

нятие «значение слова», чтобы лучше понять, как эмоции могут быть закодированы в языке. Данное понятие сложно и многогранно. Существует референциальный или описательный аспект значения (вещи в мире, обозначаемые словом или его формой) и сопутствующий интенционал (отношения между формами, такие как таксонимия, синоним и т. д.). Словесные формы характеризуются особой коннотацией, когда выражение эмоций не влечет за собой значение, а подразумевает его. При этом экспрессивный характер значения может передавать чувство или отношение говорящего к содержанию конкретного высказывания, в то время как социальный – указывает на позицию говорящего в обществе.

Такие особенности сопоставляются с различиями, проводимыми в психологии между эмоциями, аффектами и установками. Описательное значение слов для эмоций относится к дискретным состояниям, таким как «счастье», «гнев» и «печаль». Коннотативное значение соответствует общим измерениям возбуждения и валентности. Экспрессивное значение отражает отношение говорящего или его оценку конкретного высказывания⁷. Исследователи в сфере лингвистики обычно сосредотачиваются на одном из этих аспектов, исключая другие: когнитивные лингвисты, например, рассматривают референцию и дискретные эмоции, в то время как лингвистические антропологи сосредотачиваются на социальном значении и используют «аффект» как общий термин. Именно поэтому «эмоция» используется в качестве основного понятия для охвата вышеупомянутых различий.

Когда речь идет о «языке и эмоциях», наиболее заметна лексика; то есть слова, обозначающие или относящиеся к эмоциям, например «гнев», «радость» и «грусть». Значительная работа была сосредоточена на словарях эмоций, в первую очередь Вежбицкой и ее коллегами⁸. При этом в русском языке с использованием различных методов были проведены как исследования эмотивов на микроуровне с акцентом на конкретных словах, так и сравнения целых словарей на макроуровне. Там, где появлялись различия, исследователи задавались вопросом, какими могут быть сопутствующие особенности в неязыковом познании. Однако данный аспект не рассматривается в настоящей работе, так как основной акцент делается на современных тенденциях анализа лексики

3 Опарина Е.О. Эмоциональная сфера в языке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. №4. С. 5-15.

4 Мамушкина С.Ю. Коммуникативная релевантность языковых функций // БГЖ. 2016. №4 (17). С. 84-88.

5 Мокиенко В.М., Мелерович А.М. и др. Проблемы фразеологической и лексической семантики: сборник научных трудов. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. 286 с.

6 Фомина А.Г. Средства репрезентации категории эмотивности в тексте // Вопросы науки и образования. 2018. №11 (23). С. 1-3.

7 Влавацкая М.В. Коннотативно-селективные ограничения экспрессивных словоупотреблений // Научный диалог. 2016. №6 (54). С. 31-42

8 Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. Pp. 145—178..

эмоций. Для этого рассматриваются три языковых категории: междометия, идеофоны и метафоры.

Междометия

Междометия — это неизменяемые слова, выражающие эмоциональные или психические состояния, которые могут стоять отдельно как высказывание и при обычных обстоятельствах не объединяются в конструкции с другими классами слов⁹. В качестве примера можно привести: «Вау!», «Ах!», «Ой!», «Ну и дела!», «Ой!» и т. д. В данном случае такое выражение эмоций необходимо характеризовать как резкое изменение состояния, наплыв ранее сдерживаемого чувства, разрыв нормальных ограничений, случай застижения врасплох, или, скорее, индикатор эмоционального всплеска.

Внутри языка междометия, как правило, фонологически аномальны, часто содержат звуки и звуковые последовательности, которых нет в других частях лексики. Они необычны с точки зрения морфологии, так как не имеют флексий или производных, применимых к другим классам слов; иногда они демонстрируют морфологические особенности; не подчиняются правилам согласования и т. д. Также утверждается, что их семантика значительно различается в зависимости от языка, так междометия являются универсальным классом слов.

Идеофоны

Идеофоны, как и междометия, представляют собой необычный класс слов. В. С. Алиева характеризует их как «маркированные слова, изображающие чувственные образы»: они необычны по своим звуковым характеристикам, морфологии и грамматике и, кажется, созданы именно для того, чтобы выражать внутренний человеческий опыт¹⁰. В пример можно привести слово «цыц», которое представляет собой диалектное название щенка или взрослой собаки небольшого размера, употребляемое на территории Ростовской области. По своему звучанию данное слово похоже на «цыц-цыц» — звук, которым человек подзывает к себе пса, в результате чего в уме формируется конкретный чувственный образ. Именно данное свойство идеофонов отличает их от междометий, так как первые могут быть использованы для создания образа или описания, последние являются немедленными реакциями на восприятие какого-либо события (например, «ай» при прикосновении к горячему предмету).

Идеофоны, обладающие миметическими и экспрессивными свойствами, обычно встречаются во многих языках мира, в том числе и русском. Из этого можно сделать вывод, что идеофоны представляют собой универсальные явления, которые, однако, менее свойственны индоевропейским языкам ввиду того, что их основой является редупликация определенных звуков или слов для формирования звукоподражательных слов («кап-кап», «еле-еле», «чудо-юдо», «трали-вали», «тяп-ляп», «так-сяк» и т. д.)

Из этого можно сделать вывод, что идеофоны должны представлять особый интерес для исследования эмоций в рамках лингвистики. В некоторых языках основная функция данных слов — изображать эмоции и создавать эмоциональную гармонию между говорящим и слушающим.

Метафоры

Как показано в предыдущих описаниях, лексикон эмоций достаточно богат в русском языке. Однако слова и фразы не существуют как отдельные объекты, а образуют взаимосвязанные сети. Одной из таких надлексических структур является метафора. Растущая литература в области когнитивной лингвистики исследует метафоры, отражающие эмоциональные состояния, такие как «в пылу гнева» (также «взорваться от гнева», «в порыве гнева», «мгновенно вспылать гневом» и т. д.). Также необходимо отметить, что лингвистические метафоры обладают когнитивным эффектом. Действительно, носители русского языка, которые слышат слова, связанные с гневом, «видят» красный цвет и «повышенную температуру», что согласуется с языковыми метафорами¹¹.

Предполагается, что такие метафоры, как «в пылу гнева», «взорваться от гнева», «в порыве гнева», «мгновенно вспылать гневом» и т. д., основаны на универсальном восприятии и физиологии. Однако А.В. Уланов утверждает, что эти метафоры являются результатом исторического развития языка¹². Более того, гуморальное объяснение метафоры могло бы предсказать, почему физиологические эффекты, параллельные гневу, когда они сопровождают другие эмоции, такие как стыд (то есть «покраснение лица», субъективное переживание повышенной температуры), приводят к параллельным метафорическим выражениям. Так, в русском языке также существуют такие выражения, как «сгореть от стыда» или «покраснеть от стыда». Исторический анализ исследователей показывает, что термины эмоций часто возникают от конкретных глаголов: «беспокоить», оз-

9 Стаценко А.С. Междометия как языковой класс // Общество: философия, история, культура. 2011. №1-2. С. 1-4.

10 Алиева В.С. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2014. №1-2. С. 26-34.

11 Вотякова И.А. Некоторые замечания о концепте «Гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. №6. С. 5-10.

12 Уланов А.В. Метафора как языковой феномен русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. №1 (10). С. 62-66.

начающий «лишать покоя», удивить – «показать диво», ошеломить – «привести в состояние замешательства», очаровать – «произвести неотразимое впечатление», и т.д. Однако неизвестно, могут ли эти изменения быть мотивированы культурной спецификой языка.

В русском языке слово «страх» может быть существительным («ужасный страх поразил его сердце»), прилагательным («страшный переулочек»), наречием («ему стало страшно за свою семью») или глаголом («она страшилась одиночества»). Даже в пределах одного и того же класса слов могут быть выбраны разные формы. Для сравнения можно привести следующие примеры: «Иван пугается Маши» и «Иван пугает Машу». Эти глаголы имеют разное значение. На вопрос, кто является причиной события, причинно-следственная связь приписывается Ивану в «Иван пугается Маши», но Маше – в «Иван пугает Машу». Аналогичная ситуация наблюдается в следующих примерах: «Иван уважает Машу» («уважение» функционирует как глагол) и «Иван отдает уважение Марии» («уважение» функционирует как существительное).

Выбор глагола может повлиять на суждения о том, как долго длится событие, сколько информации можно вывести о предмете и ситуации, считается ли событие поддающимся проверке или спорным и т.д. Глаголы эмоционального выражения (например, «улыбаться», «хмуриться») вызывают большую активацию соответствующих мышц лица, чем прилагательные, связанные с этими выражениями (например, «смешной», «хмурый»), даже когда глаголы и прилагательные совпадают по валентности. Эти примеры служат иллюстрацией множества способов лексикализации терминов эмоций, каждый из которых имеет свои тонкие последствия для концептуализации и восприятия высказывания.

Из этого можно сделать вывод, что структурным элементом, который играет важную роль в полевой организации эмотивных единиц в русском языке, является ядро, которое содержит основные эмоции, равно как и их синтаксических структур, которые употребляются носителями языка. От ядра как центра полевой модели в данном случае необходимо переходить к синонимам ядерного

понятия, функционирование которых также важно для формирования структуры. При этом периферийная зона содержит как метафорические, так и фразеологические структуры, которые предоставляют возможность идентифицировать эмоцию, а также косвенно или напрямую указать на психическое состояние человека.

Необходимо также принимать во внимание номинативно-семантическое поле, в состав которой по определению входят номинации, которые эксплицитно выражают эмоции. Соответственно, семантический аспект приходит на замену функциональному, в результате чего появляется возможность определить особенности между синонимическими единицами номинативной лексики, отражающей человеческие эмоции.

Таким образом, ядром полевой организации рассматриваемых языковых единиц является категориально-эмотивная лексика. В ее составе содержатся производные от эмоций, которые являются базовыми в рамках русского языка. Одним из них является уже рассматриваемая в настоящей работе категория «страх», которая и является ядерной частью поля. Что касается периферии или центра, то в его состав входят производные и синонимы базовой эмоции, которые могут быть выражены следующими словами: *ужас, тревога, опасение, испуг, паника, жуть* и т.д. При рассмотрении крайней периферии необходимо учитывать только те фразеологические единицы и метафоры, которые отражают конкретное эмоциональное состояние человека, либо используются в совокупности с номинациями, которые прямо отражают эмоцию в рамках конкретного высказывания, например, «*у него аж мурашки по коже побежали*», «*от страха ноги подкосились*». Из этого можно сделать вывод, что при моделировании поля базовых эмоций с точки зрения номинации и семантики появляется возможность определить связи парадигматического характера, присущие конкретной эмоции в русском языке. При этом данное поле является номинативно-семантическим, так как в нем содержатся синонимические ряды эксплицитно номинируемых в речи эмоций, отношения парадигматического характера, а также их семантические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева В.С. Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2014. №1-2. С. 26-34.
2. Влавацкая М.В. Коннотативно-селективные ограничения экспрессивных словоупотреблений // Научный диалог. 2016. №6 (54). С. 31-42.
3. Вотякова И.А. Некоторые замечания о концепте «Гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. №6. С. 5-10.
4. Кривцун О.А. Эволюция языка искусства: культурные и художественные влияния // Художественная культура. 2019. №2. С. 2-16.
5. Мамушкина С.Ю. Коммуникативная релевантность языковых функций // БГЖ. 2016. №4 (17). С. 84-88.
6. Мокиенко В.М., Мелерович А.М. и др. Проблемы фразеологической и лексической семантики: сборник научных трудов. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. 286 с.

7. Опарина Е.О. Эмоциональная сфера в языке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2021. №4. С. 5-15.
8. Павлова Л.П. Язык как средство коммуникации // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1 (52). С. 96-99.
9. Стаценко А.С. Междометия как языковой класс // Общество: философия, история, культура. 2011. №1-2. С. 1-4.
10. Уланов А.В. Метафора как языковой феномен русского языка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. №1 (10). С. 62-66.
11. Фомина А.Г. Средства репрезентации категории эмотивности в тексте // Вопросы науки и образования. 2018. №11 (23). С. 1-3.
12. Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. Pp. 145—178.

© Чжан Цуйцуй (cuicuiz@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ОБЛАСТИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕФИКСИДОВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И ТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Чусуван Критсада

*К. филол. н., преподаватель отделения русской филологии
Таммасат Университет, г. Бангкок, Таиланд
nunu_kritsad@mail.ru*

OVERLAPPING AND TYPOLOGATION OF INITIAL PARTS OF COMPOUND/ COMPLEX NOUNS AND SUBSTANTIVE PREFIXOIDS IN LANGUAGES WITH DIFFERENT LANGUAGE STRUCTURES (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, GERMAN AND THAI)

Chusuwan Kritsada

Summary: This article is devoted to the problem of comparative analysis of different types of initial parts of compound and complex nouns in the process of word formation, and substantive prefixoids and prefixation in languages with different language structures, including Russian, German and Thai. It was found that similar lexico-semantic functions arise from the word-formation. Therefore, the origin of prepositive units affected the overlapping. The purpose of the study was to distinguish between these concepts and to specify the status of the initial parts of compound/ complex nouns and substantive prefixoids in languages with different language structures in a comparative aspect. The scientific novelty lies in the fact that the author proposed a new typology of these prepositive units based on their overlapping. This typology is necessary for the formation of a common understanding, criteria for distinguishing prepositive units, as well as for further researches in the word-formation aspect. The methodology of this study was the scientific and research works of modern domestic and foreign authors in line with word formation and lexicology (in Russian - V.V. Lopatin, E.F. Levashov, E.V. Klobukov, S.V. Gudilova, E. A. Zhdanova, in German - S. A. Zhilyuk, Jung Walter, Hensen Walter, G. D. Schmidt, Elsen Khilke and in Thai - A. Singnoy, K. Kriengkhet, K. Chusuwan). As a result of the study, it was revealed that similarities and differences of the overlapping of the initial parts of compound/ complex nouns and substantive prefixoids were found in three languages with different language structures, contributing to the establishment of a new unified typology.

Keywords: initial parts of compound and complex nouns, substantive prefixoids, hyphens, composites, quasi-composites.

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме сопоставительного анализа разных видов начальных частей сложных существительных, участвующих в процессе словосложения, и субстантивных префиксоидов в процессе префиксации в разноструктурных языках, в число которых входят русский, немецкий и тайский языки. Обнаружено, что на пересечении сказываются схожие возникающие на основе словообразовательных значений лексико-семантические функции, которые эти препозитивные словообразовательные единицы выполняют, и происхождения препозитивных словообразовательных единиц. Цель исследования заключается в разграничении указанных понятий и конкретизации статуса начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов в разноструктурных языках в сопоставительном аспекте. Научная новизна состоит в том, что автором предложена новая типология этих препозитивных словообразовательных единиц с учётом их пересечения. Данная типология необходима для формирования единого понимания, критериев различения препозитивных единиц, а также для проведения дальнейших исследований в словообразовательном аспекте. Методологической базой данного исследования послужили научные и научно-исследовательские труды современных отечественных и зарубежных авторов в русле словообразования и лексикологии (в русском – В.В. Лопатин, Е.Ф. Левашов, Е.В. Клобуков, С.В. Гудилова, Е.А. Жданова, в немецком – С. А. Жилуек, Юнг Вальтер, Гензен Вальтер, Г.Д. Шмидт, Эльсен Хильке и в тайском – А. Сингной, К. Криенкет, К. Чусуван). В результате исследования было выявлено, что обнаружены в трёх разноструктурных языках особенности (сходства и отличия) областей пересечения между начальными частями сложных существительных и субстантивными префиксоидами, способствующие установлению новой единой типологии.

Ключевые слова: начальные части сложных существительных, субстантивные префиксоиды, дефисы, композиты, квазикомпозиты.

Введение

Явление сложных существительных или композитов, образованных словообразовательным способом словосложения, находится в центре внимания исследователей в области дериватологии в разноструктурных языках. Например, образование сложных слов рас-

сматривается с позиций когнитивной лингвистики как объединение субъектом в процессе познания действительности определённых семантических категорий [3; 4].

Композиты (или сложные слова) в исследованиях разноструктурных языков могут пониматься единообразно или по-разному в зависимости от типа и структуры языка.

В русском языке, по мнению И.С. Улуханова, композиты – это дериваты, в словообразовательной структуре которых объединяются компоненты мотивирующих (производящих) основ (обычно две основы или более), например: *язык* + *-о-* + *знание* = *язык|о|знание*; *кин(о)* + *промышленность* = *кино|промышленность*. В процесс образования композитов (по чистому способу словосложения) обычно входят структурно однородные компоненты, и каждый из них равен корню. Во многих случаях используются интерфиксы: соединительные гласные или соединительные элементы *-о-*, *-е-*, *-и-* (P.n.). Одно сложное слово в русском языке обычно выражает соединительное значение и редко – мутационное значение.

В немецком языке в процессе словосложения, так называемого «Zusammensetzung» или «Komposition», объединяются два или более независимых слов в одно слово, поэтому можно кратко и ёмко суммировать термины и факты, которые в противном случае пришлось бы представлять более длинными синтаксическими связями, например: *Straße(n)* + *Verkehr* + *-s-* + *Ordnung* = *die Straßen|verkehrs|ordnung* 'Ordnung, die den Verkehr auf den Straßen regelt' [12, с. 394-395]. В немецком языке интерфиксы (соединительные гласные или соединительные элементы *-s-*, *-en-*) используются при объединении некоторых компонентов или частей сложных существительных. Одно сложное слово в немецком языке обычно выражает соединительное значение, но иногда – мутационное значение (новое значение слова не имеет или почти не имеет связи со значением отдельных мотивирующих основ / слов до процесса словосложения).

В тайском языке наличествует словосложение, так называемое *การประสมคำ* [ka:n prà? sǒm kʰam], которое отличается от словосложения в русском и немецком тем, что в результате объединения двух или более отдельных мотивирующих основ / слов образуется только композит, выражающий идиосинкразическое значение (мутационное значение), не композит, выражающий соединительное значение [24]. Кроме того, в процессе тайского словосложения в силу функциональной структуры изолирующего языка не требуются интерфиксы / соединительные гласные для объединения отдельных мотивирующих основ / слов, например: *ทอด*[tʰɔ:t] 'жарить' + *มัน* [man] 'жирный, масло' = *ทอดมัน*[tʰɔ:t man] 'котлета', *ขา*[kʰǎ:] 'нога' + *ไก่*[kàj] 'курица' = *ขาไก่* [kʰǎ: kàj] 'название хрустящего хлеба в виде полочки'. Нужно подчеркнуть, что в тайском языке один из видов сложного слова, или композита, может выражать соединительное значение, например: *ขา*[kʰǎ:] 'нога' + *ไก่*[kàj] 'курица' = *ขาไก่* [kʰǎ: kàj] 'куриная нога'. Подобное сложение получило название «сращение», оно может считаться либо подтипом словосложения, либо отдельным способом словообразования, но в результате сращение, как и словосложение, позволяет образовать сложное слово или композит.

Тщательно рассмотрев концепции структуры сложного слова, образованного путём словосложения, в указанных разноструктурных языках, мы сделали вывод, что мотивирующие основы / слова сложного слова можно разделить на следующие части: 1) начальная часть; 2) интерфикс / соединительная гласная (в отдельных языках необязательны); 3) финальная часть, остальная часть / остальные части.

Проблемным стал, особенно среди имён существительных, вопрос о пересекающемся статусе начальной части и префиксоида – форманта, образующего префиксальное слово. Основное различие, за исключением особых случаев в отдельных разноструктурных языках, заключается в том, что префиксоид имеет переносное значение и придаёт словообразовательное значение (модификационное, иногда мутационное значение) образованному слову, а начальная часть сохраняет свое прямое значение при соединении с финальной частью.

Некоторые начальные части сложных существительных и префиксоиды очень близки друг к другу по формам и свойствам, поэтому *актуальность* данного исследования обусловлена необходимостью более конкретно типологизировать субстантивные начальные части сложных существительных и префиксоиды в пересекающейся области на основе новых критериев, соответствующих языковым структурам трёх разноструктурных языков (русского, немецкого и тайского).

Объектом исследования являются субстантивные начальные части сложных существительных и префиксоиды в русском, немецком и тайском языках.

Предметом исследования служит явление пересекающегося статуса начальных частей сложных существительных и префиксоидов как значимых препозитивных словообразовательных единиц, участвующих в процессах словосложения и префиксации в русском, немецком и тайском языках.

Теоретической основой исследования послужили классические и современные принципы и концепции лингвистов, занимающихся вопросами процессов деривации и композиции в русском, немецком и тайском языках.

В ряд *основных исследовательских методов* включены описательный метод и метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные в ходе исследования результаты могут быть применены к дальнейшей разработке конкретных принципов и теорий пересечений между композитами и префиксальными (также аффиксальными)

производными в разноструктурных языках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сделанные выводы могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин, таких как словообразование в русском, немецком и тайском языках, контрастивная лингвистика, а также в практике по межъязыковому переводу.

Функционирование начальных частей сложных существительных и префиксоидов и явление их пересечения в русском языке

В русском языке утверждается наличие морфем, по словообразовательной функции занимающих промежуточное или пересечённое положение между морфемами корневыми, которые называются начальными частями сложных существительных в процессе словосложения, и собственно префиксами, которые имеют статус префиксоида в процессе префиксации или полупрефиксации.

Выявление специфики префиксоидов неотделимо от вопроса о разграничении префиксации (префиксоиды) и композиции (начальные части сложных существительных) и от вопроса о факторах морфологизации мотивирующих компонентов сложных существительных. В работе В.В. Лопатина, И.С. Улуканова «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка» утверждается, что «...при описании словосложения существительных и прилагательных внутри отдельных типов сложных существительных должны выделяться подтипы по признаку общего корневого компонента, выступающего в ряде образований, – первого компонента или начальной части сложных слов, например: *само-, двадцати-, хлебо-, водо-, газо-, лесо-, добро-, зло-* и др.». Несмотря на то, что подобные начальные мотивирующие компоненты слов по своей словообразовательной функции приближаются к префиксам, тем не менее с их участием образуются новые сложные слова, включённые в наличествующие структурные типы сложных существительных, и в связи с этим такие мотивирующие компоненты должны быть рассмотрены в разрезе словосложения [5, с. 78; 8 с. 165-172].

По мнению Э. Секежицки, к префиксоидам, а также к аффиксоидам в целом – морфемам пересечённого порядка – обычно выдвигаются следующие требования: они должны обладать а) функционированием как в качестве корневой, так и в качестве префиксальной морфемы, б) регулярностью по употреблению, в) регулярной семантикой. Э. Секежицки далее отмечает, что первое выдвигаемое лингвистами-дериватологами требование оказывается наиболее важным, без учёта данного критерия выделение префиксоидов в качестве морфем пересечённого типа приводит к потере всякого смысла. Остальные требования не столь существенны, т.к. пре-

фиксальные морфемы имеют разную степень регулярности и абстрактности [8, с. 168].

На основе первого требования очевидно, что такие исконно русские (также старославянские) начальные мотивирующие компоненты, как *само-, двадцати-, хлебо-, водо-, газо-, лесо-, добро-, зло-* могут становиться как начальными частями сложных существительных, так и префиксоидами. Однако, по мнению автора, признак словосложения: сохранение в сложных словах интерфиксов или соединительных гласных *-o-, -e-*, включая окончание *-u-* у начальных частей сложных существительных в Р.п., являющихся элементами для выражения соединительного значения, – оказывается яснее, поэтому в аспекте рассмотрения словообразовательного значения такие начальные мотивирующие компоненты возможно не относить к ряду префиксоидов.

Что касается начальных частей сложных существительных со статусом пересечения, то, по мнению автора, в их число входят начальные мотивирующие компоненты на основе иноязычного заимствования и видоизменения без участия интерфикса или соединительной гласной. В русском языке используются заимствованные греко-латинские префиксы, а также романо-германские префиксоиды или начальные части сложных существительных, но когда они появились в русском языке, то получили пересечённое положение между префиксоидом и начальной частью сложного слова. К префиксоидам первого типа относятся следующие: 1) заимствованные из греко-латинских языков, например: *нео-, микро-, макро-, фито-, астро-, эко-*; 2) заимствованные из романо-германских языков, например: *гранд-* (из *Grand-*, фран.), *блиц-* (из *Blitz-*, нем. 'молния'), *обер-* (из *Ober-*, нем. 'вверху'), *киндер-* (из *Kinder*, нем.). Нужно дополнительно отметить, что префиксоиды, такие как *нео-, микро-, макро-, блиц-, обер-*, часто выступают в префиксальных дериватах модификаторами, указывающими на значение 'высшая степень градации или чрезмерность', являющееся положительным переносным значением или имеющее положительную коннотацию.

По мнению Е.В. Клобукова, С.В. Гудиловой, префиксоиды функционируют как начальные части сложных существительных, образующие квазикомпозиты в процессе словосложения. Е.В. Клобуков, С.В. Гудилова далее поясняют отличие слова-квазикомпозита от сложных существительных и композитов: в структуру подобного квазикомпозита входит хотя бы одна корневая морфема, являющаяся заимствованной для русского языка, часто такая морфема включена в число интернациональных для европейских языков морфем (например, *библио|тека, библио|графия* и т.п.). Кроме того, заимствованный корень является несвободным, он употребляется только в сочетании с другими корнями [4, с. 14].

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов, проанализировав такие субстантивные сложные слова, как *блиц|опрос*, *блиц|турнир*, *гелио|терапия*, *макро|климат*, *гидро|план* и под., выделили связанные компоненты типа *блиц-*, *гелио-*, *макро-* и отметили, что подобные препозитивные словообразовательные единицы или начальные компоненты квазикомпозитов всегда иноязычны по их происхождению, но оформление квазикомпозитов в морфемном отношении осуществляется на основе закономерностей русского языка [3, с. 245, 321-322; 4, с. 14].

Иноязычные префиксоиды и начальные части квазикомпозитов отражают признак пересечения, связанный с отсутствием потенциала свободного употребления при образовании новых слов. Более того, такие иноязычные префиксоиды в их исходных языках до процесса заимствований функционируют подобно префиксам и способны придавать префиксальным производным словообразовательные значения (модификационные и мутационные). Поэтому иноязычные префиксоиды или префиксоиды первого типа равны начальным частям квазикомпозитов.

Приступая к анализу префиксоидов специального (второго) типа по нашему критерию, нужно отметить, что они относятся к ряду препозитивных словообразовательных единиц, сокращённых от самостоятельных полных слов или словосочетаний, например: *орг-* (от *организация*), *загран-* (от *заграничный*), *зав-* (от *заведующий*), *зав-* (от *заводской*), *зам-* (от *заместитель*), *СПИД-* (от *Синдром приобретенного иммунодефицита*). По мнению Е.В. Сенько, такие префиксоиды выделяются не по лексико-семантическим группам, а по тематическим группам (например: *СПИД|центр* – *физическое состояние человека*; *загран|паспорт*, *загран|предпринимательство* – *сфера территориального распространения чего-либо на земной поверхности*) [9], так как они придают (полу)префиксальным производным многочисленные лексико-семантические значения, группы которых трудно определить.

Некоторые лингвисты-дериватологи, такие как В.В. Лопатин, Е.Ф. Левашов, Е.А. Жданова, напротив, классифицируют препозитивные словообразовательные единицы-сокращённые формы полных слов как начальные части сложных существительных, хотя никакие интерфиксы или соединительные гласные в этом случае при словообразовании не используются. По нашему мнению, они занимают пересечённое положение на одном уровне – это и начальные части сложных существительных, и префиксоиды. Однако сокращённые от полных слов или словосочетаний начальные части или префиксоиды в данном случае не позволяют образовывать субстантивные квазикомпозиты, поскольку они могут возвращаться в их исходные формы (например: *зав|кафедрой* --> *заведующий(-ая) кафедрой*;

загран|паспорт --> *заграничный паспорт*), употребляемые как полные свободные слова / словосочетания, а их сокращённые формы – вариативные.

Для образования как сложных, так и (полу)префиксальных производных существительных (когда префиксы или префиксоиды заимствованы из греческого, латинского и других языков) во многих случаях используется дефис. Делая акцент на сложных существительных, или субстантивных композитах, следует обратить внимание на то, что дефис как знак показателя сложносоставного слова объединяет две мотивирующие основы или компоненты (два имени существительных) в одно целое существительное без участия соединительного элемента, или интерфикса. Например: *лингвист-германист*, *платье-костюм*, *царь-пушка* и др. [10, с. 78]

В результате проведённого анализа свойств и характеристик начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов разных типов в русском языке можно установить их область пересечения и, следовательно, типология начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов выглядит следующим образом:

1. Начальная часть квазикомпозитов = субстантивный префиксоид тип-1 рус.яз.

К этому типу относятся следующие начальные части квазикомпозитов и субстантивные префиксоиды: *макро-*, *микро-*, *мини-*, *нано-*, *нео-*, *видео-*, *блиц-*, *зиц-*, *обер-*, *гранд-*, *гала-*, *киндер-*, *люмпен-* и т.п.

2. Начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид тип-2 рус.яз. (малопродуктивный).

К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных и субстантивные префиксоиды: *орг-*, *СПИД-*, *зав-*, *зам-*, *пром-*

3. Начальная часть сложных существительных с участием интерфикса / соединительной гласной / дефиса = *непрефиксоид*.

К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных: *водо-*, *пище-*, *домо-*, *газо-*, *со-роко-*, *пятнадцати-*, *русист-лингвист* и т.п.

Функционирование начальных частей сложных существительных и префиксоидов и явление их пересечения в немецком языке

Проблема понятийного разграничения между префиксацией (также аффиксацией в целом) и композицией до сих пор остаётся предметом дискуссии.

В. Хензен утверждает, что композиция часто служит только для усиления (Höllen|qual, Sau|glück, riesen|groß, stock|finster) и число сложных образований увеличивается [16, S. 63, 65]. Некоторые вторые или финальные части, такие как *-voll, -los, -reich* и под., со временем становятся настолько привычными, что «тяготеют» к производным аффиксам, участвуя в деривации (префиксации и суффиксации) [17, S. 65; 18 S. 316]. Словосложение в этом случае приближается к деривации, потому что вторая или финальная часть больше не несёт основной смысловой нагрузки, например: *Laub|werk, Schreib|zeug* [17, S. 192]. Единица, наконец, ощущается как префикс или суффикс, когда независимое слово, соответствующее ей, исчезает [17, S. 110]. При этом Пауль и Хензен ссылаются на характерные особенности некоторых элементов, отличающих их от начальных частей сложных существительных и аффиксов / аффиксоидов (префиксов / префиксоидов и суффиксов / суффиксоидов), данные особенности приводят к тому, что эти элементы начинают занимать промежуточное положение: они появляются и как свободные слова, и в составе сложных существительных, но с утратой своих исходных значений [18, S. 317].

Х. Петерманн, резюмируя результаты своих наблюдений и их систематизации, выделяет ещё одну важную характеристику префиксоидов. Вместо лексического значения префиксоиды придают усиливающий и оценочный аспекты значения, а суффиксоиды чаще имеют собирательные и привативные значения [20].

Проанализировав образование множества сложных существительных путём словосложения в немецком языке, можно выделить при таком композитообразовании важность интерфиксов или соединительных гласных *-s-, -en-, -er-*, которые в германистике называются «Fugemorphemen» или «Fugenelemente», например: *Tage + s + Licht = Tage|s|licht, Rind + er + Leber = Rind|er|leber*. Эти интерфиксы или соединительные гласные обладают следующими характеристиками: 1) интерфикс *-s-* ставится после существительных женского рода, являющихся начальными мотивирующими основами / словами, см. *Wahrheit + s + liebe = Wahrheit|s|liebe, Liebe + s + Kummer = Liebe|s|kummer*; 2) представляется возможным анализировать все интерфиксы как окончания существительных множественного числа, если ясно понимать значения сложных существительных, см. *Ratte + n + Gift = Ratte|n|gift* 'Gift gegen Ratten', но не *Nase + n + Loch = Nase|n|loch* 'Loch von Nasen' [16, S.16]. В соответствии с указанными закономерностями немецкого словообразования начальные части сложных существительных в этом случае не имеют никакого отношения к префиксоидам, поскольку подчёркивается функция соединения интерфиксов или соединительных гласных для каждого мотивирующего основ / слов в составе сложных существительных.

Немецкие субстантивные префиксоиды *Sau- Affen-*,

Blitz-, Bomben-, Grund-, Haupt-, Heiden-, Höllen-, Mords-, Pfunds-, Riesen-, Scheiß-, Spitzen-, Mist- и др. являются производными от самостоятельных существительных и прилагательных, которые могут иметь как прямые, так и переносные значения, но, выступая в роли префиксоидов, эти начальные части сложных слов выражают только переносные значения. Например, *Scheiß-* является производным от существительного *Scheiße* со значениями: 'meist feste Ausscheidung des Darmes, Kot' (прям. зн.) и 'etwas Schlechtes, Wertloses, Unsinniges; Schwierigkeiten' (перен. зн.), но, будучи префиксоидом, выражает только переносное значение 'etwas Schlechtes, Wertloses, Unsinniges; Schwierigkeiten'.

Если принять данную концепцию функционирования префиксоидов, становится легче уловить всестороннее сходство деривационных элементов в упомянутой области пересечения между композицией (словосложением) и деривацией в синхроническом и диахроническом плане. Для этой цели можно учитывать следующие критерии для выделения признаков префиксоида:

1. Префиксоиды получают коллинеарность и высокую продуктивность не в последнюю очередь в разговорной речи.
2. Каждый префиксоид (также суффиксоид) сосуществует с формально идентичным свободным морфемным элементом или словом, например: *Affen-* (префиксоид) – *Affe* (свободное слово), *Sau-* (префиксоид) – *Sau* (свободное слово), *Scheiß-* (префиксоид) – *Scheiße / scheiße* (свободное слово) и др.
3. По сравнению с обычным словосложением префиксация (с использованием префиксоидов) обнаруживает перераспределение смысловых отношений таким образом, что другой компонент слова всегда составляет смысловое ядро целого; между двумя элементами также отсутствует детерминативное отношение, поэтому префиксальные производные с участием префиксоидов нельзя перефразировать с помощью префиксоидов или свободных слов (существительных), например: *Riesen|lärm* в качестве префиксального производного можно перефразировать в атрибутивное (субстантивно-адъективное) словосочетание *riesiger Lärm*, не используя префиксоид *Riesen-* в его составе. Имеется субстантивное словосочетание *Lärm eines Riesen*, где *Riesen* становится только свободным существительным с прямым значением [23, S. 73; 13, S.6].

Префиксоиды с переносными значениями модификационного типа можно разделить на разные лексико-семантические группы. Префиксоиды *Sau-, Affen-, Blitz-, Scheiß-, Bomben-* и пр. в качестве модификаторов входят в лексико-семантическую группу «выражение аугментативности» и некоторые из них одновременно – в группу

«выражение пейоративности».

Некоторые препозитивные словообразовательные единицы, такие как *Mutter-, Vater-, Tochter-, Groß-* и др., по мнению автора, можно рассматривать как префиксоиды в единичных случаях, если они выражают переносные значения. К примеру, *Mutter-* обозначает 'что-то главное, основное, первичное' как переносное значение, представленное в производных: *Mutter|baum 'Baum, dessen Samen zur Vermehrung verwendet werden'; Mutter|unternehmen 'ein Unternehmen, das durch konzerntypische Beziehungen mit einem oder mehreren anderen Unternehmen (Tochterunternehmen) verbunden ist und auf diese beherrschenden Einfluss ausüben kann'*. Очевидно, однако, что образованные слова *Mutter|baum* и *Mutter|unternehmen* выражают мутационные значения – новые значения, мало связанные со значениями мотивирующих слов / основ, но модификационные значения можно обнаружить через более глубокую интерпретацию значений. В немецком языке от таких препозитивных словообразовательных единиц, как *Mutter-, Vater-, Tochter-*, можно образовать сложные слова, передающие не соединительные, а мутационные значения. В работе В. Юнга «Грамматика немецкого языка» объясняется ещё один признак словосложения: «*Das Kompositum ist auch eine inhaltliche Einheit. Es ist nicht gleich der Summe seiner Glieder, sondern kann mehr und anderes bedeuten*» (Композиция также представляет собой содержательную единицу, которая не равна сумме её звеньев, но может выражать больше значений или совсем другое значение. – перевод наш. Ч.К.) [12, с. 395]. Поэтому единицы *Mutter-, Vater-, Tochter-*, по нашей типологизации, выполняют функции как начальных частей сложных существительных, так и префиксоидов в системе слабой полупрефиксации, т.е. переносные или коннотативные значения префиксоидов не очень ясны.

Помимо начальных частей сложных существительных и префиксоидов существует ещё термин «конфикс» (Konfix), использующийся для определения ряда заимствованных словообразовательных единиц, например *Bio-, Geo-, -log*. Однако В. Фляйшер и И. Барц также отметили наличие конфиксов исконно немецкого происхождения, например: *Schwieger-* и *Stief-*, которые можно сочетать с финальными частями сложных существительных *-sohn, -eltern, -mutter, -tochter (Schwieger|sohn, Stief|mutter)*, а также *-wart*, который можно сочетать с начальными частями сложных существительных *Platz-, Geräte-, Haus-, Tor- (Haus|wart, Tor|wart)* [14, S.64, 174; 1, с.53].

Э. Доналис выделяет связанность в качестве основного признака конфикса, т.е. конфиксы в текстах разных жанров не появляются в виде отдельной лексемы, не выполняют синтаксической функции при соединении с аффиксами, а именно с суффиксом (*skop >die *Skopen sind keine Verben oder Substantive in Sätzen*). Э. Доналис, будучи противоположным мнению П. Айзенберга, подчёркивает, что с помощью конфикса можно образовать

целую основу, когда конфикс сочетается с подходящим ему суффиксом или суффиксоидом. Э. Доналис выделяет два основных вида конфиксов [2, с. 53]:

1. Конфиксы, сочетающиеся непосредственно с аффиксами (*therm-: therm + isch, Therm + ismus*);
2. Конфиксы, с аффиксами непосредственно не соединяющиеся (*geo-: *geoisch*).

Использование второго вида конфиксов видится только в сочетании с другими конфиксами (*geo + log: geo|log|isch*), поэтому Э. Доналисом эти образования рассматриваются по модели двух конфиксов (*geolog-*) как составной конфикс [2, с. 53].

Некоторые конфиксы являются не только основами, но и единицами, обладающими способностью к образованию сложных существительных, выступая в роли начальных частей сложных существительных, например: *Polit| clown, Invest-Angebot, biblio|phil, tüto|man*. Ср. *auch der „Squawker“, ein mittlerweile ausgestorbene Quäkophon, das der Drummer nebenbei zu blasen hat (TAZ 2.1.1998: 20, Cosmas); königlicher Schnorrosoph (TAZ 26.11.1991: 23, Cosmas); zum Ufo-Flug mit Esonaut Virgil Armstrong (TAZ 8.11.1991: 28, Cosmas); ein „Satzomat“ erlaubt spaßige Nonsens-Formulierungen (SPIEGEL 49/1994: 61, Cosmas); Karin Struck, die Sprachschöpferin des „Babycaust“ (ZEIT 3.3.1995, Cosmas)* [15].

Г.Д. Шмидт определяет конфиксы как комбинемы (Kombineme) – частотные элементы, не употребляющиеся в качестве отдельной лексемы, и более того, предлагает выделять три типа комбинем:

1. Компонемы (Komponeme), используемые для образования сложных существительных:
 - 1.1. Препонемы (Präponeme) – nur an erster Stelle belegte Komponeme ('компонемы, являющиеся первыми частями слов') – з. В. *euro-, bio-, öko-*;
 - 1.2. Постпонемы (Postponeme) – nur an zweiter Stelle belegte Komponeme ('компонемы, являющиеся вторыми частями слов') – з. В. *-drom-, -thek*;
 - 1.3. Препостпонемы (Präpostponeme) – an erster und zweiter Stelle belegte Komponeme ('компонемы, являющиеся как первыми, так и вторыми частями слов');
2. Баземы (Baseme) – nur basisfähige Kombineme ('комбинемы, являющиеся только основами слов') – з. В. *anarch-, diskut-*;
3. Базокомпонемы (Basokomponeme) – basis- und kompositionsgliedfähige Kombineme ('комбинемы, являющиеся как основами слов, так и членами в составе композитов') – з. В. *agro- (Agri|business, Agro|holztreppe, Agrar|komplex, agral, agrar|isch), gastro-, hydro-, makro-, -mat-, mikro-, -naut-, -phyt(o-* [22, S. 323-345; 21, S. 91-109; 1 с. 60].

П. Айзенберг различает два типа конфи́ксов в зависимости от положения, которое они занимают в лексеме: 1) преко́нфигсы, которые располагаются в начале лексемы; 2) постко́нфигсы, которые располагаются в конце лексемы.

В свою очередь эти типы делятся на подтипы. Среди преко́нфигсов П. Айзенберг предлагает различать:

1. Конфи́ксы, не являющиеся корнями или префиксами и сочетающиеся с соединительным элементом *-o-* (*agro-*, *turbo-*, *neo-*).
2. Конфи́ксы, являющиеся иноязычными корнями и сочетающиеся с соединительным элементом *-o-* (*phono-*, *geo-*, *philo-*);
3. Конфи́ксы, являющиеся исконно немецкими корнями, но сочетающиеся с соединительным элементом *-o-* (*bombo-*, *filmo-*, *wascho-*). [2, с. 54].

Однако из классификационных видов конфи́ксов, представленных П. Айзенбергом, необходимо исключить начальные части *Neo-* / *neo-*, *Phono-* / *phono-*, *Geo-* / *geo-*, которые на самом деле в языке-доноре (греческом и/или латинском) являются префиксами (или префиксоидами) и выражают модификационные значения, хотя иногда используются для образования слов определённых тематических групп, например в терминосистеме, и редко входят в конкретные лексико-семантические группы. Их можно рассматривать в качестве префиксоидов. Что касается соединительного элемента *-o-* в таких препозитивных словообразовательных единицах, то оно присоединяется к препозитивным словообразовательным единицам уже в языке-доноре, и поэтому не классифицируется как соединительный элемент или интерфикс. Однако можно подчеркнуть в качестве исключения, что соединительный элемент или интерфикс *-o-* используется среди конфи́ксов третьего подтипа, предложенных П. Айзенбергом, таких как *bombo-*, *filmo-*, *wascho-*. Исходными формами для *bombo-*, *filmo-*, *wascho-* являются лексемы *bomben* / *Bombe*, *Film*, *waschen*, а соединительный элемент или интерфикс *-o-* прибавляется в процессе формообразования (усечения окончания). Поэтому конфи́ксы третьего подтипа с соединительным элементом или интерфиксом приобретает статус начальной части сложных слов, способной образовать сложные существительные или прилагательные.

По мнению С.А. Жилюка, конфи́кс – это неотделимый экзогенный деривационный элемент, который содержит собственное лексическое значение и сочетается с другими элементами непосредственно или посредством интерфикса, или соединительного элемента *-o-*. Этот интерфикс, или соединительный элемент, способствует образованию отдельной мотивирующей основы или может образовать её в сочетании с другим подобным элементом (мотивирующей основой/ мотивирующим словом). Также он участвует в образовании сложных слов, в том

числе и сложных существительных, и обладает неограниченной дистрибуцией. [1, с.60].

П.О. Мюллер, говоря о проблеме определения статуса конфи́ксов иноязычного происхождения, указал проблему преобразования в языке-реципиенте иноязычных связанных морфем в свободные лексемы. В случае, если в языке-доноре обычно происходит обратный процесс, то одновременно происходит превращение таких морфем в формы, подобные аффиксам (в этом случае автор квалифицирует их как аффиксоиды). В эту группу включены такие свободные лексемы, как *mini* (*Mini-*), *video* (*Video-*), *super* (*Super-*) и др. [6, с.25-47; 2, с. 54]. Дополняя положение П.О. Мюллера, С.А. Жилюк отметил, что «при этом значения морфем иноязычного происхождения различны в зависимости от различного употребления и контекста. Если «top» используется в качестве приставки (префиксоида), то оно должно дать указание на превосходящую степень соответствующего прилагательного (ср. *top-modisch*, *top-aktuell*). Будучи использовано в качестве отдельного прилагательного, оно приобретает значение ‘первоклассный’, ‘выдающийся’ (ср. *Die Leistung ist top*)» [2, с. 55].

Замечание С.А. Жилюка соответствует и нашему выводу, что когда свободная морфема (свободное слово) с ясным переносным значением расположена в начале имеющейся лексемы, то она получает статус префиксоида. Такой критерий установлен для всех без исключения морфем любого происхождения в виде препозитивной словообразовательной единицы.

Среди субстантивных композитов и (полу)префиксальных производных существительных (когда префиксы или префиксоиды заимствованы из греческого, латинского и других языков) в немецком языке также можно обнаружить сложные существительные, которые пишутся через дефис. Дефис используется в следующих случаях: 1) если мотивирующие основы составляют по содержанию не единое сложное существительное (например: *Haus|aufgaben|stunde*, *Urlaub|s|bescheinigung*), а представляют собой отдельные части (отдельные мотивирующие основы/ слова), значения которых не всегда могут образовывать общее смысловое целое в результате процесса сложения, например: *Haftpflicht-Versicherung|s|gesellschaft*, *Lotto-Annahme|stelle*; 2) если при образовании сложных существительных, или субстантивных композитов, встречается более двух одинаковых гласных или согласных. В этой ситуации для удобочитаемости рекомендуется использовать дефис, например: *Armee-Essen*, *See-Elefant*, *Schiff-Fahrt* и т.п.

В результате проведённого анализа свойств и характеристик начальных частей сложных существительных, конфи́ксов и префиксоидов разных типов в немецком языке можем установить их область пересечения, в этом

случае типология начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов может быть представлена следующим образом:

1. *Начальная часть сложных существительных = непрефиксоид*. К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных: *Mutter-, Tochter-, Vater-* и др. (в прямом значении).
2. *Начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид* тип-1 нем.яз. К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных и префиксоиды: *Sau-, Blitz-, Ober-, Affen-* и др.
3. *Начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид* тип-2 нем.яз. (слабая полу-префиксация). К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных и префиксоиды: *Mutter-, Tochter-, Vater-* и др. (в переносном значении).
4. *(Пре)конфикс = начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид* тип-3 нем.яз. К этому типу относятся следующие иноязычные начальные части сложных существительных и префиксоиды: *Öko-, Video-, Mini-, Mikro-* и др.
5. *(Пре)конфикс = начальная часть сложных существительных с участием интерфикса / соединительной гласны/ дефиса = непрефиксоид*. К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных и конфиксов: *Bombo-, Filmo-* и др.

Относительно термина «конфикс», предложенного лингвистами-германистами, нужно упомянуть, что термин «конфикс» в общем языкознании синонимичен термину «циркумфикс» – образование, в котором участвуют префикс и суффикс (также постфикс) одновременно. Префиксы как подтип конфикса в немецком языке (поскольку входят в состав сложных существительных, реже – в состав префиксальных производных) рассматриваются нами в качестве «начальных частей сложных существительных», «препозитивных словообразовательных единиц» или «начальных мотивирующих компонентов», синонимичных друг другу. При этом категории «свободности» и «происхождения» конфиксов не анализируются и не учитываются, так как был сделан акцент только на функциональном потенциале данных единиц.

Функционирование начальных частей сложных существительных и префиксоидов и явление их пересечения в тайском языке

Словосложение в тайском языке, по сравнению с префиксацией и другими словообразовательными способами, является наиболее продуктивным. Тайские сложные слова, в том числе и сложные существительные, состоят из предикатов и связанных с ними аргументов [19], среди которых можно выделить в первую очередь препо-

зитивные, а также другие (иногда финальные) как мотивирующие компоненты, например: แม่[mǎ:] ‘мать, мама’ + แรง[rɛːŋ] ‘сила’ = แม่แรง[mǎː rɛːŋ] ‘домкрат’; ไข[khǎj] ‘водить’ + ครวง[khʉːaŋ] ‘крутить’ = ไขครวง[khǎj khʉːaŋ] ‘отвёртка’. Один из признаков изолирующих языков состоит в том, что при образовании сложных слов отдельные и свободные слова (основы) сочетаются без участия соединительных компонентов, гласных или интерфиксов. Хотя это явление всегда приводит к упрощению структуры сложных существительных или композитов, нередко возникает проблема с интерпретацией разграничения сложных существительных, образованных способами словосложения и сращения, и префиксальных производных слов.

Сложные слова, образованные способом словосложения, в тайском языке выражают только новые значения (мутационные значения), почти не имеющие связи со значениями всех мотивирующих компонентов, а сложные слова, образованные способом сращения, выражают значения, являющиеся соединением значений мотивирующих компонентов. Однако, как было упомянуто во введении, словосложение и сращение, способные к образованию множества сложных существительных, очень близки по выраженным лексико-семантическим и словообразовательным значениям и пересекаются друг с другом. Например, в тайском языке словоแสงอาทิตย์[sɛːŋ ʔaː thít], образованное от свободных словแสง[sɛːŋ] ‘луч’ иอาทิตย์[ʔaː thít] ‘солнце’ в процессе сращения выражает соединительное значение: ‘солнечный луч’, а в процессе словосложения выражает новое значение (мутационное) – название змея (лучистая змея).

В тайском языке имеется всего несколько морфем, которые при проведении функционально-семантического анализа и анализа словообразовательных значений могут быть интерпретированы как словообразовательные префиксы. По мнению автора, такие морфемы можно считать префиксоидами. Статус пересечения между субстантивными словосложением и деривацией связан с определением функции препозитивных словообразовательных единиц – будут ли они субстантивными префиксоидами или начальными частями сложных существительных. При этом установлено, что, если препозитивные словообразовательные единицы используются в переносных или коннотативных значениях при образовании слов, выступая в роли модификаторов, то они являются префиксоидами, например: ชี-[khî:] имеет значение ‘кал’, но в качестве префиксоида он передаёт уменьшительное, экспрессивно-усилительное и пейоративное значения, например: ชี-[khî:] ‘кал’ + เมฆ[mê:k] ‘облако’ = ชีเมฆ[khîː mê:k] ‘облачка; чёрные облачка, которые можно видеть перед дождём’ [11, с. 12]. Новое слово ชีเมฆ[khîː mê:k] является (полу)префиксальным производным существительным, выражающим в основном модификационное значение. Однако, если клас-

сифицировать **ชี้เมฆ**[kʰí: mɛ̀:k] как сложное слово по критерию приобретения нового значения (мутационное значение), предложенному тайскими лингвистами, то оказывается очевидным, что значение финального компонента **เมฆ**[mɛ̀:k] 'облако' ещё остаётся, поэтому с позиции словосложения **ชี้เมฆ**[kʰí: mɛ̀:k] приобретает только частично новое значение (частичное мутационное значение).

Некоторые препозитивные словообразовательные единицы можем также выделять как начальные части сложных существительных и субстантивных префиксоидов в системе слабой полупрефиксации, например: **ลูก**-[lú:k]+ **น้ำ** [ná:m]= **ลูกน้ำ** [lú:kná:m] 'мотыль'. Начальный мотивирующий компонент **ลูก**-[lú:k] несёт значение диминутивности или уменьшительности-ласкательности как переносное, с помощью которого формулируется модификационное значение в словообразовательной системе, но у префиксального производного существительного **ลูกน้ำ** [lú:kná:m] это переносное значение не полностью выражено, только его часть – 'маленькое существо'.

Тайский язык обилён многочисленными препозитивными словообразовательными единицами, заимствованными из разных языков, в том числе и из мёртвых языков (пали и санскрит). В тайской лингвистике строго установлено 18 действующих префиксов, заимствованных из языков пали и/или санскрита, которые могут употребляться параллельно. Прочие препозитивные словообразовательные единицы из пали и/или санскрита, например: **มหา**-[má hǎ:], **โคตร**-[kʰò:t] 'указание на аугментативность', **เบญจ**-[be:ntɔ̀ʔ] 'пять/пяти-' (к примеру, **โคตรปู**[kʰò:tpu:] 'очень большой краб') могут рассматриваться либо в качестве начальных частей сложных существительных, либо префиксоидов. Однако, по нашему мнению, большинство из них обладают признаками префиксоида в большей степени, так как их невозможно использовать как свободные лексемы. Аналогичное явление очевидно также среди препозитивных словообразовательных единиц, заимствованных из греко-латинского, английского и других европейских языков, например: **บิก**- [bík] 'большой' из big; **ไมโคร**- [majkʰro:] 'микро-'; **มินิ**- [mí? ní?] 'мини-'; **นาโน**- [na: no:] 'нано-' (**มินิ กระบะไฟฟ้า** [mí? ní? krà? bà? fajfá:] 'маленький электрический пикап'), которые получают статус, пересекающийся между начальными частями сложных существительных и субстантивными префиксоидами. Особенность состоит только в том, что их можно использовать в качестве свободных прилагательных, образующих сращения или атрибутивные (субстантивно-адъективные) словосочетания в виде сращения по форме: существительное + прилагательное (ср. с примером выше: **กระบะไฟฟ้ามินิ** [krà? bà? fajfá: mí? ní?]'маленький электрический пикап').

В результате проведённого анализа свойств и харак-

теристик начальных частей сложных существительных и префиксоидов разных типов в тайском языке можем установить их область пересечения, а также типология субстантивных начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов выглядит следующим образом:

1. *Начальная часть сложных существительных = исконно тайский субстантивный префиксоид*^{mun-1 тай.яз.} К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных: **เม**-[mɛ̀:], **ลูก**-[lú:k], **พอ**-[pʰɔ̀:], **ชี้**-[kʰí:] (в переносном значении).
2. *Начальная часть сложных существительных = исконно тайский субстантивный префиксоид*^{mun-2 тай.яз.} (слабая полупрефиксация/ слабый префиксоид). К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных и префиксоиды: **เม**- [mɛ̀:], **ลูก**- [lú:k], **พอ**- [pʰɔ̀:], **ชี้**- [kʰí:] (в переносном значении).
3. *Начальная часть сложных существительных (заимствованная) = заимствованный субстантивный префиксоид*^{mun-3 тай.яз.} К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных и субстантивных префиксоиды: **โคตร**- [kʰò:t] 'указание на аугментативность', **เบญจ**-[be:ntɔ̀ʔ] 'пять/пяти-', **ไมโคร**- [majkʰro:] 'микро-', **มินิ**-[mí? ní?]'мини-'.
4. *Начальная часть сложных существительных = непрефиксоид*. К этому типу относятся следующие начальные части сложных существительных: **แสง**-[sǎ:ŋ]'луч', **ขา**-[kʰǎ:]'нога', **ชี้**-[kʰí:] 'кал' – употребляются в прямом значении.

Сопоставительный анализ областей пересечения и установление общей типологии начальных частей сложных существительных и субстантивных префиксоидов на основе единого критерия в русском, немецком и тайском языках

Согласно представленному выше анализу препозитивные словообразовательные единицы в составе сложных существительных в русском, немецком и тайском языках могут стать как начальными частями сложных существительных, так и субстантивными префиксоидами, в зависимости от типов функционирования и контекста употребления. Более того, данные единицы нарушают принципы, строго установленные лингвистами-дериватолами в определённых языках, и вне контекстов могут быть отнесены одновременно и к начальным частям сложных существительных, и к субстантивным префиксоидам.

В предложенной нами типологии видов пересечения между начальными частями сложных существительных и субстантивными префиксоидами в отдельных языках были найдены существенные сходства и различия. Типы пересечения представлены в таблице.

Таблица 1.

Области пересечения между начальными частями сложных существительных и субстантивными префиксоидами в русском, немецком и тайском языках.

Русский язык	Немецкий язык	Тайский язык
Начальная часть квазикомпозитов = субстантивный префиксоид <small>тип-1 рус.яз.</small> [макро-, микро-, мини-]	(Пре)конфикс = начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид <small>тип-3 нем.яз.</small> [Mini-, Video-, Super-]	Начальная часть сложных существительных (заимствованная) = заимствованный субстантивный префиксоид <small>тип-3 тай.яз.</small> [โคตร- [kʰò:tʰ] 'указание на аугментативность'; เบญจ- [be.nɔ̀tʰə̀] 'нять/пяту-'; ไมโคร- [majkʰro:] 'микро-'; มินิ- [míʔ níʔ] 'мини-']
Начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид <small>тип-2 рус.яз.</small> (малопродуктивный) [орг-, СПИД-, зав-,]	-	-
Начальная часть сложных существительных с участием интерфикса / соединительной гласной / дефиса = непрефиксоид [водо-, пище-, домо-, лингвист-германист]	(Пре)конфикс = начальная часть сложных существительных с участием интерфикса / соединительной гласной / дефис = непрефиксоид [Bombo-, Filmo-]	-
-	Начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид <small>тип-1 нем.яз.</small> [Sau-, Blitz-, Ober-, Affen-]	Начальная часть сложных существительных = исконно тайский субстантивный префиксоид <small>тип-1 тай.яз.</small> [แม่- [mɛː]; ลุง- [lú:k]; พ่อ- [pʰòː]; พี่- [kʰíː]]
-	Начальная часть сложных существительных = субстантивный префиксоид <small>тип-2 нем.яз.</small> (слабая полупрефиксация) [Mutter-, Tochter-, Vater-]	Начальная часть сложных существительных = исконно тайский субстантивный префиксоид <small>тип-2 тай.яз.</small> (слабая полупрефиксация) [แม่- [mɛː]; ลุง- [lú:k]; พ่อ- [pʰòː]; พี่- [kʰíː]]
-	Начальная часть сложных существительных = непрефиксоид [Mutter-, Tochter-, Vater-: в прямом значении]	Начальная часть сложных существительных = непрефиксоид [แม่จ- [sɛːŋ] 'луч' ๗- [k a] 'нога' พี่- [kʰíː] 'кап': в прямом значении.]

При анализе областей пересечения между начальными частями сложных существительных и субстантивными префиксоидами в трёх разноструктурных языках обнаружено одно сходство, заключающееся в наличии типа «начальная часть сложных существительных (квазикомпозитов в русском и конфиксов в немецком) = субстантивный префиксоид», характерного для заимствованных препозитивных словообразовательных единиц.

Другой совпадающий тип в русском и немецком языках – это «начальная часть сложных существительных с участием интерфикса / соединительной гласной = непрефиксоид». Интерфиксы / соединительные гласные -о-, -е-, включая окончание -и- в русском, и -о- (иногда -и-) в немецком, а также дефисы в обоих языках, способствующие образованию препозитивных словообразовательных единиц, используются только в качестве соединителей в процессе словосложения или композиции.

Существенное сходство в немецком и тайском языках связано с употреблением препозитивных словообразовательных единиц в прямом или переносном значении. В типологии начальных частей сложных слов русского

языка также может учитываться данный критерий, например для типа «начальная часть квазикомпозитов = субстантивный префиксоид тип-1 рус.яз. [макро-, микро-, мини-]», но анализ структур квазикомпозитов оказывает не очень значительного влияния на установление статуса префиксоида. Свободные препозитивные словообразовательные единицы, выражающие модификационные значения, в процессе образования новых слов, обычно относят к префиксоидам, но в единичных случаях лингвисты (в немецкоязычных странах и в Таиланде) отказываются от этой классификации, руководствуясь языковой традицией. Ещё более это явление очевидно среди препозитивных словообразовательных единиц, выражающих дополнительно мутационные значения. В немецком и тайском языках приводятся нами термин «слабые префиксоиды» для ряда препозитивных словообразовательных единиц при рассмотрении их в качестве префиксоидов и термин «слабая полупрефиксация» для процесса словообразования, в котором участвуют такие препозитивные словообразовательные единицы.

В результате анализа особенностей, проявляющихся в области пересечения между начальными частями

сложных существительных и субстантивными префиксоидами в русском, немецком и тайском языках, были сделаны следующие выводы, которые можно использовать при определении статуса препозитивных единиц:

1. Препозитивные словообразовательные единицы иноязычного происхождения могут стать как начальными частями сложных существительных (также начальными частями квазикомпозитов), так и субстантивными префиксоидами. Предложенный в настоящем исследовании термин «начальные части сложных существительных», а также термины «начальные части квазикомпозитов», «квазикомпозиты» и «(пре)конфисы», существующие в русистике и германистике, являются попыткой обозначить единицы, отличающиеся по статусу от чистых сложных слов и начальных частей сложных слов.
2. Препозитивные словообразовательные единицы в сочетании с интерфиксами / соединительными гласными/ дефисами, участвующими в образовании новых слов, могут рассматриваться в качестве начальных частей сложных существительных, но не субстантивных префиксоидов.
3. Препозитивные словообразовательные единицы используют свои коннотативные или переносные значения как модификационные при образовании новых слов. В результате новые слова в целом выражают модификационные значения чаще, чем другие словообразовательные значения. Такие единицы могут стать субстантивными префиксоидами, реже – начальными частями сложных существительных (зависит от интерпретации лингвистами-исследователями).
4. Препозитивные словообразовательные единицы с коннотативными или переносными значениями участвуют в образовании слов с новыми значениями, не связанными с исходными, или с мутационными словообразовательными значениями, при этом модификационные значения появляются редко. Такие препозитивные словообразовательные единицы квалифицируются нами как слабые субстантивные префиксоиды (в процессе слабой полупрефиксации).
5. Препозитивные словообразовательные единицы, сокращённые от полных слов или словосочетаний

и появляющиеся часто в виде аббревиатур, считаются в основном начальными частями сложных существительных, но иногда определяются субстантивными префиксоидами (малопродуктивными). Однако модификационные и соединительные значения у них не чётко разграничены.

6. Препозитивные словообразовательные единицы используются в прямом значении без сочетания с интерфиксами или соединительными гласными / элементами, в результате образованные новые слова выражают соединительные значения, а также совершенно новые значения или мутационные значения (в немецком и тайском языках). Такие препозитивные словообразовательные единицы имеют только статус начальных частей сложных существительных.

Заключение

Проблема пересечения между начальными частями сложных существительных и префиксоидами возникла по нескольким причинам. Первая причина заключается в том, что заимствованные препозитивные словообразовательные единицы вошли в определённые языки в ходе динамичного лексико-семантического развития. Сходство форм, значений и функций исконных и заимствованных словообразовательных единиц привело к трудностям в определении их места в системе словообразования. Другая причина связана с ходом внутриязыкового развития в том или ином языке, т.е. разнобразное лексико-семантическое развитие исконных препозитивных словообразовательных единиц привело к неточному разграничению смежных понятий и, соответственно, к разногласиям учёных-лингвистов, занимающихся этим вопросом.

Области пересечения между начальными частями сложных существительных и субстантивных префиксоидов, содержащие свои особенности, выявлены в трёх указанных разноструктурных языках и, возможно, будут обнаружены и в других языках. Установление в данном исследовании общей типологии таких областей пересечения может оказаться полезным для проведения дальнейшего анализа процессов деривации и композиции в других разноструктурных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилюк С.А. Экзогенное словообразование как особая система словообразования в немецком языке / С.А. Жилюк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 2(21). – С. 60-69.
2. Жилюк С.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ 2015.: специальность 10.02.20 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Жилюк С.А. – Санкт-Петербург, 2015. – 28 с.
3. Земкая Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Изд-во КомКнига, 2005. — 224 с.
4. Клобуков Е.В., Гудилова С.В. Языковая специфика непроемких сложных существительных (квазикомпозитов). Язык, сознание, коммуникация:

- Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 20. – 140 с.
5. Лопатин В.В., Улуханов И.С., Шведова Н.Ю. и коллеги. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, Москва. 1966, С. 78.
 6. Николаев Г.А. Конфиксация и ее немецкие эквиваленты // Немецко-русский диалог в филологии. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2001. S.25-47.
 7. Русская грамматик: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1980-1982. т. I., С. 321-322.
 8. Секежицки Э. К вопросу об аффиксоидах имен прилагательных в современном русском языке. *Studia Rossica Posnaniensia* 9, 1977. С. 165-172
 9. Сенько Е.В. Префиксоиды как сложившаяся система современного русского словообразования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16059> (дата обращения: 12.04.2022)
 10. Федорова Л.Л. Русское словосложение: между лексикой и грамматикой. Взаимодействие лексики и грамматики. Тезисы докладов международной конференции, двенадцатые шмелевские чтения (24-26 февраля 2018 г.), с. 78.
 11. Чусуван К. Словообразовательные формы, типы и значения префиксальных имен существительных в разноструктурных языках в сопоставительном аспекте (на материале русского, немецкого и тайского языков): специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чусуван Критсада. – Москва, 2021. – 28 с.
 12. Юнг Вальтер. Грамматичка немецкого языка. / Художник С. Григорьев. – СПб.: Лань, 1996. – 544 с.
 13. Decroos N, Leuschner T. Wortbildung zwischen System und Norm: Affixoide im Deutschen und im Niederländischen. *SPRACHWISSENSCHAFT*. 2008;33(1) S. 1–34.
 14. Fleischer W. Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Berlin/Boston: de Gruyter, 2012. – 484 S.
 15. Halasova A. FF:NJL_171. Lexikologie němčiny I (German lexicology I) – Wortbildung Theorie 1, podzim 2008, unter: [https://is.muni.cz/el/phil/podzim2008/NJL_171/\(abgerufen am 06.01.2023\)](https://is.muni.cz/el/phil/podzim2008/NJL_171/(abgerufen am 06.01.2023)).
 16. Heck F. Einführung in die Morphologie WS 2004/05 Institut für Linguistik Universität Leipzig Fabian Heck S.16, unter: <https://home.uni-leipzig.de/heck/morph04/webmorph.pdf> (abgerufen am 06.01.2023).
 17. Henzen W. Deutsche Wortbildung. 2. Aufl. Tübingen 1957.
 18. Hilke E. Affixoide: Nur was benannt wird, kann auch verstanden werden. In: Deutsche Sprache : Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation, Vol. 37, 2009. S. 316-333
 19. Kanyanut Kriengkiet, Krit Kosawat, Sunant Anchaleenukul. A Computational Linguistics Study of Compound Nouns in Thai, 2007, Retrieved: https://lexitron.nectec.or.th/KM_HL5001/file_HL5001/Paper/Inter%20Conference/krrm_14069.pdf.
 20. Petermann H. Semantische Veränderungen erster Kompositionsglieder im Grenzbereich zwischen Zusammensetzungen und Präfixbildungen. In: Deutsch als Fremdsprache 8, 1971. S. 108-113.
 21. Schmidt G.D. Das Kombinem. Vorschläge zur Erweiterung des Begriffsfeldes und der Terminologie für den Bereich der Lehnwortbildung [The Kombinem. Proposals for Extending the Concept Field and the Terminology in the Field]. Fremdwortbildung. Theorie und Praxis in Geschichte und Gegenwart [Foreign Word Formation. Theory and Practice in the Past and Present]. Frankfurt-am-Main, Berlin, Bern, Peter Lang, 2005, P. 91-109
 22. Schmidt G. D. Neues im Wortschatz der deutschen Sprache. Sowjetische Arbeiten zu Wortschatzveränderungen in der deutschen Gegenwartssprache seit 1945“. In: DS 4. 1978. S. 323-345
 23. Stevens C. M. Revisiting the Affixoid Debate: On the Grammaticalization of the Word, in: T. Leuschner – T. Mortelmans – S. DeGroot (Hg.), Grammatikalisierung im Deutschen, Berlin 2005, S. 71-83.
 24. อัญชลี สิงห์น้อย. (2548). คำนามประสม ศาสตร์และศิลป์ในการสร้างคำไทย. กรุงเทพมหานคร โรงพิมพ์แห่งจุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย น.23-39// Анчали Сингной (2005) Сложные существительные, наука и искусство образования тайских слов. Бангкок Типография Чулалонгкорнского университета, с. 23-39.

© Чусуван Критсада (nunu_kritsad@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖНОЙ ЕДИНИЦЫ – НА ПРИМЕРЕ «ПО АДРЕСУ»

Чэнь Сюэцин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
cxq192575181@gmail.com

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF A PREPOSITIONAL UNIT – BY THE EXAMPLE OF "AT THE ADDRESS"

Chen Xueqing

Summary: The paper considers approaches to describing derivative prepositions in Russian. The structure of dictionary entries for prepositions and prepositional means in the project "Slavic prepositions in synchronic and diachronicity: morphology and syntax" according to the principle of M.V. Vsevolodova is developed. The lexicographic attribution of the prepositional unit «po adresu» according to this principle is presented.

Keywords: lexicography, prepositional unit, "po adresu".

Аннотация: В работе рассматриваются подходы описания производных предлогов в русском языке. Разрабатывается структура словарных статей для предлогов и средств предложного типа в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» по принципу М.В. Всеволодовой. Представлено лексикографической атрибуции предложной единицы «по адресу» по данному принципу.

Ключевые слова: лексикография, предложной единица, «по адресу».

В период интенсивного развития русского языка наблюдается процесс формирования предложно-падежных форм с производными предлогами. В трудах по русской грамматике производные предлоги описаны с разных точек зрения, в разных аспектах. Одним из них является лексикографический аспект. Вопрос о способах подачи производных предлогов в словарях обсуждается многими учеными. А. Мустайоки и М. Копотев считают, что предлоги типа *в зависимости от, со стороны, в заключение* эквивалентны словам, и предлагают подавать их в словарях отдельными словарными статьями [Мустайоки 2004]. А.С. Цой разрабатывает структуру такой словарной статьи для учебного словаря, предлагая внести в нее элементы словаря антонимов, синонимов, а также указать сочетаемость представляемых в словаре предлогов [Цой 2004: 109]. В лексикографическом описании предложных единиц должно включать не только синтагматические атрибуции, но и детализированное описание семантики и парадигматики единиц, их синтаксического и коммуникативного потенциала и т.д. Очень детально разрабатывается структура словарных статей для предлогов и средств предложного типа (в том числе и для производных предлогов) в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис».

Членами данного проекта выделяются следующие парадигмы предлога: стилистическая, морфонологическая, графическая, лексическая, грамматическая (состоит из семантической и морфосинтаксической), текстовая и коммуникативная парадигмы. Атрибуция ими предложной единицы и характеристика составляющих ее позиций описываются так и с точки зрения синтагма-

тики. В ней включаются следующие пункты: 1) Морфологическая форма присоединяемого слова; 2) Стилистическая характеристика; 3) Просодические и фонетические (морфонологические) характеристики; 4) Морфологические, графические или фонетические варианты; 5) Статус единицы (предлог или эквивалент предлога); 6) Морфосинтаксический тип единицы: производность/производность и количество лексем предлога; 7) Степень смысловой самостоятельности предложной синтаксемы: свободная, обусловленная или связанная синтаксема; 8) Возможные позиции синтаксемы в структурно-семантической организации и коммуникативной структуре предложения; 9) Парадигматика предложной единицы: 9.1. грамматическая парадигма, 9.2. текстовая парадигма предлога, 9.3. адъективация имени актанта; 10) Синонимы; 11) Антонимы; 12) Способность/неспособность к образованию союзов и союзных слов; 13) Особенности отображения в словарях; 14) Употребление в пословицах, поговорках, идиомах, фразеологизированных оборотах; и 15) Иллюстрации [Всеволодова и др. 2018].

Единица «по адресу» является многозначной. Она употребляется со значением: (1) 'данные о местожительстве или местонахождении': *отправить по электронному адресу*; (2) '(не) как следует': *сделать (не) по адресу*; (3) 'относительно кого-чего н.': *разговаривать по адресу редакции*. Только при последнем значении у единицы «по адресу» отмечается процесс грамматикализации, притом, как обнаруживается, что «по адресу» при употреблении значения 'относительно кого-чего н.' имеет высокую степень грамматикализации, но не полностью перешла в разряд предлогов [Чэнь 2022]. Описание предложной единицы «по адресу» по принципу М.В. Все-

володовой представляется следующим образом:

По адресу кого-чего (Np): *Замечания по адресу редакции.*

Атрибуция: — 2. Книжный. — 5. Предложная единица. — 6. Сложный отыменный (*адрес*) с немотивированным предлогом. — 7. Свободная. Реляционные. — 9.1.1. Морфосинтаксическая парадигма в постпозиции к предлогообразующему существительному *по адресу* к кому-чему: *Газеты вышли в тройном, даже больше, объеме; полны рисунками, статьями в хвалебном тоне по адресу к большевизму; я их, впрочем, не читал* (НКРЯ. Орешников А.В. Дневник. 1927). *На крик старика собралась большая толпа, которая начала проявлять угрожающее настроение по адресу к евреям* (НКРЯ. От наших южных корреспондентов // «Одесский листок» 1913). — 9.1.2. Морфосинтаксическая парадигма в препозиции к предлогообразующему существительному *в адрес* кого-чего: *критика в адрес дирекции* (МАС). *Всякий, кто бывал на стадионе, помнит, что люди допускают самые злобные выпады в адрес игроков на поле, чего они в страшном сне не позволили бы себе, увидев этого же спортсмена лицом к лицу* [НКРЯ. Facebook — не реальность, а реалити-шоу. «Огонек». 2010]. — 9.3. Адъективация актанта *по моему адресу*: *Прошу без намеков по моему адресу* (МАС. обидчиво прервал Жмакин, Куприн,

Болото). — 10. **в отношении** кого-чего, **по отношению** к кому-чему, **относительно** кого-чего, **про** кого-что, **на счет** кого-чего. — 12. по адресу того, что: *Ни одного распоряжения он не отдавал, не произнеся отборнейших непристойных выражений, не по адресу того, к кому он обращался, а за счет третьих лиц* (НКРЯ. Чернавин В.В. «Записки «вредителя»». 1935). — 13. СОШ – в знач. предлога, МАС – в знач. предлога. — 14. Пройтись (или проехать, прокатиться) по адресу чьему. — 15. Примеры:

Часто приходится слышать осуждения по адресу того или другого начальственного лица (НКРЯ. Тэффи Н.А. Седа была. 1911). *Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны* (НКРЯ. Мастер и Маргарита). *Ему известен хор обвинений по адресу высокомерного автора, чье отношение к большинству и в самом деле своеобразно* (НКРЯ. «Знамя». 2006).

Несмотря на то, что вышеперечисленные позиции не исчерпывают всех характеристик предложной единицы «по адресу», представления предложных единиц требуются дополнения, в дальнейшем изучении данные описания помогут в выявлении значения других предложных единиц и в совершенствовании лексикографические представлений производных предлогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965.
2. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 304 с.
3. Коптев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. — Москва: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 168 с.
4. МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — Изд. 2-е., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Мустайоки, А. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа потому что, в зависимости от, к сожалению / А. Мустайоки, М. Коптев // Вопросы языкознания. — 2004. — № 3. — С. 88-107.
6. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Чэнь С. Грамматикализация конструкции «по адресу» / С. Чэнь // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 3(461). — С. 36-42.
8. Цой А.С. Предлог как лексическая единица русского языка и его отражение в учебном словаре // Филологические науки. — М., 2004.

© Чэнь Сюэцин (sxq192575181@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОТЕНЦИЙ И РЕАЛИЗАЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Шувалова Оксана Николаевна

кандидат филологических наук, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова
oks-shuvalova@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE RATIO OF THE POTENCIES AND THE IMPLEMENTATIONS OF THE LANGUAGE SYSTEM

O. Shuvalova

Summary: The article deals with the correlation of potencies and realizations of the language system and the interrelated concept of norm. In the course of the analysis, the author proposes classifications of existing scientific ideas about potentials and realizations in the language, built on different bases: depending on the level of abstraction, in the direction of understanding the studied question.

The works of famous scientists: L. Elmslev, M.N. Panov, L.V. Scherba, B.A. Serebrennikov, E. Koseriu, S.N. Zeitlin, A.V. Bondarko, L.P. Krysin are considered in the framework of the topic; the ideas of various scientific schools are indicated. There is also a number of examples illustrating the material. The article substantiates the possibility of systematization of the material. Based on the analysis, the author substantiates the rarity role of the factor of taking into account the speaker as a language user and the hierarchical typology of speakers in terms of generality and consciousness, what seems to be the most perspective approach to solving the question of the correlation of the potencies of the language system, their implementation and the normalization of this implementation. When during the speaker's speech activity, the potency turns into an implementation, and then the language user selects from the existing implementations those that are provided for by the regulations.

Keywords: linguistics, language system, the potencies of the language system, the implementations of the potencies of the language system, language norm, usage, the person speaking, the types of the persons speaking, linguistic constructing.

Аннотация: В статье исследуется вопрос о соотношении потенций и реализаций системы языка и взаимосвязанного понятия нормы. В ходе анализа автором предлагаются классификации существующих в науке представлений о потенциях и реализациях в языке, выстроенные на различных основаниях (уровень абстракции, направление движения – от системы к реализации или от реализации к системе, учет фигуры говорящего и др.), базовым из которых представляется учет фигуры говорящего.

В рамках темы рассматриваются труды Л. Ельмслева, М.В. Панова, Л.В. Щербы, Б.А. Серебряникова, Э. Косериу, С.Н. Цейтлин, А.В. Бондарко, Л.П. Крысина; обозначаются идеи различных научных школ. В статье обосновывается возможность систематизации материала. На основании проведенного анализа обосновывается приоритетная роль фактора учета говорящего как пользователя языка и иерархической типологии говорящих по уровню обобщенности и сознательности, что представляется наиболее перспективным подходом для решения вопроса о соотношении потенций языковой системы, их реализации и нормирования этой реализации, когда во время речевой активности говорящего потенция превращается в реализацию, а затем пользователь языка выбирает из существующих реализаций те, которые предусмотрены нормативно.

Ключевые слова: лингвистика, система языка, потенции языковой системы, реализации потенций языковой системы, языковой материал, речевая деятельность, языковая норма, узус, человек говорящий, типы говорящих, лингвоконструирование.

Проблема соотношения потенций языковой системы, их реализаций и связанного с этой проблемой понятия языковой нормы является традиционной в лингвистике. Она интересовала таких классиков лингвистической науки, как Л. Ельмслев [Ельмслев, 2006], Э. Косериу [Косериу, 2001], В. Дресслер [Дресслер, 1978, 1986], Л.В. Щерба [Щерба, 1974], представителей Пражского лингвистического кружка, школы функциональной грамматики проф. А.В. Бондарко [1971, 1973, 1974, 1976, 2001] и других крупных языковедов. Это не случайно, поскольку от того, каким представляется отдельному лингвисту или научному направлению это соотношение, зависит вся модель описания языка, начиная с ее исходного вектора: от системы к реализации (языковому материалу и языковой деятельности – по Л.В. Щербе; контексту, «среде» – по А.В. Бондарко; ситуации, функ-

ционированию и т.п.) или от реализации к виртуальной, конструируемой системе. Соответственно, эта проблематика остается актуальной, но ее дальнейшее развитие затрудняется тем, что имеющиеся концепции не систематизированы и существует терминологическая путаница. Так, например, два популярных в современной текстоориентированной лингвистике термина – **текстообразующие функции и текстообразующие потенции** – используются иногда как синонимы, при том, что ни для первого, ни для второго не дается однозначного определения. Анализ имеющихся научных публикаций показывает, что текстообразующую функцию исследователи обнаруживают практически у всех языковых единиц и категорий, а также у приемов построения текста: текстообразующей функцией обладают, по мнению разных авторов, группы слов (частицы, предлоги, сложные слова,

антонимы и др.), предложения, словосочетания, фразеологизмы, повторы, метафоры, категории персональности, модальности и др. и даже контексты [Мошиашвили, 1982] [Кравченко, 2001] [Куманяева, 2006] [Карпов, 2008] [Клименко, 2008] [Волкова, 2012] [Соловьева, 2015] [Филиппов, 2015] [Болотова, Былкова, 2020]. В результате понятие размывается. Трактовка текстообразующих потенций более тяготеет к единицам уровня предложения, но почти столь же разнообразна [Бороздина, 2003] [Марченко, 2004] [Бизунова, 2005] [Прохорова, 2007] [Жеребило, 2011] [Литневская, Литневская, 2015] [Лапынина, 2018]. Другим известным примером понятийной несогласованности в этой сфере является применение понятия **нормы** по отношению к системе или к ее реализации определенного типа.

Цель настоящей статьи – предложить систематизацию сформулированных в трудах ведущих лингвистов XX – XXI вв. взглядов на соотношение потенций языковой системы и их реализации, что позволяет выделить существенные для лингвистической методологии особенности, различающие эти концепции.

Понимание потенции и реализации в работах лингвистов, обладающих собственной научной концепцией, зависит прежде всего **от уровня абстракции**.

В качестве потенции может рассматриваться:

- а) некий общий «язык-схема», реализующийся в конкретных языках;
- б) система отдельного языка, реализующаяся в речи (текстах) на данном языке;
- в) набор свойств (формальных, семантических, функциональных) отдельного элемента системы, определяющих его использование.

Максимальный уровень абстракции представляет, например, глоссематика Л. Ельмслева — общая теория языка, образующая, по характеристике, данной А. Мартине, «некую замкнутую систему, которая при помощи дедуктивной операции позволяет исчислить возможности, исходя из заранее заданных предпосылок» [Ельмслев, 2006, с. 8]. В лингвистических энциклопедиях и учебниках по языкознанию встречается характеристика теории Ельмслева как описания потенций языковой системы, оторванного от описания реализаций. В частности, в энциклопедии «Кругосвет» сказано: «По мысли Ельмслева, общая теория языка должна строиться дедуктивно, идти не от фактов конкретных языков, а от общих, заимствуемых из формальной логики принципов. Теория не должна зависеть от опыта; предсказывая возможности, она ничего не говорит об их реализации» [Кругосвет]. Последняя фраза является прямой цитатой из самого Ельмслева, который пишет в «Пролегоменах к теории языка»: «Исчисление позволяет предсказывать возможности, но ничего не говорит об их реализации» [Ель-

мслев, 2006, с. 41]. Однако тут же он указывает: «Объекты, интересующие лингвистическую теорию, суть тексты. <...> Пользуясь инструментом лингвистической теории, мы можем извлечь из выборки текстов запас знаний, который снова можно использовать на других текстах. Эти знания касаются не только и не столько процессов или текстов, из которых они извлечены, но системы или языка, на основе которой (или которого) построены все тексты определенной природы и с помощью которой (или которого) мы можем строить новые тексты. Посредством лингвистической информации, полученной нами таким образом, мы можем построить любые мыслимые или теоретически возможные тексты на одном и том же языке» [Ельмслев, 2006, с. 41-42]. Поскольку общая лингвистическая теория, однако, должна годиться для описания и построения текстов на любом языке, а эмпирическое изучение текстов на всех языках невозможно, «лингвист-теоретик, как и всякий другой теоретик, должен представить себе все мыслимые возможности, которые он сам не испытал и не видел, реализованными, хотя некоторые из них, вероятно, никогда не будут реализованы. Только таким образом можно создать лингвистическую теорию, которую с уверенностью можно применять» [Ельмслев, 2006, с. 42]. Таким образом, и до того, как в работе «Язык и речь» («Langue et parole») [Ельмслев, 1942] Ельмслев выделяет, помимо «языка-схемы» как системы потенций, «язык-норму», «язык-узус» и конкретный языковой акт, которые выступают как реализации по отношению к «языку-схеме», концепция «языка-схемы» у Ельмслева не была оторвана от представления о реализации. Только это представление возникало «на другом конце» рассуждения. Цель общей теории языка, по Ельмслеву (как отмечает А. Мартине), на основе анализа текстов «вскрыть систему, стоящую за последовательностью, которой является изучаемый текст или любой другой текст из тех, какие уже созданы или будут созданы на данном языке» [Ельмслев, 2006, с. 8]. То есть переход от реализаций к потенциям как метод исследования заложен уже в самом начале глоссематики. Обобщая размышления Ельмслева, Мартине делает вывод о том, что, действительно, «чтобы лингвистическая теория была универсальной, теоретик должен предвидеть и учесть при ее создании все мыслимые лингвистические возможности, в том числе и такие, какие ему никогда не встречались или никогда не были описаны» [Ельмслев, 2006, с. 8-9]. «Независимость от опыта» наступает на этапе дедуцирования, когда теория уже создана. Но в исходной точке стоит анализ текстовой последовательности, которая дает материал для формирования представления о системе возможностей.

Исходя из этого, можно определить еще один способ классификации существующих в науке представлений о потенциях и реализациях в языке – по направлению их осмысления:

1. Реализации (тексты) рассматриваются как материал для формирования представлений о потенции-

ях (система), для их описания;

2. Потенции (система) рассматриваются как основа для формирования представления о реализациях (текстах, текстовом функционировании единиц), для их описания.

Третье основание классификации взглядов на потенцию и реализацию в языке – **наличие или отсутствие в трактовке, предлагаемой тем или иным лингвистом, фигуры человека говорящего как пользователя языка**. У Ельмслева, например, эта фигура отсутствует. У Э. Косериу антропоцентрический фактор возникает в понятиях «языкового коллектива», «общества», «культуры», когда он характеризует языковую систему как «систему возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу» [Косериу, 2001, с. 197], и в то же время как «систему обязательных реализаций..., принятых данным обществом и данной культурой» [Косериу, 2001, с. 174-175]. В целом в его концепции и понятие потенции (возможности), и понятие «обязательной реализации» связываются с языковой системой. «Норма» понимается у Косериу как «реализованный язык» [Косериу, 2001, с. 175].

Двоичность (система – реализация, система – норма, система – узус) или троичность (система – реализация/узус – норма) противопоставления также может использоваться как критерий классификации концепций. Так, Б.А. Серебренников, рассматривая понятие языковой нормы как совокупности нормативных реализаций, указывает, что эти нормативные реализации социально-исторически обусловлены, то есть предопределяются структурой языка, но далее отбираются определенным языковым коллективом в определенный исторический период [Серебренников, 1970]. Структура (система) языка выступает как генератор потенций, а языковой коллектив как «посредник» между этими потенциями и нормой. Соответственно, одна и та же структура языка (набор потенций) может посредством разных селективных операций социума реализоваться в разных нормах, например, любой литературный язык представляет собой результат более строгого и целенаправленного отбора, чем другие идиомы в пределах национального языка.

В работах М.В. Панова [Панов, 1956, 1968] и Л.П. Крысина [Крысин, 2004, 2017] встречается синонимическое использование терминов «узус» и «норма», которое Л.П. Крысин объясняет, указывая на разное соотношение узуса и нормы и соответственно системы языка и ее реализации в кодифицированной и некодифицированной сфере [Крысин, 2017]. Применительно к кодифицированному языку выступает троичное противопоставление «система – узус – норма», применительно к некодифицированному – двоичное, при котором узус и норма приравниваются. Действительно, при отсутствии созна-

тельного отбора запреты на употребление той или иной формы, единицы, модели могут быть только системными. В литературном же языке реализация потенциалов языковой системы ограничивается языковым коллективом «по договоренности» и то, что «позволяет сказать» система языка, запрещает норма: «Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию, которая во многом основывается на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой), а с другой, – речевой практике, узусу: в речевой практике вполне обычны большие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях» [Крысин, 2017, с. 23].

Понятия «потенция» и «реализация» могут рассматриваться и **относительно отдельных типов говорящих**, например, в исследованиях детской речи. С.Н. Цейтлин подробно анализирует эту проблему в ряде своих работ. В частности, в «Очерках по словообразованию и формообразованию в детской речи» детская речь рассматривается, как область, в которой выявляется «реальное наличие огромных ресурсов слово- и формообразования, существующих в современном языке и не использованных языковой нормой» [Цейтлин, 2009, с. 47]. Опираясь на теорию Э. Косериу, Цейтлин определяет систему «как совокупность правил, регулирующих использование языковых средств в максимальном отвлечении от их лексико-семантических и прочих свойств» [Цейтлин, 2009, с. 47]. В системе выделяется ядро, в котором максимально проявляются типологические черты и минимально идиоэтнические, и периферия. Детские речевые инновации имеют особый статус, т.к. в них выявляются «удивительные на первый взгляд факты, которые можно интерпретировать как реализацию чрезвычайно глубоких возможностей системы, не реализованных в русском языке, но существующих в других языках» [Цейтлин, 2009, с. 47]. К таким фактам принадлежат «инограмматические» детские образования, например каузативная оппозиция конверсивного типа, не свойственная русскому кодифицированному языку, но характерная для английского (*boil – кипятить и кипеть*).

Языковая норма, сознательно не отграничиваемая в исследовании Цейтлин от узуса, выполняет две функции:

- функцию реализации («соотношение «система – норма» при этом трактуется как потенция – реализация данной потенции») и
- функцию селекции, выбора («система – норма» при этом соотносятся как инвариант – вариант). По мысли Цейтлин, «в большинстве случаев выявляемая в речи вариативность нормы есть «вырвавшаяся наружу» вариативность системы, по тем или иным причинам не встретившая заслона» [Цейтлин, 2009, с. 48].

Рассмотрение инноваций в речи детей на фоне потенциалов языковой системы позволило выделить несколько типов таких инноваций:

1. соответствующая языковая единица имеется во взрослой языковой системе, но создана иным способом (*искаю вместо ищу*);
2. заполнение абсолютной лакуны. когда во взрослой языковой системе данная единица отсутствует вообще: «Вон бабочка прицветочилась» [Цейтлин, 2009, с. 331].

Такой взгляд релевантен не только для изучения детской речи, но для понимания системы отдельного языка, в которой реализуется лишь небольшая часть того, что заложено в системе языка в целом. Лакуны, заполняемые ребенком, «как бы запрограммированы языковой системой» [Цейтлин, 2009, с. 46]. В этом исследовании онтолингвистов сходятся с точкой зрения специалистов по лингвоконструированию, к которым относится и автор данной статьи [Шувалова 2006, 2010, 2013]. Мы рассматриваем системы искусственных языков, заложенные в них видимые и скрытые возможности и варианты их реализаций. Если сконструированные языки выходят на уровень реальной коммуникации, то есть перестают быть прерогативой своего конструктора, спектр наших исследований расширяется, поскольку увеличивается количество говорящих, имеющих доступ к языковой системе, по-разному реализующих ее в своей речевой деятельности и имеющих разные точки зрения на то, что допустимо (нормативно), а что-нет

Наконец, в качестве примера рассмотрения потенци и реализации в языке на уровне отдельных элементов, можно привести исследования петербургской школы функциональной грамматики. А.В. Бондарко в русле своего функционально-грамматического подхода рассматривал диаду «потенция – реализация» в применении к понятию «функция». Выделяя в функциях языковых единиц взаимосвязанные аспекты потенци и реализации, акад. Бондарко указывал, что их отношение связано с соотношением компетенции и исполнения: «Компетенция в данном случае - это потенциал рассматриваемой единицы в языковой системе, а исполнение - процессы и результаты взаимодействия этой единицы с элементами среды, выступающими в высказывании и в целостном тексте» [Бондарко, 2001]. Те же два аспекта можно выделить, по мысли Бондарко, и относительно функций высказывания (текста). Тогда потенциальный аспект (потенци речи) – это «возможности (конечно, связанные с использованием элементов языковой системы), существующие при программировании и формировании высказывания и целостного текста», это «потенциальное назначение речевого акта (речевого произведения)», а реализационный аспект - реализация этого назначения» [Бондарко, 2001].

Исходя из изложенного, нам представляется, что основополагающим из выявленных факторов, влияющих на осмысление тем или иным лингвистом или научной школой соотношения между потенциальными и реализациями языковой системы и языковой нормой, то есть тем фактором, от которого в большей или меньшей степени зависят все остальные, независимо от того, эксплицируется ли этот фактор и эта зависимость, **служит учет фигуры говорящего и типа этой фигуры**. У Л. Ельмслева фигуры говорящего вовсе нет (операции селекции и комбинации языковых фактов из системы подлежат ведению исследователя). У Э. Косериу – это совокупный говорящий (общество). У С.Н. Цейтлин - это отдельный субъект, обладающий индивидуальной, изменяющейся языковой компетенцией (взрослый или ребенок). У Л.П. Крысина – общество, устанавливающее норму, и говорящий, речевая деятельность которого в условиях литературного языка «осуществляется в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании собственных коммуникативных действий с возможностями системы, с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка (т. е. с нормой), и с общепринятыми в данное время в данном социуме средствами и способами его использования (речевой практикой, узусом)» [Крысин, 2017, с. 27]. У А.В. Бондарко фигура говорящего не определена, ее соотношение с совокупным говорящим (обществом), степень ее индивидуальности и динамичности по отношению к системе и ее реализациям остается непроясненной.

При всем значительном количестве размышлений о соотношении потенци языковой системы, их реализации и нормирования этой реализации, наиболее перспективными сегодня представляются те, в которых присутствует фигура говорящего, причем рассматриваемая на нескольких уровнях обобщения:

1. индивидуальный говорящий, конкретный пользователь языка, в речевой деятельности которого потенция превращается в реализацию,
2. тип (группа) говорящих, либо имеющих и воплощающих сознательный подход к реализациям и ограничениям реализаций языковой системы (например, носители так называемой «новой этики», требующие запрещения или изменения употребления тех или иных слов в угоду ее принципам), либо особым образом реализующих языковую систему в своей речевой деятельности в силу своих психофизиологических и др. особенностей (дети, лица с психическими расстройствами и под.);
3. общество как «совокупный говорящий», который затем, используя имеющиеся на данный момент механизмы распространения, кодификации нормы и «принуждения» к ней, из имеющихся реализаций отбирает те, которые становятся нормативно закрепленными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бизунова Е.В. Фразеологизмы и соотношение в них денотативных и образных составляющих // Язык, сознание, коммуникация. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2005. Вып. 29.
2. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.
3. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / Отв. ред. В.М. Жирмунский. Л., 1971.
4. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики: Текст. Структура и семантика, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics1/bondarko-01>
5. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
6. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения. М., 1974.
7. Бондарко А.В. Синтаксическая семантика и речевой смысл // Проблемы синтаксической семантики: материалы научной конференции / Отв. ред. Л.С. Бархударов. М., 1976.
8. Бороздина Ю.Е. Текстобразующие потенции и контекстуальные реализации условных сложноподчиненных предложений с союзами недифференцированного значения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Липецк, 2003.
9. Волкова Р.А. Текстобразующие функции эмоционально-экспрессивных частиц в языке прозы Э.М. Ремарка: доминантность, когнитивность, прагматичность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013.
10. Глоссематика. Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/GLOSSEMATIKA
11. Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии // Вопросы языкознания. М., 1986. №5.
12. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Перевод с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М., 2006
14. Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань, 2011.
15. Карпов В.И. Текстобразующие функции сложных слов и словосочетаний (на материале готских текстов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2008, № 2.
16. Клименко Т.Н. Типы и текстобразующие функции иронических контекстов: (на материале романов-антиутопий): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2008.
17. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). М., 2001.
18. Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. Омск, 2017. № 2 (12).
19. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
20. Куманяева А.Е. Изучение текстобразующей функции лексических средств как путь совершенствования речи учащихся. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2006.
21. Лапынина Н.Н. Текстобразующая роль единицы «если говорить о . . . , то . . . » // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018 № 2(80). Ч. 1.
22. Литневская Е.И., Литневская О.А. К определению текстобразующих признаков когезии и когерентности. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2015.
23. Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева // Прологомены к теории языка. Л. Ельмслев. М., 2006.
24. Марченко Е.П. Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстобразующие потенции. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. 10.02.01. Краснодар, 2004.
25. Мошиашвили С.А. Текстобразующие функции фразеологической конфигурации в сверхфразовом единстве: на материале глагольных фразеологических единиц английского языка, характеризующих субъект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1982.
26. Панов М.В. О слове как единице языка // Ученые записки МГПИ. М., 1956.
27. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М., 2007.
28. Прохорова А.А. Теоретические проблемы текста и текстообразования // Вестник Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина. 2007 г. Вып. 1
29. РЯиСО – Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1–4/ под ред. М.В. Панова. М., 1968
30. Серебренников Б.А. Общее языкознание. М., 1970.
31. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006
32. Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Вымышленные языки как гендерные эксперименты // История и филология. Ижевск, 2011.
33. Соловьева Н.В. Текстобразующие функции антонимии (на материале английских антонимов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. Ч. 2.
34. Филатов К.С. Метафора как способ развертывания журналистского текста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015.
35. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.
36. Шувалова О.Н. Вымышленные языки в Интернете. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 10.02.19. М., 2006.

37. Шувалова О.Н. Вымышленные языки и языковые универсалии//Слово. Грамматика. Речь. М., 2010, Вып. 12.
38. Шувалова О.Н. Модели, которые мы выбираем: вымышленные языки в системе современной виртуальной культуры //Слово. Грамматика. Речь. М., 2013, Вып. 14.
39. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
40. Hjelmslev L. Langue et parole. 1942.

© Шувалова Оксана Николаевна (oks-shuvalova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Наши авторы

Abdullina L. – candidate of Philology, Associate professor, Kazan (Volga region) Federal University

Akopyans A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pyatigorsk State University

Aksyutenkova L. – Kuban State University

Babenko I. – Candidate of Philology, North-Caucasian Federal University (Stavropol)

Bagdasarova I. – Senior Lecturer, Moscow State Institute of Steel and Alloys (University of Science and Technology)

Bakina A. – Candidate of Philological Sciences, Oryol State University named after I.S. Turgenev; Doctoral Student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomoso, Arkhangelsk

Balikoeva M. – Candidate of Pediatric Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Vladikavkaz, North Ossetia-A

Bekoeva I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, South Ossetian State University. A.A. Tibilov, Tskhinvali, South Ossetia

Beliaeva Iu. – Senior Lecturer, St. Petersburg State Agrarian University

Besedina A. – postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Chen Xueqing – Graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Chernobrov A. – Doctor of Sciences (Philology), Prof., Novosibirsk State Pedagogical University

Chusuwan Kritsada – Ph.D. in Linguistics, Lecturer at the Department of Russian Philology, Thammasat University, Bangkok, Thailand

Elizarova I. – PhD in Pedagogy, A.I. Herzen State Pedagogical University

Eremin A. – Doctor of Philology, Professor, KSU named after K.E. Tsiolkovsky

Eremin A. – Professor, Doctor of Philology Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Fang Xulong – Master degree candidate, Southeastern University

Fan-Yung G. – PhD of Historical Sciences, Docent, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism (Kazan, Russia)

Our authors

Fedotova I. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Pyatigorsk State University

Gezha R. – Lecturer, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Gorbachevskaya S. – Ph.D., lecturer, Moscow State University

Gorkush S. – Candidate of Historical Sciences, MIREA-Russian Technological University, Russia, Moscow.

Grineva O. – candidate of philosophical sciences, docent, Krasnoyarsk state pedagogical university named after V.P. Astaf'ev

Grishina O. – Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evsevie, Saransk

Gulakova I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev

Ignatenko E. – teacher, Novosibirsk State University of Economics and Management

Kamilyanov A. – postgraduate student, Surgut State University

Kazieva A. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Pyatigorsk State University

Kharchenko N. – Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Khokhlova A. – Samara State Technical University

Krivoshlykova L. – PhD in Philology, associate professor, RUDN University, Moscow

Kuptsova S. – D. in Pedagogy, Associate Professor, A.I. Herzen State Pedagogical University

Kuryanova V. – Ph.D. in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Kuznetsova Ya. – Student, Kazan (Volga region) Federal University

Lavrentieva M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, M.E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University, Saransk

Lin Yang – graduate student, Moscow Pedagogical State University

Lukina M. – candidate of Philology, Associate professor, Kazan (Volga region) Federal University

Lukina M. – PhD in Philology, Researcher, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Lutsenko N. – Senior Lecturer, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)

Lutsyuk V. – Candidate of Agricultural Sciences, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Lv Wenxin – student, Dalian University of Foreign Languages, 116044, Dalian, Liaoning Province, People's Republic of China;

Lysikova Yu. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenyev,

Makalutina Yu. – Senior Lecturer of Physical Culture, MIREA - Russian Technological University, Moscow

Merkish T. – Lecturer, Moscow State University

Mikhalkov V. – Postgraduate student, Moscow State Regional Pedagogical University

Pershin Yu. – Lecturer, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin

Pertsev V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Yelets State University, Yelets city, Russia

Polosina A. – Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk

Potapova V. – Student, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Pushkina A. – PhD in Pedagogy, associate professor, RUDN University, Moscow

Savchenko A. – Kuban State University

Semenova S. – Kuban State University

Shabelsky D. – North-Caucasian Federal University"(Stavropol)

Shipova I. – Doctor of Philology, Moscow State Pedagogical University

Shuvalova O. – Candidate of Philology, Moscow State University M.V. Lomonosov

Silaeva E. – Post-graduate student, Moscow State Pedagogical University

Skoromets E. – Candidate of Sociological Sciences, assistant professor Pacific State University

Smirnov S. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga Institute

Wang Gang – Doctor of Literature, assistant professor, China Research Center for Northeast Asian Languages, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, Liaoning Province, People's Republic of China

Zhang Cuicui – Postgraduate, Moscow Pedagogical State University

Zhirnova E. – Teacher of History, law and Social Studies, Municipal Budgetary Educational Institution M.I.Nedelin Public School №61 (Lipetsk); Master, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Chan-Shansky

Ziablova O. – Doctor of Sciences (Philology), The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).